Учредитель:
НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права»

ISSN 2074-9201

Решением Президиума Российской
Академии естественных наук
от 17 сентября 2007 года
«Вестник Академии права и управления»
награжден Почетной
серебряной медалью В.И. Вернадского

Решением Президиума Российской
Академии естественных наук
от 17 марта 2010 года
«Вестник Академии права и управления»
награжден Почетной
серебряной медалью А.С. Попова

ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ
№ 3 (44)
2016

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал включен в Перечень российских
рецензируемых научных журналов ВАК
и размещен в каталоге научной периодики РИНЦ.

id 28542 РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ Science Index

18+

Редакционный совет

Председатель:

Пузанов Ю.П., *кандидат юридических наук, профессор, действительный член Европейской академии естественных наук, президент Московского института государственного управления и права*

Члены редакционного совета:

Богословский В.И., *доктор педагогических наук, профессор, заместитель проректора по научной работе, начальник Управления подготовки аттестации кадров высшей квалификации Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена;*

Бажанов С.В., *доктор юридических наук, профессор, старший советник юстиции, академик Петровской академии наук и искусств, ведущий научный сотрудник отдела проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере экономики НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации;*

Дорская А.А., *доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург);*

Дэвид Рейнольдс, *действительный член Британской академии наук, профессор истории в Колледже Христа в Кембридже, почетный профессор Колледжа Далвич, Университетов Кембриджа и Гарварда, Небраски, Оклахомы, Нихон (Токио) и По (Париж). В 2004 г. получил премию Вольфсона по истории. С октября 2013 г. возглавляет исторический факультет в Кембридже;*

Мкртумян А.Ю., *заслуженный юрист Республики Армения, доктор юридических наук, председатель Кассационного Суда Республики Армения;*

Радько Т.Н., *заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;*

Рагулина Ю.В., *доктор экономических наук, профессор, заместитель руководителя научно-экспертного центра НИИ системного анализа Счетной Палаты РФ;*

Салихов Б.В., *доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и международного бизнеса Московского государственного лингвистического университета, профессор Московского университета имени С.Ю. Витте, полковник запаса*

Солодуха П.Ф., *доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой Российского государственного социального университета;*

Стрекозов В.Г., *доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке;*

Тарасов А.М., *заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, действительный член РАЕН;*

Тихонов А.В., *доктор социологических наук, профессор, действительный член Российской Академии социальных наук, руководитель Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН;*

Уоррен Кимбол, *почетный профессор исторического факультета Колледжа искусств и наук Рутгерс, профессор Университета Кембриджа;*

Шеремет И.А., *доктор технических наук, профессор, член Военно-промышленной комиссии при Правительстве Российской Федерации;*

Шкодинский С.В., *доктор экономических наук, профессор, начальник отдела НИИ Системного анализа Счетной палаты;*

Ю Синода, *профессор права Университета Хокусэй-Гакуэн, г. Саппоро (Япония).*

Редакционная коллегия:

Главный редактор: В.А. Золотарев доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, действительный государственный советник РФ 1-го класса, президент Ассоциации историков Второй мировой войны

Зам. главного редактора: Н.М. Шкурко, кандидат психологических наук, заслуженный работник высшей школы, консультант НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права»

Научный редактор: Д.А. Пашенцев, доктор юридических наук, профессор, консультант по науке НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права»

Выпускающий редактор: В.Е. Чеботарев, кандидат экономических наук

Технический редактор: М.Ю. Савеличев

Корректор: А.А. Игнашина

© Коллектив авторов, 2016
© НОУ ВПО «МИГУП», 2016

Establisher:
NSEI HPE «Moscow Institute of Public Administration and Law»

ISSN 2074-9201

By decision of the Presidium of Academy
for Natural Sciences of the Russian Federation
from September 17, 2007 «The Bulletin of
Academy of Law and Management» is awarded with
V.I. Vernadsky's Honourable silver medal

By decision of the Presidium of Academy
for Natural Sciences of the Russian Federation
from March 17, 2010 «The Bulletin of
Academy of Law and Management» is awarded with
A.S. Popov's Honourable silver medal

BULLETIN
ACADEMY OF LAW AND MANAGEMENT
№ 3 (44)

2016

SCIENTIFIC JOURNAL

By the decision of the Higher Commission on Attestation Ministry of Education and Science of the Russian Federation. The magazine has been put on the «List of the front-line reviewing scientific magazines and printing editions, where chief scientific results of dissertation researches, pretending to get an academic degree, doctor or candidate of sciences, must be published»

«The Bulletin of Academy of Law and Management» is included in the Russian Science Citation Index (Rints, in Russian), a bibliographic database of scientific publications in Russian at the academic periodicals, based at the eLIBRARY.RU website platform of the Russian Scientific Electronic Library

ACADEMY OF LAW AND MANAGEMENT
BULLETIN № 44
SCIENTIFIC JOURNAL. ISSN 2074-9201

Editorial Board

Chairman:

Puzanov Y.P., *PhD in Law, Professor, Full Member of the European Academy for Natural Sciences, President of the Moscow Institute of Public Administration and Law*

Editor-in-chief:

Zolotarev V.A., *Doctor of Law, Doctor of History, Professor, Full State Counsillor of the Russian Federation, 1-st class*

Members of Editorial Board:

Bogoslovskiy V., *Doctor of Pedagogy, Professor, Deputy of Pro-Rector for Research, Head of Department of Preparation of Merit Rating of Staff of Highest Qualification of the Russian State Pedagogical University named after A. Herzen;*

Bazhanov S., *Doctor of Law, Professor, Senior Counselor of Justice, Member of the Petrovskaya Academy of Arts and Sciences, Leading Researcher of the Department of Issues of Public Prosecutor's Supervision and Consolidation of Legality in the Matter of Economy of the Research Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation;*

David Reynolds, *Full Member of the British Academy of Sciences, Professor of History in Christ College of Cambridge, Honored Professor of Dulwich College, Cambridge and Harvard Universities, Nebraska, Oklahoma, Nikhon (Tokyo), Po (Paris). In 2004 he was awarded the Wolfson History Prize. From October of 2013 he heads the History Faculty at Cambridge;*

Dorskaya A., *Doctor of Law, Professor, Head of Chair of International Law of the Russian State Pedagogical University of A. Herzen (Saint-Petersburg);*

Mkrtumyan A., *Honored Lawyer of the Republic of Armenia, Doctor of Law, Chairman of Court of Cassation of the Republic of Armenia;*

Rad'ko T., *Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor;*

Ragulina Yu., *Doctor of Economics, Professor, Deputy Director of Scientific and Expert Center of the Research Institute of System Analysis of the Account Chamber of the Russian Federation;*

Salikhov B., *Doctor of Economics, Professor, Professor of Chair of Economics and World Business of the Moscow State Linguistic University, Professor of the Moscow Witte University, Retired Colonel*

Sheremet I., *Doctor of Technical Sciences, Professor, Fellow of the Military-Industrial Committee Affiliated of the Russian Government;*
Shkodinskiy S., *Doctor of Economics, Professor, Head of Department of the Research Institute of the Account Chamber;*
Solodukha P., *Doctor of Economics, Professor, Head of Chair of the Russian State Social University;*

Strekozov V., *Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (ret.);*

Tarasov A., *Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Full Member of the Russian Academy for Natural Sciences;*
Tikhonov A., *Doctor of Sociology, Professor, Full Member of Russian Academy of Humane Sciences, Head of the Centre of Sociology of Management and Social Technologies ISRAS;*

Warren Kimbol, *Honored Professor of Historic Faculty of the Ruthgers College of Arts and Sciences, Professor of Cambridge University;*

Yu Sinoda, *Professor of Law of Khokusay-Gakuan University, Sapporo city (Japan).*

Editorial Board

Editor-in chief: Zolotarev V., Doctor of Law, Doctor of History, Professor, 1st Class Full State Counselor of the Russian Federation, President of the Historical Association of the World War Two

Deputy Chief Editor: Shkurko N., PhD in Psychology, Honorary Figure of the Russian Higher Education, Consultant of Non-State Educational Institution of Higher Professional Education "Moscow Institute of Public Administration and Law"

Science Editor: Pashentsev D., Doctor of Law, Professor, Consultant on science of Non-State Educational Institution of Higher Professional Education "Moscow Institute of Public Administration and Law"

Executive Editor: Chebotarev V., PhD in Economics

Make-up Editor: Savelichev M.

Proofreader: Ignashina A.

© Group of Authors, 2016
© Moscow Institute
of Public Administration and Law, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Бажанов С.В.
НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПРОКУРОРА
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ **11**

Дорская А.А.
ХРИСТИАНСКИЕ ЦЕННОСТИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО:
ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ **15**

Радько Т.Н.
ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ФУНКЦИЙ ПРАВА **22**

Тарасов А.М.
ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ
ЗА ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ **31**

Шамаров В.М., Казаков В.Н.
ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЯ **37**

Андреев Б.В., Меркурьев В.В., Ульянов М.В.
ОБ ИЗМЕРЕНИИ СТЕПЕНИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ **41**

Нэдхер Ахмед Мандил, Аль Али Насер Абдель Рахим,
МЕЖДУНАРОДНЫЕ НОРМЫ ПО ОХРАНЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ
И ИХ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВО ВРЕМЯ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ 49

Сылкина С.М.
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ **59**

Перякина М.П., Щуров Е.А.
СПЕЦИФИКА ПОДГОТОВКИ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО **66**

Трунов Ф.О.
ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВООРУЖЁННЫХ СИЛ
ФРГ ВНЕ ЗОНЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НАТО **72**

Елин В.М.
ПРАВОВЫЕ МЕТОДЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В «ОБЛАЧНЫХ» СЕРВИСАХ **78**

Ефимов А.А., Евдошенко В.В.
ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ,
ИМЕЮЩИХ ОСОБУЮ ЦЕННОСТЬ **85**

Аливердиева М.А.
КОНСТИТУЦИОННАЯ ГАРАНТИЯ ПРАВА НАСЛЕДОВАНИЯ
И ЕГО КОНКРЕТИЗАЦИЯ В ПРАВЕ НА СВОБОДУ ЗАВЕЩАНИЯ **90**

Лобода А.Е.
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
В СФЕРЕ РЕГИСТРАЦИИ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО МЕСТУ ПРЕБЫВАНИЯ ИЛИ ПО МЕСТУ ЖИТЕЛЬСТВА В ЖИЛОМ ПОМЕЩЕНИИ **96**

Бакаева М.К.
ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ БРАКА В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ РФ
И СТРАН БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ **100**

Омарова С.И.
ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯХ
В СЕЛЬСКИХ ОБЩЕСТВАХ ДАГЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА **104**

Алиева П.А.
«БАШНЯ КРОВНИКОВ» – К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ КРОВНОЙ МЕСТИ
И ЕЕ АТРИБУТОВ В СОЦИОНОРМАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА **111**

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Салихов Б.В., Салихова И.С.,; Олигова М.Б.
КАЧЕСТВО ОЖИДАНИЯ И ДОВЕРИЯ КАК ФОРМ ПРОЯВЛЕНИЯ
НЕЯВНОГО ЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКЕ **116**

Сафиуллин М.Р., Ельшин Л.А., Галявов А.А.
ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ОЦЕНКИ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-КОНЪЮНКТУРНЫХ ПОТЕНЦИАЛОВ
ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ **124**

Данилина Е.И., Чеботарев В.Е.
ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ
МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В РАЗРЕЗЕ РАЗВИТИЯ
ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА **134**

Хадикова Э.К., Булацева Ф.А., Сидакова М.М.
ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ФАКТОР КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ
ПРЕДПРИЯТИЙ АПК **147**

Бразевич Д.С., Герасимова А.Ю, Заварицкая О.В., Толстикова И.И.
ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЙ «ОРГАНИЗАЦИЯ» И «СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ» **153**

Ковтунович М.Г., Левина Е.В.
О НОВОМ ПОДХОДЕ К КЛАССИФИКАЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ **159**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИКИ

Володарская Е.А., Мещерякова Ю.С., Козьяков Р.В.
МОТИВАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ ВОИНСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ
СОВРЕМЕННОГО ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО **163**

Ивлев А.Н., Алипханова Ф.Н.
МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ
ОФИЦЕРОВ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ **168**

Ахмедханов А.М., Ахмедханова Р.А.
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ
В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ **174**

Корытова М.А., Шунайлова С.А.
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОЙ
КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ МЕНЕДЖЕРОВ **179**

Беленкова Л.Ю.
РАЗВИТИЕ МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА
КАК УСЛОВИЕ ИХ УСПЕШНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ..... **183**

Гаджиева Н.М.
ОСОБЕННОСТИ ВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ПСИХОЛОГОВ
КАК ПРОЦЕСС СПЕЦИАЛЬНО ОРГАНИЗОВАННОГО СТАНОВЛЕНИЯ
ИХ ЛИЧНОСТИ..... **193**

Полешко Р.В.
ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ
ЛИЧНОСТНОГО РОСТА ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ..... **198**

Мищенко И.Е.
ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ КУРСАНТОВ СРЕДСТВАМИ
КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ..... **202**

Гаирбеков М.М.
АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ В ЗДОРОВОМ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ
У СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ..... **206**

CONTENTS

THEORY AND PRACTICE OF SCIENCE OF LAW

Bazhanov S.
SCIENTIFIC-THEORETICAL FRAMEWORK OF THE LEGAL STATUS
OF A PROSECUTOR IN THE CRIMINAL PROCESS OF THE RUSSIAN FEDERATION **11**

Dorskaya A.
CHRISTIAN VALUES AND INTERNATIONAL LAW:
ISSUES OF INTERRELATION AT THE PRESENT STAGE **15**

Rad'ko T.
THE CONCEPT AND FEATURES OF FUNCTIONS OF LAW **22**

Tarasov A.
LEGAL ENSURING OF STATE CONTROL OVER OPERATIONAL-INVESTIGATIVE ACTIVITIES **31**

Shamarov V., Kazakov V.
LEGAL TECHNIQUE: PROBLEMATIC ASPECTS OF THE CONCEPT CONTENT **37**

Andreev B., Merkur'ev V., Ul'yanov M.
ON MEASUREMENT OF THE DIFFERENTIATION DEGREE OF CRIMINALITY
OF EXTREMIST AND TERRORIST ORIENTATION **41**

Nadher Ahmed Mandeel, Al Ali Naser Abdel Raheem
THE RULES OF THE INTERNATIONAL PROTECTION OF THE ENVIRONMENT
AND DEVELOPING THEM IN TIMES OF ARMED CONFLICTS **50**

Sylkina S.
INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF ENERGY RELATIONS:
HISTORICAL ASPECT **59**

Peryakina M., Shchurov E.
SPECIFICITY OF INTERROGATION PREPARATION OF A MINOR AGGRIEVED PERSON **66**

Trunov F.
LEGAL BASIS FOR THE USE OF THE ARMED FORCES OF GERMANY OUTSIDE
THE AREA OF THE NATO'S RESPONSIBILITY **72**

Elin V.
ON THE LEGAL METHODS OF ENSURING INFORMATION SECURITY IN THE "CLOUD" SERVICES **78**

Efimov A., Evdoshenko V.
DETERMINATION FEATURES OF STEALING OBJECTS PRESENTING PARTICULAR VALUE **85**

Aliverdieva M.
THE CONSTITUTIONAL GUARANTEE OF THE INHERITANCE RIGHT
AND ITS SPECIFICATION IN THE LAW ON THE FREEDOM OF TESTAMENT **90**

Loboda A.
CERTAIN ASPECTS OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY IN REGARD
TO THE REGISTRATION OF CITIZENS OF THE RUSSIAN FEDERATION
AT THEIR PLACE OF STAY OR ON THEIR RESIDENCE IN A DWELLING PREMISE **96**

Bakaeva M.
THE FORMATION OF MARRIAGE CONCEPT IN FAMILY LAW
OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE CIS COUNTRIES **100**

Omarova S.
ORGANIZATION AND ACTIVITIES OF THE PUBLIC AUTHORITIES
AND ADMINISTRATIONS IN RURAL SOCIETIES OF THE DAGESTAN REGION
IN THE SECOND HALF OF THE NINETEENTH CENTURY **104**

Alieva P.
"TOWER OF BLOOD ENEMIES" – REVISITING THE KIND OF THE VENDETTA
AND ITS ATTRIBUTES IN THE SOCIO-NORMATIVE CULTURE OF THE PEOPLES OF DAGESTAN **111**

ISSUES OF ECONOMICS AND MANAGEMENT

Salikhov B., Salikhova I., Oligova M.
EXPECTATION QUALITY AND CONFIDENCE AS MANIFESTATION FORMS
OF THE IMPLICIT KNOWLEDGE IN THE MODERN BEHAVIORAL ECONOMICS **116**

Safiullin M., El'shin L., Galyavov A.
ECONOMIC-MATHEMATICAL METHODS OF ASSESSING
THE INSTITUTIONAL-TACTICAL CAPACITIES OF ORGANIZATIONAL-ECONOMIC
DEVELOPMENT OF THE REGIONAL PRODUCTIVE FORCES **124**

Danilina E., Chebotarev V.
EFFICIENCY IMPROVEMENT OF ECONOMIC MANAGEMENT
OF MUNICIPALITIES IN THE TERMS OF FUEL-ENERGY COMPLEX DEVELOPMENT **134**

Khadikova E., Bulatseva F., Sidakova M.
INNOVATION STRENGTH AS A FACTOR OF ENTERPRISES COMPETITIVENESS
OF AGRO – INDUSTRIAL COMPLEX **147**

Brazevich D., Gerasimova A., Zavaritskaya O., Tolstikova I.
THE FORMATION OF «ORGANIZATION" AND " SOCIAL ORGANIZATION» CONCEPTS **153**

Kovtunovich M., Levina E.
ON A NEW APPROACH TO MANAGERIAL DECISIONS CLASSIFICATION **159**

TOPICAL ISSUES OF PEDAGOGY

Volodarskaya E., Meshcheryakova Yu., Koz'yakov R.
MOTIVATIONAL FACTORS OF MILITARY DISCIPLINE
OF A MODERN MILITARY SERVICEMAN **163**

Ivlev A., Alipkhanova F.
THE FORMATION MODEL OF MANAGERIAL COMPETENCE
OF OFFICERS OF THE RUSSIAN INTERIOR MINISTRY TROOPS **168**

Akhmedkhanov A., Akhmedkhanova R.
PSYCHOLOGICAL FEATURES OF INTERPERSONAL
COMMUNICATION IN ADOLESCENT AGE **174**

Korytova M., Shunaylova S.
PEDAGOGICAL CONDITIONS OF ECONOMIC-MATHEMATICAL
COMPETENCE FORMATION OF INTENDED MANAGERS **179**

Belenkova L.
THE DEVELOPMENT OF MOTIVATIONAL SPHERE OF STUDENTS
OF A PEDAGOGICAL HIGHER EDUCATION INSTITUTION AS A CONDITION
OF THEIR EFFECTIVE PROFESSIONAL GROWTH **183**

Gadzhieva N.
FEATURES OF ACADEMIC TRAINING OF INTENDED PSYCHOLOGISTS AS THE PROCESS OF SPECIALLY ORGANIZED BECOMING OF THEIR PERSONALITY **193**

Poleshko R.
PECULIARITIES OF SOCIALLY-PEDAGOGICAL SUPPORT OF PERSONAL GROWTH OF PRESCHOOL CHILDREN WITH DISABILITIES **198**

Mishchenko I.
PREVENTION OF DEVIANT BEHAVIOR OF MILITARY UNIVERSITY STUDENTS BY MEANS OF CULTURAL – LEISURE ACTIVITIES **202**

Gairbekov M.
THE ANALYSIS OF THE CURRENT NEEDS FOR THE HEALTHY WAY OF LIFE FOR THE SENIOR PUPILS **210**

УДК 343.1

Бажанов С.В.,
доктор юридических наук, профессор, академик Петровской академии наук и искусств, старший советник юстиции, ведущий научный сотрудник отдела проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере экономики НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящей статье рассматриваются историко-теоретические и правовые предпосылки становления и развития в отечественном уголовном процессе правового положения прокурора, высказывается предположение о недопустимости одновременного выполнения им функций уголовного преследования и надзора.
Ключевые слова: прокурор, надзор, уголовное преследование, уголовный процесс, преступление

Bazhanov S.,
Doctor of Law, Professor, Academician of the Petrovskaya Academy of Sciences and Arts, Senior Councelor of Justice, Leading Researcher of the Department of Issues of Public Prosecutor's Supervision and Consolidation of Legality in the Matter of Economy of the Research Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation

SCIENTIFIC-THEORETICAL FRAMEWORK OF THE LEGAL STATUS OF A PROSECUTOR IN THE CRIMINAL PROCESS OF THE RUSSIAN FEDERATION

This article concerns historical-theoretical and legal preconditions of formation and development of the legal status of a Prosecutor in the national criminal process and there is put forward an assumption about the inadmissibility to simultaneous performance of its functions of criminal prosecution and supervision.
Keywords: Prosecutor, supervision, criminal prosecution, criminal process, crime

Судебно-правовая реформа, проводившаяся в Российской Федерации на переломе XX – XXI вв., не могла обойти стороной правоохранительные органы, включая прокуратуру, доминирующее положение которой, в условиях новейшего времени, к сожалению, было утрачено. Некоторые её полномочия в сфере уголовного процесса были делегированы суду, что заметно ослабило имевшийся в её распоряжении правовой потенциал в плане позитивного оперативного воздействия на политико-социальную и экономическую ситуацию в стране, а также на государственно-правовую политику в области борьбы с преступностью.

В Информационно-аналитической записке Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации за 2014 г. отмечалось, что, несмотря на отсутствие значительных объективных препятствий для повышения уровня законности при производстве дознания и предварительного следствия на фоне отрицательной динамики зарегистрированных преступлений (в 2012 г. зарегистрировано 2 млн 302,2 тысячи преступлений, что на 4,3% меньше, чем в 2011 г.), в целом сохранялась негативная тенденция ежегодного увеличения количества выявляемых прокурорами нарушений закона в рассматриваемой сфере, в частности, при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, которые составляли большинство от всех выявленных нарушений в досудебных стадиях уголовного процесса (если в 2011 г. прокурорами было выявлено 2 921 344 подобных нарушений, их рост по сравнению с 2010 г. составил 12,3%, то в 2012 г. – 3 428 095, а рост по сравнению с 2011 г. составил уже 17,3%).

При этом обращалось внимание на то, что перечисленные нарушения носили системный характер, проявляющийся в неполноте процессуальных проверок[1] и их фальсификации, укрытии преступлений от учета, волоките, принятии незаконных решений и проч.). По-прежнему распространенным признавался отказ в приеме и (или) регистрации сообще-

[1] В различных источниках используются также выражения: «доследственная проверка», «первоначальная проверка», «предварительная проверка» и т.д., которые следует расценивать в качестве взаимозаменяемых. – *прим. авт.*

ний, абсолютное большинство нарушений (в 2010 г. – 90,2%; в 2011 г. – 89,2%; в 2012 г. – 89,0%) было допущены сотрудниками оперативных подразделений органов внутренних дел, что давало основания утверждать о сохранении отмеченной тенденции в будущем [1], что, собственно, и произошло в 2015 и 2016 гг.

В процессе воздействия на состояние законности прокуроры используют такие прямо не предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством меры, как информационно-аналитические письма и представления, количество которых за период 2010 – 2014 гг. имело тенденцию к росту. В условиях утраты права на возбуждение уголовных дел они стали более эффективно использовать полномочия по осуществлению функции уголовного преследования посредством направления материалов для решения данного вопроса в порядке, предусмотренном п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ. Об этом свидетельствует число возбужденных уголовных дел по указанным материалам, количество которых постепенно увеличивалось (в 2010 г. – 67,0%, в 2011 г. – 70,2%, в 2012 г. – 78,5%, в 2013 г. – 81,4%; в 2014 г. этот показатель достиг 84,6%) [2].

В связи с изложенным научно-теоретическое осмысление места и роли прокуратуры в системе правоохранительных органов Российской Федерации приобретает принципиальное значение для грамотного уяснения ее правового положения, структурно-организационного построения, приоритетных направлений деятельности, а стало быть возлагаемых на неё функций [3].

Постановка проблемы о пределах прокурорского надзора вообще и участия прокуроров в досудебном производстве, в частности, на протяжении последних десятилетий просматривалась в ряде диссертаций, к числу которых можно отнести такие, например, как: Егоров И.М. Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в досудебных стадиях уголовного процесса (дис… канд. юрид. наук. СПб, 2000); Никитин Е.Л. Актуальные проблемы прокурорской деятельности при осуществлении уголовного преследования (дис… канд. юрид. наук. СПб, 2000); Николаева Т.Г. Прокурорский надзор за дознанием (дис…. канд. юрид. наук СПб, 2000); Ашурбеков Т.А. Правовые и организационные основы надзорной и иной функциональной деятельности прокуратуры в сфере национальной безопасности (дис… доктора юрид. наук. М., 2010), Сычёв Д.А. Содержание и реализация прокурором функций надзора и уголовного преследования в досудебных стадиях уголовного процесса (дис… канд. юрид. наук. М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016) и некоторые другие.

Тем не менее сравнительный анализ наиболее комментируемых в теории прокурорского надзора и уголовно-процессуального права функций прокурора, особенностей его юридического статуса в различных стадиях уголовного процесса, в научных исследованиях последних лет изучался все-таки недостаточно. Серьёзные претензии к российским парламентариям можно высказать в связи с нечеткой законодательной регламентацией полномочий прокурора в (до-) судебных стадиях уголовного процесса, что порождает обилие методологически значимых вопросов, не находящих вплоть до настоящего времени однозначного толкования в среде ученых юристов.

Не смолкают дискуссии на предмет семантической состоятельности таких выражений как «обвинение» и «уголовное преследование», трактуемых отдельными авторами в качестве синонимов, о нецелесообразности отождествления понятий «уголовное преследование» и «поддержание государственного обвинения» в суде и т.д.

Согласно ст. 10 Конституции Российской Федерации государственная власть в стране осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. В части, касающейся прокуратуры, нормы Основного закона, как известно, включены в статью 129 главы 7 «Судебная власть», которая, в частности, устанавливает, что прокуратура составляет единую централизованную систему с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору Российской Федерации (п. 1). Сказанное, однако, не означает того, что наряду с судебными органами она (прокуратура) наделяется еще и судебной властью. Специфика её функций не оставляет сомнений на счёт того, что прокуратура не относится к судебной власти, хотя подобные умозаключения в правовой теории уже высказывались. На данное обстоятельство указывается в Рекомендации Парламентской Ассамблеи Совета Европы 1604 (2003) «О роли прокуратуры в демократическом обществе, основанном на верховенстве закона» [4].

Именно поэтому и получается, что передав введение судебных органов отдельные исконно прокурорские полномочия, отечественные преобразователи допустили двоякую ошибку, дискредитировав функцию прокурорского надзора, и, возложив на суд дополнительную (не свойственную ему) функцию контроля.

В российской юридической литературе представлены многочисленные научные труды по прокурорско-надзорной тематике, авторами которых являются такие известные российские ученые как: В. Н. Авдеев, Д. М. Бакаев, А. Н. Балашов, В. И. Басков, С. Г. Березовская, В. Г. Бессарабов, В. П. Божьев, Е. Д. Болтошев, А.Ю. Винокуров, Ю.Е. Винокуров, А. А. Власов, С. И. Герасимов, К. Ф. Гуценко, А. И. Долгова, В. В. Долежан, А. Т. Дугин, О.С. Капинус, Ф.М. Кобзарев, М. А. Ковалев, А. Ф. Козусев, Н. И. Костенко, В. П. Рябцев, С.Б. Соловьев, М. Е. Токарева, А. Г. Халиулин и др.

Тем не менее, метаморфозы правового положения прокурора в российском уголовном процессе, проявляющиеся в последнее время, говорят о том, что тема настоящей статьи продолжает сохранять свою актуальность. Сказанное можно проследить исходя из содержания норм Федеральных законов от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», от 05.06.2007 № 87-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», от 07.02.2011 № 3-ФЗ О полиции» [5] которые продолжают вызывать принципиальные разногласия многочисленных авторов на страницах периодической юридической печати.

Квинтэссенцией настоящей публикации выступают следующие утверждения автора:

обозрение истории становления и развития юридического статуса прокурора в российском уголовном процессе показывает, что основная его функция (надзора), постоянно интерпретировалась вкупе с функциями уголовного преследования и даже руководства им, попеременно давая крен то в ту, то в другую сторону;

термин «уголовное преследование» не имеет собственного юридического содержания, поскольку не выдержан ни с правовой, ни с семантической, ни с этической точек зрения; буквальное его толкование означает «преступное», «криминальное» преследование;

крайне неудачна действующая редакция ч. 1 ст. 37 УПК РФ, отягченная еще и тем, что прокурорское уголовное преследование позиционируется в ней в приложении к уголовному судопроизводству – термину, означающему (с позиций семантики) уголовно-процессуальную деятельность и правоотношения, складывающиеся исключительно в суде;

в редакционной правке нуждается п. 56 ст. 5 УПК РФ, провозглашающий, что уголовное судопроизводство является досудебным и судебным производством по уголовному делу, поскольку уголовный процесс в Российской Федерации начинается не с возбуждения уголовного дела, а с момента регистрации в книге учета сообщений о преступлениях (КУСП) дежурной части органа внутренних дел (другого правоохранительного ведомства) сообщения о признаках уголовно-наказуемого деяния [6];

как активный субъект уголовно-процессуальных правоотношений прокурор не может, да и не должен совмещать в одном должностном лице функции уголовного преследования и надзора за таковым, в силу чего из числа участников уголовного процесса со стороны обвинения его желательно исключить;

легализованный в УПК РФ принцип состязательности породил порочное разделение уголовно-процессуальных функций на: уголовное преследование (обвинение)[2], защиту (от обвинения) и разрешение уголовного дела по существу, нивелировав функцию расследования преступлений, наиболее удачно отражавшую функциональное предназначение следователей, дознавателей, а также их взаимоотношения с прокурорами[3];

термины «уголовное преследование» и «обвинение» взаимозаменяемыми не являются, поскольку первый обозначает уголовно-процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения с целью изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ), а второй - единовременный акт (решение и действие), выраженный в соответствующем процессуальном документе (например, в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, в обвинительном акте или в обвинительном постановлении);в п. 22 ст. 5 УПК РФ обвинение трактуется как утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном настоящим Кодексом;

прокурор не должен и не в состоянии осуществлять в стадии предварительного расследования уголовное преследование по всем без исключения уголовным делам, производство по которым ведут следователи и дознаватели (вне зависимости от их ведомственной принадлежности), работающие в сфере его юрисдикции, особенно, если иметь в виду, что оно (уголовное преследование) представляет собой каждодневную планомерно организованную уголовно-процессуальную деятельность;

прокурор не должен и не в состоянии осуществлять руководство уголовным преследованием по той же категории уголовных дел, тем более что в теории управления аксиоматично утверждение, согласно которому управляют не процессами, а людьми;

основное предназначение прокурора в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования должно сводится к осуществлению надзора (наблюдения), который не следует путать ни с уголовным преследованием, ни с руководством оным; исторически рассматриваемый участник уголовного процесса никакими административными полномочиями в отношении объектов надзора не наделялся, в то время как руководство уголовным преследованием есть область администрирования.

---

[2] Их отождествление совершенно неправомерно. – прим. авт.

[3] Следует заметить, что исключительно следственным путем раскрывается лишь 1,5 – 2,0% зарегистрированных преступлений, что ставит под сомнение обоснованность наименования главной функции следственных органов. – прим.авт.

Список литературы

1. Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2012. М.: Информационно-аналитическая записка, НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2013.
2. Законность: состояние и тенденции в 2010 – 2014 гг. Деятельность прокуратуры по её обеспечению: научный доклад / научн. руковод. О.С. Капинус. М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015.
3. Бажанов С.В. Законодательная регламентация правового положения прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2014. № 3 (41). С. 16 – 21.
4. «О роли прокуратуры в демократическом обществе, основанном на верховенстве закона» // СПС «Консультант Плюс».
5. Свод Законов. 2011. № 7. Ст. 900.
6. Бажанов С.В. Организационно-правовые основы проведения в органах внутренних дел процессуальных проверок сообщений о преступлениях // Научные труды. М.: Российская академия юридических наук. Вып. 15. М.: Издательство «Юрист», 2015. С. 1144 – 1149.
7. Бажанов С.В. Законодательная регламентация правового положения прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2014. № 3 (41).
8. Бажанов С.В. Организационно-правовые основы проведения в органах внутренних дел процессуальных проверок сообщений о преступлениях // Научные труды. М.: Российская академия юридических наук, Вып. 15. М.: Издательство «Юрист», 2015.

Reference list

1. The state and lawfulness and order in the Russian Federation and work of the prosecution authorities. 2012. M.: Information -analytical report, the Research Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2012.
2. Lawfulness: Status and trends in 2010-2014. The activities of the Prosecutor's Office to its ensuring: The research report / Scientific adviser O. Kapinus. M.: Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2015.
3. Bazhanov S. Legislative regulation of the legal status of the Prosecutor in pre-court stages of the criminal process // Bulletin of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 2014.№. 3 (41). P. 16 - 21.
4. "On the role of the Prosecutor's Office in a democratic society based on the rule of law" // Legal Reference System "Consultant Plus".
5. Code of laws. 2011. № 7. Art. 900.
6. Bazhanov S. The organizational-legal framework for the holding the procedural checks of reported crimes in internal affairs authorities // Scientific papers. M.: The Russian Academy of Legal Sciences, LLC Publishing house "Lawyer", 2015. Number 15. P. 1144 - 1149.
7. Legislative regulation of the legal status of a Prosecutor in pre-court stages of the criminal process // Bulletin of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 2014.№. 3 (41).
8. Bazhanov S. The organizational- legal framework for the holding the procedural checks of reported crimes in internal affairs authorities // Scientific papers. M.: The Russian Academy of Legal Sciences, LLC Publishing house "Lawyer", 2015. Number 15.

УДК 341.1/8, 261.6

Дорская А.А.,
доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права
Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ХРИСТИАНСКИЕ ЦЕННОСТИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье раскрываются основные этапы взаимодействия религиозных норм и норм международного права. Проанализированы оценки как юристов, так и церковного сообщества о значение христианских ценностей в развития международного права. Современное взаимовлияние религиозных документов и норм международного права показано на таких примерах, как отношение к преступлению агрессии, системе прав человека, экуменическое движение, отношение к христианам в мусульманских странах. Показано, что в современных документах христианских Церквей содержится оценка международных отношений, раскрывается содержание общепризнанных принципов международного права с точки зрения христианского вероучения.

Ключевые слова: христианские ценности, международное право, международная религиозная организация, религиозная организация, агрессия, экуменизм, права человека

Dorskaya A.,
PhD in Law, Professor, Head of Chair of International Law of the Herzen State Pedagogical University of Russia

CHRISTIAN VALUES AND INTERNATIONAL LAW: ISSUES OF INTERRELATION AT THE PRESENT STAGE

The article describes the main stages of the interaction between religious norms and the norms of international law. There are analyzed assessments both lawyers and Church community about the relevance of Church values in the development of international law. There is shown the contemporary interrelation of religious documents and norms of international law on such examples as the attitude toward crime aggression, the system of human rights, the Ecumenical movement and the biased attitude on Christians in Muslim countries. It is shown, there is contained an assessment of international relations in contemporary documents of Christian Churches and the article reveals the content of the universally recognized principles of international law from the point of view of the Christian doctrine.

Keywords: Christian values, international law, international religious organization, religious organization, aggression, Ecumenism, human rights

Вопрос о влиянии христианских ценностей на международное право имеет на современном этапе огромное теоретическое и практическое значение. Как показывает история, именно в первое двадцатилетие каждого нового века вырабатывается новая парадигма развития, которая будет доминировать приблизительно следующие 100 лет. В 2001 г. человечество вступило не только в новое столетие, но и тысячелетие, поэтому многие процессы протекают болезненно, появляются либо несвойственные предшествующим эпохам проблемы, либо, наоборот, происходит обращение к вопросам, которые, как казалось ранее, уже были решены.

Одной из таких проблем стала возрастающая роль религиозного фактора во всех сферах жизни и во всех регионах. Уже после событий 11 сентября 2001 г. Ю.Хабермас заметил, что мы перешли из секулярного XX века в «постсекулярный мир». События последующих 15 лет показывают, что государственно-конфессиональные отношения во многом определяют уже не только внутригосударственную, но и международную сферу. Наблюдается повышение роли религиозных организаций в странах, которые по Конституции являются светскими (страны постсоветского пространства, Турция и т.д.), религиозные доктрины начинают влиять на институты национального и международного права, которые раньше развивались преимущественно как светские. Достаточно привести в пример финансовую и банковскую сферу. Как отмечает Р.Г. Новикова, в последнее время положения исламской правовой доктрины находят всё более полное отражение в финансовом законодательстве

современных исламских государств. Стремительно развиваются банковские учреждения, в том числе в государствах с иными правовыми традициями [15, с.4]. Так, например, в Казани 24 марта 2016 г. было открыто первое в России полностью исламское банковское учреждение (Центр партнёрского банкинга) [7] .

Высокая роль христианских ценностей при формировании принципов и норм международного права практически никем не оспаривается. Так, ещё в XIX веке немецкий ученый Адольф Гартман полагал, что «первоначальная причина существования международного права – божественный дух, вызванное им общеединичное правовое убеждение народов» [8, с.2]. В XX веке появилось даже мнение, что международное право возникло только с появлением христианства [21, p.4]. Однако это породило следующую проблему, которая отчётливо проявилась ещё при разработке и обсуждении в ООН Всеобщей декларации прав человека. Часть представителей мусульманского мира заявила, что т.к. институты международного права преимущественно формировались в рамках европейской правовой традиции, христианский европейский мир пытается через нормы международного права навязать всему остальному миру свои ценности.

Влияние христианских ценностей на развитие международного права имеет многовековую историю. О влиянии христианских ценностей на международное право (точнее – права народов) можно говорить с издания Миланского эдикта в 313 г. Религиозные нормы стали определять государственную политику во всех сферах, в том числе и правовой, международной и т.д. Так, например, христианские государства возвели в ранг правовых нормы Ветхого Завета, которые до этого являлись лишь нормами иудеев.

Анализ влияния религиозных норм на международно-правовые содержится в разделе XVI «Международные отношения. Проблемы глобализации и секуляризма» Основ социальной концепции Русской Православной Церкви 2000 г. [16]. В них констатируется, что «народы и государства вступают друг с другом в экономические, политические, военные и иные отношения. В результате государства возникают и исчезают, меняют свои границы, объединяются или разделяются; они также создают или упраздняют различные союзы».

Далее приводятся многочисленные исторические свидетельства о построении международных отношений, содержащиеся в Священном Писании.

Один из первых примеров межплеменного договора, заключенного между хозяином земли – Авимелехом – и пришельцем – Авраамом – описывается в Книге Бытия: «Авимелех… сказал Аврааму:.. поклянись мне здесь Богом, что ты не обидишь ни меня, ни сына моего, ни внука моего; и как я хорошо поступал с тобою, так и ты будешь поступать со мною и землею, в которой ты гостишь. И сказал Авраам: я клянусь… И они оба заключили союз» (Бытие. Глава 21. Стих 22-24, 27). Договоры снижали опасность войн и столкновений (Бытие. Глава 26. Стих 26-31; Книга Иисуса Навина. Глава 9. Стих 3-27). Подчас переговоры и демонстрация доброй воли предотвращали кровопролитие (Первая книга Царств. Глава 25. Стих 18-35; Вторая книга Царств. Глава 21. Стих 15-22). Договорами заканчивались войны (Третья книга Царств. Глава 20. Стих 26-34). Библия упоминает о военных союзах (Бытие. Глава 14. Стих 13; Книга Судей Израилевых. Глава 3. Стих 12-13; Третья книга Царств. Глава 22. Стих 2-29; Книга пророка Иеремии. Глава 37. Стих 5-7). Подчас военная помощь приобреталась за деньги и другие материальные ценности (Четвёртая книга Цар. Глава 16. Стих 7-9; Третья книга Царств. Глава 15. Стих 17-20). Соглашение между Соломоном и Хирамом носило характер экономического союза: «Вот, рабы мои будут вместе с твоими рабами, и я буду давать тебе плату за рабов твоих, какую ты назначишь; ибо ты знаешь, что у нас нет людей, которые умели бы рубить дерева так, как Сидоняне… И был мир между Хирамом и Соломоном, и они заключили между собою союз» (Третья книга Царств. Глава 5. Стих 6,12). Путем переговоров через послов обсуждались такие вопросы, как возможность прохождения вооруженных людей через чужие земли (Числа. Глава 20. Стих 14-17; Глава 21. Стих 21-22), территориальные споры (Суд. 11. 12-28). Договоры могли включать передачу территорий одним народом другому (Третья книга Царств. Глава 9. Стих 10-12; Глава 20. Стих 34).

Содержатся в Библии и описания дипломатических хитростей, связанных с необходимостью защиты от могущественного противника (Книга Иисуса Навина. Глава 9. Стих 3-27; Вторая книга Царств. Глава 15. Стих 32-37; Глава 16. Стих 16-19; Глава 17. Стих 1-16). Иногда мир покупался (Четвёртая книга Царств. Глава 12. Стих 18) или оплачивался данью. Бесспорно, одним из средств разрешения споров и конфликтов были войны, упоминаниями о которых изобилуют книги Ветхого Завета. Впрочем, в Священном Писании есть примеры переговоров, нацеленных на избежание войны незадолго до ее начала (Четвёртая книга Царств. Глава 14. Стих 9-10). Практика достижения соглашений во времена Ветхого Завета была основана на религиозно-нравственных принципах. Так, даже договор с гаваонитами, заключенный вследствие обмана со стороны последних, был признан действительным по причине его священной формулы: «Мы клялись им Господом, Богом Израилевым, и потому не можем коснуться их» (Книга Иисуса Навина. Глава 9. Стих 19). Библия содержит запрет на заключение союза с порочными языческими племенами (Исход. Глава 34. Стих 15). Впрочем, древние иудеи отступали

от этой заповеди. Различные договоры и союзы также часто нарушались.

Христианский идеал поведения народа и правительства в сфере международных отношений заключается в «золотом правиле»: «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Евангелие от Матфея. Глава 7. Стих 12).

Взаимоотношения между народами и государствами должны быть устремлены к миру, взаимопомощи и сотрудничеству. Апостол Павел заповедует христианам: «Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми» (Послание к Римлянам. Глава 12. Стих 18).

В период Средневековья влияние религиозных норм на международное право было определяющим. Церковная иерархия Западной Европы была подчинена единому центру – папской курии. В 756 г. была создана Папская область, где папе принадлежала не только духовная, но и светская власть. Папство являлось проводником римских традиций во многих областях, в том числе и международном праве. Опираясь на собственную территорию, располагая огромными материальными средствами с широко раскинутой сетью агентов, папство противопоставляло свое единство и международный авторитет розни и борьбе в раздробленной Европе. Правда, были и отрицательные примеры. Так, папство сыграло серьезную роль в крестовых походах.

Другой христианский центр – Константинополь способствовал распространению христианских ценностей, в основном, в Восточной Европе, Малой Азии, Сирии, Палестине, Египте, части Месопотамии и Кавказа. Именно в Византийской империи появилось такое понятие как церковное право, включающее в себя как церковные каноны, так и светское законодательство по делам Церкви. Во многом это объяснялось тем, что, начиная с правления императора Феодосия II (408-450 гг.), государственные постановления по делам церкви стали входить в состав законодательных кодексов. При императоре Юстиниане в VI в. была провозглашена «симфония властей».

Христианские церковные каноны, ставшие международно-правовыми нормами, были усвоены многими государствами. Например, именно гуманизация правил ведения войны на Вселенских соборах христианской церкви привела к развитию международного гуманитарного права, а оно, в свою очередь, заставило государства пересмотреть содержательное наполнение своей внешнеполитической функции [20, с.131-137] вплоть до отказа от войны как средства разрешения международных споров в XX веке.

Принято считать, что определённый отход от христианских ценностей в международном праве произошёл в годы Тридцатилетней войны в Европе (1618-1648) и после неё. Как отмечает А.М. Егоров, «в целом эта война стала логическим завершением фактически вековой конфронтации между двумя непримиримыми европейскими группировками. Во главе одной из них стояла династия испанских и австрийских Габсбургов, объединивших вокруг себя ряд германских княжеств из так называемой Католической лиги. Второй лагерь первоначально составляли участники Евангелической унии, созданной протестантскими князьями Германии в 1608 г., которые поддерживались извне идейно близкими режимами Англии, Голландии, Дании и Швеции. Однако по мере расширения боевых действий в их логике стали заметны новые тенденции, которые свидетельствовали не столько о религиозном, сколько о геополитическом характере развернувшейся борьбы» [10, с.44].

Главной характеристикой этапа, начавшегося после Тридцатилетней войны, стало то, что в Европе сложилась система суверенных государств, причём суверенитет в это время, в основном, воспринимался как независимость от религиозной власти. Как отмечает В.Д. Зорькин, «положения, закрепленные вестфальскими мирными договорами, остаются незыблемыми…: верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти на территории государства, независимость в международном общении, обеспечение целостности и неприкосновенности территории» [11].

Несмотря на новые принципы государственной и международной жизни, юристы-международники подчёркивали важность религиозных, в основном, христианских ценностей. Так, один из главных юристов-международников XVIII века швейцарец Эмер де Ваттель (1714-1769) писал, что благочестие и религия оказывают существенное влияние на счастье нации. Характеризуя Средние века, учёный и дипломат писал о том, что «стыдно смотреть, до каких пределов глупость и суеверие доводили в эти несчастные времени народы Европы» [6, с.137]. Вопрос о соотношении международных и религиозных норм для Э. де Ваттеля решался однозначно: «Поскольку религия владеет сердцами, она является делом совести, в которой каждый должен руководиться своими собственным сознанием. Поскольку она проявляется вовне и утверждается публично, она является делом государства» [6, с.115]. Учёный и дипломат призывал к тому, что различие религий не должно являться препятствием к оказанию услуг человечности.

В XIX веке выделилось два направления в науке международного права.

Так, один из ярчайших юристов-международников И.Г. Блюнчли относил к достижениям освобождение международного права из-под влияния религии. Ученый писал: «… естественное и международное право не имеют никакой связи с христианским, соединяя все народы без различия вероисповеда-

ний, как членов человечества. Но этот просвещенный взгляд долго не мог проникнуть в действительную жизнь, и полное признание он получил в Европе только весьма недавно. Так называемый Священный Союз имел целью создать и охранять исключительно христианское международное право… Членами Союза были католический император Австрии, протестантский король Пруссии и православный император России. Нации различных вероисповеданий должны были составлять единую христианскую семью. Но международное право все еще оставалось в пределах христианского мира и в Евангелие искало своих основ. Магометанская Турция не вошла еще в систему европейских государств, хотя уже в продолжении столетий европейские государства не раз заключали союзы с Высокой Портой, и только на Парижском конгрессе 1856 г. Турция была признана равноправным членом европейской системы и тем засвидетельствовано общечеловеческое значение международного права» [4, с.25-26].

Однако было и другое направление в науке международного права, признающее продолжающееся влияние христианский ценностей. Выдающийся российский ученый и дипломат Ф.Ф. Мартенс (1845-1909) подчеркивал, что религия на протяжении веков играла разную роль в развитии международного права: «Христианство способствовало сближению народов: в них появилось сознание общности религиозных интересов, поэтому и отношения христианских государств между собой существенно рознятся от того положения, в какое стал христианский мир по отношению к нехристианским государствам» [13, с.4-5]. Он считал, духовная сторона народа выражается прежде всего в его религии; она кладет как бы отпечаток на духовную природу каждого народа, но религиозные интересы не могут быть замкнуты в пределах государственной территории и, переходя эти границы, становится из вопросов внутреннего государственного законодательства – вопросом международным. Таким образом, Ф.Ф. Мартенс признавал необходимость существования международно-правовых стандартов по религиозным вопросам.

В XX веке, пройдя через две жесточайших мировых войны с огромными человеческими жертвами, человечество превратило международное право в достаточно развитую систему правовых норм. Новым ориентиром в развитии международного права стала его гуманизация, т.е. «установление международного порядка, обеспечивающее непосредственное участие народов и индивидов в создание правовых гарантий развития Человека и человечества» [18, с.122].

Необходимо отметить, что в России традиция рассмотрения взаимосвязи христианских ценностей и развития международного права была прервана в советский период. Хотя в период Великой Отечественной войны Русская Православная Церковь показала свою социально-патриотическую позицию [12, с.21], приверженность лучшим идеалам человеколюбия, помогая и государству, которое проводило политику гонения на все религиозные организации в течение более чем 20 лет, и народу, сражавшемуся за свою страну, за свою независимость.

Однако уже в начале 90-х гг. XX века в журнале «Правоведение» были опубликованы статьи Ю.Я. Баскина (1921-2006) «Библия и международное право» [1] и «Новый Завет и становление нового международного права» [2]. Как отмечает Ю.С. Безбородов в специальной статье, посвящённой анализу данных работ, заслуга Ю.Я. Баскина состоит в том, что он доказал «тесную связь международного права и религиозных принципов на основе анализа соотношения основных принципов международного права (норм jus cogens) и библейских заветов» [3, с.94].

На современном этапе христианские ценности и выработанные принципы и нормы международного права находятся во взаимодействии.

Во-первых, христианская культура однозначно оценивает агрессивное поведение людей как проявление дьявольского влияния на человека. Но необходимо отметить, что в других культурах понятие добра и зла могут не совпадать с европейскими, поэтому отношение к насилию является все-таки результатом осмысления ценностей каждого конкретного общества [14, с.40]. Отчасти поэтому в международном праве с таким трудом шла выработка понятия «агрессия». И даже сейчас, когда принята Кампальская поправка 2010 г. к Статуту Международного уголовного суда, содержащая определение преступления агрессии, вопрос отчасти остаётся открытым. Описывая процесс принятия данной поправки, Г.И. Богуш отмечает: «... главным ожидаемым событием и в то же время сенсационным результатом Конференции стало принятие определения преступления агрессии и согласование порядка осуществления юрисдикции МУС. Драматичные события ночи с 11 на 12 июня в часы закрытия Конференции, когда буквально в последние мгновения был достигнут консенсус между, казалось бы, непримиримыми позициями отдельных государств, войдут в историю не только Международного уголовного суда, но и международного права в целом. До этого дня определение преступления агрессии оставалось «великим неизвестным» международного уголовного права» [5, с.89]. Однако, несмотря на важность данной поправки, пока её ратифицировали только чуть более 20 государств.

Во-вторых, большое значение в современных международных отношениях имеют исторические вопросы, которые могут принимать принципиальный характер для государств и народов. Так, на протяжении веков Россия защищала христиан и их интересы

в Османской империи. На современном этапе данная проблема снова стала актуальной. Так, на запланированной 9 августа 2016 г. встрече Президентов Российской Федерации и Турции общественность разных стран предлагает обсудить, в том числе, вопрос об отношении к христианству. Это связано с тем, что в Турции 96 % населения исповедует ислам. Но при этом существует христианская община, на территории страны находятся многие святыни православия, здесь родились и вели свою подвижническую деятельность святой апостол Павел и святой Николай Чудотворец. Поэтому, например, первый отказ за последние десятилетия православным грекам в проведении богослужения 15 августа 2016 г., в день Успения Пресвятой Богородицы, в храме Панагия Сумела [17] воспринимается достаточно болезненно не только внутри страны, но и на международной арене.

В-третьих, в современном мире действует большое количество международных религиозных организаций, которые пытаются аккумулировать христианские ценности. Так, определённым прорывом стала «Хартия экуменизма» («Charta Ecunemica») [19], которая была принята в Страсбурге 22 апреля 2001 г. Разработка этого документа велась несколько лет. Ещё в 1989 г. на Первой европейской экуменической ассамблее в Базеле, а затем на Второй ассамблее 1997 г. в Граце европейским христианским церквам было рекомендовано «выработать общий рабочий документ, в котором описывались бы базовые экуменические права и обязанности». Это должно было помочь руководству и прихожанам церквей выяснить различия между прозелетизмом и христианским свидетельством. Для реализации этой программы была создана рабочая группа, в которую вошли представители Европейского совета епископов (Римско-католическая церковь) и Конференции европейских церквей (православные, протестантские церкви, старокатолическая церковь, свободные церкви Европы). Сейчас «Хартию экуменизма» официально одобрили, по крайней мере на декларативном уровне, большинство традиционных для Европы христианских конфессий – Римско-католическая церковь, православные церкви (Русская, Греческая, Румынская, Вселенский патриархат, Армянская апостольская церковь), а также протестантские церкви (лютеранская, реформатская, англиканская, методистская). В Преамбуле к Хартии отмечается, что «с Евангелием мы хотим отстаивать достоинство человеческой личности, сотворенной по образу Божию, и, как церкви, вместе вносить вклад в примирение между людьми и культурами». Таким образом, это полностью соответствует цели и задачам международного права.

В-четвёртых, современные исследователи подчёркивают, что христианские Церкви внесли большой вклад в развитие системы прав человека. Так, К.В. Горян отмечает, что основоположниками концепции прав человека выступают представители испанской школы международного права. Причём в развитии католической концепции прав человека были даже периоды, когда ее идеи опережали существующую светскую концепцию прав человека. В качестве примера автор приводит озвучивание понтификами Святого Престола проблем, стоящих перед мировым сообществом и предложение путей их решения, основываясь на христианском учении. В частности, экологической проблемы, понимаемой во взаимосвязи прав человека и сохранения среды его обитания [9, с. 47].

В-пятых, христианские Церкви на современном этапе не только не отрицают принципы и нормы международного права, но и пытаются объяснить их с точки зрения вероучения.

Например, в уже упоминавшихся Основах социальной концепции Русской Православной Церкви 2000 г., в разделе XVI, даётся следующая характеристика современных международных отношений и их регулирования.

«…Православные христиане должны помнить, что «не в силе Бог, а в правде». Вместе с тем, если кто-либо действует вопреки справедливости, то восстановление её нередко требует ограничительных и даже силовых действий по отношению к другим государствам и народам... Православные христиане и их сообщества призваны стремиться к созиданию таких международных отношений, которые служили бы максимальному благу и удовлетворению законных интересов собственного народа, сопредельных наций и всей общечеловеческой семьи.

При всем понимании неизбежности международных споров и противоречий в падшем мире, Церковь призывает власть имущих разрешать любые конфликты путем поиска взаимоприемлемых решений...

Свои отношения с внешним миром государства основывают на принципах суверенитета и территориальной целостности...

...необходимо признать полезность создания межгосударственных союзов, имеющих целью объединение усилий в политической и экономической областях, а также совместную защиту от внешней угрозы и помощь жертвам агрессии... С другой стороны, нельзя недооценивать опасности расхождений между волей народов и решениями международных организаций...

Церковь ставит вопрос о всестороннем контроле за транснациональными корпорациями и за процессами, происходящими в финансовом секторе экономики... » [16].

Таким образом, безусловно, христианские ценности оказали значительное влияние на развитие международного права. Многие принципы и нормы международного права не только не противоречат

христианскому вероучению, но и имеют его в качестве своего истока. На современном этапе можно констатировать, в целом, положительную динамику. Христианские религиозные организации восприняли многие глобализационные вызовы и пытаются найти решения, опираясь, в том числе, на принципы и нормы международного права. Государства в свою очередь как на национальном, так и международном уровнях пытаются выстраиваться с христианскими религиозными организациями партнёрские отношения. Межцерковный диалог так же способствует решению многих современных проблем и должен нарастать.

Список литературы

1. *Баскин Ю.Я.* Библия и международное право // Правоведение. 1991. № 5. С.40-48.
2. *Баскин Ю.Я.* Новый Завет и становление нового международного права // Правоведение. 1991. № 6. С.75-81.
3. *Безбородов Ю.С.* Религиозные начала в международном праве // Московский журнал международного права. 2005. № 2 (58). С.93-98.
4. *Блюнчли И.К.* О значении и успехах новейшего международного права. СПб., 1867. 56 с.
5. *Богуш Г.И.* Обзорная конференция по Римскому статуту: новые горизонты международного уголовного правосудия // Сравнительное конституционное право. 2010. № 5 (71). С.87-95.
6. *Ваттель Э.* Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1960. 719 с.
7. В Казани открылось первое в России первое полностью исламское банковское учреждение // http://www.banki.ru/news/lenta/?id=8804094 (Дата обращения: 08.08.2016 г.).
8. *Гартман А.* Институты практического международного права в мирное время, с особым применением к государственному устройству и управлению Германии (Institutionen des praktischen Volkerrechts in Friendenszeiten mit Rucks chtauf die Verfassung und Gesetzgebund desdeutschen Reichs) / пер. О.О. Эйхельмана. СПб., 1877. 10 с.
9. *Горян К.В.* Вклад Католической Церкви в развитие международного права прав человека // Международное право. 2016. № 2. С.47-57 // http://e-notabene.ru/wl/article_18375.html (Дата обращения: 08.08.2016 г.).
10. *Егоров А.М.* Влияние Тридцатилетней войны на развитие базовых принципов международного права (1618-1648) // Международное публичное и частное право. 2007. № 3 (36). С. 44-48.
11. *Зорькин В.Д.* Апология Вестфальской системы // Российская газета. 2004. 13 июля.
12. *Каменских Н.А., Пашенцев Д.А.* Взаимоотношения государства и Русской Православной Церкви в период Великой Отечественной войны // Вестник Академии права и управления. 2015. № 39. С. 21-25.
13. Конспект международного права, составленный по курсу профессора Санкт-Петербургского университета Ф.Ф. Мартенса. 1880-1881. Литография. Б/м., б/г.
14. *Мякинченко Д.А.* Институционализация политического насилия в глобализирующемся мире. Дис. ... к.пол.н. Ростов-на-Дону, 2016. 156 с. // http://uriu.ranepa.ru/informatsiya-o-zashchitakh.html (Дата обращения: 08.08.2016 г.).
15. *Новикова Р.Г.* Теоретические основы правового регулирования финансовых отношений в исламском праве. Дис. ... к.ю.н. М., 2016. 215 с. // http://www.izak.ru/theme/upload/dissertaciya-novikova_f3948e520cac43657570267 60897e913.pdf.
16. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви 2000 г. // Русская Православная Церковь. Отдел внешних церковных связей // http://www.mospat.ru/ru/documents/social-concepts/xvi/ (Дата обращения: 07.08.2016 г.).
17. Путина призывают обсудить с Эрдоганом положение христиан // Аргументы недели. 2016. 8 августа // http://argumenti.ru/o_chem_pishut_kollegi/2016/08/462366 (Дата обращения: 08.08.2016 г.).
18. *Тузмухамедов Р.А.* Гуманизация международного права (Ко второй годовщине Делийской декларации 1986 г.) // Советское государство и право. 1988. № 11. С.114-122.
19. Хартия экуменизма // Ортодоксия и гетеродоксия. Материалы по межконфессиональным связям // http://www.ortho-hetero.ru/doc-ecum/157 (Дата обращения: 07.08.2016 г.).
20. *Шутько Д.В.* Религиозный аспект в армии России XVII – начала XIX вв. // Вестник Академии права и управления. 2015. № 40. С.131-137.
21. *Visscher Ch.* Theory and Reality in Public International Law. Princeton: Princeton University Press, 1957. 381 p.

Reference list

1. *Baskin Yu.* Bible and International Law // Jurisprudence. 1991. № 5. P.40-48.
2. *Baskin Yu.* New Testament and the establishment of a new international law // Jurisprudence. 1991. № 6. P.75-81.
3. *Bezborodov Yu.* Religious principle in international law // Moscow Journal of International Law. 2005. № 2 (58). P.93-98.
4. *Blyunchli I.* On the significance and success of latter-day international law. SBR., 1867. 56 p.
5. *Bogush G.* Review conference of the Rome Statute: New horizons of international criminal justice // Comparative constitutional law. 2010. № 5 (71). P.87-95.
6. *Vattel E.* The Law of Nations or the Principles of Natural Law Applied to the Conduct and to the Affairs of Nations and of Sovereigns. M.: State publishing house of legal literature, 1960. 719 p.

7. The first in Russia, the first fully Islamic banking institution have been opened in Kazan // http://www.banki.ru/news/lenta/?id=8804094 (Date of access: 08.08.2016).
8. *Hartmann A.* The practical institutions of international law in time of peace, with particular application to the state structure and management of Germany (Institutionen des praktischen Volkerrechts in Friendenszeiten mit Rucks chtauf die Verfassung und Gesetzgebund desdeutschen Reichs) / Translation by O. Eikhel'man. SBR., 1877. 10 p.
9. *Goryan K.* The contribution of the Catholic Church in the development of international human rights law // International Law. 2016. № 2. P.47-57 // http://e-notabene.ru/wl/article_18375.html (Date of access: 08.08.2016).
10. *Egorov A.* The impact of the Thirty Years War (1618-1648) to the development of the basic principles of international law // International Public and Private Law. 2007. № 3 (36). P. 44-48.
11. *Zor'kin V.* Apologia of the Westphalian System // Rossiyskaya Gazeta. 2004. 13.07.
12. *Kamenskikh N., Pashentsev D.* Relations between the state and the Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War // Bulletin of Academy of law and management . 2015. № 39. P. 21-25.
13. Summary of international law, drawn up by the course F. Martens, professor of Saint Petersburg University. 1880-1881. Lithography. B/m., b/g.
14. *Myakinchenko D.* The institutionalization of political violence in a globalizing world. Thesis of PhD in Political Sciences. Rostov-on-Don, 2016. 156 p. // http://uriu.ranepa.ru/informatsiya-o-zashchitakh.html (Date of access: 08.08.2016).
15. *Novikova R.* The theoretical foundations of the legal regulation of financial relations in Islamic law. Thesis of PhD in Law. M., 2016. 215 p. // http://www.izak.ru/theme/upload/dissertaciya-novikova_f3948e520cac43657570267 60897e913.pdf.
16. The foundations of Social Conception of the Russian Orthodox Church in 2000 year // The Russian Orthodox Church. The Department for external Church relations http://www.mospat.ru/ru/documents/social-concepts/xvi/ (Date of access: 07.08.2016.).
17. They called V. Putin to discuss the situation with Christians with T. Erdogan // Argumenty nedeli. 2016. 8th of August // http://argumenti.ru/o_chem_pishut_kollegi/2016/08/462366 (Date of access: 08.08.2016).
18. *Tuzmukhamedov R.* Humanization of international law (The Second Anniversary of the Delhi Declaration of 1986) // Soviet State and Law. 1988. № 11. P.114-122.
19. The Charter of Ecumenism // Orthodoxy and Heterodoxy. Proceedings on interfaith relations // http://www.ortho-hetero.ru/doc-ecum/157 (Date of access: 07.08.2016).
20. *Shut'ko D.* The religious aspect in the Russian army of XVII - XIX centuries // Bulletin of Academy of law and management. 2015. № 40. P.131-137.
21. *Visscher Ch.* Theory and Reality in Public International Law. Princeton: Princeton University Press, 1957. 381 p.

УДК 340.1

Радько Т.Н.,
доктор юридических наук, профессор, ректор Московского института государственного управления и права

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ФУНКЦИЙ ПРАВА

В статье автором анализируются, уточняются, развиваются, углубляются положения о понятии функций права, функциях отраслей, институтов, норм права и т.д. Наибольшее внимание уделяется вопросу понятия и признакам функций права. Обозначен новый подход к проблеме, углублено обоснование разграничения функций права на основные (собственно – юридические) – регулятивную и охранительную и на социальные – экономическую, политическую и идеологическую.
Ключевые слова: функции, категории, классификация, правовые категории, термины, нормы, право, исследование, познание, объект, методология

Rad'ko T.,
Doctor of Law, Professor, Rector of the Moscow Institute of Public Administration and Law

THE CONCEPT AND FEATURES OF FUNCTIONS OF LAW

In the article the author analyzes, specifies, develops, deepens the regulations on the concept of functions of law, functions of the branches, institutions, norms of law and more. The greatest attention is paid to the issue of the concept and features of functions of law. There is denoted a new approach to the issue as well as there is deepened substantiation of differentiation of functions of law on the core (actually legal) – regulatory and protective, on social–economic, political and ideological.
Keywords: functions, categories, classification, legal categories, terms, norms, law, research, cognition, object, methodology

Известно, что одной из важных методологических предпосылок успешного научного исследования является выработка понятия, правильно выражающего сущность исследуемого предмета. Юридическая наука создала большую систему юридических понятий, отражающих различные стороны сущности и формы права. Эти понятия с одной стороны закрепляют достигнутый уровень познания права, с другой, являются своего рода исходными ступенями для дальнейших исследований, для выработки новых категорий, понятий и определений, отражающих многостороннее проявление сущности права.

К сожалению, в литературе нет единого взгляда на понятие функций права и единого подхода к их классификации, что в известной мере отрицательно сказывается на их исследовании, т.к. отсутствие четкого научного понятия и единого критерия классификации всегда усложняет познание исследуемого объекта.

Убедиться в этом не представляет особого труда, если проанализировать источники (книги, учебники, статьи, в которых рассматривается категория «функция права») [1].

Подобная многочисленность смыслов понятия «функция права» может привести в конечном счете к упущению его действительного назначения, неверному определению его места в понятийном аппарате юридической науки, снижению его научной ценности.

Ведь познание права должно протекать адекватно правовой действительности, соответственно её развитию. Поэтому правовые категории, отражающие закономерности правового развития, не являются простыми формальными его отражениями. По своему содержанию, в конечном итоге, они объективны и развиваются в направлении все более полного и точного отражения правовой действительности. Правовые категории – это содержательные, предметные, научные представления, которые должны воспроизводить идеально (в мышлении) объективную суть реальных процессов и отношений правовой действительности и выражать их специфически качественную правовую определенность [2].

Для исследования в качестве исходного пункта всегда очень важно установить правильную формальную дифеницию, поскольку она позволяет наметить те рамки, в которых мы сможем затем углубиться в сущность предмета, отражаемого данным понятием, и за пределы которых мы не должны выходить во избежание элементарных логических ошибок [3].

На важность установления правильного понятия изучаемого явления обращал внимание еще Б. Спиноза. Он писал: «требуется такое понятие вещи,

или определение, чтобы из него, когда она рассматривается одна, а не в соединении с другими, можно было вывести все свойства вещи» [4].

Хотя здесь допущено некоторое преувеличение действительной роли понятия, нельзя не обратить внимания на подчеркивание Спинозой важной методологической функции научного понятия, состоящей в ее основоположности для вытекающих свойств и явлений отображаемого объекта.

Поэтому еще раз приходится отметить, что формулирование понятия функции права имеет важное значение в плане методологическом. От того, как определять функции права, зависит и вопрос как их изучать, что в них главное, что второстепенное, чем они сходны с близкими понятиями и чем существенно отличаются от них [5].

Руководствуясь положением о роли понятий в познании мира можно сказать, что правовые категории – это ступеньки выделения правовой действительности, узловые пункты, помогающие познавать ее и овладевать ею [6]. Правильно образованное, подлинное научное, новое понятие обладает большой ценностью, но его понятийно-служебная роль проявляется в полную силу лишь с того момента, когда оно начинает функционировать в качестве одного из звеньев научного аппарата, в системе и наряду с другими понятиями, отражающими качественно-определенную сторону объективной реальности [7].

Если бы при исследовании права не использовались новые категории, мы не смогли бы переходить от познанных правовых явлений к непознанным (что является необходимым моментом процесса познания вообще). Ведь объективная реальность – это не только то, что познано, но и то, что еще не познано [8].

Как появление всякого понятия, так и создание понятия «функция права» в ходе развития человеческого познания факт не случайный, а необходимый. Необходимость его возникновения обусловлена тем обстоятельством, что развитие общей теории права, а также и отдельных отраслей юридической науки, раскрывает новые стороны, связи и отношения между общественными отношениями и правом, которые уже не могут быть объяснены существующими в юридической науке понятиями.

Диалектический подход позволяет утверждать, что каждое понятие – продукт исторически развивающегося познания, которое, поднимаясь с низшей ступени на высшую, резюмирует на основе практики добытые результаты во все более глубоких понятиях, совершенствует, уточняет старые и формулирует новые понятия. Именно поэтому понятия не статичны, не окончательны, не абсолютны, а находятся в состоянии развития, изменения, прогрессируя в сторону адекватного отражения действительность [9].

Вопрос о функциях различных социально-экономических явлений неоднократно рассматривался в работах философов, экономистов, юристов. К. Маркс писал о функциях капитала, денег [10]. Ф. Энгельс указывал на социальную функцию государства [10]. В.И. Ленин утверждал, что эксплуататоры нуждаются в двух функциях – попа и палача [11]. В его работах также имеются указания на функции государственного аппарата [11]. Подход основоположников диалектического материализма к познанию функций рассматриваемых общественных явлений не абстрактный, а конкретно-исторический. Вопрос о социальных функциях они рассматривают в тесной связи с классово-политическими отношениями, преодолевая тем самым идеализированный подход к реальным общественным отношениям, свойственный многим западным социологам [12].

Таким образом, объективность и научность познания функций общественных явлений, означает, что во главе угла должно лежать требование о неразрывной связи функций с сущностью исследуемых общественных явлений. Данное требование полностью относится к исследованию функций государства и права.

В науке понятие «функция» употребляется в самых различных значениях, каждая из наук использует эту категорию для отражения и характеристики действия изучаемых явлений.

В математике под функцией понимается зависимость между некоторыми количественными характеристиками. В других науках функция понимается как направленное действие какой-либо системы (кибернетика) работа органа или системы органов (биология).

В юридической науке термин «функция» стал активно употребляться в конце 19-начале 20 вв. для характеристики социальной роли государства и права.

Таким образом, термин «функция» очень многозначен. Он приложим ко всем без исключения динамическим структурам. Это обусловлено многогранностью выражаемых им отношений, а также спецификой познавательных задач тех наук, в которых использовался этот термин (математика, биология, социология). Но, так или иначе, в большинстве случаев с функцией связывается направленное, избирательное воздействие системы (структуры, целого) на определенные стороны внешней среды [13].

Наиболее близкое к понятию функция права – функция государства так же рассматривается как основное направление его деятельности.

При анализе любых явлений природы или общества, прежде всего, возникает вопрос, что представляет собой данное явление в целом, а потом уже исследуются его отдельные стороны, особенности, характер, специфика развития и т.п. [14]. Поэтому прежде чем приступить к исследованию отдельных функ-

ций права нужно дать общее определение функции права. А чтобы оно было применимо к другим функциям права (общеотраслевым, неосновным и т.д.) необходимо включить в него все главное, основное, самое существенное.

В тоже время следует иметь в виду, что общее определение отражает отдельную функцию не во всей ее полноте, оно охватывает лишь ее осные качества [15]. Поэтому нельзя преувеличивать возможности общего определения оно не может быть безграничным.

Данное требование не учитывает В.Г. Смирнов, считающий, что понятие «функция права» синтезирует задачи и способы регулирования общественных отношений, определяет в единстве цели и методы регулирования. Но поскольку, – далее пишет он, – задачи (цели) и методы (способы) правового регулирования не могут быть поняты без уяснения структуры и содержания предмета, на который воздействует право, постольку понятие функции права фактически отражает в совокупности предмет, задачи и метод регулирования [16]. Понятие функции права, предложенное В.Г. Смирновым, чрезмерно усложнено. В него включаются и цель, и методы, и предмет регулирования, т.е. предлагается очень широкий подход, при котором не трудно упустить качественную особенность, специфику рассматриваемого понятия – это, во-первых. А во-вторых, – есть ли смысл включать в понятие функции права задачи, предмет и метод правового регулирования? Ведь это самостоятельные правовые феномены, имеющие собственное назначение, занимающие строго определенное место в системе категорий общей теории права. Одно дело их взаимосвязь с функциями права и другое их поглощение, как это усматривается из позиции В.Г. Смирнова. Представляется, что включение предмета и метода в качестве структурных элементов функции права приведет к неоправданному усложнению рассматриваемой категории и не приблизит нас к ее пониманию, поскольку получается, что функция права – это нечто составленное из нескольких правовых понятий, а не самостоятельная правовая категория.

На неоправданно разноплановый (разноструктурный) подход В.Г. Смирнова к определению функции права обращает внимание профессор В.Д. Филимонов. Он правильно пишет, что не следует во внутренней структуре функций права объединять разноплановые элементы – задачи правового регулирования и метод правового регулирования [17].

Кроме того, если связывать функции права только с правовым регулированием, то это невольно исключает их взаимосвязь с правовым воздействием, которое является одним из решающих компонентов функции права.

Более правильными являются высказывания тех философов, которые считают, что рассмотрение функционирования в отрыве от субстрата, на основе которого оно осуществляется, не может быть беспредельным. (См. например, А.Н. Кочергин. Моделирование мышления. М., 1968, с. 59).

Именно понимание функции как определенного направления воздействия (а не регулирования) дает возможность выделять у права, например, идеологическую функцию. Вот почему позиция В.Г. Смирнова не может быть использована для формулирования понятия функции права и установления ее содержания.

Н.Г. Александров говорит о нормативной функции права, суть которой, по его мнению, – состоит в том, «чтобы предотвращать коллизии между проявлениями инициативы различных лиц, между инициативой одного лица или организации и более общими интересами общества» [18].

Как усматривается из приведенной цитаты, функция права здесь понимается в смысле значения нормы как общего правила поведения для различных субъектов права, возможно, для различия нормативного и казуального регулирования. Такая точка зрения имеет право на существование, если выяснять роль правовых норм в их классическом варианте. Но если подходить к проблеме функций права с более широких позиций, она уже не может удовлетворить исследователя.

Ю.А. Емельянов считает, что под функцией права следует понимать его основное назначение в жизни общества, его роль в регулировании общественных отношений, активное, упорядоченное и строго целенаправленное воздействие на них [19]. Т.е. он функции фактически отождествляет с ролью права в общественной жизни. Понятие функции права с ролью права в обществе связывает В.Д. Филимонов, считающий, что функция права – это социальная роль, которую оно выполняет в организации (упорядочении) общественных отношений, определяемая направленностью и методом их правового регулирования [20]. С ролью права связывают понимание функций и другие авторы. Так Ю.Г. Ткаченко под функциями права понимает конкретную роль (действие) права по организации общественных отношений [21]. Но «функция права» и «роль права» не совпадающие понятия.

Термин «роль права» говорит скорее о значении права в жизни общества, государства вообще, либо на определенном этапе их развития. Отвечая на вопрос: какова была (или будет) роль права на том или ином этапе развития общества, либо в решении тех или иных задач, неизбежно придется обращаться к выяснению осуществляемых правом функций, которые как раз и характеризуют социальное значение (роль) права. «Роль права» более общее по отношению к «функции» понятие. Таким образом, здесь обнаруживается несовпадение, различие рассматриваемых понятий.

Проблема функций права рассматривалась и в учебной литературе. Удачно, на наш взгляд, раскрыто содержание понятия «функция права» в учебнике «Теория государства и права» под редакцией А.И. Денисова. «Понятие функции социалистического права, – говорится в учебнике, – раскрывает назначение его в определенной сфере общественных отношений, показывает направления воздействия права и тем самым конкретизирует характеристику по его роли». Но, к сожалению, итоговое определение функции права, данное в учебнике, не отразило всех этих существенных моментов, свойственных функции права. Авторы определили функцию только как «назначение права для определенного вида общественных отношений» [22].

Дать описание определенных черт функции права пытался Б.В. Щетинин. В зависимости от характера правового воздействия государственно-правовых норм на общественные отношения социальная функция государственного права (как и права вообще), – пишет он, – проявляется в закреплении соответствующих социалистическому праву норм, в использовании их для регулирования полезных обществу отношений и воспитании советских граждан [23].

Приведенное определение социальной функции государственного права (с попыткой распространительного ее толкования) страдает существенными недостатками. Во-первых, здесь допущено смешение воедино нескольких функций государственного права (и права вообще), т.е. отсутствует необходимая логическая стройность классификации. Закрепление норм, использование их в регулировании и воспитании – это свойства разного порядка и стремление свести их в единую функцию противоречит научным принципам построения понятий.

Во-вторых, в этом определении упущено одно из важнейших свойств права – наличие в нем обеспечиваемых государственным принуждением санкций и соответственно способность права запрещать, пресекать нежелательные обществу действия людей, т.е. его охранительные начала.

Термин функция права нередко употребляется и с целью подчеркнуть какое-либо значение или роль права в обществе. Например, А. Нашиц считает, что право в силу своей социальной обусловленности осуществляет функцию «достижения относительного равновесия между социальными интересами, сталкивающимися в рамках жизненных отношений» [24].

С.С. Алексеев понимает под функциями права направления правового воздействия [25].

А.Я. Рыженков, говоря о понятии функции права, считает, что правильнее говорить не о направлении правового воздействия, а о правовом воздействии в определенном направлении [26]. Ему обоснованно возражает А.И. Абрамов, полагая, что применительно к функциям права четкое разграничение понятий «направление правового воздействия» и «правовое воздействие в определенном направлении» не имеет существенного значения, поскольку оба они выражают совершенно одно и то же, только разными терминами [27].

Некоторые ученые возражают против определения функций права в качестве направлений правового воздействия на общественные отношения, поскольку считают они, суждения о направлениях влияния права без указания конкретных объектов и результатов такого влияния оказываются труднопроверяемыми, носят во многом умозрительный характер [28]. Подобная категоричность не имеет должных оснований. Объект правового воздействия – это общественные отношения, социальная жизнь, сознание и воля людей. Поэтому ни о какой «умозрительности» по отношению к объекту правового воздействия речь идти не может, правильно пишет А.И. Абрамов. Что касается результатов влияния права на социальную действительность, то они лежат за пределами понятия функции, которое включает только то, что непосредственно характеризует функцию права, отражает исключительно ее специфику. Результаты правого воздействия, несомненно, связаны с функциями права. «Однако взаимосвязь различных явлений не дает оснований для того, чтобы включать одно самостоятельное явление в состав другого» [27]. По мнению А.И. Абрамова функции права – это внутреннее, присущее праву явление, определяемое ролью (назначением) права в обществе, представляющее собой основные (главные) напрвления его воздействия на объективную реальность и выражающие связь права с иными явлениями социальной дествительности [29].

Достаточно широкое определение понятия функций права предлагает В.М. Шамаров: функции права – это основные направления юридического (правового) воздействия на общественные отношения и поведение людей, выражающие связь права с реалиями бытия, присущие тому или иному историческому этапу развития общества и государства и базирующиеся на сущности и природе права в целях упорядочения, урегулирования и придания обществу необходимой стабильности, единства и динамизма [1]. В данном определении автор стремился отразить все, что так или иначе относится к функциям права. При этом упущено важное требование к определениям – краткость.

Несколько отличающееся от многих подходов к понятию функций права предлагает В.Н. Синюков. Он определяет функцию права как правовую характеристик социокультурной реальности общества и отдельных его компонентов [31]. Однако данное определение пока не получило признания в теории права.

А.И. Бобылев фактически поддерживает предложенное нами понятие функции права. Он пишет:

«Во-первых, функция права представляет собой реализацию сущности и социального назначения права. Во-вторых, функция права обозначается как основное, главное направление правового воздействия на общественные отношения. В-третьих, понимание функций права связывается одновременно с социальным назначением, социальной ценностью права и основными направлениями его воздействия на общественные отношения и поведение людей. В-четвертых, функции права представляют собой один из элементов механизма воздействия права на состояние общественных отношений с целью их упорядочения. Таким образом, функции права – это основные направления воздействия права на состояние общественных отношений, выражающие сущность и социальное назначение права с целью их упорядочивания» [32].

Соглашаясь с пониманием функций права – как определенного направления воздействия на общественные отношения, которое характеризует социальное предназначение права в правовой системе общества, П.А. Гук считает, что данное определение позволяет отразить целенаправленность, однородность моментов воздействия любого явления в процессе его функционирования, а поэтому может быть положено в основу понимания функций судебной практики [33].

И.Е. Фарбер под основными функциями права понимает его социальное назначение или основные направления воздействия на сферу общественных отношений [34].

Как видно из приведенных высказываний все авторы, затрагивавшие данную проблему, определяют функцию права или как его социальное назначение или как основное направление воздействия. Принципиальных возражений против понимания функции права как его социального назначения быть не может, поскольку рассматривать функционирование права в обществе в отрыве от его социального назначения невозможно. Вместе с тем возможно и другое понимание функции права, исходящее не из отождествления назначения права и его функции, которое несколько ближе к смыслу употребляемого термина «функция».

При понимании функции права как его социального значения или основного направления воздействия отождествляются тесно взаимосвязанные, но вместе с тем, несовпадающие категории, каждая из которых имеет собственное значение и выполняет определенную методологическую роль при определении понятия функции права.

Дело в том, что как социальное назначение права, так и основные направления его воздействия на общественные отношения, взятые в отдельности, не исчерпывают собой понятия функции права. Если под функцией права понимать только его социальное назначение, то подобное понятие будет носить слишком общий характер. Во-первых, сам термин «социальное назначение» употребляется в нескольких смыслах. Во-вторых, мы по существу ограничиваем его целями и задачами, которые призвано решать право, т.к. назначение характеризует право с точки зрения того, что должно оно делать (какие решать задачи) в соответствии со стоящими перед правом целями.

Напротив, при понятии функции права только как основного направления воздействия на общественные отношения, упускается из виду направляющий момент этого воздействия – социальное назначение права. Здесь имеется опасность сосредоточить внимание на второстепенных вопросах, потерять главное, основное.

В этой связи приходится констатировать нецелесообразность отождествления, либо противопоставления основных направлений воздействия социальному назначению права и наоборот.

Представляется, что основные направления воздействия права на общественные отношения всегда осуществляются в соответствии с его социальным назначением. Поэтому невозможно полностью раскрыть назначение права, если не обратиться к анализу основных направлений его воздействия на общественные отношения. Точно также исследование направлений этого воздействия предполагает первоначально выяснение социального назначения права, которое предопределяет основные направления правового воздействия. Именно из социального назначения права логически вытекают основные направления его воздействия на общественные отношения.

Понятие функции права должно охватывать одновременно как назначение права, так и вытекающие из этого направления его воздействия на общественные отношения. Поэтому раскрывая содержание какой-либо функции права, необходимо постоянно иметь ввиду связь назначения права с основными направлениями его воздействия и наоборот – зависимость последних от назначения права. Собственно функция права – это реализация его социального назначения.

Исследование основных направлений воздействия права на общественные отношения составляет продолжение, развитие вопроса о социальном назначении права.

Таким образом, сказанное выше дает основание полагать, что понятие «функция права» собирательное. Его нельзя сводить или только к назначению, или только к направлениям воздействия.

Функция права – это единство двух моментов:

а) социального назначения права;

б) основных направлений его воздействия на общественные отношения [35].

Во взаимодействии этих моментов социальное назначение выступает в качестве определяющего фактора. Оно предопределяет наиболее существенные, главные черты основных направлений воздействия, которые, несмотря на многогранность, различные формы проявления, методы правового регулирования и т.п., приобретают благодаря назначению известное единство.

Доминирующая роль социального назначения права по отношению к основным направлениям воздействия, состоит в том, что оно определяет главные, коренные, исторические задачи. Это не конкретные, временные, текущие задачи, а задачи, имеющие всеобщий, комплексный, перспективный и постоянный характер, существующие, как правило, целый период в развитии общества [36].

Категории «социальное назначение» и «функция права» очень близкие, но не тождественные [37].

Будучи определяемым экономическими, политическими и идеологическими факторами, социальное назначение обеспечивает необходимое взаимодействие, согласованность, наконец, целенаправленность основных направлений воздействия права на общественные отношения, т.е. выступает в качестве «организующего начала» этого процесса. Отсюда стабильность и единство осуществляемых правом функций на том или ином этапе его развития.

Одним из важнейших признаков функции права является ее динамизм, движение, действие. Еще Гете говорил: «Функция – это существование мыслимое нами в действии». Но динамизм функции не означает отсутствия в ней стабильности, постоянства, устойчивости и целенаправленности. Именно эти свойства придает ей социальное назначение, которое выступает существенным, постоянным качественным признаком каждой правовой функции.

Социальное назначение предопределяет цель, задачи, объект, длительность осуществления той или иной функции.

От социального назначения права, зависит также содержание его функций, поскольку содержание вообще представляет собой совокупность всех сторон, процессов и элементов, входящих в предмет (явление). А такие составляющие элементы функции как, например, формы, правовые методы регулирования, нормы, правоотношения в конечном счете, всегда есть продукт социального назначения права.

Процесс реализации функций права также является процессом воплощения в жизнь социального назначения права. История развития права показывает, что оно создается для того, чтобы действовать, осуществлять не хаотичное, безразличное или бесцельное влияние на общественные отношения, а упорядоченное, целенаправленное и прежде всего в интересах политических сил, стоящих у власти. Лишь в последние десятилетия в некоторых странах право стало действовать в интересах человека и общества. Это стало возможным, когда право превратилось из классового инструмента в инструмент демократического общества. Функция это целеустремленное действие права по руслу, указанному его социальным назначением. Причем действие, осуществляемое в течение длительного периода, постоянное, а не временное, эпизодическое, т.е. характеризующее, не отдельный момент в жизни права, а целый исторический этап. Ведь общесоциальное назначение, определенные социальные цели и задачи существуют длительное время. Они изменятся лишь с изменением исторической обстановки, с выполнением определенных задач.

Социальное назначение, будучи глубинным по своему источнику, имеет и очень дальние «точки действия». Оно проявляется во всех правовых явлениях, содержится во всех нормах права, доводится до самых конечных объектов (пределов) действия права.

Следует иметь в виду, что социальное назначение в функциях проявляется не прямолинейно и непосредственно, а трансформируясь в соответствии со специфическими свойствами права, приобретает затем юридический характер (вид, форму и т.п.). Отсюда возможное частичное несовпадение назначения и основных функций права.

Функция – это проявление специфических свойств права. В функции аккумулируются такие признаки права, которые вытекают из его качественной самостоятельности, а не вообще любые признаки, свойственные не только праву, но и другим частям механизма социального регулирования. Учет именно этого обстоятельства позволит в дальнейшем при классификации функций права выделить собственно-юридические функции, характеризующие право как качественно самостоятельную часть в системе социального регулирования.

Бесспорно, функции права имеют экономическую, политическую и идеологическую направленность, т.е. нельзя исключать «присутствие» социального назначения в функциях права. Но нельзя и непосредственно вывести из него собственно-юридические функции права, не упустив при этом их юридическую качественность.

Необходимо указать на некоторые признаки, характеризующие функцию права как определяемое социальным назначением основное направление его воздействия на общественные отношения:

1. Функция права вытекает из его сущности и определяется назначением права в обществе на определенном этапе его развития.

2. Она представляет направление его активного воздействия на определенный вид общественных отношений.

3. Функция права – это такое направление его воздействия на общественные отношения потребность в осуществлении, которого порождает необходимость существования права как социального явления. В этом смысле можно сказать, что функция характеризует направление безусловного, необходимого воздействия права, т.е. такого, без которого общество на данном этапе своего развития обойтись не может.

4. Функция выражает наиболее существенные, главные черты права вытекает из самой его природы и направлена на осуществление коренных задач, стоящих перед правом на данном этапе его развития.

Поскольку функцию права мы связываем с основными направлениями воздействия права на общественные отношения, необходимо уточнить, что понимается под направлением воздействия права.

Воздействие права категория, характеризующая пути, формы и способы влияния права на общественные отношения. Это реализация правовых принципов, установлений, запретов, предписаний и норм в общественной жизни, деятельности государства, его органов, негосударственных организаций и граждан.

Пути, формы и способы воздействия права разнообразны и многочисленны. Основные направления содержат соответственно не какие-либо частные моменты, или отдельные случаи воздействия, они концентрируют его общие черты и свойства, включают в себя совокупность его существенных признаков, представляют «широкое русло течения права».

Анализ функций – это анализ основных черт, свойств, существенных признаков воздействия, это «широкоформатное» отражение правовой действительности.

Каждая из функций характеризует одно из основных направлений воздействия, а система функций дает нам представление о действии права в целом.

Направление воздействия является ответной реакцией права на потребности общественного развития (социальных необходимостей), оно строится в соответствии с законодательной политикой, которая концентрирует эти потребности и трансформирует их в право.

Направление воздействия является как бы проекцией всей системы или большинства отраслей права на общественные отношения. Оно включает в себя многочисленные и разнообразные правовые явления – отрасли, институты, нормы, правоотношения, способы правового регулирования (запреты, дозволения, рекомендации, поощрения, санкции).

Но оно не включает, как считает В.Г. Смирнов, предмет регулирования, который является внешним фактором по отношению к функции права и представляет собой объект воздействия, а не его составную часть.

В литературе высказано возражение против определения функции как основного направления воздействия права на том основании, что невозможно провести разграничение «основного» и «неосновного» [39].

Думается, что подобное возражение необоснованно. Критерии такого разграничения выявить можно. Если функции права называть применительно к любому направлению воздействия, то это приведет к неопределенному числу функций права самого различного порядка (существенных, несущественных, главных, второстепенных, постоянных, временных и т.п.).

Как уже отмечалось, понятием «основное направление» мы подчеркиваем главный, постоянный, устойчивый, свойственный всем, а не отдельным отраслям права, достаточно отчетливый, сущностный вид воздействия права на общественные отношения. Перечисленные характерные признаки не относятся ко всякому и любому правовому воздействию, т.е. в наличии или отсутствии их и обнаруживается главное и неглавное (неосновное) направление воздействия права.

Как уже было показано, функция права – это направление его необходимого воздействия на общественные отношения, предопределяемого потребностью общественного развития. Она характеризует собой основное направление воздействия права в целом, а не какой-либо его отдельной части (отрасли, института и т.п.).

В плане общей теории права более правильно следует говорить об основных функциях права, а не просто о функциях, поскольку еще имеются такие направления воздействия права на общественные отношения, к которым не относятся указанные нами признаки, т.е. они не направлены на осуществление главных, коренных задач, стоящих перед правом, не определяются изначально социальным назначением права, не имеют сущностного характера, не обладают признаком всеобщности и т.п.

Таким образом, основными функциями права следует считать такие его функции, которые вытекают из его сущности, являются выражением социального назначения права в целом, соответствует его главным, коренным задачам и которые присущи ему в течение всего времени существования и развития, т.е. имеют для него постоянный характер [40].

Разумеется, постоянство как признак основной функции права не означает застоя, инертности этой функции. Воздействие права на общественные отношения всегда активно, находится в динамике.

Постоянство как необходимый признак основной функции характеризует непрерывность, длительность действия этой функции. О постоянном характере основных функций права можно говорить в том смысле, что они постоянно присущи праву на определенном этапе его, но это не означает, что неизменным остается их механизм и формы осуществления, которые изменяются и развиваются более быстро, в соответствии с потребностями практики.

Список литературы

1. *Шамаров В.М.* Функции права: их содержание и классификация в современной учебной литературе // Вестник Академии права и управления, 2013. № 30. С.9-20.
2. *Васильев А.М.* Диалектическая связь категорий общей теории права // Советское государство и право.1974. № 1. С. 11.
3. *Кедров Б.М.* Оперирование понятиями в диалектической и формальной логике. Диалектика и логика. Формы мышления. М., 1972. С. 48.
4. *Луи де Бройль.* По тропам науки. М., 1962. С. 352.
5. Энциклопедия философских наук. М., 1974. С. 345.
6. *Ленин В.И.* Поли. собр. соч., т. 29, С. 85.
7. *Иоффе О.С.* Логические пределы понятий юридического лица, оперативного управления, хозяйственного обязательства // Правоведение. 1972. № 6. С. 105.
8. Актуальные проблемы диалектической логики. Алма-Ата, 1971. С. 293.
9. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., т. 8, С. 259.
10. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч.Л, ч.П.
11. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., т. 26, С. 237.
12. *Казимирчук В.П.* Право и методы его изучения. М., 1965. С. 15.
13. *Свидерский В.И., Зобов Р.А.* Новые философские аспекты элементно- структурных отношений. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1970. С. 42.
14. *Трошин Д.М.* Методологические проблемы современной науки. М., 1966. С.24.
15. *Андреев И.Д.* О методах научного познания. М.,1968. С.97.
16. *Смирнов В.Г.* Функции советского уголовного права: автореф. дис…. д-ра юрид. наук. М., 1965. С. 9.
17. *Филимонов В.Д.* Охранительная функция уголовного права. Спб.: Юридический центр Пресс, 2003. С.49.
18. *Александров Н.Г.* Право и законность в социалистическом обществе. М., 1961. С. 252.
19. *Емельянов Ю.А.* Право в системе социального управления: автореф. дис….канд. юрид. наук. Л., 1975. С.6.
20. *Филимонов В.Д.* Охранительная функция уголовного права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 50.
21. *Ткаченко Ю.Г.* Методологические вопросы теории правоотношений. М., 1980. С.34.
22. Теория государства и права. М.: Изд-во МГУ, 1967. С. 255.
23. Курс советского государственного права / под ред. Б.В. Щетинина, А.Н. Горшенева. М., 1973. С. 13.
24. *Нашиц А.* Правотворчество: теория и законодательная техника. М.: Прогресс, 1974. С. 122.
25. *Алексеев С.С.* Проблемы теории права. Курс лекций : В 2 т. Т. 1, Свердловск,1972. С. 94.
26. *Рыженков А.Я.* Компенсационная функция советского гражданского права. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1983. С.8.
27. *Абрамов А.И.* Теоретические и практические проблемы реализации функций права: Монография. Самара.: Офорт, 2008. С.30.
28. *Пугинский Б.И.* Функции гражданско-правовых средств // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1980. № 1. С.13.
29. *Абрамов А.И.* Понятие функций права // Журнал российского права. 2006. №2.
30. *Синюков В.Н.* Функции права. Теория государства и права: Курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1999. С.155.
31. *Бобылев А.И.* Понятие, принципы и функции права // Право и политика. 2004. №4. С.12-13.
32. *Гук П.А.* Судебная практика как форма судебного правотворчества в правовой системе России. Дисс. д-ра юрид. наук. М., 2013. С.264.
33. *Фарбер И.Е.* О воспитательной функции общенародного права // Советское государство и право. 1963. № 7. С.39.
34. *Синюков В.Н.* О функциях права. Вопросы теории государства и права. Вып.9. Саратов, 1991.
35. Милкова Д.А. Регулирующая функция на социалистического права. София, 1984. С. 42.
36. *Милкова Д.А.* Понятие за функциете на социалистическото право // Правна мысл. 1972. № 5. С.20.
37. *Алексеев С.С.* Общая теория социалистического права. Курс лекций: В 4-х вып. Вып. 1. Свердловск, 1963. С. 128.
38. *Байтин М.И.* Сущность права. М., 2005. С. 168.

Reference list

1. *Shamarov V.* Functions of law: Content and classification in contemporary educational literature // Bulletin of Academy of law and management. 2013, № 30. P.9-20.
2. *Vasil'ev A.* The dialectical relation of the categories, general theory of law // Soviet State and Law. 1974. № 1. P. 11.
3. *Kedrov B.* Handling concepts in dialectical and formal logic. Dialectics and logic. Forms of thought. M., 1972. P. 48.
4. *Louis de Broglie.* Along the Walkway of Science. M., 1962. P. 352.

5. Encyclopedia of philosophical Sciences. M., 1974. P. 345.
6. *Lenin V.I.* Complete set of works, Vol. 29, P. 85.
7. *Ioffe O.* The logical limits of concepts of a legal entity, operational management, economic obligation // Jurisprudence. 1972. № 6. P. 105.
8. Actual issues of dialectical logic. Alma-Ata, 1971. P. 293.
9. *Lenin V. I.* Complete set of works, Vol. 8, P. 259.
10. *K. Marx and F. Engels.* Works. Vol. 25.
11. *Lenin V. I.* Complete set of works, Vol. 26, P. 237.
12. *Kazimirchuk V.* Law and methods of its study. M., 1965. P. 15.
13. *Sviderskiy V., Zobov R.* New philosophical aspects of the elements of the structural relations. L.: Publishing office of the Leningrad State University, 1970. P. 42.
14. *Troshin M.* Methodological issues of contemporary science. M., 1966. P. 24.
15. *Andreev I.* About the methods of scientific cognition. M., 1968. P. 97.
16. *Smirnov V.* The function of the Soviet criminal law. M., 1965. P. 9.
17. *Filimonov V.* The protective function of criminal law. SBR.: Yuridicheskiy Tsentr Press, 2003. P. 49.
18. *Aleksandrov N.* Law and legality in a socialist society. M., 1961. P. 252.
19. *Emel'yanov Yu.* Law in the system of social management.Synopsis of a thesis of PhD in Law. L., 1975. P.6.
20. *Filimonov V.* The protective function of criminal law. SBR.: Yuridicheskiy Tsentr Press, 2003. P. 50.
21. *Tkachenko Yu.* Methodological issues in the theory of legal relations. M., 1980. P. 34.
22. Theory of state and law. M.: Publishing office of the MSU. 1967. P. 255.
23. The course of Soviet state law / Under the editorship of B. Shchetinin and A. Gorshenev. M., 1973. P. 13.
24. *Naschitz A.* The lawmaking: theory and lawmaking technique. M., 1974. P. 122.
25. *Alekseev S.* Issues of theory of law. The course of lectures: In 2 volumes. Sverdlovsk, 1972. Vol. 1. P. 94.
26. *Ryzhenkov A.* The compensation feature of the Soviet civil law. Saratov: Publishing office of the Saratov University, 1983. P. 8.
27. *Abramov A.* Theoretical and practical issues of realization of functions of law: Monograph. Samara.: Ofort, 2008, P. 30.
28. *Puginskiy B.* Functions of civil-legal means // Bulletin of the Moscow University. Series 11. Law. 1980. №. 1. P. 13.
29. *Abramov A.* The concept of functions of law // Journal of the Russian Law. 2006. №. 2.
30. *Sinyukov V.* The function of law. Theory of state and law: Course of lectures / Under the editorship of N. Matuzov and A. Mal'ko. M., 1999. P. 155.
31. *Bobylev A.* The concept, principles and functions of law // Law and Politics. 2004. №. 4. P. 12-13.
32. *Guk P.* Court practice as a form of judicial lawmaking in the Russian legal system. Thesis of Doctor of Law. M., 2013. P. 264.
33. *Farber I.* About educational function of nationwide law // Soviet State and Law. 1963. № 7. P. 39.
34. *Sinyukov V.* On the functions of law. Issues of theory of state and law. Number 9. Saratov, 1991.
35. *Milkova D.* The regulatory function of the socialist law. Sofia, P. 42.
36. *Milkova D.* The concept for function on the socialist law //Right thought. 1972. № 5. P. 20.
37. *Alekseev S.* The General theory of the socialist law. The course of lectures: In 4th numbers. Number 1. Sverdlovsk, 1963. P. 128.
38. *Baytin M.* The essence of the law. M., 2005. P. 168.

УДК 347

Тарасов А.М.,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации,
заслуженный сотрудник ОВД РФ

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

В статье рассматриваются актуальные организационно-правовые вопросы, связанные с осуществлением государственного контроля за оперативно-розыскной деятельностью, вносятся предложения, направленные на совершенствование правового обеспечения госконтроля за обеспечением законности, прав и свобод человека и гражданина при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Ключевые слова: субъекты государственного контроля, Президент РФ, Правительство РФ, Федеральное Собрание РФ, прокуратура, права и свободы, гражданин, оперативно-розыскная деятельность, Закон об ОРД

Tarasov A.,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of the Department of Internal Affairs of the Russian Federation

LEGAL ENSURING OF STATE CONTROL OVER OPERATIONAL-INVESTIGATIVE ACTIVITIES

In this article we consider topical organizational - legal issues, concerning performance of state control over operational-investigative activities, put forward suggestions focused on elaboration of legal ensuring of state control over provision of lawfulness, rights and liberties of a person and a citizen during operational-investigative actions.

Keywords: subjects of state control, President of Russian Federation, Government of Russian Federation, Federal Assembly of Russian Federation, Public Prosecutor's Office, rights and liberties, citizen, operational-investigative activities, Law "On Operational-Investigative Activities"

Признание человека и гражданина, его прав и свобод является высшей ценностью и ведущим принципом российского права, о чем, в частности, свидетельствует ч.1 ст. 17 Конституции РФ, в которой признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права. Кроме того, в ст. 2 Конституции определено: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Эта же идея содержится в ч. 1 ст. 45 Конституции: «Государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется».

В соответствии с п. «а» ст. 71 Конституции РФ осуществление *контроля* за соблюдением федеральных законов относится к ведению Российской Федерации. В развитие этого положения приведем редакцию ст. 11 Конституции, в которой перечислены органы государственной власти в стране: «Государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание Российской Федерации (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации».

Перечисленные выше органы уполномочены осуществлять внешний (вневедомственный, надведомственный) государственный контроль за исполнением требований федеральных законов, других нормативных правовых актов и принятых государственных решений.

В России контрольно-надзорным органам, составляющим неотъемлемую часть общей системы органов государственной власти, традиционно отводится важная роль в обеспечении законности, прав и свобод человека и гражданина. Об этом, например, свидетельствует проведенное Президентом РФ с членами Правительства РФ 22.07.2016 г. совещание по теме: «Совершенствование контрольно-надзорной деятельности» [1].

Очередное рассмотрение данной темы под эгидой главы государства подчеркивает её актуальность и значимость, поскольку сегодня особо востребованным является выработка принципиальной

государственной позиции о путях развития существующей организационно-правовой системы госконтроля, в том числе в части создания органам госконтроля некоторых ограничений в объемах проводимой ими работы. Об этом, в частности, свидетельствует послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 3 декабря 2015 года, где глава государства заявил: «Надо, наконец, отказаться от самого принципа тотального, бесконечного контроля. Отслеживать ситуацию нужно там, где действительно есть риски или признаки нарушений [2].

При этом считаем, необходимо иметь в виду, что ограничение контрольных мероприятий не должно негативно сказываться на качестве госконтроля, являющегося обязательной функцией и элементом системы государственного управления, а также средством обратной связи. Как известно, госконтроль направлен на достижение целей государственного управления, включая обеспечение законности в стране, защиты прав и свобод человека и гражданина, в том числе в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности (далее по тексту – ОРД). И такие цели достигаются в результате эффективного контроля за исполнением требований нормативных правовых актов и принятых решений.

Отметим, что Президент РФ неоднократно отмечал важность выполнения законов и подзаконных актов *госслужащими, включая сотрудников и военнослужащих правоохранительных органов.* В частности, в одном из посланий Федеральному Собранию РФ он подчеркивал: «На государственной службе нужны профессионалы, для которых единственным критерием деятельности является закон. Иначе государство открывает дорогу коррупции. И может наступить момент, когда оно просто переродится, перестанет быть демократическим» [3]. Кроме того, глава государства отмечал: «Закон должен быть суров к тем, кто сознательно пошел на тяжкое преступление, нанес ущерб жизни людей, интересам общества и государства. И конечно, закон должен быть гуманен к тем, кто оступился» [4].

К основным задачам внешнего государственного контроля относятся: своевременное и в полном объеме выявление отклонений в работе подконтрольных органов, в том числе правоохранительных; выработка и принятие необходимых мер по устранению отклонений и предупреждению их в будущем а, в конечном счете – обеспечение в деятельности государственных органов единства принятого решения и его своевременного и качественного исполнения. Поэтому выявление в ходе контроля нарушений в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина при осуществлении правоохранительными органами ОРД не является самоцелью контрольных органов. Важнейшими задачами, стоящими перед госконтролем, являются также разработка, и принятие мер, направленных на устранение причин и условий совершения отклонений и их предупреждение в будущем (превентивная цель).

Конечной же целью госконтроля за ОРД является повышение эффективности борьбы с преступностью в стране, но при соблюдении законности, обеспечении прав и свобод человека и гражданина.

В настоящее время нередко, особенно в СМИ, поднимаются вопросы повышения эффективности организации и применения спецслужбами форм и методов ОРД по своевременному установлению и задержанию правонарушителей, особенно лиц, связанных с подготовкой и совершением террористических акций. Наиболее часто упоминаются события, связанные с терроризмом на Северном Кавказе, а также с необходимостью дальнейшего усиления борьбы с экономической преступностью и коррупцией.

Общеизвестно, что преступный мир сегодня ведет себя активно, недостаточно ослабевает его организованность и профессионализм. В свое время на почве передела собственности во многом произошло сращивание криминала, теневого бизнеса и некоторой части представителей властных структур. Под контролем организованных преступных сообществ (ОПС) осталась немалая доля экономического потенциала и финансовых ресурсов государства. Более того, авторитеты преступного мира и бизнесмены от криминальных дел в расчете сохранить и приумножить свои капиталы по-прежнему стремятся сами либо продвигают своих ставленников в органы власти.

Выступая на итоговом заседании коллегии МВД России в 2016 г., глава государства подчеркнул, что базовая задача по выходу на качественно новый уровень работы всей системы МВД, обеспечение кардинального перелома ситуации с преступностью пока не решена. В 2015 году зафиксирован почти 9% рост числа преступлений. Как и раньше, остаётся нераскрытым практически каждое второе преступление. В зоне особой ответственности – борьба с экстремизмом и терроризмом [5].

На наш взгляд, наиболее подверженными экономической преступности по-прежнему остаются кредитно-финансовая система, рынок недвижимости, оборот сырьевых и энергоресурсов, автомобильный, алкогольный, табачный и продовольственный рынки. Как и ранее, прибыльными являются контроль над незаконной миграцией, проституцией, незаконным оборотом оружия и боеприпасов, а также наркобизнес, хищение и контрабанда антиквариата. Так, оборот нелегальной наркоторговли ежегодно составляет многие десятки миллиардов долларов.

Значительный коррупционный фактор проявляется в тендерах и госзакупках. В 2015 году размер

причиненного преступлениями коррупционной направленности материального ущерба составил более 43 млрд рублей, в 2014 году – немногим свыше 39 млрд рублей. В первом полугодии 2016 года он составил почти 28,5 млрд рублей [6].

Все активнее и масштабнее заявляет о себе кибепреступность, особенностью которой является её высочайшая латентность, возможно, порядка 99,9 процента. Так, только АО «Лаборатория Касперского» ежесуточно выявляется и уничтожается в среднем порядка 100-125 тыс. вредоносных объектов (программ). Отметим, что Сбербанк объем ущерба, который кибермошенники нанесли России в 2015 году, оценил в размере 70 млрд руб. По данным АО «Лаборатория Касперского», кибермошенники с помощью различного рода кибератак ежегодно по всему миру наносят ущерб порядка в $100 млрд. Управление «К» МВД России в 2015 г. выявило международное сообщество, которое пыталось поставить под угрозу безопасность всей российской банковской системы. На момент задержания злоумышленники готовили операцию, целью которой являлось хищение денежных средств практически из всех банков Российской Федерации [7]. Однако статистика совершенных киберпреступлений, в том числе в сфере экономики, в конкретной постановке, к сожалению, не ведется.

Учитывая ситуацию с преступностью в стране, полагаем, что в настоящее время представляется крайне востребованной дальнейшая активизация работы правоохранительных органов, осуществляющих ОРД, именно на перечисленных выше направлениях противодействия криминалу. Именно перечисленные криминальные сферы должны быть в постоянном поле зрения субъектов ОРД и органов госконтроля.

Актуальность и необходимость рассмотрения вопросов госконтроля за состоянием ОРД сегодня связана и с тем, что в практической работе субъекты ОРД имеют реальные возможности при отсутствии эффективного госконтроля за их деятельностью осуществлять оперативно-розыскные мероприятия (далее по тексту – ОРМ) в нарушение гарантированных Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина, а в определенных случаях, используя специальную тактику (технические средства), проводить ОРМ в интересах хозяйствующих субъектов в целях личного обогащения, а не в интересах личности, общества и государства.

В этой связи внешний государственный контроль является важнейший фактором, способствующим улучшению деятельности правоохранительных органов и их подразделений-субъектов ОРД в борьбе с преступностью, а также механизмом превенции (предупреждения) отклонений в деятельности правоохранительных органов.

Как показывает анализ нормативных правовых актов, к субъектам ОРД относятся специальные подразделения правоохранительных органов исполнительной власти, наделенных полномочиями по проведению оперативно-розыскных мероприятий (см. таблицу ниже):

При этом следует сказать, что эффективность борьбы с различного вида преступлениями и коррупцией во многом зависит от совершенства законодательства, факторов экономического характера, профессиональных и моральных качеств сотрудников, осуществляющих борьбу с преступностью от состояния финансового, организационного, технического, информационного и научно-методического обеспечения деятельности правоохранительных органов – субъектов ОРД.

Для достижения целей, направленных на активизацию противодействия преступности крайне

№	Федеральные органы исполнительной власти, уполномоченные осуществлять ОРД	Нормативные правовые акты, регламентирующие проведение ОРД
1	МВД России	ФЗ «О полиции» от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ (ст. 6, п.1; ст. 8, п. 1; ст. 12, п. 9, 10; 18; ст. 13, п. 10).
2.	Федеральная служба безопасности РФ	ФЗ «О Федеральной службе безопасности» от 03.04.1995 г. № 40 (ст. 9; 9.1; 10; 11 п.«б».
3	Федеральная служба внешней разведки РФ (ст. 11 ФЗ «О внешней разведке»)	ФЗ «О внешней разведке» от 10.01.1996г. N5 (ст. 4, 6, 13, 19).
4	Федеральная служба охраны РФ	Указ Президента РФ «Вопросы Федеральной службы охраны Российской Федерации» (п.12, п.п. 41, 49; п. 13, п.п.1).
5	Федеральная таможенная служба РФ	ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации» от 21.07.1997 г. № 114 (ст. 7.1).
6	Федеральная служба исполнения наказаний РФ	Указ Президента РФ «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» от 13 октября 2004 г. № 1314 (п.7, п.п.4, абз. 4).
7	Главное разведывательное управление Минобороны России (ст. 11 ФЗ «О внешней разведке»)	ФЗ «О внешней разведке» от 10.01.1996 г. № 5 (ст. 4, 6, 13, 19).

важно использование всего арсенала сил и средств субъектов ОРД. В то же время необходимо учитывать, что ОРД по своему характеру, способам и средствам достижения цели не может не ограничивать определенных прав и свобод человека и гражданина. Кстати, возможность такого ограничения предусмотрена, в частности, ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, где установлено: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

Под обеспечением соблюдения конституционных прав человека и гражданина нужно понимать четкое и неукоснительное следование нормам Федерального закона от 12 августа 1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности», [8] а также ведомственных нормативных актов правоохранительных органов, регламентирующих основания и порядок (тактику и методику) проведения оперативно-розыскных мероприятий, соблюдение условий и использования средств, исключающих незаконное ограничение прав и свобод человека и гражданина.

Согласно ст. 2 Закона Об ОРД основные задачи данной деятельности состоят в выявлении, предупреждении, пресечении и раскрытии преступлений, а также в установлении лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда. Кстати, в ст. 5 данного Закона прописаны обязанности субъектов ОРД по соблюдению прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий. В частности, субъекты ОРД при проведении оперативно-розыскных мероприятий должны обеспечивать соблюдение прав человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, неприкосновенность жилища и тайну корреспонденции. Лицо, полагающее, что действия органов, осуществляющих ОРД, привели к нарушению его прав и свобод, *вправе обжаловать эти действия в вышестоящий орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, прокурору или в суд.*

В соответствии с действующими нормативными правовыми актами, как отмечалось выше, проводить оперативно-розыскные мероприятия (ОРМ) уполномочены только правоохранительных органов исполнительной власти: МВД России, Федеральной службы безопасности (ФСБ России), Федеральной службы охраны (ФСО России), Федеральной службы внешней разведки ФСВР), Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России), Федеральной таможенной службы (ФТС России), Главного разведывательного управления (ГРУ) Минобороны России. Еще раз подчеркнем, что в этих правоохранительных органах данную деятельность уполномочены осуществлять только определенные подразделения, являющиеся субъектами ОРД и работающие в них сотрудники и военнослужащие, имеющие специальные «допуски» для осуществления оперативно-розыскных мероприятий.

Как отмечалось, Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» субъектам ОРД (их сотрудникам, военнослужащим) предоставлены значительные возможности при проведении оперативно-розыскных мероприятий, в частности, связанные с ограничениями конституционных прав человека и гражданина. При этом согласно требованиям, ст. 8 Закона об ОРД проведение ОРМ, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, допускается на основании *судебного решения* и при наличии у субъектов ОРД установленной в Законе соответствующей информации.

Получение предварительной *судебной санкции* для осуществления указанных оперативно-розыскных мероприятий не является обязательной мерой на начальном этапе. Специальный орган (субъект ОРД) вправе осуществлять в установленных случаях свои полномочия, но только с последующим в течение 24 часов уведомлением суда (судьи). Как правило, такое уведомление происходит по месту проведения оперативно-розыскных мероприятий. При этом в течение 48 часов с момента начала проведения ОРМ орган, его осуществляющий, обязан получить судебное решение о проведении соответствующего оперативно-розыскного мероприятия либо прекратить его проведение.

Таким образом, делаем вывод, действия субъектов ОРД, законным образом ограничивающие конституционные права граждан, в определенных случаях могут быть осуществлены (на начальном этапе) и без решения суда, однако время их проведения в этом случае не должно превышать 48 часов. Дальнейшее продолжение ОРМ допустимо только в случае получения соответствующего судебного решения, если же такое решение от суда не получено (судебный контроль), проведение оперативно-розыскного мероприятия должно быть прекращено.

В целях контроля за законностью проведения ОРМ в ст. 20 Закона об ОРД определены субъекты государственного контроля, являющиеся соответствующими гарантами законности использования норм данного Закона. К ним относятся: *Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание Российской Федерации, Правительство Российской Федерации.* Контроль перечисленные субъекты государственной

власти уполномочены осуществлять только в пределах своих полномочий, определяемых Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами и федеральными законами (ст. 20 Закона об ОРД).

Прокурорский надзор за исполнением ОРД в соответствии со ст. 21 Закона об ОРД осуществляют Генеральный прокурор Российской Федерации и уполномоченные им прокуроры.

В редакциях статей 20-21 данного Закона, считаем, изложены взгляды законодателя на решение вопроса по конкретному перечню субъектов внешнего госконтроля (надзора) за ОРД в Российской Федерации. Целью включения перечисленных в Законе субъектов внешнего контроля, прокурорского надзора, считаем, является – исключение или минимизация возможности использования методов специальной оперативной деятельности, помимо целей и задач, указанных в Законе об ОРД. Отметим при этом, что само содержание ст. 20 Закона об ОРД не только в общем плане перечисляет и разграничивает полномочия указанных в ней субъектов внешнего госконтроля, но её содержание и не предоставляет права перечисленным органам вмешиваться в тактику и методику проводимых ОРМ.

Кстати, в п.1 ст. 49 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», именуемой «Государственный контроль за деятельностью полиции» также указаны субъекты госконтроля, перечисленные в ст. 20 Закона об ОРД. Приводим редакцию п. 1 ст. 49: «Государственный контроль за деятельностью полиции осуществляют Президент Российской Федерации, палаты Федерального Собрания Российской Федерации, Правительство Российской Федерации в пределах полномочий, определяемых Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами и федеральными законами». При этом отметим, что п. 10 ст. 13 Закона «О полиции» в обязанности полиции входит осуществление ОРД в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, обеспечения собственной безопасности, а также в иных целях, предусмотренных федеральным законом «О полиции». Для реализации этой функции в системе МВД России, начиная от центрального аппарата Министерства, кончая территориальными органами внутренних дел, созданы специальные подразделения, уполномоченные осуществлять ОРД.

Предписания рассматриваемой ст. 20 Закона об ОРД и п.1 ст. 49 Федерального закона «О полиции» распространяются на подконтрольную оперативно-розыскную деятельность в пределах полномочий каждого из перечисленных в данных статьях субъектов государственной власти (субъектов внешнего госконтроля). При этом подчеркнем, что и содержание ст. 20 Закона об ОРД и ст. 49 Закона «О полиции» не наделяют перечисленные в них государственные органы правом вмешиваться в тактику и методику проведения ОРМ.

Следует также отметить, что в Законе об ОРД не указана одна из конституционных ветвей власти России, имеется в виду судебная, хотя анализ норм данного Закона свидетельствует, что судебные органы наделены полномочиями по проведению внешнего госконтроля за организацией и проведением ОРМ, в том числе по соблюдению правоохранительными органам (субъектами ОРД) прав и свобод человека и гражданина.

В этой связи представляется важным *дополнить ст. 20 Закона об ОРД еще одним субъектом внешнего контроля за ОРД – судебным контролем*. В качестве дополнительного обоснования такого предложения еще раз сошлемся на Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», где в ст. 51, именуемой «Судебный контроль и надзор», установлено: «Судебный контроль и надзор за деятельностью полиции, осуществляются в соответствии с федеральными конституционными законами и федеральными законами».

Учитывая, что в Законе «О полиции» осуществление судебного контроля предусмотрено в отдельной (самостоятельной) статье, подобный подход возможен и в отношении включения судебного контроля в отдельную статью (структуру) Закона Об ОРД. Кстати, осуществление прокурорского надзора за деятельностью полиции в Федеральном законе «О полиции» также предусмотрено в отдельной статье Закона. Так, в ст. 52 установлено, что надзор за исполнением полицией законов осуществляют Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры в соответствии с полномочиями, предоставленными федеральным законодательством.

В целях оптимизации нормативно-правового регулирования госконтроля, минимизации расходов на содержание многочисленных контрольно-надзорных органов, преодоления дублирования, а также обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина, считаем, важным решение задачи по дальнейшему совершенствованию системы взаимодействия и координации деятельности контрольно-надзорных органов. Об обоснованности такого предложения свидетельствуют, в частности, послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ в 2014 и в 2015 г., где главой государства отмечается необходимость ограничения бесконечной проверочной деятельности.

Таким образом, сегодня накопились достаточно непростые вопросы, с одной стороны, связанные с необходимостью повышения эффективности оперативно-розыскной деятельности в деле борьбы с преступностью и коррупцией, а, с другой стороны, с совершенствованием госконтроля за соблюдением

правоохранительными органами (субъектами ОРД) законности, соблюдением ими при проведении оперативно-розыскных мероприятий прав и свобод человека и гражданина. Способствовать их решению, считаем, поможет принятие федерального закона «Об общих принципах государственного контроля в Российской Федерации» («О государственном контроле в Российской Федерации»).

Список литературы

1. http://kremlin.ru/events/president/news/52566 (по состоянию на 22.07.2016 г.)
2. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 6 декабря 2014 года.
3. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 8 июля 2000 года, Какую Россию мы строим // СПС «Консультант Плюс».
4. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 3 декабря 2015 года.
5. http://www.kremlin.ru/events/president/news/51515
6. https://news.rambler.ru/politics/34280488-rashody_byvshih_chinovnikov_proverit_genprokuratura/ ?track= news _ othernews (по состоянию на 26.07.2016 г.)
7. https://rns.online/internet/MVD-raskrilo-ataku-hakerov-na-Visa-i-Mastercard-2016-02-04/
8. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС «Консультант Плюс».
9. *Тарасов А.М.* Государственный контроль в России: Монография. М.: Издательство «Континент», 2008.
10. *Тарасов А.М.* Президентский контроль: понятие и система: Учебное пособие. СПб.: Изд-во Юридический центр Пресс, 2004.
11. *Тарасов Ю.А.* Государственный контроль в сфере экономических правонарушений (проблемы теории и практики) // Вестник Нижегородской академии МВД. 2009. № 1 (10).
12. *Черников В.В.* Судебные правоохранительные и контрольные органы России: Учебник. М.: Изд-во «Проспект», 2002.

Reference list

1. http://kremlin.ru/events/president/news/52566 (accessed 22.07.2016 г.)
2. The Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation of 6th of December, 2014.
3. The Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation of 8th of July, 2000 "What kind of Russia we are building". Legal Reference System "Consultant Plus".
4. The Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation of 3rd of December, 2015.
5. http://www.kremlin.ru/events/president/news/51515
6. https://news.rambler.ru/politics/34280488-rashody_byvshih_chinovnikov_proverit_genprokuratura/?track= news _othernews (accessed 26.07.2016 г.).
7. https://rns.online/internet/MVD-raskrilo-ataku-hakerov-na-Visa-i-Mastercard-2016-02-04/
8. Federal Law of 12th of August, 1995 "On operational-investigative activities" // Legal Reference System "Consultant Plus".
9. *Tarasov A.* State control in Russia: Monograph. M.: Publishing House "Kontinent", 2008.
10. *Tarasov A.* Presidential control: The concept and system: Textbook. SBR.: Publishing house "Yuridicheskiy Tsentr Press", 2004.
11. *Tarasov Yu.* State control in the area of economic violations (problems of the theory and practice) // Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Interior Ministry, 2009. №. 1 (10).
12. *Chernikov V.* Judicial enforcement and control authorities of Russia: Textbook. M.: Publishing House "Prospekt", 2002.

УДК 34

Шамаров В.М.,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Московского института государственного управления и права

Казаков В.Н.,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственного и административного права
Тульского государственного университета

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЯ

Отечественная правовая наука встала перед необходимостью переоценки ряда понятий и категорий, выработки новых методологических подходов. В этой связи, в статье критически оцениваются основные точки зрения авторов, которые анализируют понятие «юридической техники».
Ключевые слова: правовая наука, юридическая техника, подходы к определению понятия «юридическая техника»

Shamarov V.,
Doctor of Law, Professor, Professor of Chair of State-Legal Disciplines of the Moscow Institute
of Public Administration and Law

Kazakov V.,
Doctor of Law, Professor, Professor of Chair of State and Administrative Law of the Tula State University

LEGAL TECHNIQUE: PROBLEMATIC ASPECTS OF THE CONCEPT CONTENT

The Russian legal science is facing the need for reassessment of a number of concepts and categories, developing new methodological approaches. In this regard, the article critically assesses the key authors' viewpoints, who are analyzing the "legal technique" concept.
Keywords: legal science, legal technique, approaches to "legal technique" concept definition

Предметом настоящей статьи являются вопросы юридической техники, которые представляются дискуссионными либо недостаточно исследованными.

Юридическая техника возникает в истории одновременно с правом. Ее историческая обусловленность приводит к выводу о неодинаковости ее содержания в различные эпохи истории. Соотношение права и юридической техники подвижно.

В отечественной юридической литературе понятие «юридическая техника» сформулировано в многочисленных монографиях, научных статьях, в учебниках и пособиях по теории государства и права.

Проведенный их анализ свидетельствует о том, что до сих пор в теории права однозначно понимаемого научным сообществом понятия не выработано, хотя сходство в их содержании наблюдается.

Общепризнано, что юридическая техника – совокупность или система правил, приемов, способов, методов подготовки текста правового акта.

В этой связи возникает вопрос: юридическая техника – это совокупность или система названных выше элементов?

Можно констатировать, что мнение теоретиков права разделились. Одни ученые отмечают, что это *совокупность элементов* (Л.А. Морозова, В.Н. Протасов, А.Ю. Ларин, В.С. Нерсесянц, В.В. Оксамытный, В.К. Бабаев, А.Н. Чашин).

Другие – это *система элементов* (С.В. Бошно, А.В. Малько, М.Б. Смоленский, В.Л. Кулапов, В.М. Баранов, В.А. Толстик).

Полагаем, что когда теоретики права используют слово «совокупность» авторское понятие «юридическая техника» охватывает несколько разноплановых действий по реализации разных целевых установок понятия.

Примером может служить определение, предложенное Л.А. Морозовой: Под **юридической техникой** автором понимается «совокупность правил, приемов, специфических средств подготовки, оформления, публикации и систематизации нормативно правовых актов и иных юридических документов» [1].

Из данного определения вытекает, что автор включает в содержание «юридическая техника» ряд разноплановых действий:

– подготовку и оформление нормативного акта,

– опубликование акта,

– проведение систематизации актов.

При этом отметим, что каждое вышеприведенное действие юридической техники является системой различных приемов, способов, методов, присущих именно этому деянию. Подчеркнем, что все эти действия не являются единой системой, они разноплановы по своей сути.

Использование же в понятии «юридическая техника» слова «система», по нашему мнению, присуще в том случае, когда ученый рассматривает эту технику как практическое действие однозначной предназначенности, в частности, нацеленное на «подготовку наиболее совершенных по форме и структуре проектов нормативных актов…» [2] или на другое конкретное деяние.

Вместе с тем необходимо отметить, что подобным образом слово «система» используется не всеми теоретиками права. Есть группа ученых, которые под системой понимают правила, приемы, способы 1) подготовки, 2) рассмотрения, 3) принятия, 4) обнародования нормативных актов [3], либо а) способы и приемы подготовки, б) составления, в) упорядочения правовых и иных юридических документов [4].

Другими словами *система* в понятии «юридическая техника» объединяет разноплановые юридические действия, каждое из которых имеет свои специфические элементы не связанные между собой общей целью.

Спорным, по нашему мнению, является включение в понятие «юридическая техника» такого его элемента как систематизация права [5], т.к. систематизация выходит за рамки его содержания. В теории права систематизация нормативно правовых актов – самостоятельное правовое действие, которое имеет ряд характерных черт и особенностей, отличных от содержания юридической техники.

По нашему мнению, различия в содержании между «юридической техникой» и «систематизацией правовых актов» состоит в следующем.

Во-первых, эти понятия различаются целепологаниями. Целью юридической техники является подготовка, совершенных в содержательном плане правовых документов, их оформление и опубликование. Целевая же установка систематизации – создать необходимые условия для оперативного нахождения, принятого компетентным субъектом правотворчества, нормативного акта в законодательной системе страны, субъекта Федерации, муниципалитета.

Во-вторых, систематизация правовых актов осуществляется, как правило, исполнительными органами, а приемы и способы юридической техники – используются как законодательными, так и исполнительными органами и должностными лицами.

К этому можно добавить следующее: систематизация правовых актов охватывает четыре вида: учет, инкорпорацию, консолидацию, кодификацию. Между тем, только кодификацию права можно условно отнести к правотворческой деятельности, при которой используются приемы, способы и методы юридической техники. В остальных видах систематизации подобные приемы, способы и методы юридической техники не используются.

Именно поэтому сомнительно включать систематизацию нормативно правовых актов в понятие «юридическая техника».

Проблемным, на наш взгляд, является само содержание понятия. В одном случае оно формулируется в широком смысле слова, в другом – более узко. К примеру, А.Н. Чашин юридическую технику рассматривает как – «разработку нормативно правовых актов» [6] т.е. весьма в узком ее понимании.

Те же авторы, которые включают в понятия такой элемент, как *принятие правового акта* [3], его содержание, полагаем, понимают широко.

Отметим, что имеется группа ученых, которая считает, что средства, методы и способы юридической техники предназначены для:

– «разработки и реализации правовых предписаний» [7],

– «разработки правовых актов, их совершенства, систематизации» [5],

– «подготовки, составления и упорядочения правовых актов и иных правовых документов» [4].

Однако, данный теоретический подход можно признать научно состоятельным только в том случае, если авторы формулируют, наряду с понятием «юридическая техника», дефиницию «юридический процесс». «**Юридическая техника** – это система правил, средств, приемов и способов подготовки, составления и упорядочения правовых актов и иных юридических документов, применяемая в целях их совершенствования и повышения эффективности» [8]. «**Юридический процесс** – это урегули-рованный процессуальными нормами порядок деятельности компетентных государственных органов, состоящий в подготовке, принятии, документальном оформлении и закреплении юридических решений общего или индивидуального характера» [8].

Полагаем, что в том случае, когда авторы (В.К. Бабаев, В.М. Баранов, В.А. Толстик, М.М. Рассолов) не выделяют юридический процесс в самостоятельное понятие, происходит интеграция понятий «юридическая техника» и «юридический процесс». При этом подчеркнем, что содержание правового термина «юридическая техника» существенным образом расширяется за счет элементов, присущих юридическому процессу.

Другим проблемным вопросом является следующий: при разработке и совершенствовании каких

правовых документов используются приемы и способы юридической техники?

Общепринято их именовать: правовые или юридические акты (В.Л. Кулапов, А.В. Малько), нормативно правовые и индивидуальные юридические акты (В.Н. Протасов), нормативно правовые акты и иные юридические документы (Л.А. Морозова), нормативно правовые, правоприменительные и интерпретационные акты (В.К. Бабаев, В.М. Баранов В.А. Толстик, Е.Н. Бырдин).

Можно согласиться, что юридическая техника используется при разработке, изменении вышеперечисленных юридических документов.

Вместе с тем сомнительно полагать, что юридическая техника применяется *только при подготовке нормативно правовых актов* [9], т.к. последние не охватывают своим содержанием акты правоприменения и интерпретационные акты.

В этой связи дискуссионна дефиниция, предложенная А.Ю. Лариным: «Юридическая техника – это совокупность определенных правил, приемов, средств, используемых юристами при разработке и *реализации* (выделено нами – В.Ш., В.К.) правовых предписаний» [7].

Можно согласиться с тем, что совокупность правил, приемов и способов юридической техники используется при разработке правовых предписаний.

Но что юридическая техника непременно используется при реализации права, сомнительно, т.к. возникает вопрос: какие способы, приемы и методы субъекты права применяют в такой форме реализации права как соблюдение права?

Необходимо отметить, что в ряде дефиниций фиксируются целевые установки юридической техники. Так, в понятиях отмечаются, что правила, приемы и способы юридической техники применяются «в целях совершенствования и повышения эффективности» [8], «в целях их ясности и понятности и эффективности» [8], для закрепления юридических решений общего и индивидуального характера, «обеспечения эффективности их регулятивного воздействия» [10], «адекватного выражения определенного нормативно правового содержания в форме текста правового акта» [2].

Наиболее подробно перечень возлагаемых задач юридической техники приводит в понятии С.В. Бошно: для «подготовки наиболее совершенных и целесообразных по форме и структуре проектов нормативных актов, обеспечивающих максимально полное и точное соответствие формы нормативных предписаний их содержанию, доступность, простату и легкую обозримость нормативного материала, исчерпывающий охват регулируемых вопросов» [11].

Представляется, что автор подобным определением все содержание юридической техники свел к приемам и способам *подготовки* (выделено нами – В.Ш., В.К.) нормативных актов. При этом упущены в понятии другие предназначения юридической техники: оформление документа, его опубликование, доведение до адресатов.

Итак, по нашему мнению, целями юридической техники являются, с одной стороны, адекватность выражения определенного нормативно правового содержания в форме текста правового акта и в этом мы согласны с В.С. Нерсесянцем. С другой стороны, подобной целью является обеспечение эффективности регулятивного воздействия приемов и способов юридической техники, т.е. нами разделяется научная позиция В.Л. Кулапова.

Не стоит забывать, что в теории права, наряду с понятием «юридическая техника», сформулированы и другие дефиниции: законодательная техника (В.К. Бабаев), законодательный процесс (В.И. Власов, Г.Б. Власова) законодательная процедура (М.Н. Марченко), правотворческая техника (В.В. Оксамытный).

Представляется, что законодательная техника и законодательный процесс, весьма близкие по содержанию понятия. Они связанные, в первую очередь, с подготовкой проектов законодательных актов[1].

Следовательно, законодательный процесс (законодательная техника) является одним из целевых направлений юридической техника, т.к. последняя распространяется не только на подготовку проектов законов, но также и на подготовку подзаконных и правоприменительных, а в отдельных случаях, и интерпретационных актов.

Представляется, что в отечественной правовой литературе существует тенденция к некоторой идеализации юридической техники как средства «правильного» составления актов и «правильного» применения их норм. По мнению профессор Г.И. Муромцева «… юридическая техника отражает не только положительный, но порой и отрицательный правовой опыт: борьбу интересов, а также уровень профессионализма и нравственности (либо безнравственности) отдельных юристов» [12].

Тем не менее, думается, что рассмотренные нами отдельные взгляды на понимание юридической техники позволяют уже в самом общем виде раскрыть содержание рассматриваемого явления.

Итак, **под юридической техникой** *надо понимать совокупность правил, приемов, способов, методов подготовки, разработки, оформления, опубликования и вступления в юридическую силу нормативно правовых, интерпретационных и правоприменительных актов с целью адекватного выражения юридического содержания в форме правового документа и обеспечения эффективности его регулятивного воздействия*.

---

[1] Общепринято под законодательной процедурой понимать следующие ее этапы: законодательную инициативу, разработку проекта законодательного акта, принятие акта, его официальное оформление, обнародование (публикация), вступление закона в юридическую силу.

Список литературы

1. *Морозова Л.А.* Теория государства и права: Учебник. 3-е изд. М.: Эксмо, 2009. С. 362.
2. Теория государства и права: Учебное пособие (под ред. В.П. Малахова, В.Н. Казакова). М.: Академический проспект, 2002. С. 337.
3. *Бабаев В.К., Баранов В.М., Толстик В.А.* Теория государства и права в схемах и определениях: Учебное пособие. М.: Юристъ, 2003. С. 82.
4. *Малько А.В., Нырков В.В., Шундиков К.В.* Теория государства и права. Элементарный курс. 5-е изд., стереотипное. М.: Кнорус, 2015. С.118.
5. *Лушников А.М.* Теория государства и права: Элементарный курс. М.: Эксмо, 2010. С. 171.
6. *Чашин А.Н.* Теория государства и права: Учебник. М.: Дело и сервис, 2008. С. 435.
7. *Ларин А.Ю.* Теория государства и права: Учебник 2-е изд. М.: Книжный мир, 2011. С.209.
8. *Смоленский М.Б.* Теория государства и права: Учебник. М.: Инфра-М, 2013. С. 454 -458.
9. *Бабаев В.К.* Правотворчество в современном Российском государстве // Теория государства и права: Учебник (под ред. В.К.Бабаева). М.: Юристъ, 1999. С.344.
10. *Кулапов В.Л.* Теория государства и права: Учебник. М.: Кнорус, 2014. С.234.
11. *Бошно С.В.* Теория государства и права: Учебник. 2-е изд. М.: Эксмо, 2011. С. 350.
12. *Муромцев Г.И.* Юридическая техника: некоторые аспекты содержания понятия / Проблемы юридической техники: Сборник статей. Под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород: 2000. С. 36.

Reference list

1. *Morozova L.* Theory of state and law: Textbook. 3rd Edition. M.: Eksmo, 2009. P. 362.
2. Theory of state and law: Textbook (under the editorship of V. Malakhov, V. Kazakov). M.: Akademicheskiy Prospekt, 2002. P. 337.
3. *Babaev V., Baranov V., Tolstik V.* Theory of state and law in schemes and definitions: Textbook. M.: Yurist, 2003. P. 82.
4. *Mal'ko A., Nyrkov V., Shundikov K.* Theory of state and law. Elementary course. 5th Edition, stereotypical. M.: Knorus, 2015. P. 118.
5. *Lushnikov A.* Theory of state and law: Elementary course. M.: Eksmo, 2010. P. 171.
6. *Chashin A.* Theory of state and law: Textbook. M.: Business and Service, 2008. P. 435.
7. *Larin A.* Theory of state and law: Textbook. 2nd Edition. M.: Kinizhniy Mir, 2011. P. 209.
8. *Smolenskiy M.* Theory of state and law: Textbook. M.: Infra-M, 2013. P. 454 -458.
9. *Babaev V.* The lawmaking in the contemporary Russian state // Theory of state and law: Textbook (under the editorship of V. Babaev). M.: Yurist, 1999. P. 344.
10. *Kulapov V.* Theory of state and law: Textbook. M.: Knorus, 2014. P.234.
11. *Boshno S.* Theory of state and law: Textbook. 2**nd** Edition. M.: Eksmo, 2011. P. 350.
12. *Muromtsev G.* Legal technology: Some aspects of the concept content / Issue of legal technique: Collection of articles. Under the editorship of V. Baranov. N. Novgorod.: 2000. P. 36.

УДК 343.97; 343.611.1

Андреев Б.В.,
кандидат юридических наук, заведующий отделом проблем правовой статистики Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Меркурьев В.В.,
доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений и противодействия экстремизму НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Ульянов М.В.,
научный сотрудник отдела проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений и противодействия экстремизму НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

ОБ ИЗМЕРЕНИИ СТЕПЕНИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В настоящей работе предлагается использование специального коэффициента при анализе преступности террористической и экстремистской направленности. Коэффициент концентрации (мера дифференциации) характеризует рассеивание показателей коэффициентов экстремистской и террористической преступности в федеральных округах Российской Федерации. Анализ основан на данных форм статистической отчетности, аналитических данных Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Расчеты производились с использованием статистического пакета IBM SPSS Statistics.

Ключевые слова: коэффициент преступности, концентрация преступности, терроризм, экстремизм, кривая Лоренца, статистика, противодействие экстремизму и терроризму

Andreev B.,
PhD in Law, Head of the Department of Issues of Legal Statistics of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation

Merkur'ev V.,
Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Issues of Public Prosecutor's Supervision and Consolidation of Legality in the Matter of Federal Security, Interethnic Relations and Counteracting Extremism of the Research Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation

Ul'yanov M.,
Research Fellow of the Department of Issues of Public Prosecutor's Supervision and Consolidation of Legality in the Matter of Federal Security, Interethnic Relations and Counteracting Extremism of the Research Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation

ON MEASUREMENT OF THE DIFFERENTIATION DEGREE OF CRIMINALITY OF EXTREMIST AND TERRORIST ORIENTATION

In this paper the authors are proposed the use of a special rate in the analysis of criminality of terrorist and extremist orientation. The concentration factor (a measure of differentiation) is described the dispersion of coefficients' indicators of extremist and terrorist criminality in federal districts of the Russian Federation. The analysis is based on data of statistical reporting forms, analytical data of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Estimations have been performed through the use of IBM SPSS Statistics package.

Keywords: criminality rate, criminality concentration, terrorism, extremism, Lorenz curve, statistics, counteracting extremism and terrorism

Концепция развития общегосударственной системы противодействия терроризму в Российской Федерации предусматривает необходимость исследования основных факторов, определяющих сущность и состояние угроз террористических актов, прогноз их вероятных тенденций и закономерностей развития в процессе совершенствования информационно-аналитического обеспечения этой деятельности [2].

Решение этих задач возможно только на базе построения системы индикаторов, измеряющих и характеризующих степень влияния политических, социально-экономических и иных общественных процессов в Российской Федерации и в мире на ситуацию в области противодействия терроризму.

Научное обеспечение противодействия экстремистской деятельности и терроризму должно с необходимостью включать в себя разработку теоретических положений и практических рекомендаций, обеспечивающих все виды сравнительного анализа по группам регионов и социальным общностям.

Для анализа данных применяются статистические методы, в том числе предназначенные для «уплотнения» или «сжатия» количественных данных, выявления их взаимосвязей.

В ранее опубликованной статье [1], используя кумулятивные кривые Лоренца, был построен макропоказатель в виде коэффициента в 100-бальной шкале индекса, характеризующего степень концентрации (меру дифференциации) преступности в России, и предпринята попытка исследовать концентрацию показателя зарегистрированных преступлений и показателя количества убийств в 2009 – 2014 годах. В целях их сравнения исследовались данные о количестве умышленных убийств в странах Латинской Америки и расчетные показатели концентрации умышленных убийств по 219 странам мира.

Напомним, что, чем больше кривая Лоренца отклоняется от диагонали, тем выше степень неравномерности распределения признака (показателя) в совокупности. Эту степень неравномерности распределения, т.е. меру дифференциации признака в совокупности, можно выразить через площадь, заключенную между диагональю квадрата и кривой Лоренца [3].

Чем дальше кривая Лоренца находится от диагональной линии, символизирующей «идеальное равенство», то есть больше изогнута, тем с большей степенью неравенства мы сталкиваемся (рис. 1).

В исследованиях М. Лоренца было установлено, что в экономике такая кривая позволяет судить о степени неравенства доходов по ее изгибу. Количественно степень неравенства доходов измеряется при помощи специального коэффициента (коэффициент Джинни), равного отношению площади фигуры, ограниченной прямой абсолютного равенства и кривой Лоренца, к площади всего треугольника под кривой Лоренца.

Впервые этот коэффициент (индекс) был использован в экономике для характеристики меры неравенства доходов в обществе итальянским статистиком Коррадо Джинни, опубликовано в труде «Вариативность и изменчивость признака» («Изменчивость и непостоянство»).

В настоящей статье в качестве базовых показателей будем рассматривать коэффициент экстремистской и террористической преступности – обобщающий показатель общего количества зарегистрированных преступлений в 2015 году в Российской Фе-

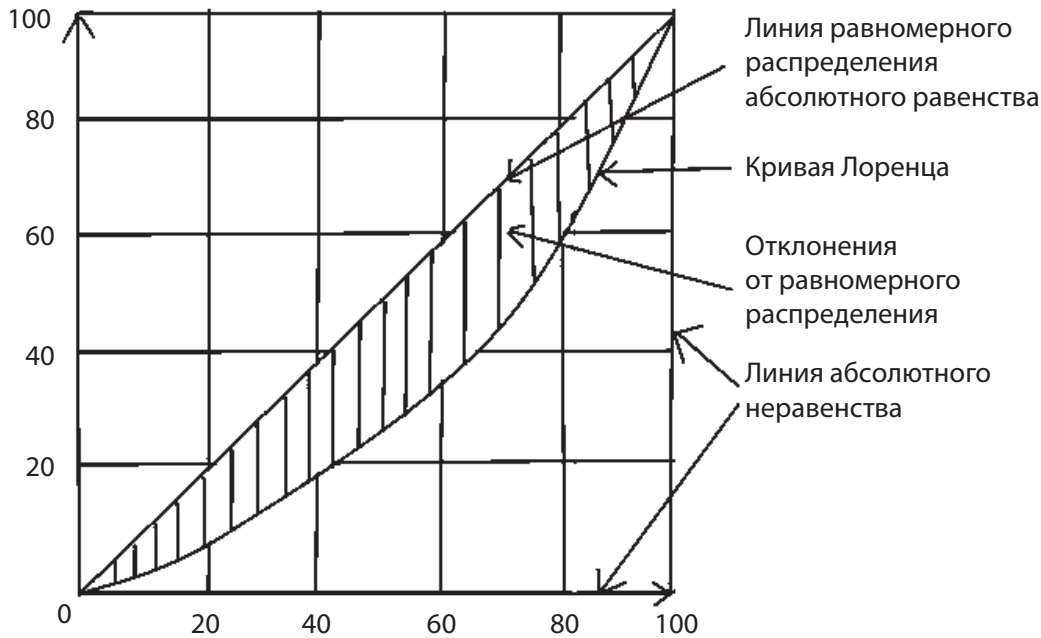


Рис. 1. Кривая Лоренца

дерации, соотнесенного с численностью населения, достигшего возраста уголовной ответственности.

Значение коэффициента изменяется в пределах от 0 до 1 и чем ближе его значение к 0, тем больше распределение приближается к равномерному.

За основу вычисления коэффициента концентрации преступности взята универсальная формула Брауна [3].

На начальном этапе исследования следует провести анализ конкретных значений и диапазонов изменений значений коэффициентов (индексов) концентрации преступности экстремистской и террористической направленности, представляя в визуальной форме полученные результаты.

Для начала определимся с выбором оптимальной группировки административно-территориального деления России, в отношении которой будем проводить расчеты коэффициентов концентрации преступности экстремистской и террористической направленности.

Анализируя статистические данные о зарегистрированных преступлениях экстремистской и террористической направленности по субъектам Российской Федерации, отметим их малую значимость в подавляющем большинстве регионов, что отразилось в еще большей степени на коэффициентах преступности.

Таким образом, представляется нецелесообразным проводить группировку и делать соответствующие расчеты коэффициентов концентрации. Информативность такого обобщенного показателя (коэффициента концентрации) будет невелика.

Однако те же данные отнесенные к федеральным округам Российской Федерации обладают уже большей информативностью, что определяет возможность использования такого вида группировки для анализа изменений коэффициента концентрации как характеристики меры дифференциации преступности террористической и экстремистской направленности (см. таблицу 1).

На статистических данных 2015 года для девяти федеральных округов России были получены начальные расчетные характеристики. Здесь же, по известным причинам, был проведен углубленный анализ по Северокавказскому федеральному округу. Расчетные характеристики для этого округа также представляют интерес для дальнейшего анализа, что потребовало использования таблицы кодов (см. таблицу 2).

Полученные результаты расчета коэффициента концентрации как характеристики меры дифференциа-

Таблица 1.

Коэффициенты преступлений террористической и экстремистской направленности (на 100 000 населения) в 2015 г. в Российской Федерации и федеральных округах

	Количество преступлений, зарегистрированных в отчетном периоде	Коэффициент преступности в расчете на 100 тыс. населения от 14 лет
Террористическая направленность		
Всего по России	1538	1,25
Центральный ФО	70	0,21
Приволжский ФО	116	0,46
Северо-западный ФО	17	0,14
Сибирский ФО	39	0,24
Уральский ФО	45	0,44
Северокавказский ФО	1168	15,39
Южный ФО	57	0,48
Дальневосточный ФО	13	0,25
Крымский ФО	7	0,36
Экстремистская направленность		
Всего по России	1024	0,84
Центральный ФО	327	0,97
Приволжский ФО	240	0,96
Северо-западный ФО	161	1,35
Сибирский ФО	144	0,90
Уральский ФО	102	1,00
Северокавказский ФО	144	1,90
Южный ФО	70	0,59
Дальневосточный ФО	66	1,28
Крымский ФО	21	1,08

Таблица 2.

Таблица кодов субъекта РФ, входящих в СКФО и используемых при построении диаграмм

Наименование субъекта	Код
Республика Дагестан	1
Республика Ингушетия	2
Кабардино-Балкарская Республика	3
Карачаево-Черкесская Республика	4
Республика Северная Осетия-Алания	5
Чеченская Республика	6
Ставропольский край	7

ции преступности террористической и экстремистской направленности можно представить в следующем виде.

1. Коэффициенты концентрации преступлений террористического характера, зарегистрированных в отчетном периоде (рис. 2.1, 2.2):

2. Коэффициенты концентрации преступлений экстремистской направленности, зарегистрированных в отчетном периоде (рис. 3.1, 3.2):

Если рассматривать суммарно преступления террористической и экстремистской направленно-

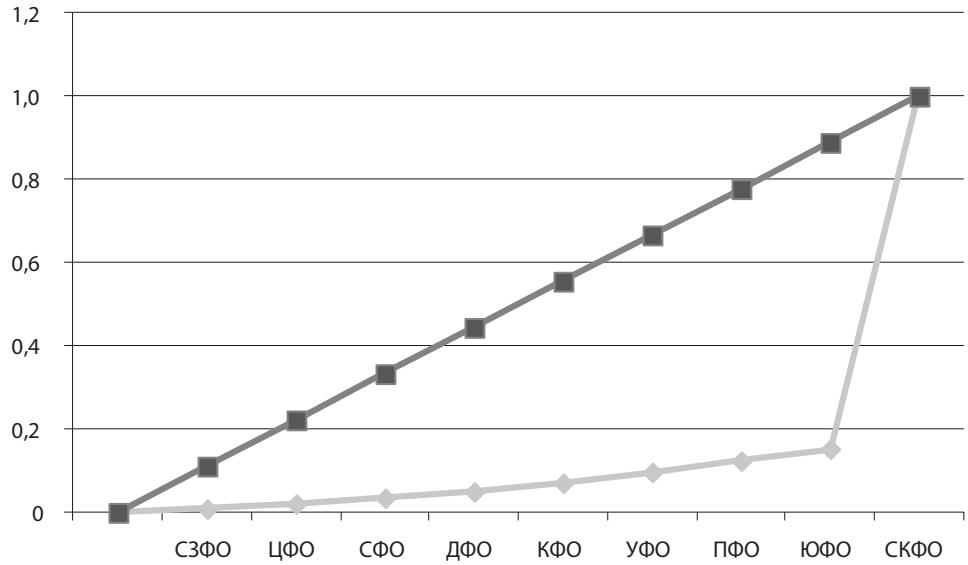


Рис. 2.1. Коэффициент концентрации 0.764. (по округам Российской Федерации). Индекс концентрации 76.4.

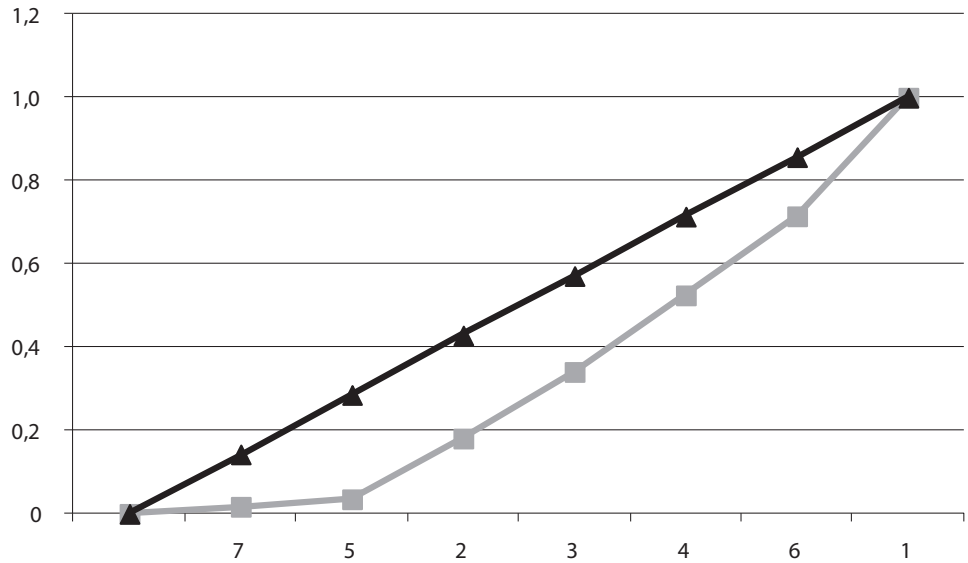


Рис. 2.2. Коэффициент концентрации 0.422 в СКФО. Индекс концентрации 42.2

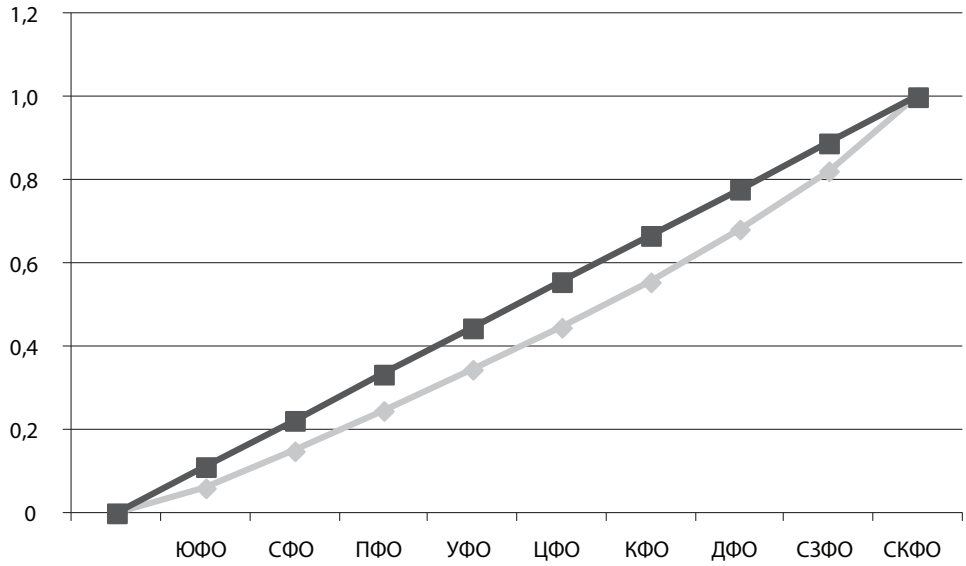
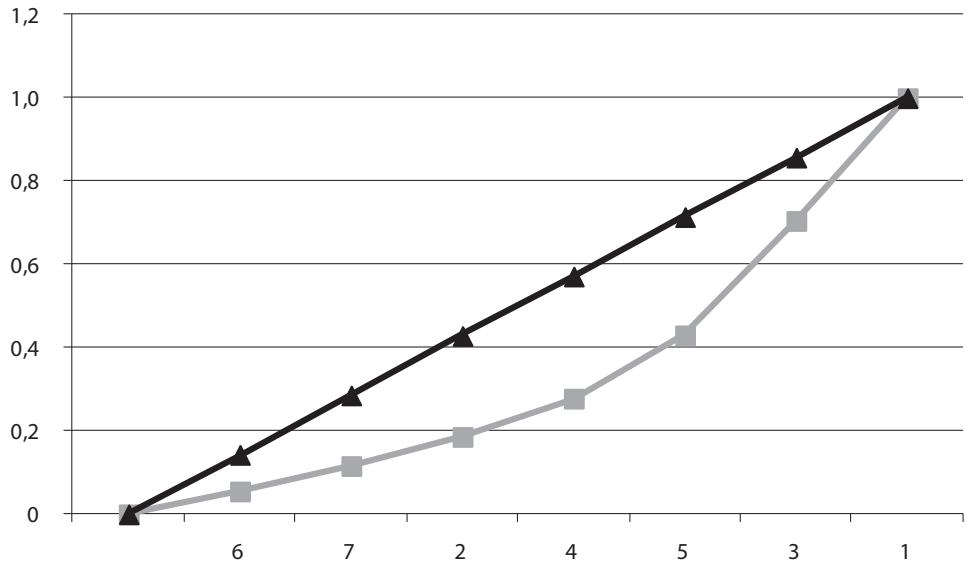


Рис. 3.2. Коэффициент концентрации 0.155 (по округам Российской Федерации). Индекс концентрации 15.5.



сти, то результат будет выглядеть следующим образом.

3. Коэффициенты концентрации преступлений террористического характера и экстремистской направленности (рис. 4.1, 4.2).

Целесообразно провести сравнение диапазона изменения полученных расчетных характеристик с двумя аналогичными показателями: общее число зарегистрированных преступлений и показателя количество убийств и покушений на убийство.

4. Коэффициент концентрации общего количества преступлений, зарегистрированных в отчетном периоде (2015 год) (рис. 5.1, 5.2):

5. Коэффициент концентрации убийств и покушений на убийство, зарегистрированных в отчетном периоде (2015 год) (рис. 6.1, 6.2):

Суммируя полученные результаты, отметим, что предлагаемый макропоказатель совместно с другими может быть использован для характеристики в целом преступности террористической и экстремистской направленности.

Величина показателя концентрации может рассматриваться в качестве критерия при принятии того или иного криминологически значимого решения, например, связанного с вопросами профилактики преступлений террористической и экстремистской направленности.

По динамике показателя коэффициента концентрации как характеристики меры дифференциации преступности совместно с другими имеющимися в арсенале исследователей характеристиками можно судить о величине и направленности действия факторов, влияющих на преступность того или иного вида. Особенно это представляет ценность при изучении экстремистской и террористической преступности, которая явно различается в регионах страны. В связи

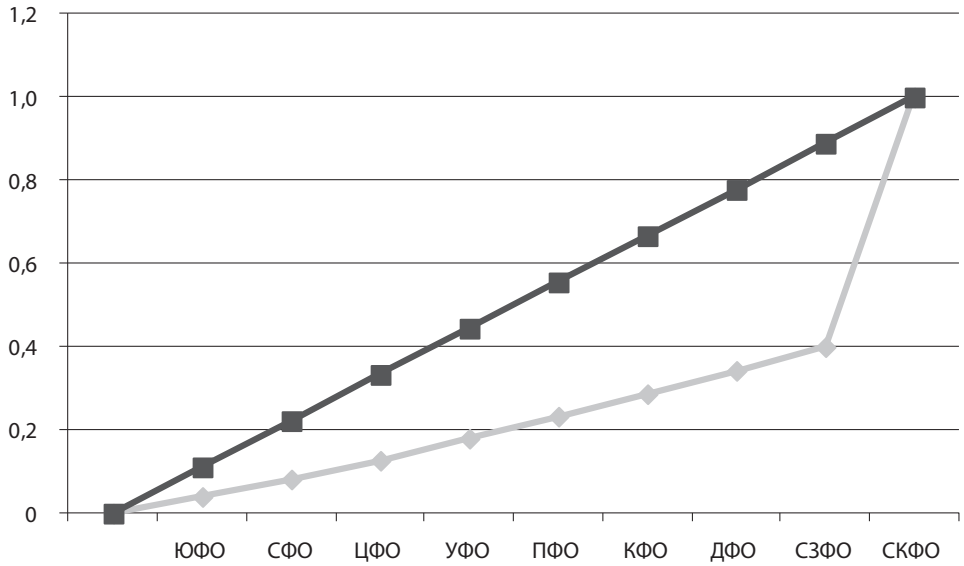


Рис. 4.1. Коэффициент концентрации 0.513 (по округам Российской Федерации). Индекс концентрации 51.3.

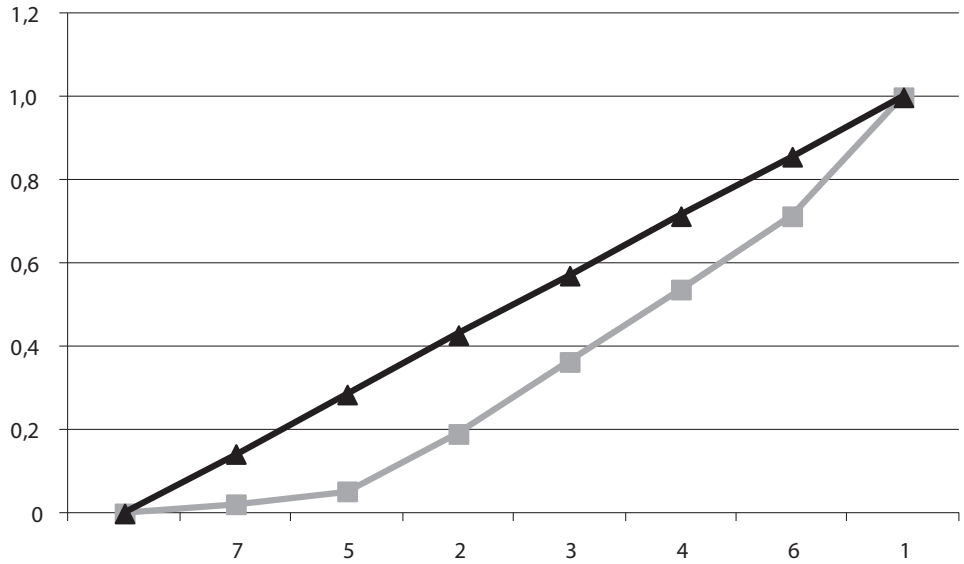


Рис. 4.2. Коэффициент концентрации 0.404 в СКФО. Индекс концентрации 40.4

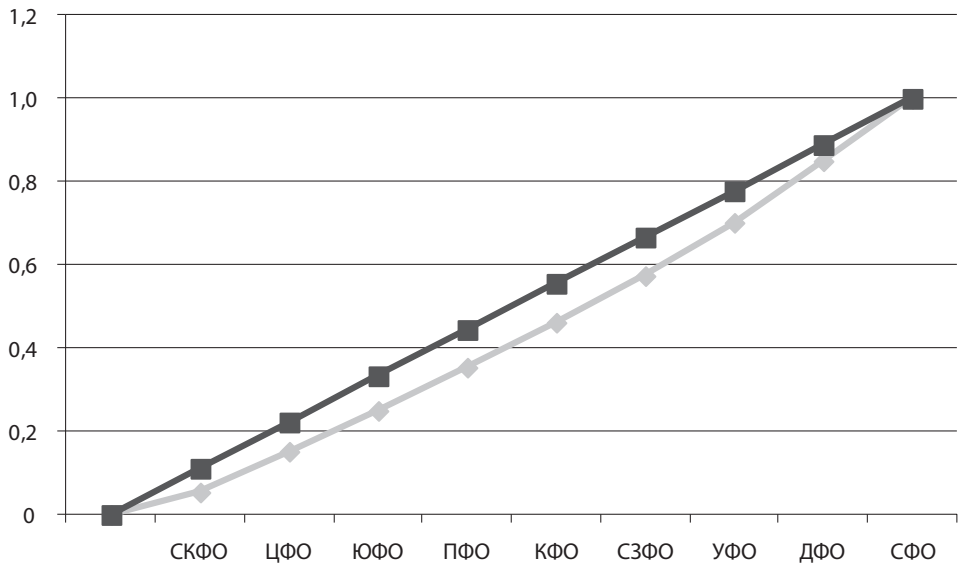


Рис. 5.1. Коэффициент концентрации 0.134 (по округам). Индекс концентрации равен 13.4

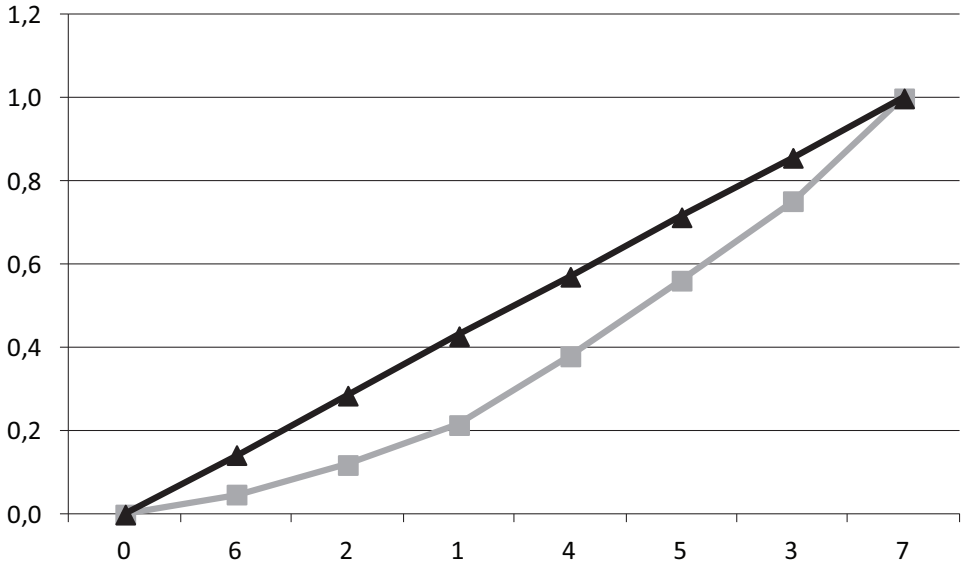


Рис. 5.2. Коэффициент концентрации 0.356 в СКФО. Индекс концентрации 35.6.

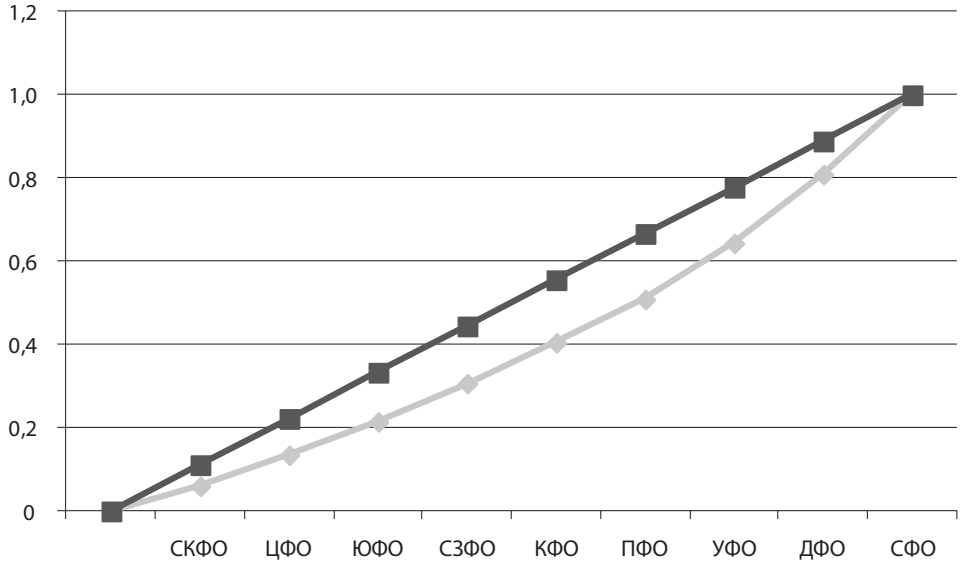


Рис. 6.1. Коэффициент концентрации 0.214 (в Российской Федерации). Индекс концентрации равен 21.4.

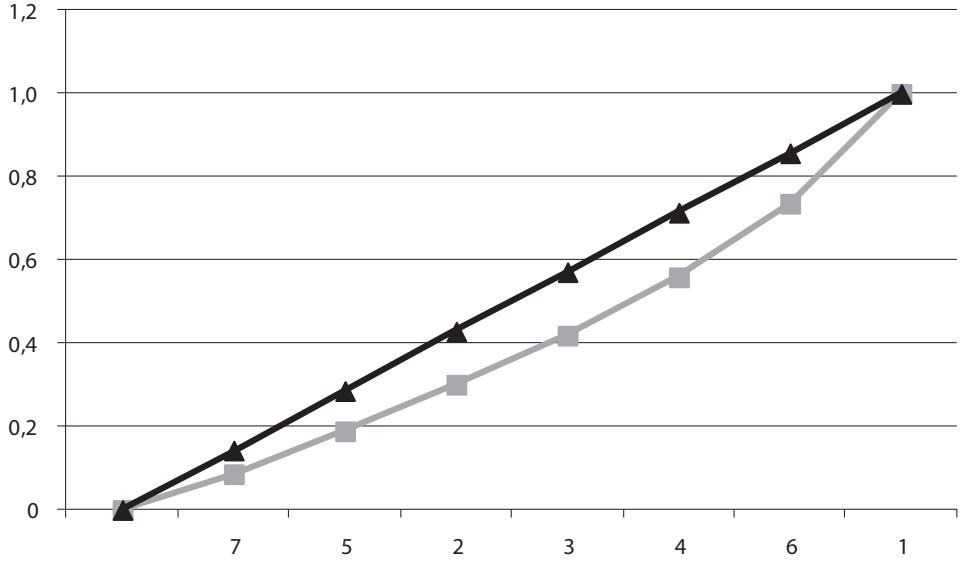


Рис. 6.2. Коэффициент концентрации 0.105 в СКФО. Индекс концентрации 10.5.

с чем требуют изучения процессы, детерминирующие экстремистскую и террористическую активность, специфичные в каждом регионе страны. Нейтрализация негативных процессов необходима в целях эффективного предупреждения анализируемого вида преступности.

Список литературы

1. *Андреев Б.В.* Использование специальных коэффициентов ля характеристики меры дифференциации преступности / Преступность, уголовная политика, закон. Под редакцией профессора А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2016.
2. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации 05 октября 2009 г.
3. Микроэкономическая статистика: Учебник / под редакцией С. Д. Ильенковой. М.: Финансы и статистика, 2004.
4. Экономическая теория: Учебник / Н.И. Базылев, М.Н. Базылева. Минск: Книжный Дом, 2004.

Reference list

1. *Andreev B.* The use of specific rates for the characteristics of a measure of differentiation of criminality / Criminality, criminal policy, law. Under the editorship of Professor A. Dolgova. M.: The Russian Criminological Association, 2016.
2. The conception of counteracting terrorism in the Russian Federation approved by the President of the Russian Federation on 5th of October, 2009.
3. Microeconomic statistics: Textbook / Under the editorship of S. Il'enkova. M.: Finance and Statistics, 2004.
4. Economic theory: Textbook / N. Bazylev, M. Bazyleva. Minsk: Kniznyj Dom, 2004.

УДК 341.3; 349.6

Нэдхер Ахмед Мандил,
кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права юридического колледжа Тикритского университета

Аль Али Насер Абдель Рахим,
кандидат юридических наук, заведующий кафедрой международного права Московского института государственного управления и права

МЕЖДУНАРОДНЫЕ НОРМЫ ПО ОХРАНЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ИХ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВО ВРЕМЯ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Нанесение разрушительного ущерба окружающей среде неизбежно, особенно во время вооруженных конфликтов и применения химического или бактериологического оружия – происходит существенное негативное воздействие на окружающую среду и это представляет значительную опасность для выживания населения и для его демографического роста. Использование наземных мин (противопехотных мин, фугасов) или кассетных бомб, чернобыльская катастрофа 26 апреля 1986 года – взрыв четвертого блока Чернобыльской атомной электростанции, расположенной на территории СССР – яркие примеры разрушения окружающей среды и человеческого бытия в мирное время.
Во время Первой и Второй мировой войны ущерб окружающей среде обычно ускользал от внимания исследователей, и лишь в 1974-1977 годах Международным Комитетом Красного Креста были организованы дипломатические конференции, целью которых стала разработка и ратификация международно-правовых документов, положения которых направлены на защиту окружающей среды во время вооруженных конфликтов – специальные нормы по защите окружающей среды во время вооруженных конфликтов были приняты и окончательно утверждены на дипломатических конференциях в Статье 50 и пункте 3 Статьи 35 – где права человека являются приоритетом, которые не вызывали особенного интереса у делегаций повстанцев и неудивительно, что в случае конфликта немеждународного характера вопрос о применимости международного гуманитарного права является достаточно сложным. Тем не менее, этот вопрос был отражен в Протоколе 2 на дипломатической конференции в 1977 году.
Однако, нормы и принципы международного права, которые могут быть использованы с целью защиты окружающей среды во время вооруженных конфликтов и международного права в целом, включают в себя и совокупность норм, которые косвенно защищают окружающую среду. Соответственно этот вопрос рассматривается в двух разделах нашей статьи:
В первом разделе рассматриваются прямые и косвенные международные соглашения, направленные на защиту окружающей среды во время вооруженных конфликтов. Роль международных организаций и национальных законодательств по защите окружающей среды рассматривается во втором разделе статьи.

Nadher Ahmed Mandeel,
PhD in Law, Assistant Professor of International Law in College of Law of the Tikrit University

Al Ali Naser Abdel Raheem,
PhD in Law, Head of Chair of International Law of the Moscow Institute of Public Administration and Law

THE RULES OF THE INTERNATIONAL PROTECTION OF THE ENVIRONMENT AND DEVELOPING THEM IN TIMES OF ARMED CONFLICTS

Where environmental vulnerability of the damage during an armed conflicts will be inevitable, as a result of the devastating effects of the weapons that might be used during the conduct of hostilities, biological and chemical weapons, which negatively and significantly affect the environment and pose a significant risk to the survival of the population, which as is the case when the use of landmines and cluster shells and the Soviet Chernobyl nuclear reactor which exploded in 1986 – this is an example of the destruction of the natural environment and human life, even if in the case of the peace.
Although the protection of the environment during an armed conflicts has not received the importance, it deserves despite the environmental massive destruction suffered by the First and the Second World wars, the 1974–1977 diplomatic conference, convened by the International Committee of the Red Cross (ICRC) to confirm the development of international humanitarian

law applicable in armed conflicts. The special provisions of the natural environment protection during international armed conflicts accepted by the conference and were finally approved within the Article (50) and paragraph (3) of Article (35), were unlucky those relating to none - international armed conflicts, it has drawn opposition from delegations present at the conference on the grounds that the priority should be concern for human rights in such disputes, and that the rebels would not bother with these laws any interest, and these armed non-international conflicts remained without any operation of an international organization to the subject of environmental protection, and so the rules of humanitarian international law did not address the subject of environmental protection. However, this is an additional Protocol II in the 1977 only.

However, the rules and principles contained in humanitarian international law, which can be employed to protect the environment in the period of armed conflicts; also humanitarian international law includes a set of rules that protect the environment indirectly. Accordingly, the address of this issue requires discussions in two sections:

In the first section there are direct and indirect agreements for international protection of the environment during an armed conflicts. Finally, there is the role of international organizations and national legislation to protect the environment in the second section.

Section One

Direct and Indirect Agreements International Protection of the Environment during an armed conflicts

The international community focused directly in protecting the environment during an armed conflicts. This is reflected clearly in the various international conventions, which were intended to protect the environment, having issued many direct and conventions, which dealt with the protection of the environment during an armed conflicts and therefore, we will deal with the international conventions for the protection of the environment in the first demand. In the second demand of this research we will discuss the indirect agreements that provide protection for the environment and the intended protection indirect is in the international humanitarian conventions that have not been used explicitly term environmental law as a modern term, but the motive of holding those conventions and protocols is to protect the environment or ones of its members.

First Demand

The Direct Agreements for the International Protection of the Environment

We will discuss four main branches in this demand. The direct international conventions are for the protection of the environment. The most important of The Hague Convention is for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict in 1954, in the first section. Then the Convention on the Prohibition of the Development, Production and Stockpiling of Bacteriological of 1970 m is in the second section. There is the Convention on the prohibition of the use of environmental modification techniques for military purposes or any other purposes hostile to 1976 in Section III. Finally, there is the Convention on the Prohibition of the Development, Production, Stockpiling and Use of Chemical Weapons and on Their Destruction of 1993 m in Section IV.

Section I

The Hague Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict of 1954

Cultural property must be under protection as a human heritage according to the rules of the international protection of the environment of a humanitarian character during an armed conflict. It is noteworthy that cultural property may be real estate or transported. It may include works of art or historical monuments, museums and places of worship, libraries, etc. We consider such property of the built environment, so it must be protected during an armed conflict and appeared that interest, especially after World War II came to The Hague Convention of 1954 on the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict [1]. It identified the First Article, which is intended cultural property whatever the origin and its king as:

1. movable and immovable property of great importance Architectural heritage building peoples or technical ones, or the historical and archaeological sites and groups of buildings that are gaining by collects historical or artistic values, and artifacts, and manuscripts.

2. allocated buildings as head of and effective to protect and exhibit the movable cultural property described in paragraph (I) such as museums, large libraries and stores, as well as manuscripts refuges intended to shelter movable cultural property in paragraph (first) in the time of armed conflict, as well as the centers which contains a wide range of cultural property set out in paragraphs (1, 2) and which called the commemorative buildings.

From that turns out that the definition may select cultural property that is covered by international protection during an armed conflict, so there is no

confusion as to have longer covered by the cover of international protection or not. And that the cultural property is a part of the built environment as that created by human. However, this protection has been clouded by deficiencies during an armed conflict. As the agreement was not possible to fully implement, it is the fact that most of the armed conflicts, internal conflicts as well as a special protection system failure and also the weakness of the control mechanism of application of the Convention. As shown that an evident in the aftermath of the tragedy that occurred in the former Yugoslavia from the intentionally destroy of the Mostar Bridge and the bombing of the old city of Dubrovnik prompted by UNESCO to re-examine the Convention [2]. Then series of meetings held in order to prepare a draft Protocol II, who presented at the Diplomatic Conference, which was held between 15th -26th March of 1999 and the conference adopted unanimously in the text of the Second Protocol of 26.03.1999. [2]. The international protection of the environment is constructed and included in this protocol during an armed conflict, whether international or internal ([1]). As well as creating enhanced protection system organized by Article 11 of Protocol II. As the right to each party wishing to put cultural property under enhanced protection to submit to the Commission, – the committee established for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict consists of (twelve) party elected, then issued by the meeting of the Parties to the list of those cultural property which necessitates a request granted enhanced protection.

It went the will of the High Contracting Parties to the Second Protocol of 1954 to innovation enhanced protection as organized in Chapter III of this Protocol in the material of the tenth until the fourteenth ([2]). As Article 10 authorized put cultural property under enhanced protection and requires the availability of the following three conditions:

1. That cultural property is a heritage and Cultural on the biggest side from mankind importance. Here, we conclude that it must be characterized by cultural property to be placed under enhanced protection that it is not of an individual, but also the importance of international significance of the group represented by many of the people even arguably relevant mankind importance, meaning that its survival and protection prevail in the intellectual and cultural mankind peoples' utility when brews have found.

2. Such property was protected by appropriate legal measures and management at the national level to recognize its cultural and historical worth, to ensure the level of protection. This means that the national authorities are protecting the property before requesting placed under enhanced protection. This condition, because we believe rightly enhanced protection, is a confirmation enhancing precedent for the protection of cultural OWNED worthy of international protection of cultural significance and human.

3. Not to be cultural property to be placed under the enhanced protection at this time used for military purposes or as a shield to protect military positions. It requires that declares the party be monitored, it would not be used for military purposes.

And ours to wonder is it possible loss of enhanced protection of cultural property, suspension and cancellation?

We have replied Article 4 of the Protocol on this question, when it gives the right of the Commission to suspend the inclusion of cultural property enhanced protection or cancel by deleting that property from the list, when the fail cultural property to fulfill any of the criteria contained in Article 10 of this Protocol to which we have referred. When the fail cultural property to fulfill any of the criteria contained in Article 10 of this Protocol to which we have referred previously. The Article 14 gave the session of the Committee on the right to suspend the coverage of the cultural property of enhanced protection in the event of a serious violation of Article XII of the Protocol as a result of its use in support of the military action. In sum, The Hague Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict of 1954 and its Protocol is one of the international conventions which provided the international protection of the environment, specifically the built environment.

Section II

The Convention on the Prohibition of the Development, Production and Stockpiling of Bacteriological for 1970

The Convention contains a clear confirmation of the effective prohibition of chemical weapons, and pledged to continue negotiations with a view to access to effective measures necessary to prohibit the Development, Production, Storage personnel mines as the target of a fundamental objective should be access it. The Articles I, II and X of the Convention are the above concepts ([3]). As reported the First Article confirmation of the prohibition of all arms whether germ warfare, biological so as not to be used in military purposes during an armed conflict this interrupt every effort of harm to the environment in times of an armed conflict. The Second Article of the Convention itself, the commitment

[1] The Article (43) of Protocol II of 1954 which entered into effect on 9/3/2004 after the deposit of document of ratification twentieth.

[2] Articles (10, 14) of the Convention on the Second Protocol to The Hague Convention of1954M.

[3] Material (02/01/10) of the Convention on the Prohibition of the Development, Production and Stockpiling of Bacteriological to 1970.

of each State party to destroy all what it has of weapons and equipment mentioned in the First Article whether these weapons under their jurisdiction or control or that the transferred for use to peaceful purposes. Stipulating this Article to take all necessary precautions to protect the environment, the Article 10 in the second paragraph, it called on the international community to be a leading role by the parties to the Treaty of the international protection of the environment and the maintenance of their natural resources. It is so effective claims the elaboration and application of collective policies for economic development, and the protection of the environment, and the use of technological development in the field of activities bacteriological (biological) for peaceful purposes. In order to achieve the full, the natural environment of international protection, and from images that achieved is the failure of States during an armed conflicts and the destruction or targeting the ad hoc installations peaceful activities so that there would not be impeded ([4]).

Section III

Convention on the Prohibition of the Use of Environmental Modification Techniques for Military or Any Other Hostile Purposes 1976

The provisions of the Convention emphasize, inter alia based by the States parties to achieve its objective the use of these technologies for military purposes or hostile acts that may have significant adverse effects on human welfare. The Convention emphasizes the effective prohibition of the Use of Environmental Modification Techniques for military or any other hostile purposes aimed at the elimination of the use of the dangers for humanity. The first, fourth and fifth materials have shown this Convention for these purposes. As agreed by the States parties to this Convention to what came in the First Article of which and assumed not to resort to such acts in time of armed conflict and the use of techniques that would bring about a change in the environment and lead to the far-reaching implications in terms of its deployment on the wide areas of lands or to have a characteristic remain in the air or land or sea for long, causing big damages all creatures, objects or that those techniques explosive or severe impact on the natural environment. Through the excessive use of those techniques for military purposes or any other hostile purposes as a means of inflicting damage or destruction or Incurrence of losses to other parties participate in time of armed conflicts or hostilities or means of other hostile acts. And that paragraph (3) of Article 1, recommended on States parties, vowed to abide not to assist or encourage or fortifying of any group of States or any international organization to adhere in activities incompatible with the provisions of this Article.

That Article Fourth of the Convention obliges States parties to take all measures and through constitutional bases for the prohibition and prevention of any activity lead to a violation of the provisions of the Convention, so that cannot any State party to the Convention to find any justification under the national laws of the violation of the provisions of the Convention. That Article 5, paragraph (5) of which stipulates (vows to each of the States parties to the Convention, in accordance with the provisions of the Charter of the United Nations aid or support, any State party requests that, if the Security Council decided that this party has damaged or likely to be affected as a result of a violation of the Convention).

It is clear that these legal materials for the categorical in read, as its ruling does not stop at the commitment the president the obligation not to use of environmental modification techniques. But there is a commitment to address the damage to the State party. But the pledge includes addressing the damage to the State party and provides support and assistance to the State party in which there is a possibility that they will be harmed as a result of a violation of the Convention if the report of the Security Council.

Therefore, this Convention are not determined or observe certain time on the basis of Article 7 of the Convention, which stipulates that: ((this convention of indefinite duration)), which holds the international community the full commitment bound since the pledges at all times in order to preserve the lack of any changes in the environment due to the use of advanced technologies scientifically during an armed conflict and thereby preserve and attention to the protection of the international environment.

Section IV

Convention on the Prohibition of the Development, Production, Stockpiling and Use of Chemical Weapons and on Their Destruction of 1993

The Convention prohibits chemical weapons has been defined in the Convention Article toxic chemicals as any material that could be through defused a chemist in the vital operations that there is a death or a deficit temporarily or permanently damaging humans or animals including all chemicals of this kind ([5]). That Article 1 of the Convention included the general

[4] Article (10 / 1.2) of the Convention on the Prohibition of the Development, Production and Stockpiling of Bacteriological to 1970.

[5] Article (2/2) of the Convention on the Prohibition of the Development, Production, Stockpiling and Use of Chemical Weapons and on Their Destruction of 1993.

obligations of States parties undertake not to produce chemical weapons or owned or stored or transferred, since the possession of chemical weapons necessarily mean stored and then transmitted from one place to another when necessary. In this a significant risk to the environment if it was exposed to explosion for any reason, and that applies to the use because the biggest danger: Paragraphs (2,3,4,5) of Article 1.The obligations on States parties) contains provisions to destroy all chemical weapons owned and maintained destruction includes also any chemical weapons have left on the territory of other States parties to this Convention, as well as the facilities whereby the production of such weapons, the destruction that would not allow for the production of these destructive weapons again. Paragraph (5) of this Article had committed States parties not to use in the field of anti-riot police as a means of the means which can be used in war or during an armed conflict, as the chemicals used to influence the nervous system, the participants in the riot. From the above it is clear that the basic premise that led to the conclusion of that agreement is to protect the natural environment and organisms and dignitaries in the States parties. It is therefore for international protection for the environment of all kinds and its components were to be of the obligation not to develop chemical weapons or their productions or stored, or use and measures and procedures to ensure the destruction of these weapons, and also destruction of its production facilities. Backing to the Article 5 again, we believe that there are legal provisions are binding on all the parties in respect of the facilities for the production of chemical weapons, the paragraph (4) include provision stating: (stop every State party immediately all activity in the facilities for the production of chemical weapons ... except activity relief required). Either paragraph (5) of the same Article states that: ((not any State party to build a new facility for chemical weapons or amend the list of facilities for the production of chemical weapons for any activity prohibited under this Convention) from this conclude that this convention has established the basic principle of the preservation of the environment and of any risks may be caused by those weapons. Paragraph (7) of the same Article obligates States parties' full commitment to the implementation of the requirements of the international organization on the Prohibition of the production or storage of chemical weapons in the points below ([6]):

1. The State party is committed too close of all chemical weapons production facilities in a time period not to exceed ninety days of the entry into force of the Convention on the right to provide notification to the General Secretariat of the International Organization. It allows for investigation to play its role in the follow-up to the State party commitment to the provisions of the Convention and its operational procedures.

2. The State allows by harnessing its means access to Inspection teams to chemical weapons production facilities all after closing it to make sure these teams from closing those facilities until the completion of the destruction done by location monitoring devices that take their places in chemical weapons production facilities.

From this we conclude that this paragraph includes the need to close all chemical weapons production facilities. The States parties must inform the international organizations so that the inspection teams' role in the verification of completing this procedure. Explaining that paragraph providing the potential of the inspection teams to reach production facilities to make sure that the teams of the closing of the facilities in preparation for taking measures destroyed under the supervision of the international organizations.

Paragraph (11) of Article 5 stipulates that: (took over each State party a top priority to ensuring the safety of people and the protection of the environment during the destruction of chemical weapons production facilities, and the destruction of each State party facilities for the production of chemical weapons in accordance with national criteria...)

Article 7 of this convention is under the title of (the national implementation measures). They indicate two: the first case: the general commitment which must abide by the State party explains that was clear in paragraphs (1, 2, 3) of the Article.

The second case: organizing the relationship between the State party and the international organization are explained in paragraphs (4, 5, 6, 7) of Article above itself, as shown below:

The first situation under paragraph (1) of this Article, defining the obligations and commitments that should be the obligation on States to implement, including:

1. Banning of natural and legal persons, whether individuals or organizations residing on its territory or in any other places under its jurisdiction to carry out any activities prohibited any State party to this Convention by application of the provisions of the international protection of the environment. It also must be on the State party to issue a deterrent national legislation to confirm the ban, which was adopted by the international community and supported.

2. Does not allow a State party to this Convention undertakes an activity prohibited in places under their control to be targeted against any State party to this Convention.

3. Prohibiting the international protection of the environment on the Prohibition of the production of

[6] Article (5/7) of the Convention on the Prohibition of the Development, Production Weapons, Stockpiling and Use of Chemical Weapons and on Their Destruction of 1993.

chemical weapons to the State party not to participate in any proscribed activities.

Paragraph (2) of this Article, the State party has opened how to cooperate with other States parties, especially in the area of legal aid in order to facilitate the obligations in paragraph (a) above.

It is clear that the common interest which is the protection of the environment from chemical weapons can be achieved if there is a legal commitment with the items of this Convention, either paragraph (3) of this Article gives the first importance of the safety of human beings and protection of the international environment through the implementation of this Convention, starting from the announcement of these prohibitions are passing through the phases of the investigation and inspection of chemical weapons production facilities and Completely destroyed in the final phase as stated earlier.

The second case: it is represented in paragraphs (4, 5, 6, 7) of this Article, as it is calling paragraph (4). Each State party must establish a national body in the process of securing the communication between the State party and other States, to achieve the legal obligation, committed by the State party in order to achieve the destruction of chemical weapons production facilities and this required paragraph establishment of this body at the start of the implementation of this Convention.

Paragraph (5) compels the State party to inform the organization of legislative and administrative measures; all required by the implementation of the Convention in the area of destruction of chemical weapons facilities. Paragraph (6) obliges the State party to maintain the confidentiality of the information and data received from the Organization. Paragraph (7) obliges the State party to provide assistance and all means of cooperation with the Organization for the exercise of all its functions.

The conclusion of the above that this part of Article 7 included the legal obligation of the State party to implement the Convention, which aims primarily to the international protection of the environment and the safety of human beings and the rest of the organisms' objects. This in turn underlines the keenness of the international community in the provision of international protection of the environment.

The Convention provides international protection of the environment, the prohibition of chemical materials for harming public liberty human and animal, and expand the scope of the ban to include the herbicide varieties, and environmental considerations when the destruction of this disarmament as banning the dumping in the water or burial in the ground or incineration as a means of destruction (11) [3], resulting in the provision of international protection of the environment during an armed conflict and in the time of peace, and this is an evident in the establishment of an international organization to control the implementation of the items of this Agreement.

Second Demand
Indirect Agreements International Protection of the Environment

We will discuss the indirect international protection of the environment conventions with three branches in this Convention. We have dedicated the first section of the Convention on the Prevention of the Crime of Genocide of 1948. The Convention on Prohibitions or Restrictions on the Use of Certain Conventional Weapons, it can be considered Excessively Injurious or to have Indiscriminate Effects of 1980, in section II. In section III we have studied the Convention on the Prohibition of the Use, Stockpiling, Production and Transfer of Anti-Personnel Mines and on Their Destruction of 1997.

Section I
The Convention on the Prevention and Sanction of the Crime of Genocide of 1948

The name of genocide indicates the policy of mass murders organization usually by governments rather than individuals. Against various groups committed during the genocide attempts to the communities and peoples on the basis of national or ethnic and religious sects, or political as classified as an international crime in the Convention the United Nations approved unanimously by in 1948, and ratified by the following Arab countries: Egypt, Iraq, Jordan, Kuwait, Libya, Morocco, Saudi Arabia, Syria and Tunisia. The preamble to the Convention refers to the condemnation of the civilized world for crimes of genocide, promised the first Article of this Convention – genocide is a crime in accordance with the provisions of international law, and that the contracting States take it upon themselves to undertake to prevent their occurrence and also undertakes to punish its attribution for the purpose of saving humanity from the scourge and the prevention of harm to humanity and harm the environment and the fact that the stability of the human life requires all the humanitarian needs of the continuing life([7]). Including the preservation and protection of the environment during an armed conflict and to punish those who committed the crime of genocide, which is referred to in Article 3 of this Convention, which not only to punish at the time of the genocide, but came the punishment for acts which precede the occurrence of the crime of genocide was criminalized. When notaries are there is the protection of the environment through what caused this text from the impact of the abstention

[7] Articles.(1/2) of the Convention on the Prevention and Sanction of the Crime of Genocide of 1948.

from the commission of an act constituting a crime, and thus the safety of humanitarian and not to commit such a crime and the occurrence of the damage to the environment. Article 4 of this Convention, identifying the persons who are punished when they committed the crime of genocide, where the punishment expanded to include the rulers and employees, or individuals. When stipulates that: (punishable perpetrators of genocide or any of the other acts enumerated in Article III of the constitutionally responsible rulers, public officials or individuals) ([8]).

From that turns out that environmental protection is the duty of the text was not the perpetrator of the crime of genocide with impunity when committed any crime (genocide), which are detrimental to humanity like a human being and the needs of his life and of which natural and environmental. And Article 8 of the Convention to allow the United Nations to play an active role in the protection of the environment, through the granting of the right of any party of the contracting parties to request the United Nations organs for the protection of the environment. This is confirmed in the advisory opinion of the International Court of Justice in its consideration of the issue of nuclear weapons in the year 1996, as the court said that respect for the environment is one of the elements in the assessment of whether military action was in accordance with the (the principle of necessity). The Court stated that States must take environmental considerations in protection when assessing what is necessary and proportionate in the pursuit to determine the legitimate military objectives ([9]). It can be seen that the court had paid attention to the environmental aspects during an armed conflict and the competent authorities to take in accordance with the Charter of the United Nations as it deems appropriate an appropriate measure to prevent acts of genocide and suppression, for the purpose of the maintenance of humanity and its continued existence in time of peace and war. Mankind is linked to the availability of the availability of the necessary needs of the human person and those around him, in the forefront of those needs to maintain a sound environment and inform them international protection in peace and during an armed conflict.

Section II

Convention on Prohibitions or Restrictions on the Use of Certain Conventional Weapons which may be Deemed to be Excessively Injurious or to have Indiscriminate for the year 1980

The world has witnessed wars for use by the parties to the conflict and the means and methods of fighting caused pains and unjustifiable ([10]), called on the international community to move forcefully to ensure better protection for victims during an armed conflict, organized by the International Committee of the Red Cross conference of governmental experts aimed at the development of international humanitarian law applicable in time of armed conflict. Discussed at this Conference the question of the prohibition of the use of certain weapons, adopted by the General Assembly of the United Nations call for convening an international conference to prohibit the use of certain conventional weapons with taking into account the requirements of military and humanitarian were identified and conventional weapons of the harmful impact of indiscriminate. The conference resulted in the holding of the Convention on 10.10.1980 [1].

States parties to the Convention on the adoption of important principles adhere to all States Contracting Parties, including that the parties involved in the armed conflict do not have the absolute right to choose methods or means of warfare but governed by international humanitarian law and international environmental law, calling for respect for the principle of depriving used during an armed conflict missiles and weapons materials and methods of warfare which could cause or cause excessive damage. And this is in turn also to damage to the environment during an armed conflict. If this were implemented the Convention fully adhered to the States Parties, it would not accept the doubt to the protection of the environment against direct and indirect damage.

Section III

The Convention on the Prohibition of the Use, Stockpiling, Production and Transfer of Anti-Personnel Mines and Their Destruction of 1997

The conviction of the signatory parties to that Convention to do the utmost to contribute in an efficient and coordinated manner to facing the challenge of removing anti-personnel mines planted in various parts of the world and the assurance of their destruction, based on the principle that prohibits during an armed conflict to the use of weapons, projectiles and materials, and methods of warfare of a nature to cause superfluous injury or unnecessary suffering, and on the principle that a distinction must be made between civilians and combatants have therefore States parties to protect the part of the environment during an armed conflict, as reported the First Article of the Convention and the general obligations, including:

[8] Article (4) of the Convention on the Prevention and Sanction of the Crime of Genocide of 1948.

[9] International court of justice. Nuclear weapons case, advisory opinion

[10] Article.23/e) of the Regulation concerning the Laws and Customs of War on Land of 1907.

1. Each State party undertakes not under any circumstances: the use of anti-personnel mines and in so doing to prevent pollution of the environment these mines, and pledges to item (b). Not to use, or production of anti-personnel mines or acquisition or in any other way, or stored or retain or transfer to any place directly or indirectly. In item (c) the Parties undertake not to assist or encourage or whatever in any way to do any activity prohibited to a State party under this Convention: a negative obligation so that there would be no extension of lid help to broadcast mine clearance and damage to the environment.

2. Each State party shall undertake to destroy all anti-personnel mines or ensure destroyed in accordance with the provisions of this Convention. And the Third, Fourth and Fifth Articles for the nineteenth reported the ban to protect the natural environment of the damage that afflict. We have adopted the Convention the criterion of a comprehensive ban on anti-personnel mines both the use or storage, or production, or transfer, or destruction, has paid considerable attention to ban the use of mines by giving the First Commit to address other than the Convention on the Prohibition of the Chemical Weapons Convention of 1993, provided elements other prohibitions on the use of, the Convention referred to the obligation of States parties made a statement of the environmental impacts of the request for the extension of the duration of the destruction of anti-personnel mines in the Convention([11]).

It is clear from the foregoing that the international conventions for the comprehensive ban of weapons of a particular provide effective legal protection of the environment during an armed conflict and attention to this protection even when the destruction of those weapons.

Second Section
The Role of International Organizations and National Legislation for the Protection of the Environment during Armed Conflicts

In this section we will try to show the role of international organizations in the protection of the environment in the first requirement. Then the role of national legislation is to protect the environment in the second requirement. We will discuss it in accordance with the following:

The First Requirement
The Role of International Organizations

They have exercised a significant role in protecting the environment during armed conflicts and to highlight the role of these organizations, we will discuss this requirement in the role of the United Nations Organization in the section I, and in the section II, the role of the International Committee of the Red Cross.

Section I
The Role of the United Nations Organization in the Protection of the Environment

We have started the United Nations efforts to protect the environment before and during the Second World War. In cooperation with some Governments many agreements and protocols have concluded, with the beginning of the 1940s and 1950s, all of which are working in the protection of the environment, in 1969 the proclamation confirmed by the General Assembly of the United Nations in Article (13) of the protection of the human environment improvement must be the desired objectives. Thus I returned the beginning of the 1960s is the starting point for the emergence of groups of the conventions and protocols on the protection of the environment [4], and the convening of the United Nations Conference on Environment in the city of Stockholm in Sweden in 1972, in 1977 the International Conference on environmental education in the Soviet Union [5], at the international level focused conferences to discuss the problem of damage to the environment during an armed conflict. The efforts of the International Law Commission of the United Nations role in the adoption of the draft Code of Crimes against the Peace and Security of Mankind, Article (twenty-second session), for serious war crimes which read: (all of an individual who commits a crime of exceptionally serious war crimes or orders the commission, shall be liable on conviction thereof). It is intended the crime of war grave: (breaches of the Geneva Conventions of 1949 and causing extensive destruction to property or seizure was not justified by military necessity and carried out unlawfully and indiscriminate manner).

And other efforts on the protection of the environment during an armed conflict is the program of the United Nations Environment Program (UNEP) and the General Assembly, and the international conferences in addition to the role assigned to the International Committee of the Red Cross to establish guidelines concerning this issue, at the beginning of the conflict the Gulf War of 1991, through the Governing Council of the United Nations expressed concern about the environmental destruction and decided in May of 1991 to recommend that Governments study carefully, Arms and cessation of hostilities and the use of the technologies which have adverse effects on the environment. As the Governing Council invited the General Assembly to review the Convention on the Prohibition of the techniques of change in the environment and indeed the

[11] Article.(5/4), of the Convention on the Prohibition of the Use, Stockpiling, Production and Transfer of Anti-personnel Mines and on Their Destruction of 1997.

holding of this Conference for the period from 14th -18th of September, 1992. The formulation of the environment during the Gulf crisis present in the discussions of the Conference. As the Conference issued a statement calls to strengthen the procedures for the implementation of international commitments in the area of the protection of the environment during an armed conflict [6]. The United Nations has also collaborated with many other organizations in the area of environmental protection, in 1993, established the Organization of the International Committee of the Red Cross in Geneva to work in cooperation with the United Nations on the protection of the environment of disasters and pollutants [5]. As well as the environment during the US occupation of Iraq in 2003 from the great damages included the natural environment and the constructed environment used forbidden weapons, all of the cluster bombs and Phosphorescent, uranium and there was no deterrent despite all the international conventions and protocols on the prohibition of these weapons in time of armed conflict. Therefore, the duty of the international community to consider the process of exclusivity of the international resolution to take the legal procedures as a deterrent to those in harm to the environment in times of armed conflict, the United Nations has played an active role in advocacy for the protection of the environment through advocacy to Conferences which calls for the Prohibition of Chemical Weapons, which harm the environment in the times of armed conflict.

Section II
The International Committee of the Red Cross in the Protection of the Environment

Established by the International Committee of the Red Cross Robert Mani in Geneva in 17.02.1863, it stemmed from the international movement of the Red Cross and Red Crescent Societies [7]. The International Committee of the Red Cross is the organization of independent and impartial function purely humanitarian is the protection of the lives and dignity of the victims of armed conflict and internal violence and to help them, this Committee has sought to prevent suffering through the dissemination of international law and humanitarian principles and strengthen the world [8]. The International Committee of the Red Cross to the active role in taking the initiative of the codification of the rules of international humanitarian law and the Geneva Conventions also under the auspices of the Committee, as well as The Hague Conventions two for 1899-1907 Protocol to the Geneva Conventions of 1925([12]). Earlier, the International Committee of the Red Cross in November for 1920 the message to the General Assembly of the League of Nations proposing an absolute prohibition on asphyxiating gases. In the year of 1921, and obtained the agreement of the Tenth International Conference of the Red Cross on the absolute mistake to use the gas as a weapon, either released through the air or missile mediation or otherwise [8]. The Committee had contributed in the areas of humanitarian serve including proposal and the formulation of humanitarian agreements on the basis of respect for the dignity of the human person as well as the Fourth Geneva Convention, concerning the protection of civilians in time of armed conflicts [9]. This contributed to the Committee in the prohibition of weapons of mass destruction through urged states to ban, embody that through the declarations and international conferences held by, in a resolution adopted unanimously by the International Conference in its (17) of the Red Cross (ICRC), held in Stockholm in August 1948) appealed to States formally the prohibition of recourse to blind weapons and the use of atomic energy, or any other similar purposes of war [10]. We conclude from the foregoing that the Committee plays a strong role in the protection of the environment, promote through the convening of several international conferences for the development of rules of international protection of the Environment, adopted resolutions calling upon States to the elimination of weapons of mass destruction and the prohibition of all weapons that threaten the environment during an armed conflict, and thus reflected the role of the International Committee of the Red Cross the perpetrator in the protection of the environment, whether a natural environment or constructed environment.

Reference list

1. *Dr. Sharif Atlam, Mohammad Maher Abdel Wahed*: Encyclopedia of Humanitarian International Law Conventions, I. 4, the International Committee of the Red Cross (ICRC), Cairo, 2004.
2. *Vito Rio Minetti*: New Horizons for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict, Entering the Second Protocol to The Hague Convention 1954 into Effect, International Review of the Red Cross, 2004.
3. United Nations Environment Programmer, Protecting the Environment during an Armed Conflict an Inventory and Analysis of International Law, (UNEP), November, 2009.
4. *Dr. Badria Abdullah Al-Awadhi*: The Role of International Organizations in the Development of International Law, Research Published in the Journal of the Kuwaiti Law, Faculty of Law, The Ninth Year, Second Edition, 1989.
5. *Dr. Majid*. Unwilling Sweet: The Environmental Protection Act, Legal Library to House the University Publications, Alexandria, 1999.

[12] Additional Protocols to the four Geneva Conventions of 1949.

6. *Dr. Salah Abdul Rahman AL-Hadithi*: The International Legal Regime for the Protection of the Environment, I. 1, Halabi Legal Advice, Lebanon, Beirut.2010.
7. *Henry Dunant*: A Memory of Solferino: Arabization, d. Sami Zarzis, The International Committee of the Red Cross, 3rd Floor, Geneva, 1994.
8. Parliamentary Working Directory (1) Respect for International Humanitarian Law and Ensure Respect for, The International Committee of the Red Cross (ICRC), Switzerland, 1999.
9. *Akila Hadi Issa*: Towards International Protection of the Human Right to the Environment, Master Thesis Submitted to the Faculty of Law, University of Baghdad, 2000.
10. *Francois Bugnion*: Fifty Years Ago a Disaster Befell Hiroshima, Search in International Review of the Red Cross, Number 43 of the Third Year, the International Committee of the Red Cross, Geneva, 1995.
11. *Dr. Ahmed Mohamed Hashish*: Legal Concept of Environment in the Light of Contemporary Weapons Law, The National Library of Legal, Egypt, 2008.
12. *Tarek Ibrahim El Desoki Atia*: Environmental Security and the Legal System to Protect the Environment, the New Dar University, Egypt, 2009.
13. Environmental Protection in the United Arab Emirates, the Site on the Internet: https://www.abudhabi.ae/portal/faces/link;jsessionid
14. *Dr. Kazem Mikdadi*: Iraqi Environment, Research Published in the Journal of Civilized Dialogue, Number 1407. 2005.
15. *Imad Jassem Obaid*: Environmental Legislation in Iraq, c 1, I. 1, Library and Archives, Baghdad, 2012.
16. *Dr. Nawar Daham al-Zubaidi*: The Legal Framework for the Protection of the Environment in Iraq, Research Published in the Journal of the Legislation and the Judiciary, on the Internet site: tqmag.net/body.asp?field=news_arabic&id=454

International conventions

1. The Regulation concerning the Laws and Customs of War on Land of 1907.
2. The Convention on the Prevention and Sanction of the Crime of Genocide of 1948.
3. The Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict in 1954.
4. The Convention on the Second Protocol to The Hague Convention of1954.
5. The Convention on the Prohibition of the Development, Production and Stockpiling of Bacteriological to 1970.
6. Additional Protocols to the four Geneva Conventions of 1977.
7. The Convention on the Prohibition of the Development, Production, Stockpiling and Use of Chemical Weapons and on Their Destruction of 1993.
8. International Court of Justice. Nuclear Weapons Case, Advisory Opinion.
9. The Convention on the Prohibition of the Use, Stockpiling, Production and Transfer of Anti-Personnel Mines and on Their Destruction of 1997.

УДК 341.1/8=111

Сылкина С.М.,
кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права факультета международных отношений
Казанского национального университета им. аль-Фараби Галыма Мутанова

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В данной статье рассматриваются вопросы международно-правового регулирования энергетических отношений, показан исторический аспект их развития. Автором показаны проблемы в области энергетики, с которыми столкнулось человечество в настоящее время. Это – энергетические вызовы, продиктованные процессом глобализации, ускоренные ростом экономик и населения в отдельных регионах, исчерпанием и крайне неравномерным распределением ресурсов на планете, чрезмерной неблагоприятной нагрузкой на окружающую природную среду. Большую роль автор уделяет сотрудничеству государств в области энергетики, как способу решения данных проблем. Особую актуальность приобретает проблема совершенствования международно-правового регулирования энергетических отношений, как на универсальном, так и региональном уровне.

Ключевые слова: энергетические отношения, международное агентство по атомной энергии, международное энергетическое агентство, сотрудничество, топливно-энергетические ресурсы

Sylkina S.,
PhD in Law, Associate Professor of Chair of International Law of the International Relations Faculty
of the Kazan State University named after al-Farabi Galym Mutanov

INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF ENERGY RELATIONS: HISTORICAL ASPECT

Questions of international legal regulation of the energy relations are considered, the historical aspect of their development is shown in this article. The author has shown problems in the energy sphere which the mankind had faced now. These are the energy calls dictated by globalization process, accelerated by growth of economies and the population in certain regions, exhaustion and extremely uneven distribution of resources on the planet, excessive adverse load of surrounding environment. The author shows a big role to cooperation of the states in energy as to a way of the solution of these problems. The problem of improvement of international legal regulation of the energy relations, as at the universal and regional level is acquired special relevance.

Keywords: energy relations, International Atomic Energy Agency, International energy agency, cooperation, fuel and energy resources

The first regulation of the energy relations fulfilled on the basis of agreements on trade, because trade between different countries consigns to the remote part of its roots. Participants of trade relations were representatives. Since early times trade treaties were signed. They affirmed "the right of the public" (jus gentium). The aim of these treaties was fixing of the certain guarantees interfering discrimination and violation of the rights and interests of the states.

Questions of trade by energy carriers remained outside of international legal regulation during a long time despite of, for example, trade of coal or firewood, construction of mills always existed in the foreseeable past. Accessibility of these resources did excessive such regulation at the interstate level during an era of manufactory production (later – to widespread using of steam-engines).

In the ancient time and in the middle ages questions of energy were regulated only in relation to military science. For example, the emperor Theodosius I has forbidden training of "barbarians" in construction of sailing ships by his special edict. Chinese and Arabs protected a gunpowder production secret carefully. The history of finding and losses of secret of "the Greek Fire" contained several centuries.

The Law of the Kingdom of the Netherlands about a ban of export of windmills (February, 1752) is an example of legislative regulation of international trade by propulsion engines for peaceful purpose. As the historian Carrel Davies notes: "since that time nobody

had the right to help foreigners to buy, build or transport separate parts of the Dutch windmills and also to export the tools intended for their construction" [11].

The agreements connected with energy cooperation contained in agreements on economic cooperation during long time. These agreements were an integral part economic. Thereby, history of the international cooperation in the energy sphere can be deduced only having paid attention to economic cooperation of the states, because even branches of the energy and economic law are in very close interrelation being interpenetrating. Except this many researchers have the opinion that the international energy law was segregated as branch from the international economic law.

The period of Modern time is characterized by the fact that trade agreements were not only local around participants and regulated questions, but they were unstable at the same time. Fixing of exemptions and privileges were happened therewith constant negotiation of treaties for equation of the appropriate rights of their participants.

Creation of the first international economic organizations belongs to the period which was over by World War I. Many researchers recognize the international organization as a universal form of alliance of the states for united conducting economic activity [7]. This form of co-operation has allowed combining respect of sovereignty of the states with restriction of their insulation in certain spheres. For example, the governments of two or more contracting parties had to work according the regulation of some questions of economic activity.

So, the first international organizations which have united the leading states for the organization of economic activity were: The Geodetic Union (1864), the General Cable Corporation (nowadays – the International Union of Telecommunication) (1865), the World Meteorological Organization (1871), the World Postal Union (1874), Metrological Committee and Bureau (1875).

Therefore bilateral or regional regulation of cooperation didn't concede to multilateral cooperation by their meaning in the sphere of economy and resources.

In the beginning of the 20th century the world war and world economic crisis rejected process of international legal regulation of trade far back. The national states have returned to practice of restrictive tariffs. The working of most favored nation treatment has been suspended; the economic communications created in decades (including energy carriers in the sphere of trade) have been broken. Fight for control over the territories rich with fuel and energy resources accrued.

At the end of the 19th century D. I. Mendeleyev wrote: "Nowadays even the majority of wars are defined by the industrial relations of the countries obviously or not, especially if outturn of feedstock in the occupied territory is joined to their numbers" [13].

There was a strengthening of state regulation of energy branches during this period. This tendency was the general for all developed states in result of the following reasons:

– these branches are strategic, the national economic and defensive capacity, and also a state of environment depends from them;

– branches of fuel and energy complex are entirely capital-intensive. Recoupment of investment takes many years in them. It demands the state participation, financial and economic support;

– thereby of branch specifics of the energy companies hold a monopoly position, but stable functioning of all industries, transport, agriculture, defensive capacity of the state depends on a condition of their work [5]. Therefore questions of the international regulation of trade in energy resources and electrical supplies (they are considered services in a number of the states) didn't consider at the international conferences convoked under the aegis of League of Nations.

Development of world economy was followed by strengthening of energy consumption during the period after World War II that demanded implication into economic circulation new volumes of natural energy resources in spite of increase of efficiency of using of energy resources. Increase of gauge of reproduction processes in energy branches of the certain states has brought to growth of international trade in energy resources, formation inter-country, regional and world markets (on oil) in the conditions of unevenness of accommodation of the main producers and consumers of energy resources in the middle of the 20th century.

In particular, as Ali Dakher-at-Tufayli (Egypt) notes that at the XIX-XX century's oil capital investment began to play the main role in restriction of economic independence of developing countries: those from them where oil was extracted got to economic dependence from big customers of oil monopolies [1].

In the Middle East oil monopolies ("Seven Sisters": "EXXON", "Galf", "Teksako", "Mobile", "Chevron", "British Petroleum", "Royal Dutch Shell" and the French state energy company – Federal Energy Regulatory Commission) have extended the domination to oil of Iran (1901), Bahrain (1920), Iraq and Kuwait (1932 – 1938) and also to oil of Saudi Arabia (1933) and Qatar (1938). The Dutch firms have received on super favorable conditions concessions on the islands of West Indies, the English-Swedish firm "Nobel – Fuel Oil" – in Azerbaijan, the American firms and "Shell" at the direct armed intervention – in Latin America and in other regions.

As possibilities of military annexation of territories rich with energy resources (use of such opportunities was limited to danger of emergence of new world war with

using of weapons of mass destruction) of the developed states were reduced notably during the post-war period. Requirements for energy carriers have considerably increased. The problem of legal regulation of interaction in the energy markets and organizational registration of such interaction has aggravated.

So, the Final act which has founded the General agreement on tariffs and trade has been signed on October 30, 1947. I.I. Dyumulen noted that the Final act established GATT as the temporary agreement, "governing trade relations for the period before entry into force of the Charter of MTO, and it contained the Protocol on temporary application of the General agreement on tariffs and trade" [4].

The text of GATT has come into force since January 1, 1948. This document became the first multilateral interstate agreement in the history of international trade. Its importance for international trade can be compared to importance of the Charter of the UN in the sphere of the international relations [2].

The second half of the 20th century was marked by growth of regional economic corporations and expansion of bilateral regulation of the international economic relations by the states. "The power component" of such regulation was looked through rather accurately. For example, researchers directly connect formation of cooperation of socialist member countries of CMEA with the developed countries of the West with realization of large energy projects, construction of facilities of power, investment into fuel and energy complex of the third countries, creation of the joint marketing organizations and association of interconnection in Europe (construction of the high-voltage power lines "the East – the West", pipeline system and etc) in the 60th years of the 20th century [14].

The European Economic Community has inspired many states for establishment of the Customs unions and free trade zones during this period. Even the USA has signed the North American Free Trade Agreement (NAFTA). Making with initiative of creation of NAFTA, the USA has expressed willingness to refuse a role of the assertor of the multilateral regulation of international trade which is basis of GATT and to follow the example of Europe, to become the supporter of regional preferential agreements.

Creation NAFTA indicated that in case "GATT isn't reconsidered i.e. if "the Uruguayan round" isn't successfully completed, the organization of world trade will depend on the bilateral relations and on the relations based on balance of forces between the European block, the North American block and Japan (and, perhaps, in the future China)" more and more.

However it is necessary to recognize that was a lack of the majority of regional economic unions was lack of specialized agreements on questions of power cooperation of the states – participants.

The second half of the 20th century was marked by formation of the global markets of energy resources and investment. In general formation of the world oil market has ended. Increase of the competition in the world markets restrained artificially using existence of two antagonistic military-political unions during long time. However importance of interstate regulation increased constantly in energy sphere during all post-war time.

These processes have begun in the developed countries of the West earlier than in the countries of CMEA or the states of the Asian-Pacific region. The reason was sharpness of energy problem. Political unions of the export states of hydrocarbon raw materials became reaction to consolidation of the states consumers of energy resources. There were two centers of global power policy: the Organization of Petroleum Exporting Countries (OPEC) formed in 1960, the Intermountain Power Agency (IPA) created in 1974.

Creation of the IPA became natural result of activity of the European international energy bodies created during the period of realization of the plan of Marshall. It was the plan of the economic and political assist of the USA to post-war Europe. The USSR and its allies have refused to participate for political reasons in this plan. Some organizations have been created earlier (for example, the European organization of the coal industry – London, 1944). The Organization for European Economic Cooperation (OEEC) has been created for realization of the plan. Necessity for transformation of the former organization to new structures arose in process of implementation of the plan of post-war restoration of Europe and strengthening of economic integration of the leading countries of Europe and also the USA and Canada. The European Economic Community (EEC) and the European Free Trade Association (EFTA) became the new structures [12].

In the structure of the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD) created in 1960 more than 20 bodies work, including: International Energy Agency, Environmental Directorate, Nuclear Energy Agency. The International Power Agency (IPA) created during oil crisis of 1973 – 1975 years occupies autonomous situation in this system since 1974 year.

Its task consists in assistance the countries in economy of energy and development of substitutes of oil. Besides, its members have made the decision on mutual redistribution of the oil resources in case of interruptions in supply with oil. Only 26 of 30 member countries of OECD enter in the IPA. In particular, "France has refused to participate in the body created at the initiative of the USA for the political reasons. France was afraid that it would strengthen the confrontation which had observed in the relations between industrialized countries and the export countries of oil. The agency has turned into the permanent organization; however it plays a modest role

being limited to collection of information about market condition of energy carriers" [9].

The European Atomic Energy Community created in 1957 (EAEC – EURATOM) works in cooperation with IPA. One of its main aims is assistance to member states in an assessment of a share of nuclear energy in the general energy production on a long-term outlook.

The IPA participates in development of legal acts of uniform standards of performance of work on construction and operation of the A-plant, improvement of security systems and environmental control together with IAEA.

Besides, researchers note such regional international energy organizations as the European Coal and Steel Community – ECSC (Paris, 1951) and the above-mentioned community EURATOM (Rome, 1957). The EURATOM has been founded simultaneously with the European Economic Community.

Work of the European states on creation of unified system of energy security needs to be estimated in unity with extensive and diverse activity of "energy" bodies of the Economic Commission for Europe (ECE) which is specialized division of Economic and Social Council (EKOSOS) of the UN. ECE was created in the period of the beginning of realization of the plan of Marshall at the end of 1946. The headquarters of the ECE is in Geneva.

The structure of the UN (ECE, UNCTAD), and also IAEA often became in bipolar Europe the binding bridge between the West and the East at the solution of questions of power cooperation during this period [8].

The second World energy conference was held under the auspices of the UN in Moscow on August 20th -23rd in 1968 year. It was the period of overcoming of consequences of "the Berlin crisis" of 1961 and restoration of the contacts between the European countries represented different social and political systems.

At this conference it was noted that rapid growth of demand for energy of all types in Europe didn't stabilize with completion of restoration of economy that contacts electricity consumption and natural gas for domestic needs, transportation of energy on long distances, transformations of one types of energy into others. It has led to increasing in a share of import of oil and gas among other energy carriers. Also, the conjunction of energy consumption per head with level of life and level of technological development has been noted. For example, consumption of energy on per head was almost identical in 1955 – 1965 years in Denmark and in the USSR.

Full merging of systems of transfer of the electric power of neighboring countries has already been provided in a number of regions of Western Europe by the beginning of the 60th years of the 20th century. The countries of continental part of Europe have united in the Union for the Coordination of the Production and Transport of Electric Power (UCPTE). Besides, the Franco-Iberian Union for Coordination of Production and Transport of Electricity (UFIPTE); association NORDEL which includes the Scandinavian countries; Austro – Italian – Yugoslavian association (SYUDEL) have been formed. The integrated electric energy system of Eastern Europe with control center in Prague has been formed in 1962 year. State regulation and the state participation have allowed realizing these amplitudinous projects in a short time.

Expansion of gas export from the Asian regions of the USSR, joint development of oil and gas fields on the shelf of the Northern and Norwegian seas, expansion of supply of gas on underwater pipelines from the North Africa, creation of overland pipeline system from the USSR to countries of Western Europe as tendencies of development of energy cooperation in Europe have been noted by the II World energy conference [10].

Such projects as construction of system of the oil pipelines "Friendship", Urengoy – Riga and Urengoy – Pomara – Uzhhorod gas pipelines were realized in 70 – the 80th years of the 20th century.

The control of fuel and energy resources and means of their transportation began to play an important role in definition of geopolitical positions of this or that country or group of the countries during the considered period. The question consisted in methods of implementation of such type of control. The energy crisis became an important signal for world economy in the early seventies of the XX century. Dependence of the leading powers from the Middle Eastern oil has generated many solutions of this problem up to direct military intervention. In our opinion such intervention is absolutely illegal.

Huge popularity was received by idea of sovereignty of the independent state over natural riches in the conditions of crash of colonial system and growth of national consciousness of the people of the countries of "the third world". Iraq was nationalized the oil industry in 1952 year. Then some other the states has followed its example.

The governments of five states – exporters of oil have founded the Organization of the Petroleum Exporting Countries (OPEC) in Baghdad in the 1960 year. It was done for strengthening of the positions – exporters of oil on the world market. The headquarters of this Organization has been in Vienna since 1965 year. Nowadays besides the countries – founders – Iran, Iraq, Kuwait, Libya, Saudi Arabia and Venezuela the Organization includes Algeria, Ecuador, Gabon, Indonesia, Nigeria, Qatar and the United Arab Emirates controlled up to 90% of world extraction of crude oil by the beginning of the 70th years of the 20th century.

Representative international conference which main attention was concentrated on energy, raw,

financial and economic global problems was held under the auspices of the UN at the beginning of 1976 year. The permanent commissions have been formed on its result. However these commissions couldn't be transformed to permanent bodies for a formulation and discussion of problems of consumers and producers of energy carriers through the spacious and complex dialogue between the rich and poor states which is carried out under the auspices of the UN.

After that problems of the international energy cooperation began to be formulated and be discussed in the context of global problems of environment [12]. So, for example, adoption of the United Nations Framework Convention on Climate Change and the decision on creation of the Commission on Sustainable Development (CSD) became important results of the famous United Nations Conference on Environment and Development which was held in Rio de Janeiro in 1992 year. It has been noted that greenhouse gases are the main reason of climate change in the Convention. First of all they are products of combustion of oil, coal and gas. It has been solved to develop the international energy dialogue for transition to purer energy, alternative types of fuel within the solution of an environmental problem of climate change.

The integration processes, obtaining a global scope, have significant influence on development of the world energy market [9; P.2]. Nowadays economic situation and development of energy is one of the most "difficult dilemmas of persistent development" [14]. On the one hand, the energy gets into all spheres of life of society. It is a necessary condition of persistent social and economic development of each state. Existence and accessibility of energy resources, ensuring their effective using and fail-safe deliveries in the modern world become the main factors of world progress, decrease in poverty, increase of welfare, cultural and cleric development of the population. Persistent energy supply is one of the most important conditions of the international stability. On the other hand, development of energy leads to negative influence on surrounding environment. The modern energy generally is based on using of fossil fuel which amount to about 90% in structure of world consumption of primary energy. The present tendencies of development of the relations in this sphere with a support on production, transportation and combustion of hydrocarbon fuel: oil and gas don't answer to modern calls and tasks facing the international community. As a result it must cause reasonable anxiety for destiny present and future generations. Uncontrollable production and consumption of raw resources becomes global. It considerably strengthens pressure on the resource potential of the planet and creates threat to persistent development of mankind. It is necessary to prepare that raw resources will run out. So it is necessary to retrench. For this purpose it is necessary to fight against big consumption in the developed countries, against inefficient using of resources in developing countries.

Recently the UN takes more and more attention to problems of global dialogue between consumers and producers of energy carriers in spite of the fact that according to the Charter of the UN global power problems don't enter in its competence directly. However, according with common aims of the UN some aspects of these problems began to step in the agenda of a number of the forums held under aegis or within the UN in the mid-seventies years of the 20th century.

The UN is the universal international organization where power questions are discussed. Group of Eight is very interesting interstate institute. The Russian Federation is the largest country – exporter of energy carriers. The Russian Federation enters into the institute with the import countries of energy carriers. Also there is an annual specialized International Energy Conference (IEC) which began to be called the International Energy Forum (IEF) after 2000 year.

The whole world has collided with the energy calls dictated by the globalization process accelerated by growth of economies and the population in certain regions, exhaustion and extremely lopsided dispensation of resources on the planet, excessive adverse charge of environment at the beginning of the 21st century. Nowadays world requirements for fuel and energy resources are huge and continue to increase straight. As the chairman of the International Prize Award Committee of the "Global energy", the Nobel Prize laureate, the academician of the Russian Academy of Sciences Zhores Alferov has noticed that before mankind isn't more important problem than energy today. Maintenance of our civilization depends on its decision [10; P.4].

The foreign energy policy of the states was created as the independent functional direction in the last decades the 20th century [3; P.58]. Its construction is directly connected with such factors as the external economic interests and geopolitics of the state.

It is known that many states of the world being the main consumers of energy resources are constrained to import them. Thereby their national energy security depends on position in the world energy markets. Nowadays the competition notably intensifies in connection with high economic profitability of branch in these markets. The interstate cooperation in the energy sphere becomes more active for avoidance the destructive and chaotic competition and also to ensure energy security of the certain states, regions and the world in the whole. Importance of the international energy cooperation can't be overestimated in the light of today's situation.

The energy policy of the states often consists in development and realization of the international

campaigns directed at foreign policy providing of interests of energy security of the states and the external economic interests of the national companies of an energy profile.

These interests are realized by the manufacturing states via establishment of such priorities of foreign energy policy as maintenance of high prices of the exported energy resources and providing outlets.

Opposition using sharp amplification in the prices and threat of violation of system of energy supply from external sources is priority for the states consumers.

Interests of the transit states consist in receiving the maximum profit for accordance transit services in conveyance of energy resources through their territory.

According with these aims development of conceptual provisions and debugging of mechanisms of realization of energy diplomacy of many states has been going for several decades. It often happens within the international organizations of an energy profile of global and regional gauge.

It is possible to allot the following complexes of relationship within energy cooperation between: the consuming states; the resource-reproducing states; these groups of the states within the international energy organizations; the states-producers and consumers; the states-importers and exporters and also with the transit states.

Traditional organizational forms and received kinds of political and legal documents are used in the international practice as mechanisms of realization of the purposes in process of relationship. So, the intergovernmental commissions on economic and technical-scientific cooperation are widespread in qua of working bodies on a bilateral basis. The specialized committees or the constant working groups on cooperation in fuel and energy complex are created within them.

The councils or the constant working groups on energy are created in a multilateral format within the organizations of regional economic cooperation. For example, Intergovernmental Council for Oil and Gas is created in the department of economic cooperation of the states of the CIS.

The traditional forms of negotiation mechanisms, including diplomatic conferences, are widespread in practice of energy cooperation. The traditional documents of political character are used: declarations, memorandums, statements, communiqué and also international contracts and their versions for fixation of the agreements reached during negotiations [6; P.437].

Despite of questions of ensuring energy cooperation periodically rise within the regional organizations, they still haven't received proper dispatch. The regional cooperation can create prerequisites for the conclusion of multilateral agreements in energy sphere. Regional integration of the states can make for wider cooperation of the states in the sphere of energy. Particularities of international legal regulation of cooperation are defined by specifics of energy branch in this sphere. The problem of improvement of international legal regulation of the energy relations is received special relevance as at the universal, as regional level.

Список литературы

1. *Али Дахер-ат-Туфайли.* Международно-правовые вопросы структуры и деятельности Организации стран – экспортеров нефти (ОПЕК). Автореферат дисс. канд. юрид. наук. Киев, 1981. С. 8 – 9.
2. *Джабраилов С.З.* Общая характеристика Всемирной торговой организации. М., 1998. С. 2 – 4.
3. Доклад Генерального секретаря ООН «Энергетика и транспорт». Организационная сессия 30 апреля -2 мая 2001. E/CN.17/2001/PC/20.
4. *Дюмулен И.И.* Всемирная торговая организация. М., 1997. С. 51.
5. *Жизнин С.З.* Энергетическая дипломатия России на рубеже XX и XXI веков (Внешнеэкономические аспекты). Автореферат дисс. канд. эконом. наук. М., 1998. С. 3.
6. *Иванов С.* «Дефицита энергоресурсов нет: есть дефицит здравого смысла»/ Журнал «Проблемы современной энергетики» // Мировая энергетическая политика. 2003. № 5. 87 с.
7. Курс международного права в семи томах/ Под ред. Усенко Е.Т. М., 1993. Т.7. С. 22.
8. Об этом более подробно: Три десятилетия Европейской экономической комиссии ООН. Нью-Йорк, ООН, 1978. С. 90-120.
9. *Пебро М.* Международные экономические, валютные и финансовые отношения, пер. с франц./ Под ред. Бабищевой Н.С. М., 1994. С. 18 – 19.
10. Перемещение энергии в Европе и перспективы в этой области/ Доклад Секретариата ЕЭК. Нью-Йорк, ООН, 1969. С. 39-41.
11. Пробудитесь! 8 октября 2003 г. С. 23.
12. *Прохорова Г.Н.* Международные организации во внешнеэкономической политике империализма. М., 1986. С. 28 – 30;
13. *Karl-Heinz Philipp* Zur Rolle der Organisation fur wirtschaftliche Zusammenarbeit und Entwicklung (OECD) im gesamteuropäischen Integration. FIW. Berichte, Mars. 1993. Nr. 8. P. 7.
14. *Кузьмин В.И., Пронина Е.Н., Галуша Н.А.* Ресурсная геополитика. М., 2000. С. 4.

15. *Якушин А.А.* Новая энергетическая ситуация в мире и вопросы международного сотрудничества / Страны-члены СЭВ: проблемы сотрудничества в топливно-сырьевых отраслях. Сборник статей / Под ред. Шаниной В.А., Якушина А.А. М., 1988. С. 21 -22.

Reference list

1. *Ali Dakher-at-Tufayli.* International Legal Questions of Structure and Activity of the Organization of the Countries – Exporters of Oil (OPEC). Abstract of the thesis of PhD in Law. Kiev, 1981. P. 8 – 9.
2. *Dzhabrailov S.* General characteristic of the World Trade Organization. M., 1998. P. 2 – 4.
3. Report of the UN Secretary General "Power and transport". Organizational session on April 30 on May-2, 2001. E/CN.17/2001/PC/20.
4. *Dyumulen I.* The World Trade Organization. M., 1997. P. 51.
5. *Zhiznin S.* Energy diplomacy of Russia at a turn of the 20th and 21st centuries (The external economic aspects). Abstract of the thesis of PhD of Economics. M., 1998. P. 3.
6. *Ivanov S.* "Isn't present deficiency of energy resources: there is a deficiency of common sense" / Problems of Modern Power Magazine // World Power Politics. 2003. №. 5. 87 p.
7. A course of international law in seven volumes / Under the editorship of Usenko E. M., 1993. T.7. P. 22.
8. About It in More Detail: Three decades of the Economic Commission for Europe of the UN. New York, UN, 1978. P. 90-120.
9. *Pebro M.* The international economic, currency and financial relations, the lane with fr. / Under the editorship of Babishcheva N. M., 1994. P. 18 – 19.
10. Movement of energy in Europe and prospects in this area / The Report of the Secretariat of EEK. New York, UN, 1969. P. 39-41.
11. Waken! On October 8th, 2003. P. 23.
12. *Prokhorova G.* The international organizations in the external economic policy of imperialism. M., 1986. P. 28 – 30;
13. *Karl-Heinz Philipp* Zur Rolle der Organisation fur wirtschaftliche Zusammenarbeit und Entwicklung (OECD) im gesamteuropäischen Integration. FIW. Berichte, Mars. 1993. Nr. 8. – P. 7.
14. Quotation on: Kuzmin V., Pronina E., Galusha H. Resource geopolitics. M., 2000. P. 4.
15. *Yakushin A.* A New power situation in the world and questions of the international cooperation / Member countries of SEV: cooperation problems in fuel and raw branches. The collection of articles / Under the editorship of Shanina V., Yakushina A. M., 1988. P. 21 – 22.

УДК 343

Перякина М.П.,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России

Щуров Е.А.,
кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России

СПЕЦИФИКА ПОДГОТОВКИ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО

Авторы статьи раскрывают некоторые вопросы подготовки производства допроса несовершеннолетних потерпевших. Особое внимание уделяется психологическим особенностям несовершеннолетних, связанных с их возрастом и имеющих значение при выборе тактики допроса. Авторы приходят к выводу, что при работе с детьми, особенно детьми – потерпевшими, важно учитывать психологические особенности каждого ребёнка и находить к нему индивидуальный подход. Все действия, проводящиеся с участием несовершеннолетних, должны проводиться исключительно в их интересах. Качество и результат допроса в первую очередь зависит от следователя, от степени его компетентности в области детской и подростковой психологии, умения находить общий язык с несовершеннолетними, подготовки к производству следственных действий.
Ключевые слова: несовершеннолетнее лицо, потерпевший, допрос, категории возрастов, подготовка к допросу

Peryakina M.,
PhD in Law, Associate Professor of Chair of Criminal Process of the Eastern-Siberian Institute of Interior Ministry of the Russian Federation

Shchurov E.,
PhD in Law, Associate Professor, Deputy Head of Chair of Forensic Science of the Krasnodar University of Interior Ministry of the Russian Federation

SPECIFICITY OF INTERROGATION PREPARATION OF A MINOR AGGRIEVED PERSON

The article authors are discussed some of the issues of preparation for the procedure of minor aggrieved persons' interrogation. Special attention is paid to minors' psychological features, which are relating to their age and which are relevant in the interrogation tactics' selection. The authors are reflected that when working with children, unusual aggrieved children, there is important to consider psychological features of each child, finding herewith personal approach to him. Conducted with the minors' participation all actions must be notably carried out in their concerns. In the first place the interrogation's quality and result are depending on the investigator, from the extent of its competence with regard child and adolescent psychology, the ability to find a general language with the minors, the preparation for investigative proceedings.
Keywords: minor, aggrieved person, interrogation, age categories, preparation for interrogation

Каждое преступление совершается в реальных условиях и поэтому отражается в окружающей обстановке. Не секрет, что при расследовании преступлений его успех нередко определяется грамотностью тактики и законностью проведенного расследования. После принятия дела к своему производству следователь совершает множество различных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законом. Одним из важнейших и наиболее распространенных из них является допрос. С его помощью получается значительная часть необходимой информации, устанавливаются мотивы и цели совершенного противоправного деяния.

Нередко при расследовании преступлений в качестве потерпевших выступают несовершеннолетние, то есть лица, не достигшие восемнадцатилетнего возраста, поскольку по причине своих психологических особенностей они часто становятся объектом посягательств. При допросе несовершеннолетних большую роль играет профессионализм допрашива-

ющего. Необходимо оказать помощь процессу извлечения информации из памяти ребенка, учитывая, что в данной ситуации именно он обладает всей информацией о произошедшем. Важно проявлять терпение, хвалить ребенка за усилия, выражать дружелюбие и поддержку, устанавливать с ним психологический контакт.

Ведение допроса при участии несовершеннолетних регулирует ч. 4 ст. 188, ст. 191 и ст. 280 УПК РФ. Однако кроме основных правил, существует множество особенностей, в том числе психологических, отличающих допрос с участием взрослого человека от допроса с участием несовершеннолетнего.

Очевидно, что и подготовка к проведению допроса несовершеннолетнего лица отличается от подготовки к допросу взрослого, что необходимо учитывать следователю для достижения наилучших результатов. Следует обращать внимание на ряд отличий, присущих детям: повышенная внушаемость, эмоциональность действий и суждений, меньший объем жизненного опыта и знаний, склонность к смешению реальных обстоятельств события и воображаемых, слабая способность к сосредоточению вниманию, меньшее развитие аналитических навыков и критического мышления при восприятии и оценке воспринятого, склонность к фантазированию.

Нужно отметить, что в ходе всех процедур с участием ребенка необходимо применять принцип срочности [3]. Допрос ребенка необходимо проводить незамедлительно после получения информации о происшествии без неоправданной задержки. Откладывать допрос можно лишь в случаях, когда это необходимо для наилучшей защиты интересов ребенка, поскольку возможны ситуации, в которых ему и его семье необходима предварительная психологическая подготовка, проведенная педагогом-психологом.

Во время проведения допроса важно учитывать индивидуальные психологические особенности личности несовершеннолетнего, следить за его поведением и реакциями, преследовать цель допроса и гибко реагировать на изменения ситуации. Все это возможно сделать лишь при тщательной подготовке следователя к допросу несовершеннолетнего потерпевшего.

При определении тактики и методики допроса следователю необходимо учитывать и особенности, характерные определенным возрастным категориям, так как психологические особенности несовершеннолетних связаны, прежде всего, с их возрастом. В законе нет четкого определения возраста, при достижении которого ребенок может быть допрошен, а потому возможность допроса определяется его способностью давать правильные и достоверные показания.

Существуют различные подходы выделения категорий возрастов. Так доктор психологических наук, профессор, заслуженный юрист РФ В.В. Романов определяет следующий подход к возрастной периодизации:

1) младенческий возраст – от рождения и до 1 года;

2) раннее детство – от года до 3 лет;

3) дошкольный возраст – от 3 до 6-7 лет;

4) младший школьный возраст – от 6-7 лет до 11-12;

5) подростковый возраст – от 11-12 до 14-15 лет:

6) старший школьный или ранний юношеский возраст – от 14-15 до 17-18 [5].

В свою очередь Д.Б. Эльконин, советский психолог, предложил немного иное деление на возрастные группы несовершеннолетних лиц:

1) дети младшего и среднего дошкольного возраста – от 3 до 4-5 лет;

2) старшего дошкольного возраста – от 4-5 до 6-7 лет;

3) младшего школьного возраста – от 6-7 до 10-11 лет;

4) подросткового возраста – от 10-11 до 13-14 лет [6].

Мы рассмотрим возрастные категории, предложенные Методическим материалом Следственного Комитета РФ.

1. Дети дошкольного возраста – 3-5 лет.

Дети этой категории способны определить и сообщить: свое имя, возраст, некоторых членов своей семьи, кто и где трогал их, равно как и кто и где причинил им боль, где они находились, во время причинения им боли. Также дети дошкольного возраста могут рассказать единожды ли произошел эпизод, наглядно описать части тела, в соответствии со своим возрастом. Некоторые сложности для определения у детей этого возраста вызывают цвета, названия всех частей тела, количество эпизодов, достоверный хронометраж событий, сообщение времени происшествия [3]. В то же время есть ряд проблем, с которыми следователь может встретиться при допросе детей этой возрастной категории. Это и непродолжительная концентрация внимания, и невнятная речь, и отсутствие правильного восприятия времени, то есть ребенок сосредоточен на настоящем времени, «вчера» для них было уже достаточно давно. У детей этой категории в повествовании важное место занимает жестикуляция, как правило, она даже более детальная, нежели вербальная речь. Также, из желания понравится взрослым, дети могут пытаться угадать «правильный» ответ, именно поэтому необходимо избегать вопросов, на которые возможен односложный ответ, то есть ответы типа «да/нет». Допросы детей этого возраста желательно проводить в форме игры, использовать игрушки, поскольку ребенок, не зная каких-либо частей тела, сможет показать это на

примере куклы. Важно не забывать, что дети в таком возрасте не умеют разбираться в причинно-следственных связях, о событиях их сознание получает не целостную картину, а ее наиболее эмоционально значимые фрагменты.

Специалисты в юридической психологии Н. Р. Осипов и М. М. Коченов в одном из своих исследований смогли выделить основное содержание показаний малолетних свидетелей. Поскольку между допросом детей-свидетелей и детей-жертв отличие незначительно, результаты их исследования можно применять и в области изучения допроса потерпевших [2].

Чаще всего показания малолетних лиц состоят из описания происходивших на глазах ребенка драк, ссор, убийств, а также описания действий людей в других остроконфликтных ситуациях; описания действий сексуального характера, направленных на самого ребенка или иных лиц; описания внешности людей; описания размеров, формы, цвета, положения в пространстве различных материальных объектов; описания слышанных разговоров с передачей их содержания и эмоциональной окраски. Куда сложнее детям дается описание и оценка характеров, привычек людей; объяснение причин ссор, конфликтов, отношений между людьми; истолкование намерений, побуждений мотивов поступков людей; описание взаимоотношений между людьми до событий, являющимся составляющими содержания уголовного дела

2. Дети младшего школьного возраста – 6-11 лет.

Дети этой категории способны определить и сообщить все то же, что и дети дошкольного возраста. Однако к вышеуказанному стоит добавить, что для этой категории не возникает сложностей с указанием полного имени и возраста всех членов семьи, цветов, названия всех частей тела. По существу дела, как правило, могут пояснить свое состояние и поведение на момент совершения в их отношении правонарушения, больше деталей по событию, частоту и количество эпизодов, свой возраст на момент совершения и окончания насилия. Некоторые сложности у детей могут возникнуть в определении и понимании точной хронологии событий, связанных с насилием, соотношения времени, скорости, и продолжительности. Также они с трудом понимают абстрактные понятия [1]. Следует отметить, что в этом возрасте дети чутко реагируют на окружающую среду, поэтому важно, чтобы обстановка во время допроса для ребенка была благоприятной. Не задумываясь, зачастую члены семьи при детях негативно реагируют на информацию о насилии, ребенок видит слезы, огорчения, крики и, как следствие, воспринимает на свой счет. В практике встречается ошибочно появляющееся у ребенка чувство вины за совершение насилия против него, а также ответственность за эмоции и реакции близких родственников. Во время допроса у детей этой возрастной категории прослеживается логическое мышление, однако не всегда могут отличить главные детали от второстепенных, склонны дополнять воображением отсутствующие в памяти детали.

3. Подростки – 12-17 лет.

Как правило, в данном возрасте подростки могут определять все то же, что и дети младшего школьного возраста, но данной категории кроме прочего доступно запоминание и пояснение специфических деталей события, а также понимание соотношения времени, скорости, размера, продолжительности. У подростков обычно хорошо прослеживается критическое и оценочное мышление, наличие опыта общения и взаимодействия с людьми, самостоятельность в каких-либо действиях, самосознание [3]. В этом возрасте человек способен самостоятельно определять «что хорошо, а что плохо», а к 16 годам уже формируется и правосознание. Именно поэтому уголовная ответственность наступает с 16 лет, а за особо тяжкие преступления в 14. Подросткам характерно несколько ошибочное восприятие ценностей и каких-либо нравственных и моральных норм. Нередко встречаются случаи, когда на мнение несовершеннолетних большое влияние оказывает давление окружающих. Стремление казаться «лучше остальных», боязнь оценки сверстников, желание быть признанным среди товарищей может приводить к даче неправильных показаний. Необходимо добавить, что с 16 лет потерпевшие уже будут нести уголовную ответственность по ст.ст. 307, 308 УК РФ. Подростки остро реагируют на негативную реакцию со стороны родителей, нередко встречаются случаи отказа дачи показаний в их присутствии, особенно это касается преступлений против половой неприкосновенности. Некоторые общепринятые понятия потерпевшие этой возрастной категории могут понимать по-своему, поэтому необходимо прояснять правильность понимания того или другого понятия.

Про производстве допроса несовершеннолетнего любой из рассмотренных возрастных групп следователю необходимо объяснять ребенку свое желание ему помочь и понять его, проявлять дружественное отношение, терпеливо выслушивать его ответы не перебивая и не давя. Важно дать понять допрашиваемому, что за его ответы не последует никакой негативной реакции, поскольку дети часто боятся разозлить взрослых. Нужно стараться избежать стеснения и смущения ребенка, объяснить ему, что он всегда может сообщить, если ему неловко говорить о чем-либо.

Проведение следственных действий с участием несовершеннолетних потерпевших – тонкий и требующий тщательной подготовки процесс. Необходимо исключить случаи необоснованного и неоднократного производства одних и тех же следственных действий с детьми. При необходимости проведения

нескольких допросов желательно, чтобы они проводились одним и тем же лицом. И именно поэтому очень важно правильно организовать процесс подготовки.

Для получения необходимых результатов в процессе подготовки можно выделить четыре основных этапа.

1. Тщательное изучение материалов уголовного дела, личности допрашиваемого, его семьи.

Необходимо собрать и изучить всю имеющуюся информацию об обстоятельствах дела, ребенке и семье. А. Н. Васильев и Л. М. Карнеева отмечали этот этап как центральный в организации допроса [1].

В первую очередь лицу, производящему допрос, необходимо провести беседу с родителями потерпевшего. Поскольку каждый ребенок индивидуален, у родителя, как правило, это мать, важно узнать его психологические особенности, условия жизни ребенка (состав семьи, отношения в семье, посещает ли ребенок детские учреждения, с кем ребенок проводит время, любимые игрушки), его физическое развитие (хронические заболевания, дефекты органов чувств, дефекты речи), уровень и особенности интеллектуального развития (степень овладения речью, точен ли в рассказах, любит ли фантазировать, способности, любит ли читать, какие любит игры), черты темперамента и характера (активен или пассивен, уравновешен или легко возбудим, общительный или замкнутый, легко ли находит общий язык со сверстниками, вредные привычки, нелюбимые темы для разговора, находчив ли, пуглив или смел), эмоциональное состояние ребенка (напуган, расстроен, спокоен, замкнулся в себе). Также важно пообщаться с лицом (если это не родитель), которому ребенок впервые рассказал о случившемся с ним, узнать содержание рассказа, обстоятельства события. С целью более глубокого изучения личности ребенка рекомендуется также пообщаться с лицами, наблюдающими его в иных обстановках – детский сад, школа, колледж. Показания родителей и работников детских и юношеских учреждений могут дополнять друг друга и иллюстрировать более полную картину личности потерпевшего. Следует отметить, что необходимо сообщить и периодически напоминать лицам, тесно общающимся с ребенком, о том, что готовить его к допросу, «репетировать» его показания ни в коем случае нельзя [6].

2. Определение круга лиц, участвующих в допросе, встреча с ними.

Такими лицами могут являться родители, педагог, психолог, орган опеки и попечительства, инспектор подразделения по делам несовершеннолетних. Важно определить, кто именно будет присутствовать при допросе. Таким лицом должен быть человек, который не будет мешать ребенку давать показания. Необходимо порекомендовать лицу занять позицию наблюдателя, постараться наименьшим образом вмешиваться в процесс, контролировать свое поведение и реакции.

В случаях, когда ребенок отказывается давать показания в присутствии своего законного представителя, следователю нужно предложить присутствовать последнему в обзорной комнате. Также следует указать, что исходя из ч. 3 ст. 191 УПК РФ, следователь имеет право не допускать законного представителя к участию в допросе несовершеннолетнего, если это противоречит его интересам, а также в случаях, когда законный представитель препятствует выяснениям обстоятельств. В случае обнаружения указанных обстоятельств, следователь выносит мотивированное постановление об отводе законного представителя с обязательным указанием причины такого отвода.

Согласно ч.1 ст.191 УПК РФ, при проведении допроса участие педагога обязательно для потерпевших, не достигших 16 лет либо достигших этого возраста, но страдающих психическим расстройством или отстающих в психическом развитии. Если лицо достигло 16 лет и не имеет никаких психических отклонений следователь вправе самостоятельно решать необходимость участия педагога. Стоит отдельно оговорить категорию дел против половой неприкосновенности несовершеннолетнего. В соответствии с ч. 4 ст. 191 УПК РФ при проведении допроса лица, являющимся потерпевшим от преступлений в этой категории, не достигшего 16 лет либо достигшего, но страдающего психическими отклонениями, обязательно участие психолога. Также при проведении допроса по этой категории рекомендуется участие педагога того же пола, что и несовершеннолетний, поскольку смущение и стеснение потерпевшего может отразиться на качестве и полноте показаний.

Перед началом допроса необходимо посвятить педагога-психолога в обстоятельства дела, а также продумать с ним формулировку вопросов, договориться, кто их будет задавать. Однако не следует забывать, что вопросы задаются следователем и только с его разрешения другими участниками. Тем не менее педагог-психолог может корректировать формулировку вопроса.

3. Определение и подготовка помещения для допроса.

Должное внимание необходимо уделить подготовке помещения, где будет производиться допрос. Идеальными условиями являются специализированные помещения, состоящие из комнаты ожидания, комнаты для проведения допроса и обзорной комнаты, однако, если нет возможности выделить три помещения, комнату для допроса и комнату ожидания можно совместить. Между комнатой для допроса и обзорной комнатой может быть установлено зеркало Гезелла (стекло, находящееся в стене и являюще-

еся зеркальным с одной стороны и полупрозрачным с другой) [4].

Очень важно изолировать комнату для допроса от внешних воздействующих факторов, никто не должен прерывать допрос. Комната должна быть оснащена удобной мебелью, преимущественно с обивкой из натуральной или искусственной кожи, поскольку тканая обивка не соответствует санитарным нормам. Кроме основных предметов (как правило, диван, два кресла, небольшой столик, стеллаж для игрушек, небольшой шкаф) в комнате должен быть предусмотрен вспомогательный материал. Он способствует более быстрому освоению ребенка в помещении, налаживанию контакта между ребенком и следователем, а также служит последнему помощником. Малолетнее лицо, используя куклы, может демонстрировать определенные части тела или действия лиц, которые он стесняется или не может сказать. Рекомендуется, чтобы вспомогательный материал состоял из анатомических кукол и картинок, игрушки для детей разного возраста и пола, фигурки людей или животных, обозначающих семью, материалы для рисования (карандаши, бумага, фломастеры). Для психологической защиты, которая может понадобиться ребенку, рядом с ним на диване нужно положить подушку или мягкую игрушку.

Что касается системы аудио- и видео-фиксации, она должна состоять из камеры панорамного вида, чувствительного микрофона и узконаправленной камеры. При необходимости можно поместить ноутбук для ведения следователем записей.

Обзорная комната необходима для того, чтобы специалисты и иные лица, не находящиеся непосредственно в комнате для допроса могли наблюдать за данным следственным действием, не привлекая внимания к себе. Также в обзорную комнату устанавливается специальное оборудование, которое позволяет получать содержание допроса (наушник для специалиста, компьютер, возможна установка принтера). Не следует забывать и о расходном материале (бумага для принтера, ручки, DVD-диски) [1].

Однако в зависимости от психологических и возрастных особенностей следует учитывать, что потерпевшему может быть более комфортно в других условиях. Например, с участием детей дошкольного и младшего школьного возраста для достижения лучшего результата можно произвести допрос в более привычной для них обстановке, такой как детский сад, школа, дом. В то же время подростки официальную обстановку могут воспринять более ответственно, и, как следствие, можно услышать от них более полные и правдивые показания.

3. Составление перечня вопросов

Формулировку вопросов, желательно обсудить с педагогом-психологом. При составлении вопросов важно учитывать психологическое состояние потерпевшего, его возраст, уровень развития, а также другие сведения, полученные при получении информации о личности ребенка.

Перечень вопросов выступает только в качестве помощника следователю, а не является четким планом действия, поскольку в процессе допроса следователю важно быть гибким, внимательным, ориентироваться по ситуации и задавать вопросы, соответствующие настроению ребенка в данный момент.

При изучении литературы можно встретить различные варианты разделения допроса на определенные этапы. Необходимо отметить, что приступая к допросу, следователю важно рационально рассчитывать, сколько времени он может приблизительно уделить каждому этапу, так как в силу возраста и психологических особенностей несовершеннолетние склонны уставать быстрее, а соответственно концентрация их внимания будет снижаться. Уголовно-процессуальным законодательством предусмотрено четкое разграничение возможного времени. Согласно ст. 191 УПК РФ, допрос ребенка до 7 лет может длиться не более 30 минут без перерыва, а в общей сложности не более одного часа. Для детей в возрасте от 7 до 14 лет предусмотрены несколько иные временные рамки. Так, время для допроса данной возрастной категории допускается не более одного часа без перерыва, а в общей сложности не более двух часов. В свою очередь подростков от 14 лет можно допрашивать без перерыва не более двух часов, а в общей сложности не более четырех [7].

Резюмируя вышеизложенное отметим, что допрос детей-жертв значительно отличается от допроса совершеннолетних потерпевших. Тактические приемы и методика при проведении данного следственного действия требуют тщательной подготовки, профессионализма, особой внимательности. При работе с детьми важно учитывать психологические особенности каждого ребенка, находить индивидуальный подход. Все действия, проводящиеся с участием несовершеннолетних, должны проводиться исключительно в их интересах. Следует отметить, что качество и результат допроса в первую очередь зависит от следователя, от степени его компетентности в области детской и подростковой психологии, умения находить общий язык с несовершеннолетними, подготовки к производству следственных действий.

Список литературы

1. *Васильев А.Н., Карнеева Л.М.* Тактика допроса при расследовании преступлений. М.: Юридическая литература, 2009.
2. *Коченов М.М., Осипова Н.Р.* Психология допроса малолетних свидетелей: Методическое пособие. М.: Юристинформ, 2009.
3. Методические рекомендации по организации и ведению допроса несовершеннолетних в специализированном помещении на этапе следствия. СПб.: Санкт-Петербургская общественная организация «Врачи Детям», 2014.
4. *Перякина М.П.* Международные основы производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних лиц // Вестник ВСИ МВД России. 2016. № 1.
5. *Романов В.В.* Юридическая психология. М.: Юристъ, 1998.
6. *Эльконин Д.Б.* Детская психология. М.: Издательский центр «Академия», 2007.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ [Электронный ресурс]: www.consultant.ru/document/con

Reference list

1. *Vasil'ev A., Karneeva L.* Interrogation tactics in the crimes investigation. M.: Yuridicheskaya Literatura, 2009.
2. *Kochenov M., Osipova N.* The interrogation psychology of underage witnesses: Methodical textbook. M.: Yuristinform, 2009.
3. Methodical recommendations on the organization of taking minors' interrogation in a special purpose space at the stage of investigation. SBR.: Saint-Petersburg Public Organization "Doctors to Children", 2014.
4. *Peryakina M.* International framework of criminal proceedings concerning minors // Bulletin of the Easter-Siberian Institute of Interior Ministry of the Russian Federation. 2016. № 1.
5. *Romanov V.* Legal psychology. M.: Yurist, 1998.
6. *El'konin D.* Child psychology. M.: Publishing center "Akademiya", 2007.
7. Criminal Procedure Code of the Russian Federation from 18.12.2001 № 174-FL [Electronic resource]: www.consultant.ru/document/con

УДК 341.3

Трунов Ф.О.,
кандидат политических наук, преподаватель факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВООРУЖЁННЫХ СИЛ ФРГ ВНЕ ЗОНЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НАТО

В статье рассматривается процесс оформления (1994) и модернизации правового механизма использования вооружённых сил ФРГ за пределами страны, его значимость при реализации курса страны на мировой арене. Основное внимание уделяется функционированию института контроля Бундестага над действиями правительства при применении бундесвера вне зоны ответственности НАТО. В этой связи исследуется «Акт парламентского участия» (2005) и его последствия. Определяются «правовые лакуны» в процессе использования бундесвера, которые связаны с обязательствами Германии как государства-члена НАТО и влияние, которые они оказывают на политику ФРГ в области международной безопасности.

Ключевые слова: Германия, международная безопасность, правовой механизм, парламентский контроль, бундесвер, вооружённые конфликты

Trunov F.,
PhD in Political Science, Lecturer of the Faculty of World Politics of Lomonosov Moscow State University

LEGAL BASIS FOR THE USE OF THE ARMED FORCES OF GERMANY OUTSIDE THE AREA OF THE NATO'S RESPONSIBILITY

The article discusses the process of design (1994) and modernization of the legal mechanism of usage of the German armed forces outside the country and its importance in the implementation of country's policy on the world stage. Main attention is focused on the functioning of the institute of Bundestag's control over the actions of the Government with the participation of the Bundeswehr outside the area of NATO's responsibility. In this regard the article researches the "Act of Parliamentary Participation" (2005) and its consequences. There are defined "legal gaps" in the use of the Bundeswehr, which are connected with the obligations of Germany as a NATO member state. It analyses their impact on the German policy in the international security environment.

Keywords: Germany, international security, legal mechanism, parliamentary control, Bundeswehr, armed conflicts

Образование объединённой ФРГ (1990) на фоне окончания «холодной войны» стало отправной точкой процесса увеличения её роли в решении широкого круга проблем на мировой арене. Его неотъемлемой составляющей стало начало использования бундесвера вне зоны ответственности НАТО – то есть фактический пересмотр правил, которых руководство ФРГ придерживался в годы «холодной войны». Учитывая запрет на применение вооружённых сил страны за пределами территории самой Федеративной Республики и её союзников по НАТО, содержавшийся в Основном законе страны (1949) [4], требовалось создать юридические основания нового подхода в области международной безопасности. В этой связи *задача* настоящей статьи – раскрыть особенности создания, эволюции и использования правового режима применения бундесвера за пределами традиционной зоны ответственности Североатлантического альянса.

Уже с начала 1991 г. правительство Г. Коля/К. Кинкеля (блок ХДС/ХСС и СвДП) стало осуществлять прецедентные меры по использованию германских военнослужащих в зонах вооружённых конфликтов. После завершения операции «Буря в пустыне» (1991), проводившейся «коалицией желающих» во главе с США против оккупировавшего Кувейт иракского режима С. Хусейна, 6 марта 1991 г. «чёрно-жёлтый» кабинет направил в Персидский залив оперативную эскадру (5 минных тральщиков и 2 транспортных корабля). Это решение было принято на основании просьбы Совета Безопасности ООН. Задачей военно-морской группировки ФРГ являлся мониторинг ситуации в зоне прекращённых боевых действий [12, S. 13]. Вслед за этим Германия приняла участие и в наземной составляющей процесса поддержания мира в зоне прекращённого конфликта. Опираясь на резолюцию Совета Безопасности ООН № 687, правитель-

ство ФРГ направило группу сотрудников Министерства обороны в состав миссии UNSCOM (ЮНСКОМ) в Ираке для контроля над процессом разоружения режима С. Хусейна [12, S. 14].

На фоне отсутствия серьёзной внутренней критики данных действий с точки нарушения Основного закона страны, кабинет Г. Коля/К. Кинкеля, с одной стороны, приступил к разработке законопроекта, снимавшего запрет на использование бундесвера вне зоны ответственности НАТО, с другой – продолжил курс на прецедентное применение бундесвера за пределами Евроатлантического сообщества. Если в 1991 г. основным направлением данной деятельности стал послевоенный Ирак, то в 1992-1994 гг. им явился Африканский Рог – в первую очередь, территория Сомали, вступившего в затяжную гражданскую войну. Непосредственно на сомалийской территории был развёрнут 1,7-тысячный наземный контингент, в прибрежных водах – оперативная военно-морская группировка численность 0,6 тысяч военных моряков. Кроме того, в Джибути (Сомали) и Момбасе (Кения) были сосредоточены транспортные самолёты и 120 человек личного состав люфтваффе [2, P. 53]. Бундесвер был задействован в установлении воздушного моста между Момбасой и Джибути для предоставления сомалийцам гуманитарной помощи (с 25 августа 1992 г. по 21 марта 1993 г.) и оказания помощи миссии ООН в Сомали, ядро сил которой составляли войска США (с 28 августа 1993 г. по 23 марта 1994 г.). С юридической точки зрения применение бундесвера на Африканском Роге было уникально в двух отношениях. Во-первых, первая операция была осуществлена *ещё до* принятия резолюции Совета Безопасности № 814. Германское правительство объясняло развёртывание своих войск необходимостью предотвращения гуманитарной катастрофы. Во-вторых, юридической основой для проведения второй операции выступили уже не только резолюция Совета Безопасности ООН, но решение Бундестага от 25 апреля 1993 г. [2, P. 53]. Причем одобрение было получено на использование более чем 2-х тысячной (до 0,5 бригады) межвидовой группировки войск, основу которых составляли наземные подразделения. Этот факт на фоне параллельного применения военно-морских и военно-воздушных сил ФРГ в деятельности по поддержанию мира на территории Югославии [10, S. 191-192] стал весомым аргументом в поддержку отмены запрета на использование бундесвера вне зоны ответственности НАТО.

Ключевая роль в разработке законопроекта принадлежала блоку ХДС/ХСС и лично канцлеру Г. Колю. Его намерения, которые вели бы к глубоким переменам в курсе Германии на мировой арене как де-юре, так и де-факто, вызывали критику у части членов партии-спутника христианских демократов по правящей коалиции – СвДП, а также социал-демократов. Ими были организованы митинги перед зданием федерального Конституционного суда ФРГ в Карлсруэ. Противники законопроекта правительства Г. Коля/К. Кинкеля указывали на возможность милитаризации германской внешней политики и критиковали игнорирование исторической ответственности Германии за развязывание Второй мировой войны. Однако 12 июля 1994 г. этот орган одобрил внесение изменений в статью 24 (2) Основного закона. Признавая необходимость встраивания Федеративной Республики в многостороннюю систему коллективной безопасности как страны, способной и готовой участвовать в деятельности по миротворчеству, поддержанию и принуждению к миру, Конституционный суд одобрил возможность использования бундесвера вне зоны ответственности НАТО. Однако реализация данного положения в каждом конкретном случае была обусловлена обязательным выполнением федеральным правительством двух условий. *Первое* из них – применение бундесвера было возможно *только* под эгидой международных структур, действующих в системе коллективной безопасности. В качестве них в постановлении федерального Конституционного суда указывались лишь ООН и НАТО [5]. *Второе* условие – обязательное получение одобрения Бундестагом задач и верхнего потолка численности военнослужащих [5]. Первая из данных кондиций обеспечивало применение бундесвера исключительно на основе международного права – правил деятельности профильных региональных и глобальных организаций, вторая – правовой контроль над использованием вооружённых сил ФРГ на национальном уровне. Эти решения Конституционного суда были направлены, во-первых, на легитимизацию военного присутствия Федеративной Республики на мировой арене. Во-вторых, правовые ограничения должны обеспечить недопущение повторения ситуации, когда бесконтрольные действия исполнительной власти и личного главы государства привели к многократному проявлению агрессии и развязыванию Второй мировой войны.

Исходя из решения Конституционного суда, германские военнослужащие могли использоваться как в *небоевой* по своему характеру деятельности: по миротворчеству, поддержанию мира, миростроительству, содействию в налаживании условий для жизни, предотвращению гуманитарных катастроф и оказанию помощи в случае стихийных и техногенных бедствий, так и проведении собственно силовых операций.

После получения одобрения со стороны судебной ветви власти федеральное правительство официально представило свой законопроект перед Бундестагом. Стремясь обеспечить благоприятный внешнеполитической фон, 15 июля 1994 г. оно приняло решение о направлении очередной военно-морской миссии бундесвера под эгидой НАТО и За-

падноевропейского союза в Адриатическое море [2, P. 38-39]. 18 июля 1994 г. группа из 30 германских военнослужащих была направлена в состав сил ООН UNAMIR, на которые была возложена задача по разведению воевавших в Руанде племён хуту и тутси и последующее поддержание мира и предотвращение гуманитарной катастрофы. 30 германских военнослужащих участвовали в создании двух воздушных мостов – между зоной вооруженного конфликта и Найроби (Кения), а также Йоханнесбургом [2, P. 53]. Своими действиями кабинет Г. Коля/К. Кинкеля, готовившийся к выборам к выборам в октябре 1994 г., стремилось «подтолкнуть» парламент к принятию выработанного законопроекта.

К этому времени «чёрно-жёлтому» правительству удалось обеспечить уверенную поддержку своих намерений, что показал ход дебатов в Бундестаге 22 июля 1994 г. Представители СДПГ и СвДП вновь выступили с обличительными речами в отношении предложений федерального правительства, однако, как показал ход обсуждения, оказались в абсолютном меньшинстве. Из 485 присутствовавших депутатов 421 (87 %) высказался «за» принятие законопроекта. Показательно, что предшествующие действия федерального правительства по использованию бундесвера были одобрены на данном заседании [2, P. 38]. Таким образом, на основе консенсуса всех трёх ветвей власти ФРГ 12-22 июля 1994 г. был принят юридический механизм использования бундесвера вне зоны ответственности НАТО. В чём заключались основные черты его функционирования?

Изначально каждый запрос федерального правительства на использование бундесвера изучался профильными комитетами – по обороне (Verteidigung), иностранным делам (Auswärtiges), финансам (Finanzen) и правовым вопросам (Recht und Verbraucherschutz), каждый из которых готовил свой вердикт, проведя внутреннее голосование. В случае, если большинство из них имели положительное значение, запрос правительства выдвигался на обсуждение всем депутатским корпусом. Представление запроса кабинета осуществляли профильные министры (обороны и иностранных дел). Вслед за этим раскрывалась позиция партийных фракций (её освещал председатель партии или его (её) заместитель) и профильных парламентских комитетов. После этого следовали вопросы от депутатов ко всем выступавшим. Голосование по итогам обсуждения могло осуществляться как в день проведения дебатов, так и на одном из следующих заседаний Бундестага. Так, решение по вопросу об использовании бундесвера в военно-воздушной кампании НАТО против Югославии в связи с развитием «косовской проблемы» было принято в сам день заседания 16 октября 1998 г. [7, S. 23161A-23163D].Одобрение Бундестагом применения бундесвера для борьбы с «Исламским государством»[1] было получено лишь 4 декабря 2015 г. [9], хотя сами слушания состоялись ещё 2 декабря 2015 г. [8].

В случае, если миссия бундесвера продолжалась более 1 года, то через каждые 12 месяцев необходимо было получать новую санкцию парламентариев (с возможностью изменения как целей использования, так и максимально количества военнослужащих). Необходимо подчеркнуть, что парламентский контроль над применением бундесвера в рамках конкретной миссии осуществлялся на всём её протяжении. Бундестаг имел право досрочно свернуть миссию, отозвав военнослужащих и военную технику на родину. Кроме того, германские парламентарии в лице Комитета по обороне имело право инспектировать расположение и действий германских военнослужащих, выполняющих задания вне зоны ответственности НАТО. Данный комитет единственный (!) во всём Бундестаге обладает на постоянной функциями следственного органа(согласно статье 45а (2) Основного закона ФРГ [4])– для наделения подобными полномочиями всех остальных требуется санкция всего парламента [11]. Количество расследований, приходящихся на одну легислатуру, невелико – в частности, Комитет по обороне Бундестага 17-го созыва (2009-2013) лишь дважды действовал в качестве следственного органа. В первом случае он рассматривал правомерность использования военнослужащими бундесвера в Афганистане оружия на предмет наличия условий для реализации права на самооборону, во втором – финансовую и военную целесообразность разработки новой авиационной техники (беспилотников)[11]. Это показывает, что Комитет по обороне является действенным постоянным механизмом парламентского контроля над использованием бундесвера, демонстрируя юридическую и фактическую дееспособность механизма 1994 г.

* * *

В середине 1990-х – начале 2000-х гг. происходило увеличение как географических направлений, так и спектра задач при применении германских вооружённых сил вне зоны ответственности НАТО. Дважды – в 1995 г. и 1999 г. – люфтваффе приняла участие в военно-воздушных операциях Североатлантического альянса, проводившихся против Югославии и сербских ополченцев в Боснии и Косово. С 2001 г., опираясь на решения НАТО и Совета Безопасности, правительство Г. Шрёдера/Й. Фишера привлекло бундесвера к деятельности международной антитеррористической коалиции, в первую очередь, в Афганистане и прилегающих к Африканскому рогу акваториях. По-

[1] Запрещённая в России террористическая организация.

мимо эгиды ООН, НАТО и ЗЕС, с 2003 г. военнослужащие ФРГ стали использоваться в зонах вооружённых конфликтов и нестабильных государств в рамках деятельности механизма ОВПБ Европейского союза.

Показательно, что Бундестаг не только ни разу не отклонил запроса федерального правительства на использование бундесвера, но и не прервал его применение, в том числе в силовых операциях. Чем объяснялся данная тенденция? Исходя из особенностей политической системы ФРГ, правящей кабинет формировали имевшие суммарное большинство мандатов в парламенте политические партии. Поэтому министры федерального правительства, в большинстве своём являвшиеся одновременно и членами Бундестага, очень тесно и на постоянной основе работали с депутатским корпусом. Обычно ещё до официального внесения запроса на использование бундесвера вне зоны ответственности НАТО данный вопрос обсуждался на заседаниях партийных фракций и прорабатывался с руководителями профильных комитетов Бундестага. При этом чёткое осознание правительством возможного отказа в одобрении своих намерений оказывало весьма заметное влияние на его действия. Так, массовые пацифистские настроения электората, которые не мог не учитывать депутатский корпус, стали одним из факторов, предопределивших отказ кабинета Г. Шрёдера/Й. Фишера от боевого применения в планируемой США и их партнёрами военной кампании против Ирака (2003).

В условиях успешного функционирования юридического механизма 1994 г. – правительство Г. Шрёдера/Й. Фишера выступило с инициативой упростить существовавшую процедуру. Данное предложение было озвучено 24 марта 2004 г.[1, P. 8]. Уже 18 марта 2005г. был принят Закон о парламентском участии в принятии решений по использованию вооружённых сил за границей (Закон парламентского участия) [3]. В § 2 давалось чёткое определение термину «использование вооруженных сил». Исходя из него, федеральному правительству не требовалось одобрения Бундестага при осуществлении следующих форм использования сил безопасности ФРГ:

- проведения военных учений, что позволяло Германии полноценно участвовать в процессе строительства и развития вооружённых сил Североатлантического альянса и Европейского союза в реалиях мирного времени;

- привлечения военных экспертов к обучению личного состава как бундесвера, так и армий третьих стран, что давало возможность активно направлять миссии с участием военных инструкторов (как в индивидуальном качестве, так и группами) в различные «проблемные регионы»;

- применения сотрудников органов внутренних дел, что создавало условия для направления не только отдельных экспертов, но и подразделений, групп полицейских (в первую очередь, из органов федерального, а не земельного уровня) в нестабильных государствах.

§ 5 фиксировал право федерального правительства использовать бундесвер за пределами ФРГ без санкции Бундестага в случае возникновения непосредственной угрозы безопасности (Einsätze bei Gefahr imVerzug) или гуманитарной катастрофы. Однако федеральное правительство обязано было как можно скорее не только предоставить всеобъемлющую информацию об осуществленных мерах, но и post factum в обязательном порядке запросить согласия парламента [3]. Актуальность принятия данного параграфа была вызвана ростом угрозы международного терроризма – в ответ на акты мегатеррора 11 сентября 2001 г. в США впервые в истории была активирована 5-я статья Вашингтонского договора о праве на самооборону, что потребовало максимально оперативной реакции от германского правительства [2, P. 76].

В § 3 подтверждались параметры мандата бундесвера, которые должны были указываться в запросах и отчетах федерального правительства: задачи, район деятельности, правовые основы (решения ООН, НАТО и ЕС), максимальное число планируемых к задействованию военнослужащих, их возможности (оснащение), предполагаемые длительность и стоимость, ход финансирования. За Бундестагом сохранялось право отклонить (§ 3) или прервать мандат (§ 8) [3].

Ключевое значение имел § 4, где была прописана упрощенная процедура представления запроса и получения одобрения Бундестага на использование бундесвера, но *лишь* при осуществлении операций *низкой* интенсивности, то есть не предполагавших применение оружия (исключая случаи самообороны) и исключительно в рамках деятельности международных структур. Их круг по сравнению с 1994 г. существенно расширился, включая в себя не только ООН и НАТО, но также ЕС и любые другие профильные организации, действовавшие в соответствии с Уставом ООН [3]. Президент Бундестага передавал обращение правительства председателям фракций и председателям комитетов по внешним делам и обороне для ознакомления с ним подотчетных им депутатов. Запрос считался одобренным, если в течение 7 дней не поступало возражений со стороны фракций или от группы парламентарием численностью не менее чем 5 % от общего числа мест в Бундестаге [3]. Таким образом, облегченная процедура не только позволяла избежать обсуждения и голосования по обращению исполнительной власти, но и ограничивала круг принимавших в рассмотрении вопроса комитетов Бундестага 2-мя вместо 4-х. Юридически оформленные обновления базировались и в значительной степени закрепляли сложившийся формат обсуждения запро-

сов федерального правительства ещё до их официального представления Бундестагу. Как показывала практика конца 1990-х – начала 2000-х гг., во многих случаях, в первую очередь касавшихся использования бундесвера в деятельности по миротворчеству и поддержанию мира, обсуждение и голосование парламентариями носили формальный характер.

Закон от 18 марта 2005 г. вступал в силу с момента своего принятия. Планировалось, что он будет действовать 10 лет.

* * *

Принятый закон, подтвердив целесообразность принятия механизма 1994 г., позволил значительно расширить деятельность по использованию германских войск вне зоны ответственности Североатлантического альянса. Помимо применения вооружённых сил в составе антитеррористической коалиции (2001-2014), в 2000-е – начале 2010-х гг. бундесвер продолжал принимать участие в процессе поддержания мира на Балканах (под эгидой НАТО и ЕС), в Ливане и государствах Центральной Африки и Африканского рога (в рамках деятельности ООН, Европейского союза и совместно с Африканским союзом). Кроме того, в данных регионах, равно как и послевоенном Ираке и Афганистане, военные возможности ФРГ использовались для возвращения «проблемных стран» в разряд стабильно развивающихся государств. С 2008 г. военно-морские силы Германии стали принимать участие в борьбе с пиратством у берегов Сомали (в рамках механизма общей внешней политики и политики безопасности Евросоюза). С 2015 г. в условиях угрозы для стран-участниц ЕС, исходящих от «Исламского государства», германские войска и военная техника стали использоваться на основании решений ООН и договора о Европейском союзе (2010) в составе международной антитеррористической коалиции (с 2014 г.).

Однако принятые в 1994 и 2005 гг. юридические акты, не позволили полностью избежать проявления правовых лакун в вопросах использования бундесвера за пределами страны. В первую очередь, правовые проблемы возникали в связи с обязательствами, которые несла ФРГ как государство-член Североатлантического альянса. Под его эгидой возникали постоянно существующие военные инструменты с участием Федеративной Республики. Первый из них, созданный в 1950-е – 1960-е гг. – Объединённое командование НАТО, где из 7 тысяч офицеров и солдат 1 тысяча были из ФРГ. Второй, сформированный в конце 1970-х гг. – группой самолётов AWACSNATO (непосредственно под эгидой альянса 17 самолётов, часть экипажей и командующий – германские военные) [1, P. 9]. Третий – силы быстрого реагирования (СБР) альянса (NATO Response Force, NRF). Созданные в 2003 г., в связи с украинскими событиями на Уэльском саммите НАТО (2014) они были увеличены до 30 тысяч, а феврале 2015 г. было принято решение нарастить их до 40 тысяч. СБР создаются из предоставляемых странами-участницами альянса континентами на ротационной основе. С осени 2014 по осень 2015 гг. обязанность комплектовать их была возложена на ФРГ, Нидерланды и Норвегию [6]. В годы «холодной войны», когда Североатлантический альянс не выходил в своей военной деятельности за пределы своей зоны ответственности, фактор участия ФРГ в военных механизмов НАТО не вызывал каких-либо юридических коллизий. В начале XXI века ситуация изменилась качественным образом – к выполнению задач за пределами государств-членов НАТО под эгидой организации стали привлекаться не только их военные контингенты в национальном качестве (от чего любая страна-участница могла отказаться в любой момент), и общие военные инструменты.

Если юридической основой для их использования выступало право на коллективную самооборону, то в таком случае федеральное правительство может сослаться на своё право использовать бундесвер без получения предварительного согласия Бундестага при наличии непосредственной угрозы для ФРГ [3]. А какое обоснование найти для выполнения наступательных задач? В этом случае федеральному правительству придётся пройти между Сциллой невыполнения союзнических обязательств и Харибдой нарушения правил использования бундесвера за пределами страны. Впервые данная проблема встала в январе 2011 г. при обсуждении вопроса о направлении экипажей люфтваффе на самолётах типа AWACS в Афганистан. Учитывая настроения депутатского корпуса и имеющийся мандат, кабинет А. Меркель/Г. Вестервелле отказал в наращивании данного германского военного присутствия. Второй раз эта же проблема возникла после развёртывания странами-участницами НАТО во главе с Францией и Великобританией военно-воздушной кампании против Ливии (апрель – ноябрь 2011 г.). Отказавшись направлять на данный театр военных действий германские экипажи, «чёрно-жёлтый» кабинет всё же согласился, согласовав свою позицию с Бундестагом, направить лётчиков ВВС ФРГ в состав группы AWACS в Афганистан [1, P. 10]. В условиях демонстрируемой готовности США и их ближайших партнёров по НАТО готовности к использованию военных инструментов, в том числе превентивному, цена наличия отмеченных правовых «пробелов» может стать огромной для как конкретного правительства, так и ФРГ в целом.

* * *

Нельзя не признать в целом эффективное использование механизма 1994 г., принятого на ос-

нове консенсуса всех трёх ветвей власти – ни разу Бундестаг не отказал в удовлетворении правительственного запроса и ни разу не свернул своим решением досрочно операцию с использованием бундесвера. Важным юридическим шагом стало принятие закона 2005 г. С одной стороны, он существенно расширил практические возможности федерального правительства по использованию бундесвера, с другой – де-юре полностью сохранил инструменты парламентского контроля. Поэтому в условиях продолжающегося наращивания масштабов и географических векторов использования бундесвера, в первую очередь, в небоевой деятельности (операциях низкой интенсивности), следует ожидать принятия подобного закону 2005 г. документа. Его выработка, однако, затрудняется необходимостью максимально выверенного «закрытия» «лакун» при использовании сил бундесвера в рамках общих военных инструментов НАТО. Это обстоятельство превращается в один из факторов, определяющих стремления ФРГ избегать боевого использования потенциала Североатлантического альянса, то есть реализации курса на *стратегическую сдержанность*.

Список литературы / Reference list

1. *Brose Ekkehard*. When Germany Sends Troops Abroad. The Case for a Limited Reform of the Parliamentary Participation Act. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik (SWP), 2013. 21 p.
2. The Bundeswehr on Operations. Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. Berlin: Ministry of Defence, 2009. 120 p.
3. Gesetz über die parlamentarische Beteiligung bei der Entscheidung über den Einsatz bewaffneter Streitkräfte im Ausland (Parlamentsbeteiligungsgesetz), 18. März 2005. URL: https: // www.gesetze-im-internet.de/parlbg/BJNR077500005.html (behandlungsdatum: 25.07.2016).
4. Das Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland vom 23. Mai 1949.URL:http://www.documentarchiv.de/brd/1949/grundgesetz.html (behandlungsdatum: 5.07.2016).
5. Entscheidung des Bundesverfassungsgerichts von 12. Juli 1994. URL: http://www.bverfg.de/entscheidungen/es20080507_2bve000103.html (behandlungsdatum: 19.07.2016).
6. NATO Response Force. URL: www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49755.htm (date of access: 5.07.2016).
7. Plenarprotokoll 13/248. Deutscher Bundestag, 13. Wahlperiode. Stenographischer Bericht 248. Sitzung. Bonn, Freitag, den 16. Oktober 1998. S. 23127D- 23163D.
8. Plenarprotokoll 18/142. Deutscher Bundestag, 18 Wahlperiode. Stenografischer Bericht 142. Sitzung. Berlin, Mittwoch, den 2. Dezember 2015. S.13882B-13930D.
9. Plenarprotokoll 18/144. Deutscher Bundestag, 18 Wahlperiode. Stenografischer Bericht144. Sitzung. Berlin, Freitag, den 4. Dezember 2015. S.14105B-14271B.
10. Regierungserklärung vom Bundesminister des Auswärtigen, Dr. Kinkel, vom dem Deutschen Bundestag am 22. 7. 1992. Zur Lage in ehemaligen Jugoslawien // Deutsche Außenpolitik nach der Einheit 1990-1993. Eine Dokumentation herausgeben vom Auswärtigen Amt. Bonn, 1993. S. 191-192.
11. Tasks and Procedures of the Defence Committee. URL: https: // www.bundestag.de/htdocs_e/bundestag/committees/a12/aufgaben (date of access: 19.07.2016).
12. Zeittafel vom 12.9. 1990 bis 20.12. 1990. // Deutsche Außenpolitik nach der Einheit 1990-1993. Eine Dokumentation herausgeben vom Auswärtigen Amt. Bonn, 1993. S. 13-18.

УДК 004.056.53

Елин В.М.,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационной безопасности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

ПРАВОВЫЕ МЕТОДЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В «ОБЛАЧНЫХ» СЕРВИСАХ[1]

Раскрывается особенность обеспечения информационной безопасности при осуществлении облачных сервисов в Российской Федерации с учетом правовых особенностей провайдеров облачных услуг, статуса информации как объекта правового регулирования, характеристики информации ограниченного доступа и специфики заключения гражданско-правовых договоров.
Ключевые слова: информационная безопасность, облачные технологии, информация ограниченного доступа, провайдеры услуг, информация

Elin V.,
PhD in Pedagogy, Associate Professor of Chair of Information Security of National Research University "Higher School of Economics"

ON THE LEGAL METHODS OF ENSURING INFORMATION SECURITY IN THE "CLOUD" SERVICES

The peculiarities of information security in the implementation of cloud services in the Russian Federation in view of the legal characteristics of cloud services providers, status information as an object of legal regulation, the characteristics of restricted information and specific conclusion of civil law contracts.
Keywords: information security, cloud computing, information limited access, service providers, information

Введение

В настоящее время облачные технологии приобретают все большее значение в деятельности как государственных организаций, так и частных компаний. Так, положениями Государственной Программы «Информационное общество (2011 – 2020 годы)» [1], определен комплекс мер развития информационного общества мера по созданию национальной платформы «облачных» вычислений. Распоряжением Правительства Российской Федерации определено, что основными точками роста сегмента разработки программного обеспечения на ближайшие годы станут «облачные» технологии, системы автоматизации бизнеса, технологии обработки больших массивов данных и приложения для мобильных устройств[2].

Целесообразность использования облачных сервисов в деятельности государственных органов регулируется для бюджетной сферы [3], судебной системы [4] и других сферах государственного строительства.

По мнению ряда авторов: «Деятельность в IT-сфере напрямую связанна с передачей части ряда функций: обслуживания сетевой инфраструктуры, проектирования и планирования автоматизированных бизнес-систем с последующим их развитием и сопровождением, системной интеграции; размещения корпоративных баз данных на серверах специализированных компаний, создания и поддержки публичных WEB-серверов, управления информационными системами, приобретения в лизинг компьютерного оборудования; оффшорного программирования и т.д» [5].

В «облаке» практикуется «Все как услуга» (EaaS); «Инфраструктура как услуга» (IaaS); «Платформа как услуга» (PaaS); «Программное обеспечение как услуга» (SaaS); «Аппаратное обеспечение как услуга» (HaaS); «Рабочее место как услуга» (WaaS); «Информационное обеспечение как услуга» (DaaS); «Безопасность как сервис» (SecaaS).

При этом наибольшее распространение получили категории Infrastructure as a Service, Platform as a Service и Software as a service.

[1] Работа выполнена по Гранту РГНФ «Сравнительно-правовое исследование методов обеспечения информационной безопасности в РФ и странах-членах ЕС» № 16-03-00679

Инфраструктура как услуга (Infrastructure as a Service) IaaS заключается в том, что провайдер поставляет два типа ресурсов: вычислительные мощности (в том числе ресурсы сети) и ресурсы хранения (ресурсы памяти). При оказании Platform as a Service (Платформа как услуга) PaaS., провайдер доставляет платформу, (серверы приложений) для клиентов, иногда предоставляют инструмент для разработки программного обеспечения. Область применения Software as a service (Программное обеспечение как услуга) SaaS простирается от почтовых серверов, редакторов документов, систем управления взаимоотношениями с клиентами, и так далее.

Иерархия рисков информационной безопасности при оказании облачных услуг определяется ISO/IEC 27005:2011 Information technology – Security techniques – Information security risk management, и включает в себя [6]:

R1: Риск уязвимости программного обеспечения связывают с неопределенным статусом ответственности за тот или иной компонент программного обеспечения;

R2: Сетевые атаки;

R3: Риск нападения с использованием средств социальной инженерии в режиме онлайн через электронную почту и веб-сайты;

R4: Компромисс интерфейса управления (заключается в требовании к провайдеру о безопасном интерфейсе и высокое качество аутентификации и авторизации);

R5: Кража или потеря устройств;

R6: Физические опасности;

R7: Перегрузки;

R8: Неожиданные расходы;

R9: Vendor lock-in – невозможность перехода к другому провайдеру облачных услуг;

R10: Административные и юридические аспекты;

R11: Участие иностранных субъектов.

Специфика оказания облачных услуг заключается также в том, что, по данным исследований European Union Agency for Network and Information Security (ENISA), не существует реальной возможности обеспечить информационную безопасность при оказании облачных сервисов [7].

Сложившаяся ситуация четко иллюстрируется А.П.Барановым: «Примат прикладной целесообразности отодвигает на второй план вопрос об информационной безопасности системы, собственно данных и устойчивости всей структуры. Определенный фон привносит интенсивная рекламная кампания, которая представляет облачные вычисления как нечто принципиально новое, а поэтому вопросы информационной безопасности откладываются на более позднее время.» [8].

Рассматривая правовое регулирование как один из методов обеспечения информационной безопасности, обращает на себя внимание практически полное отсутствие национальной нормативно-правовой базы в данной сфере, что в свою очередь, связано с исключительной новизной правоотношений, комплексностью проблематики правового регулирования и необходимостью применения аналогий. Так, стороны заключают гражданско-правовой договор на предмет предоставления услуг или выполнения работ, что влечет необходимость применения ст. 421 ГК РФ, регламентирующей свободу заключения договора, в связи с чем стороны могут заключить как предусмотренный, так и не предусмотренный законом и иными правовыми актами договор.

При этом выделяется проблематика предмета договора на оказание облачных услуг, субъектов данной категории – отношений, обращения информации ограниченного доступа, праве на использование результатов интеллектуальной деятельности и т.д.

Характеристика субъектов отношений

Распространённость облачных услуг напрямую связана с расхожим мнением о том, что клиенту лишь достаточно подключиться к приложению одного из компаний-поставщиков облачных сервисов, а облачный провайдер выполнит все остальное: управление системой, мониторинг трафика и требований клиентов, хранение и обработку информации. При этом требования клиента могут быть зафиксированы в т.н. SLA –договоре (Service Level Agreement), представляющем собой расширенное соглашение об уровне качества предоставляемых услуг. К существенным условиям SLA обычно относят: определение параметров предоставляемых услуг; методологию мониторинга, включающую в себя характеристики и методику измерения параметров безопасности в режиме реального времени; независимое тестирование; диапазоны параметров, которые вызывают предупреждения Ad-Hoc, реагирования на инциденты или восстановления; регулярные отчеты об уровне обслуживания (зеркальные) и их содержание; пороги реагирования, определяемые в соответствии с профилем риска организации; ответственность сторон и санкции.

При этом сразу возникает вопрос о контрагенте соглашения, его правах и ответственности по российскому законодательству.

Провайдер происходит от англ. Provider, переводится как «поставщик» и может быть понят как поставщик услуг Интернета, подключающий пользователей к сети через свои компьютеры [9]. В российском гражданском праве понятие поставщик применяется к участнику договора поставки, являющемуся разновидностью договора купли-продажи, причем, согласно требованиям ст.506 ГК РФ поставщик-продавец

обязуется передать в обусловленный срок производимые или закупаемые им товары покупателю.

Традиционное использование термина «провайдер» применительно к интернет-услугам базируется на применении положений Директивы об электронной торговле Европейского союза [10], согласно которой принято выделять три категории провайдеров – провайдеры содержания (контент), хост провайдеры и провайдеры доступа.

Услуга провайдеров доступа заключается главным образом в перемещении данных без их постоянного хранения. Хост-провайдеры предоставляют доступ к содержанию третьих сторон и обеспечивают его доступность. Контент-провайдеры или провайдеры содержания предоставляют собственное содержание на собственном оборудовании и обеспечивают его доступность третьим лицам. Определяя правовой статус провайдеров содержания (контент), хост-провайдеров и провайдеров доступа [11], обращает на себя внимание, что на контент-провайдеры возлагается ответственность за содержание собственной информации, сохранение содержания на собственной технической базе или под своим контролем, а значит, они могут контролировать доступ к нему. Хост-провайдеры сохраняют содержание предоставленное клиентами на собственной или арендованной технической базе. Деятельность провайдеров доступа заключается главным образом в перемещении данных без их постоянного хранения.

Следует иметь в виду, что европейское законодательство четко связывает категорию провайдера с объемом его обязанностей и ответственности. При этом законодательно определены пределы ответственности каждой из категорий провайдеров. Распределение ответственности за причинённый вред напрямую связан с характером предоставляемой услуги [12]:

Понятие провайдера внесено в Российское законодательство новеллой в закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». При этом провайдера хостинга определяется как лицо, оказывающее услуги по предоставлению вычислительной мощности для размещения информации в информационной системе, постоянно подключенной к сети «Интернет» [13]. Указанное нововведение направлено на определение круга обязанностей по защите от вредоносной информации [14] и не затрагивает вопросов договорных отношений.

Оказание услуг в нашей стране регулируется договорами об оказании услуг, причем нормами ч.2 ст. 779 ГК РФ определено оказание аудиторских, консультационных, информационных услуг, услуг и иных. Сторонами по договору при этом выступают «заказчик» и «исполнитель».

Скорее всего, в вопросе о провайдере IT-услуг имеет место попытка простого перенесения западного правового термина в российское правовое пространство, не уделяя достаточного внимания вопросам понятия субъекта правоотношения, его правового положения и совокупности прав и обязанностей. При этом возникает терминологическая путаница, подмена одних понятий другими, невозможность стандартного их толкования и т.д.

Вне зависимости от применяемого наименования субъекта отношений встает вопрос о разграничении ответственности сторон, что, в свою очередь, связано с рядом обстоятельств:

– обеспечивает ли сторона доступность содержания или только предоставляет доступ к нему;

– является ли содержание собственностью стороны или оно принадлежит третьей стороне;

– знает ли сторона о незаконном содержании;

– имеются ли технические возможности блокировать доступ к информации и есть ли разумные основания ожидать этого.

Различное сочетание указанных признаков порождает основания для привлечения к ответственности участников отношений.

Таким образом, в обязательственных отношениях по поводу оказания облачных услуг в российском правовом пространстве не следует злоупотреблять понятием «провайдер» по отношению к субъекту. При этом как содержание договора, так и практикуемое Service Level Agreement должно четко определять круг обязанностей и сферу ответственности каждого из участников договора.

	IaaS	**PaaS**	**SaaS**
Управление учетными записями пользователей, прав доступа пользователей и т.д.	пользователь	пользователь	пользователь
Развертывание, обновление и патч прикладного программного обеспечения	пользователь	пользователь	провайдер
Развертывание, обновление и патч OS	пользователь	провайдер	провайдер
Развертывание, обновление и патч прикладного программного обеспечения.	пользователь	провайдер	провайдер
Развертывать и поддерживать аппаратные средства (серверных стоек, диски, маршрутизаторы, кабели и т.д.)	провайдер	провайдер	провайдер
Управление и защита поставок и сооружения (электропитание, охлаждение, кабели, охранники и т.д.)	провайдер	провайдер	провайдер

Форма договора

Согласно требованиям п. 1 ст. 420 ГК РФ договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. Заключение договора – достижение сторонами в надлежащей форме соглашения по всем существенным условиям договора в порядке, предусмотренном законодательством.

Договор считается заключенным при соблюдении двух необходимых условий:

– сторонами должно быть достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора;

– достигнутое сторонами соглашение по своей форме должно соответствовать требованиям, предъявляемым к такого рода договорам (ст. 432 ГК РФ).

Также обращает на себя внимание правовой статус информации, которая с 01 января 2008 года исключена из перечня объектов гражданских правоотношений, определённых ст. 128 ГК РФ. Информация не имеет собственника, правовой статус «обладателя» информации фактически не определен. Информация не имеет цены и не может являться предметом гражданского оборота. Запрет на оборотоспособность информации в составе результатов интеллектуальной деятельности прямо зафиксирован в положениях ч.4 ст. 129 ГК РФ. Оборотоспособными являются только права на результаты и средства, а также материальные носители, в которых выражены соответствующие результаты или средства. Таким образом, применение договора поставки в отношении информации по аналогии, – исключается.

Конечно, информация является объектом информационных отношений, и как следствие, деятельность в сфере облачных сервисов должна осуществляться на основе договора возмездного оказания услуг определяемого гл. 39 ГК РФ.

Согласно положениям ст. 158 ГК РФ сделки совершаются устно или в письменной форме, причем сделка, которая может быть совершена устно, считается совершенной и в том случае, когда из поведения лица явствует его воля совершить сделку. Нормы ст. 434 ГК РФ связывают форму договора с формой сделки.

Понятие электронного документа определяется п.11.1 ст.2 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и раскрывается как документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах.

Сделка в форме электронного документа законодательно не предусмотрена, а значит, может послужить формальным основанием для признания сделки недействительной.

Более того, ст. 6 ФЗ «Об электронной подписи» определяет условия, при соблюдении которых электронные документы, подписанные электронной подписью признаются равнозначными документам на бумажном носителе, подписанным собственноручной подписью. В том случае, если условия электронной подписи не выполнены, – соответственно не признаются.

Имеет место противоречие с требованиями международного права, поскольку с точки зрения международного права информация не может быть лишена юридической силы, действительности или исковой силы на том лишь основании, что она составлена в форме сообщения данных. При этом Типовой закон ЮНСИТРАЛ «Об электронной торговле» [15] под сообщением данных понимает информацию, подготовленную, отправленную, полученную или хранимую с помощью электронных, оптических или аналогичных средств, включая электронный обмен данными (ЭДИ), электронную почту, телеграмму, телекс или телефакс, и иные средства. Кроме того Закон ЮНСИТРАЛ строит отношения в сфере электронной торговли на основе обмена электронными документами и сообщениями.

Существует обоснованное мнение, о возможности акцептации публичной оферты электронными средствами с использованием возможностей, предоставляемых российским законодательством. Однако указанное заключение договора путем связан с рядом обстоятельств, требующих особо пристального внимания: в частности, оферта, как предложение заключить договор должна быть адресована конкретному лицу (лицам), быть достаточно определенной, выражать намерение сделавшего его лица заключить договор с адресатом, которым будет принято предложение, а также содержать указание на существенные условия, на которых предлагается заключить договор (ст. 435 ГК РФ).

Особое внимание обращает на себя необходимость отличать оферту от иной информации, не содержащей предложения к заключению договора (реклама, предложение делать оферты и т.д.) Акцепт, т.е. ответ лица, которому была направлена оферта, о принятии ее условий, должен быть полным и безоговорочным (ст. 438 ГК). Письменная форма акцепта может быть выражена также в виде сообщение по факсу, с помощью телеграфа и других средств связи.

Отсутствие фактического контакта между участниками интернет-отношений порождает проблему, которую можно охарактеризовать как «анонимность субъекта», и которая выражается следующим образом:

Достоверная идентификация участника интернет-отношений возможна только по применении

субъектом усиленной электронной подписи. Собственно, требованиями ст.5 ФЗ «Об ЭП» понятие усиленной подписи раскрывается через возможность определения лица, подписавшего документ. Во всех остальных случаях: применения простой ЭП, IP– адреса, доменного имени, логинов и паролей, – идентификация лица, участвующего в данных отношениях является недостоверной, что ряд авторов относит не просто к свойствам информационных технологий, но и определяет одним из его достоинств.

Проблема защиты информации ограниченного доступа

В Российской Федерации отношения, возникающие при применении информационных технологий осуществляется на основании ряда положений Конституции Российской Федерации, ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», ряда других федеральных законов.

ФЗ «Об информации» подразделяет информацию на общедоступную и ограниченного доступа, причем к последней категории информация может быть отнесена только на основании положений федерального законодательства.

В основу отнесения информации к категории ограниченного доступа относится законодательное ограничение доступа к ней. В настоящее время в РФ существует, по крайней мере, свыше 40 категорий информации ограниченного доступа.

В настоящее время прослеживается классификация информации ограниченного доступа на государственную тайну (в основу правового режима которой положен Закон «О государственной тайне»), 6 категорий сведений конфиденциального характера (перечень которых утвержден Указом Президента РФ № 188) и иную информацию ограниченного доступа (не вошедшую в первые две категории).

Обработка ряда категорий информации ограниченного доступа выходит за рамки частно– правовых отношений и требует соблюдения дополнительных регламентов. Кроме того, следует иметь в виду, что нарушения в сфере данных правоотношений влечет за собой не только гражданскую, но также административную и уголовную ответственность [16], что лишний раз доказывается богатейшей судебной практикой по данному вопросу.

Существующие в российском законодательстве требования к защите информации ограниченного доступа сами по себе не препятствуют предоставлению облачных сервисов, накладывая лишь определенные ограничения в отношении некоторых категорий информации ограниченного доступа (вопрос об обработке которых следует разрешать в каждом конкретном случае).

Заключение

В российском законодательстве не существует специальных норм правового регулирования «облачных» сервисов, в связи с чем существенные условия подлежат отражению в SLA-договорах, которые формально не противоречат действующему российскому законодательству, однако требуют тщательной «проработки» вопросов, связанных с субъектами правоотношения, предметом договора, его содержанием, объемом оказываемых услуг. Также, при заключении данной категории договоров необходимо разрешить либо в основном договоре, либо в дополнительном соглашении вопросы обеспечения безопасности и защиты информации, контроле за деятельностью исполнителя, защите прав на результаты интеллектуальной деятельности, электронного документооборота и электронной подписи.

При этом особое внимание следует обращать на совокупность прав и обязанностей участников правоотношения, ответственность сторон не только за неисполнение обязанностей по договору, но также за недобросовестность осуществления информационных процессов.

При определении предмета договора следует иметь в виду соотнесение положений ст. ст. 715 ГК РФ (о праве заказчика во всякое время проверять ход и качество работы, выполняемой подрядчиком, не вмешиваясь в деятельность последнего) и практику заключения SLA – соглашений о методах и параметрах контроля уровня предоставляемого сервиса.

Содержание соглашения должно включать в себя: определение предоставляемого сервиса в терминологии российского права; время предоставления сервиса, включая тестирование, поддержку и модернизацию; характеристики пользователей и оборудования для данного сервиса; описание рисков и механизмов реагирования при возникновении угроз информационной безопасности; характеристики отчетов о проблемах, их критериях, условиях эскалации проблемы на следующий уровень; спецификации целевых уровней качества сервиса; минимальная доступность для каждого пользователя, среднее время отклика сервиса, максимальное время отклика для каждого пользователя, средняя пропускная способность; ответственность сторон при использовании сервиса (подготовка, поддержка соответствующих конфигураций оборудования, программного обеспечения).

В договоре также должны отражаться: характер информации и объем сведений, предоставляемых провайдеру, отражены вопросы правового режима и обеспечения защиты информации ограниченного доступа.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313. «Об утверждении Государственной программы «Информационное общество (2011 – 2020 годы)» // СПС «Консультант плюс».
2. Распоряжение Правительства РФ от 01.11.2013. № 2036-р. «Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014 – 2020 годы и на перспективу до 2025 года» // Собрание законодательства РФ, 18.11.2013. № 46. ст. 5954
3. Распоряжение Правительства РФ от 20.07.2011. № 1275-р. «О Концепции создания и развития государственной интегрированной информационной системы управления общественными финансами «Электронный бюджет»» // Собрание законодательства РФ, 01.08.2011. № 31. ст. 4773.
4. Постановление Правительства РФ от 27.12.2012. № 1406. «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013 – 2020 годы» // Собрание законодательства РФ, 07.01.2013. № 1. ст. 13.; Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2012. № 1735-р. «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013 – 2020 годы» // Свод Законов РФ, 07.01.2013. № 1. ст. 13.
5. Ефимова С., Пешкова Т., Коник Н., Рытик С. Аутсорсинг // Управление персоналом. 2006.
6. Cloud Security Guide for SMEs// https://www.enisa.europa.eu/activities/Resilience-and-CIIP/cloud-computing/security-for-smes/cloud-security-guide-for-smes
7. Cloud computing security risks and opportunities for SMEs // European Union Agency for Network and Information Security. April, 2015.
8. Баранов А.П. Можно ли защитить в «облаке» конфиденциальную информацию // Системы высокой доступности. 2012. Т. 8. №. 2. Р. 12-15.
9. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 2006.
10. Directive on Certain Legal Aspects of Information Society Services, in particular Electronic Commerce, in the Internal Market, Jul 17, 2000, 2000/31/EC
11. Директива об электронной торговле Европейского Союза от 17.07.2000 № 2000/31/EC
12. Cloud computing security risks and opportunities for SMEs // European Union Agency for Network and Information Security. April 2015.
13. Жарова А.К. Информация. Правовое регулирование обращения информации в интернет: монография. М., 2006. С. 51-53.
14. Федеральный закон от 28.07.2012. № 139-ФЗ. «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Свод Законов РФ, 30.07.2012. № 31. ст. 4328.
15. Model law on electronic commerce of the United Nations commission on international trade law // Принят в г. Нью-Йорке 28.05.1996 – 14.06.1996. на 29-ой сессии ЮНСИТРАЛ, одобрен 16.12.1996. Резолюцией 51/162 на 85-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Комиссия ООН по праву международной торговли. Ежегодник. 1996 год. Т. XXVII. Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 1998. С. 319 – 323.
16. Гл. 13 Кодекса об административных правонарушениях РФ, ст.ст. 274, 275, 276, 283, 284, 137, 138, 183 УК РФ.

Reference list

1. The Decree of the Government of the Russian Federation dated 15th of April, 2014 № 313. "On approving the state program "Information Society" (2011-2020)" // Reference Legal System "Consultant Plus".
2. The Decree of the Government of the Russian Federation dated 01.11.2013. № 2036-d. "On approving of development strategy of information technologies branch in the Russian Federation for 2014 - 2020 and on prospect until 2025" // "Collection of legislation of the Russian Federation", 18.11.2013. №. 46. Art. 5954.
3. The Decree of the Government of the Russian Federation dated 20.07.2011. №. 1275-d. "About the conception of creation and development of the state integrated information system of public finance management "Electronic Budget" // Collection of legislation of the Russian Federation, 01.08.2011. №. 31, Art. 4773.
4. Resolution of the Government of the Russian Federation of 27.12.2012. № 1406. "About the federal target program "Development of the Judicial System of Russia for 2013-2020" // Collection of legislation of the Russian Federation, 07.01.2013. №. 1. Art. 13.; The Decree of the Government of the Russian Federation from 20.09.2012 № 1735-d. "On approving the conception of the federal target program "Development of Judicial System of Russia for 2013-2020" // Code of laws of the Russian Federation, 07.01.2013. №. 1. Art. 13.
5. Efimova S., Peshkova T., Konik N., Rytik S. Outsourcing // HR Management. 2006.
6. Cloud Security Guide for SMEs// https://www.enisa.europa.eu/activities/Resilience-and-CIIP/cloud-computing/security-for-smes/cloud-security-guide-for-smes
7. Cloud Computing Security Risks and Opportunities for SMEs // European Union Agency for Network and Information Security. April, 2015.
8. Baranov A. Is it possible to protect a confidential information in the "cloud" // High Availability Systems. 2012. Vol. 8. №. 2. P. 12-15.

9. Rayzberg B., Lozovskiy L., Starodubtseva E. Modern economic dictionary. INFRA-M, 2006.
10. Directive on Certain Legal Aspects of Information Society Services, in Particular Electronic Commerce, in the Internal Market, Jul 17, 2000, 2000/31/EC
11. The Directive on Electronic Commerce of the European Union from 17.07.2000 № 2000/31/EC
12. Cloud Computing Security Risks and Opportunities for SMEs // European Union Agency for Network and Information Security. April, 2015.
13. Zharova A. Information. Legal regulation of information circulation in the Internet: Monograph. M., 2006. P. 51-53.
14. Federal Law of 28.07.2012 №. 139-FL "On amendments to the Federal Law "On protection of children from information harmful to their health and development" and certain legislative acts of the Russian Federation" // Code of laws of the Russian Federation of 30.07.2012. № 31. Art. 4328.
15. Model Law on Electronic Commerce of the United Nations Commission on International Trade Law // Adopted in New York from 28.05.1996. to 14.06.1996 at the 29th Session of UNCITRAL, It has approved by the Resolution 51/162 at the 85th Plenary Meeting of the UN General Assembly, 16.12.1996 // The UN Commission on International Trade Law. Yearbook. 1996. Vol. XXVII. New York: United Nations, 1998. P. 319 -323.
16. The Chapter 13 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, Articles 274, 275, 276, 283, 284, 137, 138, 183 of the Criminal Code.

УДК 343.7

Ефимов А.А.,
кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России

Евдошенко В.В.,
кандидат экономических наук, вр.и.о. начальника кафедры административного права и административной деятельности Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ, ИМЕЮЩИХ ОСОБУЮ ЦЕННОСТЬ

В настоящей статье рассмотрена уголовно-правовая характеристика и проблемные вопросы квалификации хищения предметов, представляющих особую ценность (ст. 164 УК РФ). Ответственность за указанную разновидность хищения выделена в самостоятельную норму с учетом специфических свойств предмета преступления. Авторы делают вывод о том, что при квалификации посягательств на предметы, имеющие особую ценность, необходимо учитывать тот факт, что материалы уголовного дела должны содержать заключение искусствоведческой экспертизы о признании похищенного как предмета, имеющего особую историческую, научную, художественную или культурную ценность. В случае непризнания особой исторической, научной, художественной или культурной ценности по результатам экспертизы действия виновного следует квалифицировать только по общим нормам.
Ключевые слова: квалификация хищения предметов, представляющих особую ценность, материалы уголовного дела, искусствоведческая экспертиза

Efimov A.,
PhD in Pedagogy, Senior Lecturer of Chair of Administrative Law and Administrative Activity of the Stavropol Branch of the Krasnodar University of Interior Ministry of the Russian Federation

Evdoshenko V.,
PhD in Economics, Acting of Head of Chair of Administrative Law and Administrative Activity of the Stavropol Branch of the Krasnodar University of Interior Ministry of the Russian Federation

DETERMINATION FEATURES OF STEALING OBJECTS PRESENTING PARTICULAR VALUE

In this article there are considered a criminal-legal characteristic and determination topical issues of stealing objects presenting particular value (Article 164 of the Criminal Code of the Russian Federation). The responsibility for this kind of stealing is emphasized into a separate norm with regard the specific features of a target of crime. The article authors are concluded that when determine the violations on the objects presenting particular value, it must be borne in mind that criminal case files should be contained the conclusion of an art-historical expert examination on recognizing the stolen as an object of particular, historical, scientific, artistic and cultural value. A guilty should be only determined under the general norms in the case of non-recognition of particular historic, scientific, artistic and cultural value of an object by the results of an art-historic expert examination.
Keywords: determination features of stealing objects presenting particular value, criminal case files, art-historical expert examination

Защита культурного достояния и наследия нации является одной из одной из основных задач, стоящих перед нашим государством.

На сегодняшний день в музеях России хранится около 80 миллионов разнообразных памятников материальной и духовной культуры, из которых 90% – объекты федерального значения. Только в 2010 году, в ходе проверок организованной рабочей группой по комплексной проверке сохранности культурных ценностей, находящихся в фондах музеев России, выявлены факты утрат более 160 тысяч экспонатов.

По данным ФКУ «ГИАЦ МВД России», в настоящее время в розыске находится более 75 тыс. единиц культурных ценностей, похищенных на территории России. Основная их часть вывезена за рубеж. Только в 2011 – 2012 годах в базу данных Генерального се-

кретариата Интерпола по учету похищенных культурных ценностей по запросам российского Бюро было поставлено 120 предметов искусства, разыскиваемых правоохранительными органами Российской Федерации (картины, иконы, предметы антиквариата). За последние два года в Россию возвращено 23 иконы, похищенные в разных регионах России; а также 26 архивных документов и 5 акварельных чертежей XVIII века, похищенные в г. Санкт-Петербурге [1].

Нормы, предусмотренные ст.ст. 164, 190, 243 УК РФ устанавливают ответственность за посягательства на предметы или документы, имеющие особую историческую или культурную ценность.

Основными предметами преступных посягательств являются различные объекты исторического, культурного, духовного наследия, предметы имеющие научную ценность, в том числе картины, старинные марки, книги, ордена, медали, монеты, редкие историко-архивные документы и т.д. В качестве единственного предмета, который не имеет цены в денежном выражении и при этом может рассматриваться в качестве предмета хищения, можно назвать некоторые предметы, имеющие особую научную ценность (ст. 164 УК РФ), например, записи научных наблюдений, в которых воплощен значимый научный труд, результаты научного эксперимента и др. Сами по себе такие предметы могут и не представлять значимой экономической ценности.

С.П. Щерба считает, что для отграничения хищения предметов, имеющих особую ценность, от хищений иного имущества наиболее приемлемое определение и описание предметов и документов такого рода дано в ст. 9 Закона РФ от 15.04.1993 г. № 4804-1 (в ред. от 06.12.2011 г.) «О ввозе и вывозе культурных ценностей» [2]. В указанной норме перечисляются четыре категории культурных ценностей, не подлежащих вывозу из России.

Вывозу из Российской Федерации не подлежат следующие категории культурных ценностей:

– движимые предметы, представляющие историческую, художественную, научную или иную культурную ценность и отнесенные в соответствии с действующим законодательством к особо ценным объектам культурного наследия народов Российской Федерации, независимо от времени их создания;

– движимые предметы, независимо от времени их создания, охраняемые государством и внесенные в охранные списки и реестры в порядке, установленном законодательством Российской Федерации;

– культурные ценности, постоянно хранящиеся в государственных и муниципальных музеях, архивах, библиотеках, других государственных хранилищах культурных ценностей Российской Федерации. По решению уполномоченных государственных органов данное правило может быть распространено на иные музеи, архивы, библиотеки;

– культурные ценности, созданные более 100 лет назад, если иное не предусмотрено настоящим Законом [3].

Согласно п.25 Постановления Пленума Верховного суда от 27 декабря 2002 года № 29 (в ред. от 23.12.2010 №31) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» – «особая историческая, научная, художественная или культурная ценность похищенных предметов или документов (независимо от способа хищения) **определяется на основании экспертного заключения** с учетом не только их стоимости в денежном выражении, но и значимости для истории, науки, искусства или культуры» [4]. Признак «особый» является оценочным и наделяет предмет свойствами необыкновенности, превосходности, исключительной значимости и важности.

Наглядным примером служит практика применения ст. 164 УК РФ в части, касающейся похищения орденов и медалей. Чаще всего похищаются ордена Красной Звезды, Отечественной войны, медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией». Суды, рассматривая уголовные дела о хищениях указанных орденов и медалей, иногда не соглашаются с квалификацией таких деяний по ст. 164 УК РФ и изменяют ее, в зависимости от способа хищения, на кражу, мошенничество, разбой или иное преступление против собственности. Похищенные награды представляют определенную культурную ценность, но не имеют особой ценности, поскольку являются массовыми, не уникальными, им не свойственны редкость и неповторимость. Так, на основании данного обстоятельства судебная коллегия по уголовным делам Тамбовского областного суда отменила приговор суда районного в части осуждения обвиняемого по ст. 164 УК РФ за кражу ордена Красной Звезды. В своем определении судебная коллегия указала, что данный орден имеет номер 1595893, и это свидетельствует об отсутствии особой ценности [5].

В качестве примерных критериев, с учетом которых следователь должен решать вопрос о вынесении постановления о назначении соответствующей экспертизы, по нашему мнению, можно привести следующие:

– историческую давность предмета – предмет был изготовлен более 50 лет назад и является антиквариатом;

– уникальность – предмет является единственным и неповторимым в своем роде предметом, исключительным по своим художественным и другим качествам или ставшим большой редкостью;

– статус памятника истории или культуры, охраняемого государством;

– общероссийская, федеральная или международная значимость;

– высокая стоимость (с учетом спроса на антикварных рынках и аукционах).

В последнее время прослеживается тенденция совершения хищений сотрудниками музеев, выставок, хранителями музейных предметов, архивных документов, с целью личного обогащения. Данные факты имели место в Музее истории Санкт-Петербурга, Государственном Дарвиновском музее, Российском государственном военном архиве. А факт кражи в Государственном Эрмитаже 221 музейного экспоната вовсе вызвал большой общественный резонанс [6].

Например, в ходе расследования по уголовному делу, находившемуся в производстве 4 отдела СЧ ГСУ при ГУВД по городу Москве, установлено, что главный специалист отдела публикаций Российского государственного военного архива гр. Б. в течение длительного времени похищал различные документы из указанного архива и сбывал их. Только за три рабочих дня, он похитил из фондов архива 13 солдатских и одну офицерскую книжку немецких военнопленных времён Великой Отечественной войны 1941-1954 г.г., представляющих особую историческую ценность. Гражданин Б. осужден Головинским районным судом города Москвы к 3 годам лишения свободы.

Другой яркий пример, Департаментом уголовного розыска МВД России была получена информация о том, что из музея Волжской академии водного транспорта совершаются хищения старинных предметов, архивных документов и книг. В результате работы оперативники пришли к выводу, что к хищениям причастен бывший преподаватель данного учреждения, житель города Нижний Новгород. В сентябре 2010 года сотрудниками отдела по борьбе с посягательствами на культурные ценности ДепУР МВД России совместно с сотрудниками УУР ГУВД по Нижегородской области и УУР УВД по Владимирской области задержали подозреваемого в городе Владимире. У него изъято 60 уникальнейших чертежей, рисунков и записей 18 века авторства знаменитого русского изобретателя Ивана Кулибина. При обыске в его гараже изъято более 300 похищенных книг 18-20 веков. По предварительной оценке, экспертов, данные предметы однозначно имеют особую историческую ценность, аукционная стоимость их может превышать 40 миллионов рублей. По данному факту ГСУ при ГУВД по Нижегородской области было возбуждено уголовное дело по ст. 164 УК РФ «Хищение предметов, имеющих особую культурную, историческую и научную ценность» [7].

Хищение предметов и документов, имеющих особую историческую, научную, культурную ценность, может быть совершено различными способами: путем кражи, грабежа, разбоя, мошенничества, присвоения или растраты имущества.

Как правило, на первоначальном этапе расследования уголовные дела, возбуждаются по общим нормам с учетом способа хищения по статьям 158, 159, 160, 161, 162 УК РФ. Впоследствии, при получении заключения ранее назначенной в обязательном порядке искусствоведческой экспертизы о признании похищенного в качестве предмета, имеющего особую историческую, научную, художественную или культурную ценность, следствием производится переквалификация на соответствующую часть ст. 164 УК РФ.

Кроме того, при совершении преступления, предусмотренного ст. 164 УК РФ, умысел лица должен быть направлен на завладение именно предметами, имеющими особую ценность, т.е. исключительность похищаемых предметов должна непременно осознаваться преступником. О таком осознании могут свидетельствовать место совершения хищения (музеи, выставки и т.д.), обстановка преступления (наличие коллекции), характер похищенных предметов и т.д. В случае, когда виновный не осознает особые свойства похищаемого имущества и его значимость действия виновного не могут квалифицироваться по ст. 164 УК РФ и содеянное следует квалифицировать по общим нормам, устанавливающим ответственность за хищение с учетом способа его совершения, т.е. по ст. ст. 158, 159, 160, 161 или 162 УК РФ. По такому пути, как правило, идет и правоприменительная практика. Так, например, в январе 2008 г. в селе Полибино Данковского района Липецкой области были похищены старинные металлические ворота усадьбы Нечаевых-Мальцевых, изготовленные в 1880 г. Они были распилены и сданы в скупку металлолома в Данкове. Бывшее имение знаменитых российских меценатов дореволюционной эпохи, является памятником культуры федерального значения. Уголовное дело было возбуждено в отношении гр. Б., П. и Х. по п. «а» ч. 2 ст. 164 УК РФ, после чего переквалифицировано на п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ, исходя из способа распоряжения ценностью, который был избран виновными: ворота не были переданы, например, коллекционерам, а отданы в пункт сбора металлолома как имущество, изготовленное из металла, и не обладающее для гр. Б., П. и Х. признаками особой ценности [8].

Особого внимания заслуживает квалифицирующий признак, предусмотренный п. «в» ч. 2 ст. 164 УК РФ – хищение предметов или документов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность повлекшее их уничтожение, порчу или разрушение.

Для квалификации деяния по п. «в» ч. 2 ст. 164 УК РФ обязательно необходимо устанавливать причинную связь между хищением и уничтожением, порчей или разрушением ценных предметов. Вина в отношении этих последствий может быть выражена как в форме умысла (например, если преступник портит картину, вырезая ее из рамы), так и в форме неосторожности (например, если вред причинен в результате небрежного или легкомысленного обращения с похищенным ценным предметом).

В следственно-судебной практике зачастую возникают вопросы при отграничении внешне схожих преступных посягательств в отношении предметов, имеющих особую ценность. Так, при разграничении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 164 УК РФ и ст. 243 УК РФ, необходимо учитывать направленность умысла виновного. Если же цель виновного состоит лишь в причинении ущерба собственнику или иному владельцу, при этом он не преследует корыстной цели – деяние следует квалифицировать по ст. 243 УК РФ.

Наглядным примером может служить случай происшедший в 2010 году в Тульской области, г. Новомосковске, где гражданин Н. умышленно, путем отламывания кисти руки повредил памятник истории и культуры в виде статуи солдата, установленный на Братской могиле № 2, являющейся согласно федеральному законодательству, объектом культурного наследия, взятым под охрану государством. В результате чего в отношении Н. было возбуждено уголовное дело и предъявлено обвинение по ч. 1 ст. 243 УК РФ [9].

На практике все чаще возникают сложности в юридической оценке обстоятельств хищения. Основной причиной этого являются трудности квалификации подобного рода преступлений, связанные, в частности, с несовершенством действующего законодательства.

До сих пор однозначно не разрешен вопрос, связанный с квалификацией разбойных нападений, в целях хищения предметов, имеющих особую ценность, совершенных при наличии особо квалифицирующих признаков, указанных в ст. 162 УК РФ. Если квалифицировать данное деяние только по ст. 164 УК РФ, то нарушается принцип справедливости, поскольку квалифицированные виды разбойных нападений при тех же фактических обстоятельствах влекут более строгое наказание, нежели наказание, предусмотренное ст. 164 УК РФ. На лицо конкуренция уголовно-правовых норм. Но в данной ситуации имеет место не конкуренция общей и специальной нормы, а конкуренция специальных норм с отягчающими обстоятельствами.

Так, например, Куринов Б.А. отмечал, что «при конкуренции специальных норм с отягчающими обстоятельствами приоритет отдается нормам с наиболее отягчающими обстоятельствами» [10], т.е. должна применяться норма, предусматривающая более строгую санкцию. Однако, по нашему мнению, в таких ситуациях содеянное необходимо квалифицировать по совокупности преступлений. В этом случае, хищение предметов или документов, имеющих особую ценность, при наличии признаков, предусмотренных п.п. «в», «г» ч. 2 ст. 161, либо ч.ч. 2, 3, п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ, должно быть квалифицировано по совокупности со ст. 164 УК РФ.

Изучение судебной практики, проводимое М.С. Маточкиной, показало, что единого подхода к решению данного вопроса до сих пор не выработано, из 17 изученных приговоров в 5 случаях (29,4 %) деяние квалифицировалось только по ст. 164 УК РФ, а в 12 – по совокупности ст.ст. 162 и 164 УК РФ (70,6 %) [8].

Дискуссионным остается вопрос о квалификации вымогательства предметов, имеющих особую ценность. В ст. 164 УК РФ завладение предметами, имеющими особую ценность, сводится только к хищению, что, на наш взгляд, является пробелом уголовного законодательства, т.е. диспозиция ст. 164 УК РФ не предусматривает такого способа совершения преступления как вымогательство. Кроме того, современный российский законодатель не относит вымогательство предметов, имеющих особую ценность, к категории хищения, поэтому, по нашему мнению, вместо ст. 164 УК РФ, учитывающей особые свойства предмета преступления, вымогательство предметов имеющих особую ценность необходимо квалифицировать только по ст. 163 УК РФ.

Проведенный нами анализ объективной стороны состава хищения предметов, имеющих особую ценность, показывает, что диспозиция ст. 164 УК РФ нуждается в совершенствовании.

В целях устранения существующего недостатка считаем целесообразным дополнить название ст. 164 УК и ее диспозицию после слова «хищение» словосочетанием «либо вымогательство». Такой подход не является новеллой для российского уголовного законодательства. В частности, он характерен для преступлений, предусмотренных в ст. ст. 221, 226, 229 УК РФ.

При квалификации хищения оружия, имеющего особую ценность, предмет преступления обладает несколькими признаками, т.е. является одновременно предметом хищения, имеющим особую ценность и специальным предметом (огнестрельным оружием). В этом случае деяние необходимо квалифицировать по совокупности ст.ст. 164 и 226 УК РФ, поскольку вред причиняется разным охраняемым законом общественным отношениям.

При посягательстве на предметы, имеющие особую ценность, совершенным преступным сообществом, необходимо квалифицировать деяния по совокупности ст.ст. 164 и 210 УК РФ.

Согласно ст. 20 УК РФ субъектом преступления, предусмотренного ст. 164 УК РФ, является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Несовершеннолетние же в возрасте от 14 до 16 лет, совершившие хищение предметов, имеющих особую ценность, будут нести ответственность по ст. ст. 158,161,162 УК РФ.

Таким образом, при квалификации посягательств на предметы, имеющие особую ценность, необходимо учитывать следующее:

1) материалы уголовного дела должны содержать заключение искусствоведческой экспертизы о признании похищенного как предмета, имеющего особую историческую, научную, художественную или культурную ценность. В случае непризнания особой исторической, научной, художественной или культурной ценности по результатам экспертизы действия виновного следует квалифицировать только по общим нормам, т.е. при хищении – по ст.ст. 158, 159, 160, 161, 162, а при вымогательстве независимо от наличия и результатов заключения искусствоведческой экспертизы – по ст. 163 УК РФ.

2) необходимо учитывать особые признаки предмета преступного посягательства, а также факт осознания лицом свойств похищаемого имущества.

3) квалификация посягательств на предметы, имеющие особую ценность, по совокупности преступлений должна происходить:

а) если хищение особо ценных предметов совершается при отягчающих обстоятельствах, закрепленных в ст.ст. 161 – 162 УК РФ, но не нашедших отражение в специальной норме;

б) в случае, если предмет преступления обладает несколькими признаками, одновременно является предметом хищения, имеющим особую ценность и специальным предметом (например, огнестрельным оружием).

Список литературы

1. Официальный сайт МВД России http://mvd.ru/mvd/structure1/Upravlenija/Nacionalnoe_centralnoe_bjuro_Interpola/Publikacii_i_vistuplenija/item/861945/
2. Щерба С.П. Квалификация преступлений, посягающих на предметы или документы, имеющие особую ценность / С.П. Щерба // Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступностью в сфере экономики. Материалы расширенного заседания Ученого Совета. М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ, 2001. С.77.
3. Закон РФ от 15.04.1993 г. № 4804-1 (в ред. от 23.07.2013 г.) «О ввозе и вывозе культурных ценностей».
4. Бюллетень Верховного Суда РФ, № 2, 2003.
5. Клебанов Л.Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей / под науч. ред. А.В. Наумова. М.: Норма; Инфра-М, 2011. С. 352.
6. http://www.gerodot.ru/viewtopic.php?f=8&t=1629 (дата обращения-12.01.2014 г.)
7. Официальный сайт МВД России http://mvd.ru/news/item/182868/
8. Маточкина М.С. Особенности квалификации посягательств на предметы, имеющие особую ценность / Методические рекомендации. Омск: Омская Академия МВД России, 2011.
9. Сайт Новомосковского городского суда Тульской области
http://novomoskovsky.tula.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=2&did=3 (дата обращения-12.01.2014 г.)
10. Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М., 1984. С. 179.

Reference list

1. The official website of the Interior Ministry of Russia http://mvd.ru/mvd/structure1/Upravlenija/Nacionalnoe_centralnoe_bjuro_Interpola/Publikacii_i_vistuplenija/item/861945/
2. Shcherba S. Determination of the crimes of violations on objects or documents presenting particular value / S. Shcherba / Criminal-legal and criminological issues of combating crime in the economic sphere. The proceedings of enlarged meeting of the Academic Council. M.: Research Institute of Consolidation of Legality and Legal Order under the Prosecutor General of the Russian Federation. 2001. P.77.
3. The Law of the Russian Federation of 15.04.1993 № 4804-1 (as amended on 23.07.2013) "On the import and export of cultural values"
4. "Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation", № 2, 2003.
5. Klebanov L. Criminal-legal protection of cultural values / Under the scientific editorship of A. Naumov. M.: Norma, Infra-M, 2011. P. 352.
6. http://www.gerodot.ru/viewtopic.php?f=8&t=1629 (date of access:12.01.2014)
7. The official website of the Interior Ministry of Russia http://mvd.ru/news/item/182868/
8. Matochkina M. Determination features of violations on objects presenting particular value / Methodical recommendations. Omsk: The Omsk Academy of the Interior Ministry of Russia, 2011.
9. The official website of the Novomoskovsk city court of the Tula region
http://novomoskovsky.tula.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=2&did=3 (date of access:12.01.2014)
10. Kurinov B. Scientific fundamentals of determination of crimes. M., 1984. P. 179.

УДК 347.6

Аливердиева М.А.,
старший преподаватель кафедры гражданского процесса Дагестанского государственного университета

КОНСТИТУЦИОННАЯ ГАРАНТИЯ ПРАВА НАСЛЕДОВАНИЯ И ЕГО КОНКРЕТИЗАЦИЯ В ПРАВЕ НА СВОБОДУ ЗАВЕЩАНИЯ

Статья посвящена конституционному праву наследования и основаниям ее ограничения. Увеличивающийся интерес к данному институту объясняется, в первую очередь, тем, что сняты ранее действовавшие ограничения на количество и виды имущества, которые могут находиться в собственности граждан, и соответственно расширяется состав имущества, которое может переходить по наследству. Раскрывается принцип свободы завещания и содержание права на обязательную долю. Автор делает вывод о том, что Если подходить к завещанию с морально-этической точки зрения, то это своего рода благодарность человека тем людям, которые были ему близки, независимо от того, являются они его родственниками или нет. С другой стороны, для демократического государства признание воли человека является основополагающим фактором.
Ключевые слова: конституционное право, наследование, свобода завещания, обязательная доля, ограничение

Aliverdieva M.,
Senior Lecturer of Chair of Civil Procedure of the Dagestan State University

THE CONSTITUTIONAL GUARANTEE OF THE INHERITANCE RIGHT AND ITS SPECIFICATION IN THE LAW ON THE FREEDOM OF TESTAMENT

The article is concerned to the constitutional right of inheritance and grounds of its limitation. The increasing interest to the institution is primarily due to the fact that there are cancelled earlier limitations on the number and types of property, which can be in ownership of citizens, and the property holdings that can be inherited is increasing accordingly. There is uncovered the principle of freedom of testament and the content of the right to a hereditary portion. The article author makes a conclusion that if to approach the testament with the moral-ethical viewpoint, it is a kind of guarantee of a human to those people who were close to it, irrespective of that they are its relatives or not. On the other hand, there is the recognition of the will of a human is an underlying factor in a democratic country.
Keywords: constitutional right, inheritance, freedom of testament, hereditary portion, limitation

Закрепленное частью 4 статьи 35 Конституции Российской Федерации право наследования – неотъемлемый элемент правового статуса человека и гражданина. Право наследования представляет собой одну из гарантий права собственности, обеспечивая его стабильность и преемственность, и гарантируется нормами различных законов и подзаконных актов системы российского законодательства.

Как отмечено в Определении Конституционного суда «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Горшковой Анны Васильевны на нарушение ее конституционных прав положениями статьи 532 ГК РСФСР» от 2 ноября 2000 г. №228-О, «государство, объявившее своей целью создание рыночной экономики, основанной на приоритете частного предпринимательства и частной собственности, должно обеспечивать в числе прочего и такую регламентацию права наследования, которая способствовала бы укреплению и наибольшему развитию частной собственности, исключала ее необоснованный переход к государству» [3, С 44]. Наследственное право самым тесным образом связано с правом собственности граждан. Нормы наследственного права направлены на обеспечение беспрепятственного перехода имущественных и некоторых личных неимущественных прав и обязанностей умершего гражданина к его близким, о которых он был обязан заботиться при жизни. Этим институт наследования способствует охране личной собственности, созданию прочной материальной базы членов семьи.

Особое значение в последнее время, в рамках конституционного права наследования, приобретает реализация свободы завещания. Данное право напрямую связано с конституционной гарантией права наследования и закреплено в части 2 ст. 35 Конституции РФ. Конституционный суд РФ в постановлении от

16 января 1996 г. установил, что право наследования вытекает и из ст. 35 (ч. 2) Конституции Российской Федерации, предусматривающей «возможность для собственника распорядиться принадлежащим ему имуществом» [8, с 3]. Конституционное право свободы наследования исходит из того, что завещатель вправе свободно решать, кому он желает завещать имущество, и поэтому законодательство не устанавливает каких-либо норм, указывающих на предпочтительность завещаний в пользу кого-либо.

Увеличивающийся интерес к данному институту объясняется, в первую очередь, тем, что сняты ранее действовавшие ограничения на количество и виды имущества, которые могут находиться в собственности граждан, и соответственно расширяется состав имущества, которое может переходить по наследству. Если учесть, что наследственное право определяет судьбу имущества умершего после его смерти, а в регулировании имущественных отношений, в первую очередь отношений собственности, за последние десятилетия произошли радикальные изменения, принятие нового гражданского законодательства с положениями о наследственном праве было естественной необходимостью. Завещание является единственным способом для физического лица распорядиться своим имуществом в соответствии со своим желанием на случай своей смерти, и вопросы правового регулирования действительности такой односторонней сделки не могут не вызывать к себе интереса, тем более, что Гражданский кодекс РФ по-новому обозначил роль завещания при наследовании имущества. Если ранее преимущественное значение имело наследование по закону, то теперь наследование по завещанию поставлено на первое место [7].

Тем не менее, все чаще возникают споры по поводу наследования по завещанию, его ограничению, обязательной доли в наследстве и т.д.

Проблема наследования являлась предметом изучения представителей многих цивилистов. К числу дореволюционных правоведов, обративших внимание на эту проблему, следует отнести, прежде всего, К.Кавелина, Д.И. Мейера, К.П. Победоносцева, И.А.Покровского, В.И.Серебровского, В.И. Синайского, К.Ф. Шершеневича. К современным ученым, занимающимся проблемами наследственного права, в частности, наследования по завещанию, можно отнести труды и работы Г. Бакланова, М.С. Бахнова, С. Васильева, Ю.Н. Власова, Е.П. Данилова, О.Н. Диордиевой, Т.И. Зайцевой, О.Ю. Косовой, П.В. Крашенинникова, И.А. Краюшкина, У.А. Омаровой, В.В. Пиляевой, В. Ростовцевой, А.А. Рубанова, Е.А. Суханова, М.В. Телюкиной, Ю.К. Толстого, К. Храмцова, А. Эрделевского и других.

Тем не менее, действующее конституционное и гражданское законодательство, затрагивающее аспекты свободы завещания, формы завещания, оснований недействительности завещания, существенно изменилось, и на сегодняшний день практически отсутствует доктринальная, или монографическая, литература по изучаемой теме, что еще раз подтверждает ее актуальность. По данной теме особый интерес представляют работы А.А. Рубанова «Конституционная гарантия права наследования: свобода наследования и Гражданский кодекс России» [9], И.Г. Крысановой-Кирсановой «Конституционная гарантия права наследования» [5] и К.В. Храмцова [15].

В связи с этим возникают определенные проблемы в исследовании рассматриваемой темы – такие, как проблема конституционного определения права наследования и его реализации в гражданском законодательстве и в наследственном праве Российской Федерации. В этом русле вызывает интерес также конституционная гарантия права наследования и его конкретизация в праве на свободу завещания, что и легло в основу данной статьи

В рамках естественных прав и свобод человека и гражданина современным российским гражданским законодательством признается и такая его специфическая форма, как свобода наследования.

Часть 4 ст. 35 Конституции РФ провозглашает, что «право наследования гарантируется». Причем, право наследования является единственным гражданско-правовым институтом, которому предоставлена гарантия, хотя упомянуты такие права, как право частной собственности, право на жилище и другие, но на них конституционная гарантия не распространяется.

Конституционное содержание понятия гарантии выражается в том, что ее предметом являются права и свободы, играющие в Конституции ключевую роль. На правовом уровне конституционная гарантия права наследования выражается в создании действенного законодательства о наследовании, взаимоувязанного с различными отраслями российского законодательства.

Закрепление данной гарантии является закономерным отражением государственной социальной политики, направленной на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие личности. В обществе, где жизнь человека во многом предопределена условиями распределения имущественных благ, право наследования наполняет общественные отношения особыми стимулами к совершенствованию. Отдельные отступления от этого общего положения, и, в частности, возможность использования некоторыми индивидуумами полученных благ для асоциального образа жизни, не должны влиять на положительную в целом направленность рассматриваемой конституционной гарантии [8]. Следует также учитывать, что реализация конститу-

ционной гарантии права наследования ориентирована как на обеспечение частных интересов, так и на их оптимальную согласованность с интересами всего общества.

Конституционный суд РФ в постановлении от 16 января 1996 г. №1-П выявил, что в Конституции РФ содержится положение о свободе наследования. Он установил, что право наследования предусмотрено не только ч. 4 ст. 35. «Право наследования, – гласит постановление – вытекает и из ст. 35 (ч. 2) Конституции Российской Федерации, предусматривающей возможность для собственника распорядиться принадлежащим ему имуществом». Согласно правовой позиции Конституционного суда РФ это «является основой свободы наследования» [13; с 5].

Спецификой права наследования является и то, что оно включает в себя как право наследодателя распорядиться своим имуществом, так и право наследников на его получение. Это важнейшее выявление содержания краткой формулировки п.4 ст.35 Конституции РФ, раскрывающее конституционное содержание гарантии, предоставленной праву наследования, было также сформулировано Конституционным судом РФ. Конституционный суд РФ выявил, что конституционно гарантировано, с одной стороны, как право наследников на получение имущества наследодателя, так и, с другой стороны, право завещателя (в постановлении сказано о «наследодателе») распорядиться своим имуществом.

Гарантия права наследования исходит от Российской Федерации и тем самым она несет конституционную обязанность быть гарантом как права завещателя распорядиться своим имуществом, так и права наследников на получение имущества умершего. Пропуск наследником гражданско-правового срока на принятие наследства не влияет на осуществление государством его конституционной обязанности. Российская Федерация должна осуществлять свои права, предоставленные ей гражданским законом, иначе, чем любые наследники. Согласно Конституции РФ соблюдение прав и свобод гражданина является обязанностью государства (ст. 2). К таким свободам принадлежит и свобода наследования. Поэтому оно конституционно обязано дать наследнику, пропустившему названный срок, своё согласие на принятие им наследства после истечения этого срока.

Поскольку Российская Федерация приобретает выморочное имущество как наследница по закону, такое же право принадлежит и ей. Однако положения конституционного права, возлагающие на Российскую Федерацию обязанность быть гарантом свободы наследования, имеют для нее высшую юридическую силу и лишают ее возможности осуществлять свое право на иск для того, чтобы возбуждать в суде дело об опровержении презумпции принятия наследства, возникшей под действием п. 2 ст. 1153 ГК РФ.

Текст Конституции РФ, устанавливающий, что «право наследования гарантируется» (ч. 4 ст. 35), не содержит прямого ответа на вопрос о прекращении действия конституционной гарантии права наследования. Однако Конституционный суд РФ в постановлении от 16 января 1996 г. сделал существенный шаг в выявлении подхода Конституции РФ, в том числе и к этой проблеме, когда установил, что она исходит из свободы наследования. Свобода внутренне предполагает свободное поведение того, кому дана гарантия, в том числе и свободную возможность отказаться от действий данной гарантии в конкретном случае.

Но Конституция РФ не провозглашает абсолютной свободы наследования. «Она, – отметил Конституционный суд РФ в постановлении от 16 января 1996 г., – как и некоторые другие права и свободы, может быть ограничена законодателем, но только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства…, то есть при условии, что ограничение носит обоснованный и соразмерный характер» [9. С. 33]. Одним из наиболее ярких примеров этого является предусмотренное действующим законодательством правило об обязательной доле в наследстве (ст. 1149 ГК РФ), ограничивающее свободу завещания.

За рамками подобных ограничений рассматриваемая конституционная гарантия должна непосредственно реализовываться в процессе применения правовых норм при осуществлении и защите прав граждан. Такой вывод следует из положений статьи 18 Конституции РФ, в соответствии с которой права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими и определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Вместе с тем нельзя забывать, что сама по себе конституционная гарантия права наследования не порождает у гражданина прав в отношении конкретного наследства. Основания их возникновения определяются законом, а конституционная норма гарантирует осуществление прав, которые возникли в соответствии с ним [11].

Конституционному пониманию существа и содержания права наследования, правомочий и способов его осуществления соответствует такое законодательное установление оснований наследования, при котором приоритет отдаётся воле наследодателя, выраженной в завещании, а наследование по закону имеет место, когда и поскольку оно не изменено завещанием (ст.1111 ГК РФ).

Свобода завещания – это возможность проявления наследодателем своей воли на основе осознания законов общества при отсутствии каких-либо ограничений. Принцип свободы завещания является конкретизацией принципа диспозитивности как общего принципа частноправового регулирования.

Один из основных принципов наследственного права – свободы завещания – полностью воплощен в новых правилах наследования, а именно: гражданин может завещать все свое имущество или его часть родственникам или любым другим лицам, а также государству, или юридическим лицам. Наследодатель волен дать любые распоряжения относительно преемства своего имущества на случай смерти. При этом он действует по своей воле и руководствуется исключительно своим интересом при распоряжении имуществом [2].

Свобода завещания позволяет собственнику распоряжаться своим имуществом на случай смерти по своему усмотрению [12]. Согласно статье 1119 ГК РФ завещатель вправе по своему усмотрению завещать имущество любым лицам, любым образом определить доли наследников в наследстве, лишить наследства одного, нескольких или всех наследников по закону, не указывая причин такого лишения, а также включить в завещание иные распоряжения, предусмотренные правилами закона о наследовании, отменить или изменить совершенное завещание. Принцип свободы завещания подкреплен новой нормой, которая освобождает гражданина от обязанности сообщать кому бы то ни было о факте совершения, содержания, изменения или отмене завещания. Исходя из этой нормы, можно констатировать, что завещатель не обязан объяснять причины лишения им наследства кого-либо из наследников по закону [1].

В завещании могут быть лишены наследства один, несколько или все наследники по закону путем прямого указания об этом. Причём завещатель не обязан мотивировать своё решение, хотя оно может показаться и несправедливым по отношению к родственникам, которые являются наследниками по закону. При наличии в завещании такого указания, наследники по закону лишаются права на получение наследства не только по завещанию, но и по закону (за исключением наследования обязательной доли ст. 1149 ГК).

Свобода завещания признается лишь в той мере, в какой не нарушает положений законодательства страны, публичный порядок и добрые нравы и не совершено на основе заблуждения.

Свобода завещательного распоряжения относительно имущества может выражаться в перечислении конкретного имущества, которое будет передано по завещанию; в завещание может быть вписана следующая фраза: «… все мое имущество, которое ко дню моей смерти окажется мне принадлежащим, в чем бы таковое ни заключалось и где бы оно ни находилось…» [4, с 23]; в завещании может оговариваться передача лишь части имущества.

Свобода завещательного распоряжения, помимо определения круга наследников и передаваемого им имущества, выражается и в так называемой субституции, т.е. в оформлении особого распоряжения о «подназначении наследника». В соответствии со ст. 1121 ГК РФ завещатель может указать в завещании другого наследника (подназначить наследника) на случай, если назначенный им в завещании наследник или наследник завещателя по закону умрет до открытия наследства, либо единовременно с завещателем, либо после открытия наследства, не успев его принять, либо не примет наследство по другим причинам или откажется от него, либо не будет иметь право наследовать или будет отстранен от наследования как недостойный.

Несмотря на достаточно широкое содержание завещательной свободы, принцип свободы завещания не носит абсолютного характера. Свобода завещания может быть ограничена правилами, касающимися обязательной доли в наследстве. Это сделано ввиду того, что наследодатель не всегда сможет определить наиболее справедливым образом условия перехода своего имущества в порядке наследования. Хотя в то же время нельзя полагать, что, будучи наделенным свободой завещательного распоряжения, наследодатель воспользуется ею в противоречии с материальными интересами, закон предусматривает специальные меры материального обеспечения отдельных членов семьи за счет имущества наследодателя, которые выражаются в следующем: когда одни наследники по закону имеют право на обязательную наследственную долю, а другие такого права не имеют, то наследодатель вправе распоряжаться лишь той частью наследства, которую получили бы при наследовании по закону наследники, не имеющие права на обязательную наследственную долю.

В этом случае свобода завещания ограничена тем, что наследодатель не имеет права уменьшить своим завещанием обязательную наследственную долю, причитающуюся необходимым наследникам [11].

Как и всякое субъективное право, свобода завещания должна быть защищена от нарушения, поскольку неотъемлемым свойством субъективного права является его способность быть осуществлённым в принудительном порядке.

При составлении завещания воля наследодателя должна формироваться свободно, без влияния посторонних факторов, что обеспечивает соответствие внутренней воли наследодателя и его волеизъявления, выраженного в завещании.

Однако, завещание, являясь односторонней сделкой, наравне с другими сделками может быть под-

вержено «порокам воли». В таких случаях внутренняя воля на совершение сделки формируется неправильно. Поскольку наследодатель в любое время может изменить или отменить ранее составленное им завещание по любой причине, в том числе и при совершении противоправных действий, он сам может осуществить защиту от посягательств на свободу завещания.

По мере развития законодательства и закрепления все больших прав и свобод человека и гражданина и свобода завещания, как неотъемлемое право человека, все более совершенствовалась. В статье 534 ГК РСФСР 1964г. предусматривалось право гражданина завещать свое имущество по своему усмотрению, но данное право было сформулировано по объему правомочий завещателя.

Как видно, свобода завещания не является абсолютно новым принципом завещания, хотя именно как юридический признак завещания он сформулирован в законе (ст. 1119 ГК) впервые. Его закрепление обусловлено тем, что возможность передачи имущества по наследству является одной из важнейших гарантий стабильности отношений частной собственности, что существенно влияет на нормальное функционирование рыночной экономики в современной России [14]. И, кроме того, этот принцип является конкретизацией принципа диспозитивности – как общего принципа частноправового (гражданско-правового) регулирования [10].

По сравнению с советским законодательством, действующее законодательство чрезвычайно расширило свободу завещания. В отличие от ранее действовавших правил, каждый гражданин может завещать свое имущество посторонним лицам при наличии наследников по закону. Ставя наследование по завещанию на первой место, ГК РФ увеличил объем свободы завещания, что непосредственно приводит к снижению размера обязательной доли нетрудоспособных иждивенцев. Таким образом, в ГК РФ в полной мере реализуется тенденция расширения свободы завещания. Расширение свободы завещания проявляется в уменьшении размера обязательной доли, что повлекло за собой сокращение прав наследников по закону [6].

Как видно, свобода завещания вытекает по своей сути и значению из конституционной гарантии права наследования.

Как уже было отмечено, свобода завещания заключается, прежде всего, в свободном выборе наследников по завещанию. Ими могут быть любые лица: граждане, в т.ч. иностранные граждане и лица без гражданства; юридические лица, Российская Федерации, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования, иностранные государства, международные организации. Следует особо отметить, что наследником по завещанию может быть назначено лицо как входящее, так и не входящее в круг наследников по закону, который определён в главе 63 ГК РФ. Завещательное распоряжение может быть совершено в пользу одного или нескольких наследников. Количество наследников по завещанию не ограничивается.

Право наследовать возникает у подназначенного наследника, когда основной наследник не принимает наследство в силу обстоятельств, перечисленных в п. 2 ст. 1121 ГК. Закрепление в законе исчерпывающего перечня таких обстоятельств устраняет неопределённость, которая существовала по этому вопросу в ранее действующем законодательстве о на-следовании.

Запасной наследник призывается к наследованию, если основной наследник умер до открытия наследства, одновременно с завещателем или после открытия наследства, не успев его принять. Соответственно наследники основного наследника не могут наследовать ни по праву представления (ст. 1146 ГК), ни в порядке наследственный трансмиссии (ст. 1156 ГК). Наследование подназначенным наследником может иметь место и в тех случаях, когда основной наследник не примет наследство по каким-либо причинам или откажется от него. Особо следует отметить, что отказ основного наследника от наследства в пользу других лиц не допускается (ст. 1158 ГК), т.к. это нарушило бы волю завещателя. Запасной наследник может наследовать и тогда, когда основной наследник окажется недостойным (ст. 1117 ГК).

Разнообразие мнений по поводу реализации принципа свободы завещания (которое было в конце XIX века) встречается и в современной цивилистической литературе. Завещание – это воля человека по распоряжению своим имуществом после смерти. Если подходить к завещанию с морально-этической точки зрения, то это своего рода благодарность человека тем людям, которые были ему близки, независимо от того, являются они его родственниками или нет. С другой стороны, для демократического государства признание воли человека является основополагающим фактором.

Список литературы

1. *Бакланов Г.* О части третьей ГК РФ// Нотариальный вестник. 2002. № 1.
2. *Бахнов М.С.* Комментарий к ФЗ «О введении в действие ч.3 ГК РФ»// Трудовое право. 2002. № 2. С. 34.
3. Вестник Конституционного суда РФ. 2001. № 2. С.44- 45.
4. *Косова О.Ю.* Семейное и наследственное право России. – М.: Статут, 2001. 155 с.
5. *Крысанова-Кирсанова И.Г.* Конституционная гарантия права наследования // 10 лет Конституции Российской Федерации. М., 2004.
6. *Омарова У.А.* Наследственное право и социальная справедливость. Махачкала: «Юпитер», 1999.
7. *Омарова У.А.* Реформа наследственного законодательства и социальная справедливость // Северо-Кавказский юридический вестник. 2003. №4. С. 55- 59.
8. По делу о проверке конституционности частей первой и второй ст. 560 Гражданского кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина А.Б. Наумова // Сборник постановлений Конституционного суда РФ. Гражданское и налоговое право. М., 2000. С. 5-8.
9. *Рубанов А.А.* Конституционная гарантия права наследования: свобода наследования и Гражданский кодекс России // Государство и право. 2002. № 9.
10. *Санникова Л.В.* Завещание и его формы по новому российскому законодательству о наследовании // Юридический мир. 2003. № 3. С. 36.
11. *Серебровский В.И.* Избранные труды. М.: Статут, 1997.
12. *Суханов Е.А.* О третьей части ГК РФ // Вестник ВАС РФ. 2002. № 3.
13. *Толстой Ю.К.* Наследственное право. М., 1999.
14. *Храмцов К.В.* Правовое регулирование наследования в Российской Федерации. – Омск: Ом.акад. МВД РФ, 2002. 86 с
15. *Храмцов К.В.* Свобода завещания в наследственном праве России и Германии и ее охрана уголовно-правовыми средствами: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 1999. 29 с.

Reference list

1. *Baklanov G.* Under the Part 3rdof Civil Code of the Russian Federation // Notary Bulletin. 2002. № 1.
2. *Bakhnov M.* The commentary to the Federal Law "About introduction in action of part 3 of the civil code"// Labor law. 2002. №. 2. P. 34.
3. The Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2001. №. 2. P. 44 - 45.
4. *Kosova O.* Family and inheritance law of Russia. M.: Statut, 2001. 155 p.
5. *Krysanova-Kirsanova I.* The constitutional guarantee of the right of inheritance // 10 years of the Constitution of the Russian Federation. M., 2004.
6. *Omarova U.* Inheritance law and social justice. Makhachkala: "Yupiter", 1999.
7. *Omarova U.* Reform of inheritance legislation and social justice // The North Caucasian Legal Bulletin. 2003. №. 4. P. 55 - 59.
8. In the case of check of constitutionality of parts one and two of article 560 of the Civil Code of the RSFSR in connection with the complaint of citizen A. Naumov // Collection of Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. Civil and Tax Law. M., 2000. P.5-8.
9. *Rubanov A.* The constitutional guarantee of the right of inheritance: The freedom of inheritance and Civil Code of the Russian Federation // State and Law. 2002. №. 9.
10. *Sannikova L.* The testament and its forms under the new Russian legislation on inheritance // Yuridicheskiy Mir. 2003. №. 3. P. 36.
11. *Serebrovskiy V.* Selected works. M.: Statut, 1997.
12. *Sukhanov E.* About 3rd part of the Civil Code of the Russian Federation // Bulletin of SAC of the Russian Federation. 2002. №. 3.
13. *Tolstoy Yu.* The inheritance law. M., 1999.
14. *Khramtsov K.* Legal regulation of inheritance in the Russian Federation. Omsk: The Omsk Academy of Interior Ministry of the Russian Federation, 2002. 86 p.
15 *Khramtsov K.* Freedom of the testament in the inheritance law of Russia and Germany and its protection by criminal law means: Synopsis of a thesis of PhD in Law. M., 1999. 29 p.

УДК 342.951

Лобода А.Е.,
адъюнкт Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ РЕГИСТРАЦИИ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО МЕСТУ ПРЕБЫВАНИЯ ИЛИ ПО МЕСТУ ЖИТЕЛЬСТВА В ЖИЛОМ ПОМЕЩЕНИИ

В статье произведен сравнительно-правовой анализ административной ответственности в сфере регистрации граждан Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и обсуждаемого в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации Проекта № 957581-6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Ключевые слова: административная ответственность в сфере регистрационного учета граждан, сравнительно-правовой анализ, проект Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

Loboda A.,
Adjunct of the Moscow University of Interior Ministry of the Russian Federation named after V. Kikotya

CERTAIN ASPECTS OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY IN REGARD TO THE REGISTRATION OF CITIZENS OF THE RUSSIAN FEDERATION AT THEIR PLACE OF STAY OR ON THEIR RESIDENCE IN A DWELLING PREMISE

The article presents a comparative-legal analysis of administrative responsibility in regard to the registration of citizens of the Russian Federation at their place of stay or on their residence in a dwelling premise and the provisions of Code of the Russian Federation on Administrative Violations and the Draft Code of the Russian Federation on Administrative Violations № 957581-6, which is under discussion in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation.

Keywords: administrative responsibility in regard to register of citizens, comparative-legal analysis, Draft Code of the Russian Federation on Administrative Violations

Многие граждане России пользуются государственной услугой по регистрационному учету при изменении своего места жительства или места пребывания. Сфера регистрационного учета граждан Российской Федерации определенным образом регулируется нормами административного права.

На данный момент ведется активная нормотворческая деятельность, направленная на совершенствование административного законодательства, в связи с чем представляется актуальным провести сравнительно-правовой анализ норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [1] (далее – КоАП РФ) с проектом нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – Проект № 957581-6), разработанным депутатами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (далее – ГД): заместителем председателя комитета ГД по конституционному законодательству и государственному строительству Д.Ф. Вяткиным, председателем комитета ГД по конституционному законодательству и государственному строительству В.Н. Плигиным, членом комитета ГД по обороне С.А. Поповым и др. [2].

Применительно к сфере регистрации граждан Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении действующими административными нормами являются два состава административных правонарушений. Административная ответственность за нарушения в указанной сфере предусмотрена статьями 19.15.1 «Проживание гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении без регистрации» и 19.15.2 «Нарушение правил регистрации гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении» КоАП РФ.

К примеру, ч. 2 ст. 19.15.1 КоАП РФ предусматривает, что проживание гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении без регистрации свы-

ше установленного российским законодательством срока в городе федерального значения Москве или Санкт-Петербурге влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от трех тысяч до пяти тысяч рублей (в иных субъектах России за аналогичное правонарушение ч. 1 ст. 19.15.1 КоАП РФ установлен административный штраф на гражданина в размере от двух тысяч до трех тысяч рублей).

Для нанимателей или собственников жилого помещения (физических лиц) за допущение проживания гражданина России по месту пребывания или месту жительства в жилом помещении в городах федерального значения Москве или Санкт-Петербурге без регистрации свыше установленного законодательством срока предусмотрено ч. 2 ст. 19.15.1 КоАП РФ наложение административного штрафа в сумме от пяти тысяч до семи тысяч рублей (в других субъектах России за данное правонарушение нанимателю или собственнику жилого помещения (физическому лицу) в соответствии с ч. 1 ст. 19.15.1 КоАП РФ установлен административный штраф от двух тысяч до пяти тысяч рублей).

Юридические лица за подобные правонарушения в городах федерального значения Москве или Санкт-Петербурге привлекаются к административной ответственности по ч. 2 ст. 19.15.1 КоАП РФ в виде административного штрафа в размере от трехсот тысяч до восьмисот тысяч рублей (в иных субъектах России от двухсот пятидесяти тысяч рублей до семисот пятидесяти тысяч рублей в соответствии с ч. 1 ст. 19.15.1 КоАП РФ).

В ч. 2 ст. 19.15.2 «Нарушение правил регистрации гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении» КоАП РФ также устанавливаются повышенные штрафные санкции для лиц в городах федерального значения Москве или Санкт-Петербурге при привлечении к административной ответственности.

Исходя из вышеперечисленного, можно сделать вывод, что в настоящее время в ст. 19.15.1 и 19.15.2 КоАП РФ для правонарушителей регистрационного учета в городах федерального значения Москве или Санкт-Петербурге предусмотренный законодателем размер административных штрафов увеличен.

Рассматривая положения Проекта № 957581-6, мы наблюдаем изменения в сравнении с действующими нормами относительно санкций за административные правонарушения в исследуемой нами сфере. Так, в Проекте № 957581-6 ответственность за нарушения законодательства о регистрации граждан Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении предусмотрена составами административных правонарушений, установленных ст. 33.18 «Проживание гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении без регистрации» и 33.19 «Нарушение правил регистрации гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении».

Часть 2 ст. 33.18 Проекта № 957581-6 устанавливает ответственность гражданина Российской Федерации, равно как нанимателя или собственника жилого помещения (физического лица), а также юридического лица по территориальному признаку объективной стороны данного правонарушения в случае проживания гражданином Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении без регистрации либо допущение такого проживания нанимателем или собственником этого жилого помещения свыше установленного законодательством Российской Федерации срока при совершении указанных нарушений в городах федерального значения Москве или Санкт-Петербурге. При этом штрафные санкции, предусмотренные Проектом № 957581-6 в ч. 2 ст. 33.18 для граждан Российской Федерации, а также нанимателей, собственников жилого помещения (физических лиц) и юридических лиц, устанавливаются законодателем уже одинаковыми, как и для иных субъектов административной ответственности в других регионах России, ответственность для которых установлена ч. 1 ст. 33.18.

В науке административного права проблемы реализации принципа равенства перед законом исследовались не так детально в сравнении с другими отраслями права [3]. Данная проблема широко изучалась в контексте конституционного и уголовного права [4]. Между тем Конституцией Российской Федерации [5] (далее – Конституция РФ) принципу равенства граждан перед законом посвящена ч. 1 ст. 19: «Все равны перед законом и судом», а в КоАП РФ он нашел свое отражение в ст. 1.4 ч. 1: «Лица, совершившие административные правонарушения, равны перед законом. Физические лица подлежат административной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Юридические лица подлежат административной ответственности независимо от места нахождения, организационно-правовых форм, подчиненности, а также других обстоятельств» и ч. 2 «Особые условия применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении и привлечения к административной ответственности должностных лиц, выполняющих определенные государственные функции (депутатов, судей, прокуроров, сотрудников Следственного комитета Российской Федерации и иных лиц), устанавливаются Конституцией Российской Федерации и федеральными законами».

На наш взгляд, применительно к административной ответственности названный принцип означает, что равенство перед законом – это одинаковое применение положений, закрепленных в административном законодательстве ко всем гражданам, нанимателям или собственникам жилых помещений (физическим лицам), а также юридическим лицам при установлении административной ответственности по так называемой «территориальной принадлежности» правонарушителей. Расширение санкций по территориальному принципу вызывает немало вопросов с позиции обеспечения соблюдения прав и законных интересов лиц, привлекаемых к административной ответственности за нарушение норм в сфере регистрации граждан Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении. Прежде всего речь идет о правомерности, обоснованности, справедливости установления законодателем таких санкций по региональному признаку для правонарушителей в сфере регистрационного учета граждан Российской Федерации.

С нашей точки зрения, одними из основных критериев для законодателя, послуживших в принятии решения об установлении повышенного размера штрафа по территориальному принципу в исследуемой сфере, стало следующее: во-первых, интенсивность миграционных процессов в определенных субъектах Российской Федерации; во-вторых, материальное благополучие населения, проживающего в конкретных центральных регионах России.

Но тут можно отметить, что сложная миграционная ситуация характерна не только для городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга либо приграничных регионов с данными субъектами Российской Федерации, например Московской и Ленинградской области, но и на иных территориях нашего государства. Так, город федерального значения Севастополь и Республика Крым в летний период испытывают также непростую миграционную обстановку в связи с прибытием россиян на время летних отпусков. Похожая миграционная ситуация в летнее время наблюдается в Краснодарском Крае и иных субъектах Российской Федерации, где организован отдых российских граждан и имеется соответствующая инфраструктура возле побережья Черного моря. Причем законодатель, устанавливая повышенные штрафные санкции по так называемому региональному признаку, исходил в том числе и из имущественного положения лиц, проживающих (как правило, вставших на регистрационный учет по месту жительства) в тех регионах центральной части нашего государства, где сложившаяся миграционная ситуация наиболее тяжелая. Однако, как правило, на практике привлекаются к административной ответственности граждане других субъектов Российской Федерации, прибывшие на временное место пребывания в города федерального значения, такие как Москва или Санкт-Петербург, либо приграничные регионы, соответственно Московскую и Ленинградскую области. Само административное наказание назначается за административные правонарушения, которые характеризуются такими признаками, как противоправность, виновность и наказуемость. Эти признаки присущи правонарушениям вне зависимости от места их совершения.

Представляется, что справедливость выступает средством обеспечения социальной ценности правовых норм, и без ее учета как критерия соизмеримости поведения людей правое регулирование в конечном счете затруднительно. В определенной степени несправедливые законы не воспринимаются в качестве права, равно как не считаются правосудием несправедливые судебные решения [6]. С этим нельзя не согласиться, так как принцип справедливости тесно связан с принципом равенства перед законом и принципом гуманизма. По мнению О.А. Козлова, «широкие возможности, предоставленные действующим правом для индивидуализации ответственности, привели на практике к тому, что меры наказаний, назначенные за сходные правонарушения, в разных регионах страны стали существенно отличаться. Такое положение следует расценивать не как нарушение стабильности охранительной правовой политики, но и как существенное нарушение принципа справедливости юридической ответственности» [7].

Из всего изложенного можно сделать вывод, что действие принципа равенства перед законом применительно к административной ответственности требует дальнейшего исследования и более детальной законодательной проработки. Взятая в Проекте № 957581-6 законодателем концепция изменений размера административных штрафов в сфере регистрации граждан Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении по территориальному критерию, с нашей точки зрения, объективно оправдана и преследует значимые цели принципа юридического равенства и справедливости. Изменения в исследуемой нами сфере должны способствовать совершенству российского законодательства.

[1] Российская газета. 31.12.2001. № 256.
[2] Проект № 957581-6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Официальный сайт Государственной думы Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://asozd2.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/039188E64FEB3F8443257DD3004740F6/$File/703192-6.PDF? OpenElement (дата обращения: 29.04.2016).
[3] *Кузмичева Г.А., Молчанов П.В.* Принцип равенства перед законом и административная ответственность // Административное право и процесс. – 2014. – № 9. – С. 61.
[4] *Зубакин В.Ю.* Конституционный принцип равенства всех перед законом в Российской Федерации: автореф…. канд. юрид. наук. – Саратов, 2005; Бабаян Н.Н. Реализация принципа равенства перед законом в российском уголовном законодательстве: автореф…. канд. юрид. наук. – Ростов н/Д., 2010 и др.
[5] Собр. зак. РФ. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.
[6] *Вязов А.Л.* Принцип справедливости в современном российском праве и правоприменении (теоретико-правовое исследование): автореф…. канд. юрид. наук. – М., 2001. С. 19.
[7] *Козлова О.А.* Справедливость как принцип юридической ответственности: дис…. канд. юрид. наук. – М., 2005. С . 143.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. зак. РФ. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Российская газета. 31.12.2001. № 256.
3. Закон РФ от 25.06.1993 № 5242-1 (ред. от 28.11.2015) «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» // Собр. зак. РФ. 28.10.2013. № 43. Ст. 5444.
4. Проект № 957581-6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 29.04.2016).
5. *Бабаян Н.Н.* Реализация принципа равенства перед законом в российском уголовном законодательстве: автореф. …канд. юрид. наук. – Ростов н/Д., 2010.
6. *Вязов А.Л.* Принцип справедливости в современном российском праве и правоприменении (теоретико-правовое исследование): автореф. … канд. юрид. наук. – М., 2001.
7. *Козлова О.А.* Справедливость как принцип юридической ответственности: дисс. …канд. юрид. наук. – М., 2005.
8. *Кузмичева Г.А., Молчанов П.В.* Принцип равенства перед законом и административная ответственность // Административное право и процесс. – 2014. – № 9.
9. *Зубакин В.Ю.* Конституционный принцип равенства всех перед законом в Российской Федерации: автореф. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2005.

Reference list

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote in 12.12.1993 (approved as amended by the following Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation: FCL№ 6 from 30.12.2008, FCL № 7 from 30.12.2008, FCL № 2 from 05.02.2014, FCL № 11 from 21.07.2014) // Official Gazette of the Russian Federation 04.08.2014 № 31. Art. 4398.
2. Code of the Russian Federation on Administrative Violations of 30th of December, 2001. № 195-FL // Rossiyskaya Gazeta. 31.12.2001. № 256.
3. The Law of the Russian Federation of 25.06.1993 № 5242-1 (new version from 28.11.2015) "On right of citizens of the Russian Federation to freedom of movement, choice of their place of stay and their residence within the Russian Federation"// Official Gazette of the Russian Federation. 28.10.2013. № 43. Art. 5444.
4. Draft Code of the Russian Federation on Administrative Violations № 957581-6 (new version, submitted in the State Duma of the Russian Federation, the updated text of 29.04.2016)
5. *Babayan N.* The implementation of the principle of equality before the law in the Russian Criminal Legislation: Dissertation abstract of PhD in Law. Rostov - on - Don, 2010.
6. *Vyazov A.* The principle of justice in the contemporary Russian law and law enforcement (the theoretical-legal study): Dissertation abstract of PhD in Law. M., 2001.
7. *Kozlova O.* Justice as a principle of legal responsibility: Thesis of PhD in Law. M., 2005.
8. *Kuzmicheva G., Molchanov P.* The principle of equality before the law and administrative responsibility // Administrative Law & Process. 2014. № 9.
9. *Zubakin V.* The constitutional principle of all citizens' equality before the law in the Russian Federation: Dissertation abstract of PhD in Law. Saratov, 2005.

УДК 347.61/.64

Бакаева М.К.,
аспирант Российского государственного социального университета, ассистент кафедры гражданского права и процесса Ингушского государственного университета

ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ БРАКА В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ РФ И СТРАН БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Работа посвящена спорной в науке семейного права проблеме, касающейся возможности и целесообразности законодательного определения понятия брака. В процессе применения метода сравнительно-правового анализа и сравнения во времени и пространстве обосновывается актуальность данной проблемы, а также возможность и необходимость закрепления юридического определения понятия брака в семейном законодательстве РФ. Статья адресована магистрантам, аспирантам и преподавателям юридических вузов, а также научным работникам.
Ключевые слова: общество, государство, история, брак, семья, закон, право, понятие, дефиниция, концепция, проблема

Bakaeva M.,
Postgraduate student of the Russian State Social University, Assistant Professor of Chair of Civil Law and Civil Process of the Ingush State University

THE FORMATION OF MARRIAGE CONCEPT IN FAMILY LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE CIS COUNTRIES

The paper deals with a controversial issue in the science of family law, which is relating to the possibility and feasibility of legal definition of marriage concept. In the process of the method applying of comparative–legal analysis and comparison in time and space there is substantiated urgency of this issue, as well as the opportunity and the need to consolidate the legal definition of marriage concept in family legislation of the Russian Federation. This article is addressed to Master students, postgraduate students and lecturers of higher education institutions of law, as well as scholars.
Keywords: society, state, history, marriage, family, act of legislation, law, concept, definition, conceptual foundation, issue

Вопрос о понятии брака как основы семьи, как ее центрального института был и остается актуальным в теории семейного права, в нормотворческой и правоприменительной практике. Однако до недавнего времени его исследование имело в основном научно-теоретическое значение, так как представители науки семейного права России и стран ближнего зарубежья, ранее входивших в состав СССР, практически единодушно были убеждены в нецелесообразности использования этого понятия в нормотворческой деятельности, в частности его законодательного закрепления. Жизнь показала несостоятельность такой позиции, хотя и в настоящее время далеко не все ученые убеждены в необходимости легального определения понятия брака. Дело в том, что отсутствие в семейном законодательстве практически с первых дней его формирования определения понятия брака постепенно привело к девальвации данного социального института. Понятно, что основные причины такого положения гораздо глубже: они заключались в неблагоприятных экономических условиях жизнедеятельности семьи в целом как социального института и в общей политике государства в отношении семьи. Однако нельзя преуменьшать и значения права в данном вопросе. В самом деле, если в Законе соответствующее положение не закреплено, то, по мнению большинства его адресатов (а это практически каждый гражданин того или иного государства), это говорит о его второстепенной роли в регулировании конкретных общественных отношений, в данном случае – отношений в сфере создания семьи. Вряд ли обычный гражданин, намеренный создать семью или уже создавший ее, в состоянии понять и оценить справедливость доводов ученых о том, что полного и точного определения понятия брака выработать невозможно, следовательно, во избежание его неоднозначного толкования и применения его лучше вообще не закреплять в семейном законодательстве. Нельзя умолчать также и о том, что в РСФСР в период действия Кодекса законов о браке, семье и опеке (КЗоБСО) от 19 ноября 1926 г., начиная с 1 января 1927 г. [1] и до принятия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 08 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным жен-

щинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» [2], признавались и так называемые фактические браки, т.е. союзы мужчин и женщин, не оформленные в органах записи актов гражданского состояния. Такое же положение существовало и в других союзных республиках в составе СССР, являющихся в настоящее время суверенными государствами. Под влиянием указанных и целого ряда других факторов у граждан РСФСР довольно устойчивым стало убеждение в том, что «штамп в паспорте ничего не значит».

Правда, за последнее десятилетие наметился прогресс в сторону возрастания роли брака. Если в 2006 г. число детей, рожденных вне брака, составляло 29% от общего числа рождений, то в 2013 г. доля таких детей уменьшилась до 23%. Если в 2006 г. на каждую тысячу зарегистрированных браков приходилось 576 разводов, то в 2013 г. их число уменьшилось до 545. Разумеется, по приведенным данным пока еще трудно судить о степени устойчивости тенденции к повышению роли брака в нашем обществе, однако они свидетельствуют о результативности принимаемых за последнее время в РФ мер государственной поддержки семьи в рамках реализации государственной семейной политики в РФ [3].

При проведении работ по совершенствованию СК РФ в ходе реализации Концепции государственной семейной политики неизбежно встанет вопрос о законодательном закреплении определений понятия семьи и брака, тем более что определение понятия брака как традиционной семейной ценности содержится уже в самой Концепции государственной семейной политики. Это обстоятельство делает особо актуальным исследование проблем, касающихся понятия брака как юридического факта, как правового института и как правоотношения.

Первые дефиниции брака сформулированы в Римском праве. Модестин в Дигестах писал: «Брак является пожизненным союзом мужчины и женщины, единением в божественном и человеческом праве» [4, с. 370]. Позднее Юстиниан в Институциях констатировал, что «супружество или брак является союзом мужчины и женщины, предполагающим нераздельную общность жизни» [5]. Вряд ли можно считать эти первые юридические определения брака удачными, поскольку в них не содержалось указания на существенные признаки брака как особой правовой категории. Римское право хотя и не отрицало материалистических воззрений на брак, но рассматривало его высоко духовно и благородно. Ч. Санфилиппо, описывая характер римского брака, отмечает, что брак основан на постоянной affectio maritalis, которая сообщает совместному проживанию характер возвышенного достоинства. По его мнению, первый из двух моментов, образующих брак – это сожительство. Второй – это взаимное намерение супругов жить совместно и единобрачно в том супружеском общежитии, которое возвышенно определяется римской юриспруденцией как «*consortium omnis vitae, divini et humani iuris communicatio*» (полная общность жизни, слияние в божеском и человеческом праве) [6].

Дореволюционные цивилисты России, предпринимая попытки объяснить природу брака через его определение, выделяли, как отмечает И.А. Трофимец, два аспекта [7, с. 21]. Так, Д.И. Мейер писал: «С точки зрения религии брак представляется учреждением, состоящим под покровительством божества; по учению же православной церкви – даже учреждением, совершаемым с его участием, – таинством. Равным образом и закон нравственный независимо от религии принимает в свою область учреждение брака и признает его союзом двух лиц разного пола, основанном на чувстве любви, который имеет своим назначением – пополнить личность отдельного человека, неполную в самой себе, личностью лица другого пола…» [8, с. 713]. Г.Ф. Шершеневич считал, что основанием возникновения брака является договор, но брачное правоотношение, по его мнению, гражданским обязательством не является, поскольку предполагает не совершение определенных действий, а общее на всю жизнь и имеет больше нравственное, а не экономическое содержание [9]. С точки зрения К.П. Победоносцева: «Сущность брака – в условиях физической и душевной природы человека, а не только юридическое соединение воль» [10, с. 13]. По его мнению, побуждение к браку и его цель – это исполнение закона природы, в силу которого личность человека ищет себе дополнения и усовершенствования в такой личности другого пола. Им же предпринята попытка определить потребность человека к браку на разных ступенях общественного развития: от грубого инстинкта животной природы до единения и целостности раздвоенной на два пола природы человека.

В первые годы становления советской власти законодательно была закреплена концепция брака как «договора без правовых формальностей», предусматривавшая неформальное заключение брака и его расторжение, что было подвергнуто критике со стороны зарубежных юристов [11; 12]. Определения брака в отечественном законодательстве не содержалось.

В современных источниках семейного права редко встречаются легальные определения брака. Безусловно, это объясняется сложностью самого феномена брака. В настоящее время в ст. 21 Семейного кодекса республики Украина содержится определение понятия брака как семейного союза женщины и мужчины, зарегистрированного в органе записи актов гражданского состояния, с уточнением, что про-

живание одной семьей женщины и мужчины без брака, а также религиозный обряд брака не будут являться основанием для возникновения у них супружеских прав и обязанностей [16; 17]. Однако признать данную дефиницию удачной нельзя в связи с тем, что нет указания на условия заключения брака.

Статья 12 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье содержит следующее определение брака: «Брак – это добровольный союз мужчины и женщины, который заключается в порядке, на условиях и с соблюдением требований, определенных законом, направлен на создание семьи и порождает для сторон взаимные права и обязанности». По мнению С.М. Ананич, дефиниция белорусского законодателя отражает правовую сущность брачного союза мужчины и женщины [18]. На наш взгляд, следовало бы указать, какие условия установлены законом для действительности брака. В анализируемом положении находим лишь указание на добровольность союза, разнополость супругов и цель заключения брака.

В других государствах, ранее входивших в состав СССР, отсутствуют определения брака, есть только указания на добровольность союза мужчины и женщины, зарегистрированного в государственных органах. Так, например, по Семейному кодексу Азербайджанской Республики «брак является добровольным союзом мужчины и женщины, зарегистрированным в соответствующем органе исполнительной власти с целью создания семьи» (ст. 2.3). Аналогичные нормы содержат семейные законы Армении, Молдовы, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркестана, Узбекистана и Литвы. В законодательстве Латвии и Эстонии только сформулированы условия и запреты вступления в брак без какого-либо обобщения.

В законодательстве большинства стран дальнего зарубежья также отсутствует легальное определение брака. Нет его ни в первых европейских кодификациях (Французский гражданский кодекс, Германское гражданское уложение), ни в более поздних актах. Вместе с тем французский законодатель уже в первой Конституции 1791 г. и в дальнейшем в ФГК, не сформулировав дефиницию, закрепил концепцию «брак-договор», что стало научной догмой.

Как отмечается в юридической науке, обзор существующих доктринальных точек зрения на дефиницию брака позволяет заметить, что современные исследователи делают вывод о том, что юридическое определение брака было бы неполным, так как не могло бы охватить существенные признаки брака, лежащие за его пределами [13; 14; 15].

В то же время, как справедливо указывает И.А. Трофимец, «сам законодатель использует термин «брак» в СК РФ многократно (174 раза)» [7, с. 23]. По мнению автора, «Легальная дефиниция брака необходима, чтобы исключить условность и внести ясность в применение норм, составляющих институт брака. Представляется необходимым вывести оптимальное определение брака, которое требует юридическая техника, поскольку наличие нормы-дефиниции брака будет способствовать пониманию и отграничению данной правовой категории от смежных категорий семейного права» [7, с. 19].

Обобщая все сказанное, можно предложить следующее определение понятия брака:

«Браком признается союз мужчины и женщины, достигших брачного возраста, основанный на принципах равноправия и добровольности, на чувствах взаимной любви и уважения, зарегистрированный в органах записи актов гражданского состояния, при отсутствии препятствующих браку обстоятельств, порождающий между вступившими в него лицами права и обязанности личного и имущественного характера, заключаемый бессрочно с целью создания семьи (как правило, совместного проживания, ведения общего хозяйства, рождения и (или) совместного воспитания детей)».

Список литературы

1. Собрание узаконений РСФСР. – 1926. – № 82. – Ст. 612.
2. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1944. – № 37.
3. Концепция государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 25 августа 2014 года № 1618-р // Собр. зак. РФ. 01.09.2014. – № 35. – Ст. 4811.
4. Дигесты Юстиниана: избр. фрагм. в пер. и с прим. И.С. Перетерского. –М., 1984.
5. *Новицкий И.Б.* Римское право. – М., 1995.
6. *Санфилиппо Ч.* Курс римского частного права. – М., 2007.
7. *Трофимец И.А.* Институт брака в России, государствах – участниках Содружества Независимых Государств и Балтии: автореф. …докт. юрид. наук. – Хабаровск, 2011.
8. *Мейер Д.И.* Русское гражданское право. – М., 2000.
9. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. – М., 1995.
10. *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Часть вторая: Права семейственные, наследственные и завещательные. – М., 2003.
11. *Freund.* Zivilrecht der SU. 1927.
12. *Martens-Edelmann A.* Religion und Sozialismus. 1931.

13. *Рясенцев В.А.* Советское семейное право. – М., 1982.
14. *Белякова А.М.* Вопросы советского семейного права в судебной практике. – М., 1989.
15. *Пчелинцева Л.М.* Семейное право России. – М., 2010.
16. Семейный кодекс Украины от 26.12.2002 (в ред. 2006 г.) // Ведомости Верховной Рады. – 2002. – № 21–22.
17. Ведомости Верховной Рады. – 2007. – № 2.
18. Научно-практический комментарий к Кодексу Республики Беларусь о браке и семье / под. ред. В.Г. Тихини, В. Г. Голованова, С.М. Ананич. – Минск, 2010.

Reference list

1. Collection of laws of the RSFSR. 1926. №. 82. Art. 612.
2. Bulletin of the Supreme Council of the USSR. 1944. №. 37.
3. The conceptual foundation of the state family policy of the Russian Federation for the period until 2025. Approved by the Decree of the RF Government dated 25th of August, 2014 №. 1618-R // Collection of laws of the Russian Federation. 01.09.2014. №. 35. Art. 4811.
4. Digests of Justinian: Selected market papers revised and with notes of I. Pereterskiy. M., 1984. P. 370.
5. Novitskiy I. Roman law. M., 1995.
6. Sanfilippo C. The course of Roman private law. M., 2007.
7. *Trofimets I.* The institution of marriage in Russia, in States – members of the Commonwealth of Independent States and Baltic States: Synopsis of a thesis of Doctor of Law. Khabarovsk, 2011. P. 21
8. *Meyer D.* The Russian civil law. M., 2000. P. 713.
9. *Shershenevich G.* The textbook of the Russian civil law. M., 1995.
10. *Pobedonostsev K.* The course of civil law. Part two: Rights of family, probate and testamentary. M., 2003. P.13.
11. *Freund.* Zivilrecht der SU. 1927.
12. *Martens-Edelmann A.* Religion und Sozialismus. 1931.
13. *Ryasentsev V.* The soviet family law. M., 1982.
14. *Belyakova A.* The issues of the Soviet family law in the court practice. M., 1989.
15. *Pchelintseva L.* Family law of Russia. M., 2010.
16. Family Code of Ukraine of 26.12.2002 (as in force in 2006) // Gazette of the Verkhovna Rada. 2002. №. 21-22.
17. Gazette of Verkhovna Rada. 2007. № 2.
18. Scientific and practical commentary to the Code of the Republic of Belarus on marriage and family / Under the editorship of V. Tikhini, V. Golovanov, S. Ananich. Minsk, 2010.

УДК 342.9.

Омарова С.И.,
аспирантка кафедры теории и истории государства и права Южного федерального университета

ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯХ В СЕЛЬСКИХ ОБЩЕСТВАХ ДАГЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В статье рассмотрены проблемы организации и деятельность органов власти и управлениях в сельских обществах Дагестанской области во второй половине XIX века. Как известно во второй половине XIX века в Дагестане была введена военно-народная система, создана Дагестанская область. Была заменена система органов власти и управления в целом структура не только в феодальных владениях, но и в сельских обществах. В статье рассмотрены вопросы адаптации сельских обществ Дагестана к российскому законодательству во второй половине XIX века
Ключевые слова: Сельское «вольное» общество, история Дагестана, феодальные владения, власть, государство и право Дагестана, собственность, сход, село, старшина, приказ, правила, Российская империя, статус, право, обычай

Omarova S.,
Postgraduate student of Chair of Theory and History of State and Law of the Southern Federal University

ORGANIZATION AND ACTIVITIES OF THE PUBLIC AUTHORITIES AND ADMINISTRATIONS IN RURAL SOCIETIES OF THE DAGESTAN REGION IN THE SECOND HALF OF THE NINETEENTH CENTURY

The article considers the issues of organization and activities of the public authorities and administrations in rural societies of the Dagestan region in the second half of the nineteenth century. As is well known, there was introduced the military-national system and there was formed the Dagestan region into Dagestan in the second half of the nineteenth century. There was replaced the system of public authorities and administration in the whole, as well as the structure in fiefdoms not only, but in rural societies too. The article discusses the issues of the Dagestan rural societies' adaptation to the Russian legislation in the second half of the nineteenth century.
Keywords: rural "Open Society", history of Dagestan, fiefdoms, power, state and law of Dagestan, property, gathering, village, sergeant, order, rules, Russian Empire, status, law, custom

Сельское «вольное» общество представляет собой значимое явление в государственно-правовой истории дагестанского общества, которое наряду с феодальными владениями представляют интересную задачу, решение которой даст возможность, проследит особенности развития государства и права Дагестана с древнейших времен до XIX века. Союзы сельских общин, представляли собой, особые этнотерриториальные и военно-политические структуры сложившиеся в горной части Дагестана. В плане их положения среди государственных образований Дагестана то, они по мнению Х-М.О, Хашаева, М.А. Агларова и Б.Г. Алиева, имели зависимое, полузависимое и совершенно независимое положение. То есть одни находились в составе феодальных владений, другие – в различных формах зависимости от них, третьи были самостоятельными.

Сельских обществ было немало, дагестанские ученые, Р.М. Магомедов, М.А. Агларов, и др., считают, что их было более 60. Однако анализ всех имеющихся сведений проведенных Б.Г. Алиевым, показывает, что на самом деле всех союзов сельских общин – и зависимых, и самостоятельных было более 80 [1]. Многообразие народов отразилось и в названии сельских общин «бо» (войско) – на аварском, «хIуреба» (войско, ополчение) или табун (объединение) – на даргинском, «пара» (часть)у лезгин, «магъял» (магал) – у табасаран [2]. По мнению Х-М.О Хашаева «Вольными» обществами в Дагестане назывались объединения нескольких сельских общин и отселков в один союз во главе с крупным и сильным сельским обществом. Принцип образования этих союзов являлся территориальным. Объединялись сельские общества, расположенные близко друг к другу. В свою очередь, «вольные» обще-

ства могли объединяться в союзы «вольных» обществ. Это случалось тогда, когда угрожала серьезная опасность внешнего нападения [12].

«Вольное» общество по-аварски называлось «бо», что значит «войско», по-даргински – «хураво», что также означает «войско». Первоначально действительно речь шла о войске, так как цель союза заключалась в обороне или нападении, но в XIX в. слова «бо» «хураво» понимались и как территориальное деление, общин. Отдельные историки и этнографы называли «вольные» общества республиками, а их союзы федеративными республиками, и таким образом идеализировали видимость свободы и демократизма в них. Известно, что в основе объединения не всегда лежал принцип федерации. Союзы создавались и конфедеративным способом, сильное общество диктовало свою волю слабым союзникам. Что же касается независимости «вольные» обществ, то она была относительной. Многие «вольные» общества находились под юрисдикцией ханов и становились независимыми от них только тогда, когда ханская власть ослабевала [12].

Б.Г. Алиев вот так объясняет название сельских обществ «… термины присоединяются к названиям союзов, что переводится как войско, ополчение, объединение определенного или конкретного союза или как определенная часть, конкретный магал…» [1, с 23]

Итак, с образованием территориальной общины, как единой общественно-политической структуры, на основе объединения ряда «родовых» (тухумных) поселений, а, следовательно, нарушением родового принципа расселения изменяется и форма управления – возникают органы управления этой новой территориальной общины на основе органов управления поселения – объединителя. «Пока общинники принадлежат к одному роду, – писал П.Кушнер (Кнышев), – регулирование их совместной жизни производится родовыми старейшинами и советом семейных старшин. С появлением в составе общинных чужих родов, прежняя форма управления общиной становится несовместимой с новым хозяйственным укладом. Создается новая общинная администрация, не родовая, а сельская – сельские старшины, сельские собрания, сельские сходы, которые или уничтожают родовое представительство, или существуют помимо него» [8, с. 34].

Именно нарушение родового принципа расселения, как отмечал М.М. Ковалевский, «…необходимо должно было вызвать к жизни образование, наряду с родовой, особой сельской администрации, сложившейся, по-видимому, по типу первой…» [7, с 123].

В изучаемый период, конечно, произошли определенные изменения в структуре управления сельскими обществами по сравнению с тем, что было в период образования территориальных сел, когда переселенцы – тухумы, имели одинаковые права и они вместе формировали управленческие институты, хотя не исключено, что во многих случаях первенствующая роль принадлежала общине объединителю, которая имела возможность, как наиболее сильная, большая структура среди других объединившихся родственных структур, диктовать свою волю. Главное в управлении соседской общины – это то, что «связи родственные заменяются или дополняются соседскими», а «тухумная организация не обладала институционизированными формами власти, как это имело место в джамаате» [1, с 55].

Как бы то ни было, в XVIII-первой половине XIX в. каждое сельское общество (джамаат) союзов сельских общин Дагестана имело свои местные органы управления и власти. Это было, по определению М.А. Агларова народная или «публичная власть – явление вторичное, связанное с урбанизацией и образованием укрупненных общин или городов полисного типа». И далее, с чем невозможно не согласиться, «Дагестан не обнаруживает особого многообразия форм организации публичной власти, что соответствует единому типу и социально-политическому уровню общин в Дагестане» [1, с.10], хотя не исключается наличие в том или ином случае и отдельных особенностей.

Особенностью изучаемого периода являлось дальнейшее укрепление власти административно-должностных лиц (старшин и кадиев), превративших еще до XVIII в. свою власть в наследственную. Это трансформация органов управления, основанных на демократических началах, когда они из выразителей народной воли, интересов всего населения, становились в выразителей интересов знати. Выборность административно-должностных лиц стала формальностью, внешней формой былого народоправства. Богатые и влиятельные тухумы повсеместно фактически узурпировали право выдвигать на административные должности своих представителей. Они являлись вершителями дел и на сельских, и на союзных, и на федеративных собраниях, председательствуя в них, на которых принимались решения, но наиболее важным вопросам внутренней и внешнеполитической жизни.

В управленческой структуре различных союзов сельских общин были и свои особенности, но в целом она была однотипна, хотя с более четким организованным характером в одних из них и менее – в других.

Союзы сельских общин Дагестана имели полиструктурное, многоступенчатое административно-политическое управление. Характерной особенностью управленческой системы союзов сельских общин была преемственность управленческих структур всех ступеней управления – начиная от сельского и кончая федеративным управлением. Особенностью управленческой системы союзов сельских общин Дагестана была и однотипность (в основном) институтов

управления, начиная от старшин и кончая народным собранием.

В период Имамата Шамиля все сельские общества входили в состав в состав этого государства. Впервой половине XIX века и особенно после ликвидации имамата Шамиля на всей территории Дагестана была начата работа по созданию структуры органов власти и управления. Эта работа проводилась, в том числе и в сельских обществах Дагестана.

В Российской империи это стало важным направлением, уже внутренней политики, в русле ее реализации было принято насколько важных документов, определивший характер структуры и содержание органов власти и управления. В целом создание структуры органов власти и управления в новой административной единице – Дагестанской области Российской империи.

Было предложено несколько разнообразных проектов, которые вызывали много споров, дискуссий, в конечном итоге, за основу был принят проект А.Барятинского. Проект был озаглавлен как «Положения о сельских обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в Дагестанской области» [10].

В преамбуле «Положения говорится, что данным положением определяется «…1) устройство сельских обществ и их общественного управления, и 2) порядок отбывания сими обществами повинностей государственных и общественных в Дагестанской области…» [6, с 210].

В первом разделе «Об устройстве сельских обществ и их общественного управления» в главе первом «Об образовании сельских обществ» говорится о формировании сельского общества, исключая вхождения в состав сельского населения... беков и их семейств, а равно и живущей в их домах прислуги… [6, с 211]. Это исключение объясняется в примечании документа где сказано что

1) Беки, имеющие оседлость в селениях, в случае изъявления ими желания на причисление их к сельским обществам, могут быть причислены к ним, с разрешения начальника отдела области.

2) Сельские жители, имеющие офицерские чины, считаются членами того сельского общества, в котором имеют постоянную оседлость.

3. Селения малолюдные, а также отселки, соединяются в одно сельское общество или присоединяются к другим ближайшим сельским обществам, смотря по местным удобствам.

Третий пункт «Селения малолюдные, а также отселки, соединяются в одно сельское общество или присоединяются к другим ближайшим сельским обществам, смотря по местным удобствам» примечателен тем, что в Дагестане в процессе формирования сельских обществ образовывались именно соединением нескольких обществ в один союз, в одно общество и даже по названию можно было это заметить. К примеру общества Анцросо (дословный перевод десять селений), Антльратль-семь земель, Ункратль четыре и.т.д.. [6, с 210].

Поэтому не удивительно что за основу был принят этот принцип,и то на усмотрение начальника Дагестанской области «…Соединение малолюдных селений и отселков в одно сельское общество или присоединение их к другим ближайшим сельским обществам предоставляется в распоряжение начальника области…» [6, с 211]. Так поступили при формировании Анцух-Капучинского общества, когда в состав этого общества были включены несколько сел нынешнего Бежтинского участка и Тляратинского района РД

Согласно Положению… «…сельское общество составляется из всех жителей одного селения, имеющих в нем постоянную оседлость, за исключением беков и их семейств, а равно и живущей в их домах прислуги…» [6, с 212]..

К чести составителей «Положения… общественное управление мало чем отличалось от того управления которое было до имамата Шамиля В вновь созданных обществах общественное управление было представлено так:

1) сельский сход (джамаат),

2) сельский старшина,

3) сельский кадий, для исключения юридических тонкостей авторы уточняют что «…(в некоторых частях Дагестанской области лица, исполняющие должности кадиев, именуются дибирами и будунами)…» [6, с 210].

4) сельский суд.

5. Когда сельское общество состоит из нескольких малолюдных, то назначаются помощники старшины, в таком числе, какое окажется нужным.

Тема затрагивает проблему организация и деятельность органов власти и управлениях сельских обществ Дагестанской области во второй половине XIX веке, поэтому раскроем роль и значение, а также процедуру созыва и механизм деятельности сельского схода. Вначале заметим, что определенная преемственность при формировании органов власти и управления есть. Однако все же есть нововведения кардинального характера имеющие важное значение для раскрытия темы заложенной в названии статьи.

Вопрос о сельском сходе был представлен следующим образом: Сельский сход составляется из совершеннолетних домохозяев, принадлежащих к составу сельского общества, и кроме того из всех сельских должностных лиц.

К участию в сходе допускается только по одному старшему члену отдельного семейства; а в случае отлучки, болезни и вообще невозможности лично

явиться на сход, за него обязан явиться кто-либо из взрослых членов его семейства.

Не допускаются: а) находящиеся под судом и следствием, б) отданные начальством под надзор общества, за дурное поведение, в) те, коих само общество отстранило от участия в сходе, по предоставленной оному власти.

Сельский сход созывается старшиной, наибом и другими начальствующими лицами, смотря по надобности и преимущественно в дни джумы (пятницы), последнее говорит о том что традиционно и до вхождения в состав Российской империи сход или другие мероприятия созывались на площади около мечети в пятничный день [6].

Далее в документе отмечено, что никто из жителей не имеет права созывать сельский сход без согласия старшины или, в случае его отсутствия, заступающего его место.

Согласно Положению… первое место на сельском сходе и в охранении на нем должного порядка принадлежит сельскому старшине. В случае отсутствия старшины, на сельском сходе первое место предоставляется одному из помощников старшины, там, где помощники старшины полагаются, по взаимному между ними соглашению, а в случае несогласия, старшему из них по летам. Где же не будет ни одного помощника старшины, там первое место на сельском сходе, при отсутствии старшины, занимает, тем же порядком, один из сельских судей..» [10, с 44]. То есть не представители рода, тухума а уже официальный представитель власти на местах, в лице старшины пазанченные новой властью и подотчетный ей.

Согласно данному документу к ведению сельского схода относилось:

– выборы сельских должностных лиц, приговоры об удалении из сельского общества вредных и порочных членов его; приговор о временном удалении членов общества от участия в сходе, не дольше чем на три года; ходатайство у начальства о приведении в исполнение тех приговоров;

– приговоры о приеме в свою среду желающих водвориться в их селение, а также приговоры об увольнении кого-либо из среды оного, для выселения в другое место; представление этих приговоров на разрешение начальства;

– наблюдение за правильным расходованием закаата и всех пожертвований в пользу мечети;

– принесение, куда следует, просьб, а также жалоб по делам сельского общества и избрание поверенных, для хождения по сим делам;

– назначение сборов на общественные расходы, как-то: на исправление мечетей, на провод воды, на устройство мостов и дорог и на прочие нужды обществ;

– наблюдение за правильным употреблением доходов с общественных имуществ и сборов, сделанных на общественные потребности [10].

В пункте 13 есть уточнение, согласно которому сельский суд может совещаться и постановлять приговоры только по предметам вышеперечисленным. Ну, если сход превысит свои полномочия то «… Если же сход будет иметь суждение и постановит приговор по предметам, его ведению не подлежащим, то приговор считается недействительным; а лица участвовавшие в составлении оного, равно как и в самовольном созыве схода, подвергаются взысканию, смотря по важности дела…»

На сельском сходе верее решение сельского схода «… признаются законными тогда только, когда на сходе присутствовали старшина, или заступающий его место, и не менее половины домохозяев, имеющих право участвовать на сходе…» [10, с 11].

Процедура голосования в принципе не изменилась и дела на сельском сходе решаются или с общего согласия, или по большинству голосов за каждым домохозяином, участвующим на сходе, считается один голос.

По некоторым вопросам предусмотрено особое голосование, и согласие не менее двух третей всех участвующих на сходе требуется для решения следующих дел:

1) по удалению из общества вредных и порочных членов его;

2) по распоряжению общественными землями, состоящие в общем владении или пользовании сельского общества;

3) по наблюдению за правильным употреблением доходов с общественных имуществ и сборов, сделанных на общественные потребности,

4) по принесению просьб и жалоб по делам сельского общества и по избранию для всего поверенных [10].

То, что старшина имел определенный вес в обществе или, во всяком случае, его статусу и положению в сельском обществе придавали важное значение видно по следующему пункту. На сходе при разбирательстве дел « решаются на сходах по приговору тех, на стороне, которых окажется, хотя бы одним голосом, более половины всех участвующих на сходе. Если же сход разделится на две половины, равные по числу голосов то большинство считается на той стороне, с которою согласится сельский старшина. Тем более что он «...ответственен за сохранение общего порядка и спокойствия в пределах сельского общества. В этом отношении ему вполне подчиняются помощники старшины. Ведомству сельского старшины подлежат все, живущие в пределах сельского общества, лица…» [10, с 23].

Надо отметить, что были и другие положения и документы, которые имели отношение к сельскому

обществу, вернее к процессу становления органов власти и управление в сельской местности. К примеру, 30 апреля 1874 года был издан следующий приказ «Приказ по военному ведомству от 17 мая 1874г., №150; Собр. узак., №739) Государь Император, в 30 день минувшего апреля, утвердив, согласно мнения Государственного совета прилагаемый при сем проект новых штатов военно-народных управлений Дагест. обл.» [11].

Согласно его содержанию император «Высочайше повелеть соизволил:

1) Предоставить Е. И. В. Главнокомандующему Кавказской армией:

а) означенный проект привести в действие в виде временной меры с правом делать всё необходимое по ходу обстоятельств изменение в штатном составе военно-народных управлений равно назначать по ближайшему своему усмотрению, содержания служащим в оных лицам, в пределах штатных окладов, не выходя притом из общей ассигнованной согласно статье два нестоящего приказа, суммы на военно-народные управления Дагестанской области и не допуская возвышений окладов пенсий по тем должностям по коем таковые уже определены существующими штатами и другими постановлениями..» [10, с 18].

Второй пункт приказа дает возможность «…определять, по своему же усмотрению ограничение во власти и предметах ведения народных судов, равно отменять вовсе некоторые из обычных порядков разбора дел и наложения взысканий по делам, этим судам подведомственным, доводя во всяком допущенном отступлении до Высочайшего сведения Е. И. Величества…» [11]. То, есть дано право отменить или менять решение суда, но при этом доводить во всяком допущенном отступлении до Высочайшего сведения Е. И. Величества.

Тут же указана сумма на содержание военно-народных управлений Дагестанской области коим предлагается ассигновать по 157538 р. 70 к. в год. Также даны штаты чиновников и служащих Дагестанской области с денежным содержанием в отдельности каждого из чинов. к примеру штат военно-народных управлений Дагестанской области представлен так :

Общее управление: начальнику области и командующему войсками; состоящие при нём: чиновники особых поручений: старший 1 и младших -2, производитель строительных и дорожных работ, ветеринарный врач, лесной ревизор. Канцелярия начальника области по военно-народным управлениям и гражданским делам: правитель канцелярии, помощник его, делопроизводителей 3, их помощников 2, регистратор, он же бухгалтер и архивариус, переводчиков: письменный 1 словесных -2, писцов высшего оклада – 4, среднего оклада – 2 и низшего – 2; сторожей из неспособных низших чинов – 2, на канцелярские и хозяйственные расходы и на нём помещение для канцелярии суда 1500р, на усиление канцелярии чиновниками 3500р.

Также расписан штат и суда «…Народный суд: председатель суда, депутатов 7, кадиев 3, делопроизводитель 1, на нём песцов 400р. в год…»

С учетом того что мы рассматриваем сельские общества обратимся к штатам окружного управления, к примеру Среднего Дагестана, согласно штатам к этому периоду положено:

Средний Дагестан. Военный начальник, его помощники; старший 2 и младший адъютант 1, переводчиков 4, писарей 4, сторожей 2, на канцелярские расходы 300р.; Младшему помощнику на канцелярские расходы во время пребывания в Кахетии-1000р.

Гунибский округ состоит в непосредственном управлении военного начальника Среднего Дагестана и по тому особого окружного управления для него не полагается; Старший врач 1, старший фельдшер 1, окружной суд: кадий 1, депутатов 6, письмоводитель 1.

В конце приказа есть маленькое дополнение, которое уточняет те изменения в органах власти и управления, которые произошли к 1874 году «…- По этому штату сравнительно с прежним упразднена должность начальника Северного Дагестана, Оглинское наибство включено в состав Дженгутаевского, 9 селений Мекегинского наибства перечислены Кутишинскому, остальные 4 селения Мекегинского наибства присоединены к Урахлинскому с переименованием его в Мекегинское, Рутульское наибство переименовано в Лучекское. И довольно четкая формулировка «…С 1874 по 1900 год изменений в наибствах не проходило...» [11].

Правила и положения для сельских обществ есть, думается, что они работали четче, чем некоторые другие органы военно-народной системы, так как это была традиционная и привычная форма сельского схода, даже время схода регулировалось по исламу.

Дагестанские ученые говоря о общественном сходе у горцев Салатавии отмечали что «… он (сход) созывался ежегодно в местности Маккиласул къуочIадукъ (родник Миккилова). Участвовали на сходе по 3-5 человек от каждого селения во главе с сельскими административными и духовными лицами и опытными старейшинами. Так собиралось около 200 (по другим данным 100) представителей, которые в течение 5–6 дней обменивались новостями, накопившимися за год» [9, с. 10]. В данном случае речь идет об общем сходе народа Салатавии, что видно далее по тому какие вопросы рассматривались и рассматриваются на сходе. Тут можно провести параллель с чеченским Мехк-кхелом который созывался раз в году или по необходимости. То что взаимовлияние и взаимодействие было однозначно,это общество имело тесные связи с соседями.

Далее очень важный момент определяюший характер правовой жизни Салатавии и формировании памятников права «…Здесь же (на сходе) вносились изменения и дополнения к адатам салатавцев, выбирали совет старейшин, который вносил по всем вопросам решения и приговоры, не подлежащие оспариванию, из наиболее справедливых людей выбирали 50 исполнителей, называемых «гIолоби» (в приведенном выше источнике их называли «болгIалаби»), которые являлись помощниками старшины и выполняли полицейские функции. Никто из жителей Салатавии не имел права выступать против решения этого собрания союза...» Наказание не соблюдения решений или исполнения приговора было жестким касательно нарушителя «…Протестующего сажали на несколько дней в яму и штрафовали в пользу собрания…» [1, с 188], ну а если кто отказывался выполнять решение собрания, в наказание сжигали его дом … [1, с 188]. Как известно дом для горца это все, обычно дом сжигали из-за мести, даже имаму Шамилю пришлось вмешаться, говоря, что дом не виноват в том, что совершил его хозяин.

Теперь рассмотрим как, в самом деле, работал механизм новой системы органов власти и управления в сельских обществах уже во второй половине XIX веке, то есть в период включения и нахождения в составе Дагестанской области.

Н. Воронов заметил что «…Я имел возможность присутствовать на сходах всех тех джамаатов, чрез общества которых мы проезжали, – и вот мои общие заключения по этому предмету. Чем далее мы подвигались вглубь Дагестана, тем джамааты являлись многолюднее, речистее, представительнее и дипломатичнее. В Дидо мы видели перед собой двадцать-тридцать человек, составлявших джамаат; в Андалале же, например, или же в Куяде нас окружал тысячеголовый джамаат…» [5]

Обобщая точку зрения Н.И. Воронова заметим что автор дал интересную оценку дагестанскому джамаату и завершая обзор он отметил, что при необходимости созыва схода «…Назавтра, например, нужно собрать джамаат из всех ближних обществ – и джамаат непременно соберется; кто пеший, кто конный, явятся все по призыву, преодолев, без сомнения, значительные трудности в пути. Это факт, в котором я убедился множеством примеров…» [4, с 33]

Итак, следует отметит что проблема сельской общины привлекала и будет привлекать исследователей своей значимостью, интересом и темы научными проблемами которые разрешая дают довольно интересную картину правовой жизни дагестанского общества. Конечно, сельские общества были представлены практически у всех горских народов Кавказа. Это связано со многими причинами, о которых было отмечено нами выше. В данной случае, при рассмотрении документального оформления статуса сельской общины в системе военно-народного управления, напрашивается следующий вывод: несмотря на последствия военного противостояния, и (или), наоборот, с учетом их была создана система известная как военно-народная (гражданская) адаптированная не только к Дагестану, но и другим регионам Кавказа.

Правила и положения, выработанным для этой системы, в основном отражены во многих основополагающих документах, легшие в основу правового функционирования государственно-правовых институтов Дагестанской области. Практически для ее органов власти и управления, в том числе и сельских обществ, нужно было создать такую систему и структуру которые отвечали бы требованиям времени и ситуации. Также эта система в определенной степени сохраняла некоторые традиции организации и деятельности государственно-правовых институтов Дагестана. Система органов власти и управления была обеспечена специальными «Положениями о сельских обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в Дагестанской области» которые стали правовой основой жизнедеятельности сельского общества Дагестана в составе Дагестанской области как административной единицы в составе Российской империи.

Список литературы

1. Агларов М. А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XX. М., 1988.
2. Алиев Б. Г. Союзы сельских общин XVIII – первой половине XIX вв., Махачкала, 1999.
3. Алиев Б.Г. Традиционные институты управления и власти Дагестана (XVIII – первая половина XIX в.). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2006.
4. Воронов Н.И. Из путешествия по Дагестану // Сборник сведений о кавказских горцах, издаваемый с соизволения Его Императорского Высочества Главнокомандующего армиею при Кавказском горском управлении. Тифлис, 1868. Выпуск I. Ч. I-III. 1870.
5. Воронов Н.И. Из путешествия по Дагестану // Сборник сведений о кавказских горцах, издаваемый с соизволения Его Императорского Высочества Главнокомандующего армиею при Кавказском горском управлении. Тифлис, 1868. Выпуск III. Ч. IV-VII.
6. http://az.lib.ru/w/woronow_n_i/text_1870_iz_puteshestvia.shtml
7. Исмаилов М.А. Хрестоматия по истории государства и права Дагестана Махачкала: ИПЦ ДГУ. 2015 г.
8. Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе Т. 2. ИПЦ ДГУ. 2015.

9. Кушнер (Кнышев) П. Очерки развития общественных форм. 7-е изд. М., 1927.
10. Материалы для истории управления Дагестанской области // Дагестанский сборник – выпуск 1 раздел. Т. XIII-1902 г. Утверждено наместником Кавказским положение о сельских обществах Дагестанской области (Предписание Е. И. В. главнокомандующего Кавказской армией по Кавк. горскому управлению от 26 апреля 1868 г. № 2380). 1868 г., 26 апреля.
11. Собр. узак. №739. Приказ по военному ведомству от 17 мая 1874 г., №150.
12. Хашаев Х-М. О. Общественно-политический строй Дагестана в XIX веке. М.,1961.

Reference list

1. Agalarov M. Rural community in the mountainous Dagestan in the seventeenth–the beginning of twentieth century. Moscow. Science, 1988.
2. Aliev B. The unions of rural communities in eighteenth – the first half of nineteenth century, Makhachkala, 1999.
3. Aliev B. Traditional institutions of administration and power of Dagestan (the eighteenth – the first half of nineteenth century). Makhachkala: IHAE DSC RAS, 2006.
4. Voronov N. From a travel to Dagestan / A collection of information about the Caucasian mountaineers, published with the permission of His Imperial Highness the Commander-in-Chief of the Army under the Caucasus Mountain Administration. Tiflis, 1868. Issue I. P. I-III. 1870.
5. Voronov N. From a travel to Dagestan / A collection of information about the Caucasian mountain , published with the permission of His Imperial Highness the Commander-in-Chief of the Army under the Caucasus Mountain Administration. Tiflis, 1868. Edition III. CH. IV-VII.
6. http://az.lib.ru/w/woronow_n_i/text_1870_iz_puteshestvia.shtml
7. Ismailov M. The reader on the history of state and law of Dagestan, Makhachkala, PLC DSU. 2015.
8. Kovalevskiy M. The law and custom in the Caucasus. Vol. 2. PLC DSU. 2015.
9. Kushner (Knyshev) P. Essays on the development of social forms. 7th edition. M., 1927.
10. The proceedings for the history of administration of the Dagestan region // Dagestan Digest – Issue 1, Section 1, Vol. XIII–1902. Approved the Regulation on rural societies of the Dagestan region by the Governor of Caucasian (The Order of E.I.V. The Commander of the Caucasian Army on Caucasian Mountain Administration from 26th of April, 1868, №2380). 1868. 26th of April.
11. Collection of laws № 739. The Order on the War Department, dated 17th of May, 1874, № 150.
12. Khashaev Kh-M. O. The socio-political system of Dagestan in the nineteenth century. M., 1961.

УДК 34.01

Алиева П.А.,
соискатель кафедры истории государства и права Дагестанского государственного университета

«БАШНЯ КРОВНИКОВ» – К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ КРОВНОЙ МЕСТИ И ЕЕ АТРИБУТОВ В СОЦИОНОРМАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

В данной статье практически впервые рассматривается интересный аспект о роли башни в механизме кровной мести. Дан справочный материал по природе мести и отражение ее в соционормативной культуре народов Кавказа (Дагестана). Для уточнения механизма исполнения, предупреждения мести, определения статуса и уточнение прав и обязанностей кровников в тексте обращено внимание на содержание статей памятников права народов Дагестана. Также представлен фото-материал башен и других памятников у разных народов для точного восприятия традиционных институтов у горских народов Кавказа.

Ключевые слова: Кавказ, башня, кровная месть, право, Дагестан, обычное право, шариат, наказание кровь, меч, институт, убийство, преступление, перемирие

Alieva P.,
Degree seeking student of Chair of History of State and Law of the Dagestan State University

"TOWER OF BLOOD ENEMIES" – REVISITING THE KIND OF THE VENDETTA AND ITS ATTRIBUTES IN THE SOCIO-NORMATIVE CULTURE OF THE PEOPLES OF DAGESTAN

In this article there is for the first time practically considered an interesting aspect on the tower's role in the mechanism of vendetta. There is provided the background information on the kind of vengeance and its record in socio-normative culture of the peoples of the Caucasus (Dagestan). In the text attention is drawn to papers content of the law monuments of the peoples of Dagestan for clarifying the mechanism of implementation, vengeance warning, status determination and clarification of the rights and duties of blood enemies. Likewise, there is submitted photo-feature of the towers and other monuments in various peoples for accurate perception of the traditional institutions of the mountain peoples of the Caucasus.

Keywords: Caucasus, tower, vendetta, right, Dagestan, customary law, Shariah, punishment blood, blade, institution, slaughter, act of crime, truce

В наши дни, человеческое общество переживает еще одно массовое явление, хотя и раньше оно имело место, тем не менее, повторное его проявление вызвало оторопь у европейцев и стало серьезной проблемой – это иммиграция. Проблема обостряется еще и тем, что в этом процессе представлены разноэтнические, разноконфессиональные, даже разнокультурные аспекты. На фоне известных событий приобретает явный смысл слова Киплинга «Запад, есть, запад, восток, есть восток и им никогда не сойтись».

На первый взгляд проблема кажется явной и возможно разрешимой, но события последних лет показывает, что она очень серьезна и оказывает существенное влияние на формирование негативного ее восприятия. Безусловно, будет проведен анализ ситуации, проведены исследования обычно-правовой идентичности и полагаю, будет найден оптимальный вариант. В силу этого есть необходимость исследование правового наследия и его институтов досконально и основательно. В данном случае нами заложена проблема кровной мести не в плане исследовательской проблемы сути кровной мести, которая углубленно исследована как у нас, так и зарубежными учеными, а в плане отражения мести в народной памяти и использование в процессе регулирования мести различных объектов, к примеру, башни. Именно такой подход продиктован тем, что в одном из горных сел Дагестана есть «Башня кровников» представленная в интернет пространстве Ш. Шангереевым. Безусловно, они представлены и в других регионах Кавказа, башня в повседневном быту горцев элемент защиты и в какой-то степени состоятельности.

Попытка выяснить отражения в народной памяти института кровной мести, а также выявления функции башни кровников на примере Кородинской башни кровников в механизме регулирования института кровной мести лег в основу данной статьи.

Немного справочного материала по башням у народов Кавказа и, следовательно, Дагестана.

В целом башни были разные, строились, разумеется, на важных боевых позициях, на холмах для подачи сигналов и наблюдения, рядом с жилищем и в селениях. Башни служили святынями, фамильными гробницами, убежищами.

Кузнецов А.А. говоря о Сванетии, обратил внимание на кровную месть у сванов и отметил роль башен при кровной мести и других событиях «…Кровная месть в Верхней Сванетии, или «лицври», изнуряла страну еще больше, чем постоянные войны с внешними врагами… и тогда мужчины поднимались в башни…».

Автор обратил внимание на то если мститель не соблюдал традиции кровмщенияя. Если кто не отомстил то пока «… кровная месть не была осуществлена, старики гневались, молодые издевались, жены отказывали в общей постели…»

То, что башня играла важную роль в повседневной жизнедеятельности горцев заметно в том, что башни были у всех народов сел и даже родов. Их строили отдельно и их в большой степени называют кровными, в силу сложившейся ситуации, по своему назначению были сигнальные, боевые и.т.д.

На сайте http://www.alaniatv.com/bashni-severnogo-kavkaza.html есть интересная информация по данной теме. В статье, говорится, что в одном из гор есть пещера, или скорее грот, а в нем древняя башня. Ее называют "башня кровника". Если не знать, где она расположена, то и не заметишь. С ней тоже связана легенда о кровной мести. Легенда гласит, что кровник построил эту башню-убежище в одиночку, ночами таская тяжелые, неподъемные камни. Много лет истреблял он из башни своих врагов из могущественного рода-мстителя. Последний представитель фамилии решился на хитрый ход и подполз к башне, завернувшись в медвежью шкуру. Но как только он отбросил шкуру и выхватил ружье, был тут, же сражен метким выстрелом. Кровник впервые за много лет покинул свою каменную цитадель при дневном свете, и с рыданиями подбежав к телу последнего врага, стал оплакивать его. У горца больше не было врагов, он мог опять жить среди людей, но руки его навсегда остались в крови. С этим последним врагом был уничтожен и смысл его жизни…

С этой башней связана туманная легенда о кровной мести. Однако, в реальности, скорее всего никакой мести, тут не было, точнее ради этого бы не стали возводить башню, уж больно дорогое дело

В плане сравнения обратим внимание на функции башен в традиционном обществе Албании.

Антонов Ю., будучи в Албании также обратил внимание на башни и пишет что «…Башня – Франческо называет её "кула" – стоит на самом краю деревни. Согласно кануну, традиционного албанского свода правил, в случае кровопролития виновника закрывали в этой башне на срок до двух недель, в ходе которых семьи жертвы и убийцы имели возможность договориться при участии медиатора, в роли которого, как правило, выступал кто-то из старейших жителей деревни. Если семьи договаривались, то у виновного была возможность остаться в живых, если нет – его отдавали в руки семьи погибшего.

То есть можно говорит о том, что независимо от географии социально-экономические и политико-правовые условия создают схожие ситуации.

Теперь есть необходимость раскрыть природу кровной мести. Как известно в сложных природно-климатических условиях, где обычаи и традиции консервировались, где не было совершенного судебного аппарата, кровная месть явилась основным элементом восстановления справедливости. Практически во всех ранних памятниках права были статьи регулирующие кровную месть.

На протяжении веков кронная месть всегда сопровождало человеческое общество. В легендах и мифах Древней Греции были богини мщения эриннии.

Кроме мифологии о мести говорилось также в пословицах и поговорках. Тут речь идет о мести, о формах и способах ее регулирования не только кровной, но и мести заразного рода преступления и действия:

кровь за кровь, смерть за смерть; помни о нашей мести: убивай врага на месте; врагу смерть, врагу месть, в этом и есть воинская честь.

Безусловно, в соционормативной культуре народа в емкой форме указывается на необходимость мести или наоборот ее нежелательности и непродуктивности. Примером может, служит следующая пословица «Сирота кует кинжал, чтоб делать сирот».

Есть пословицы, где указывается, что месть не прекращается, что кровь смывается только кровью и не имеет срока давности: абхазская «Кровь не старится», чеченская «Кровь не продается», общекавказская «Кровник и ищущий крови равны при встрече» и т.д.

В пословицах говорится о тяжелой судьбе кровника и его семьи. Часто текст пословицы вырезался на лезвии кинжала тем самым напоминая кровнику о мести или наоборот ее непродуктивности «Без нужды не вытаскивай, вытащил бей», «Сирота кует кинжал, чтоб делать сирот», «Кровь смывается кровью» «Храбрец не тот, кто думает о последствиях»

М.А. Супатаев отмечает, что "норма правового обычая... зачастую выражена в пословицах, поговорках, афоризмах".

К. Алимжан, считает, что основная функция пословиц и поговорок проистекает из их места в системе обычного права. Они являются некой совокупностью основных правовых идей и принципов, выражающих основополагающие, фундаментальные ценно-

сти общества, опираясь на которые, можно развивать нормы права, содержащиеся в других источниках, путем преобразования старых норм или создания новых при выявлении пробелов.

По его К. Алимжана, разделяемого нами, одним из источников обычного права являются пословицы и поговорки. В этом качестве они рассматриваются различными исследователями обычного права достаточно давно.

Итак, резюмирует автор, есть некоторые основания рассматривать пословицы и поговорки, существенно отличающиеся по форме и содержанию от обычая, предания и судебного решения, в качестве самостоятельного источника обычного права.

Помимо пословиц и поговорок часто в преданиях, рассказах ,стихах, поэмах и даже в притчах речь идет о природе мести, которая, к примеру, может, начаться из-за ……капли меда .В Дагестане есть такой вариант. Охотник нашел в горах пчел, собрал торбу меду и принес его лавочнику. Когда лавочник пробовал мед, капля упала на землю. Муха слизала ее, ласка, принадлежащая лавочнику съела муху, собака охотника загрызла ласку, лавочник убил собаку, а охотник – лавочника. Тогда к месту происшествия пришли родичи охотника и лавочника; началась кровавая схватка, в которой погибло множество людей.

Если мести избежать не удавалось ни с помощью посредников, ни посредством выплат компенсаций, она происходила в соответствии с определенными правилами.

Таким образом, месть была в принципе контролируемой и не должна была, по адатам, порождать избыток насилия и тем более пре¬вращаться в вечный конфликт.

И.Л.Бабич пишет «… Как свидетельствует архивный материал, общинники контролировали соблюдение кровниками указанных в адатах правил поведения, соблюдения правил регулирования ухода в канлы, примирительные процедуры. Если в селении совершалось тяжкое преступление, убийство или изнасилование, джамаат делал все, чтоб конфликт не продолжался, разнимая дерущихся призывал к порядку и спокойствию, тут важную роль играли старейшины…»

Вот тут обратившись к названию статьи можно отметить что до принятия решения участников конфликта (убийцу) закрывали в доме ,родовой башне, в мечети или выселяли в ближайшее село ,но не общество ибо согласно статье Постановлений Рустем-хана канлы «…из другого общества не принимать…»

Как известно в истории человеческого общества месть, в том числе и кровная в разной степени была представлена у всех народов мира. У кого-то она была сведена практически на нет, а у других продолжалась до формирования действенных государственно-правовых институтов регулировавших кровную месть, заменяя ее композицией, штрафом, а с утверждением ислама – дията.

Хотя иногда институт кровной мести проявляется и в наши дни, не только на Кавказе, но также и в европейских странах. Все помнят трагический случай, когда представителем одной из республик Северного Кавказа был убит диспетчер одной из авиакомпаний, по мнению которого из-за его халатности погибла вся семья россиянина.

Этот сюжет разделил народы, на две противоположные стороны, как у нас, так и в Европе, одна считала, что в трагедии виноват диспетчер, и он понес заслуженное наказание, а вторая отнесла этот факт не к мести, а к банальному убийству и обвинила его в совершении тяжкого преступления. Судебный процесс состоялся, человек был наказан и в скором времени освобожден и отправлен на родину.

Через некоторое время Европу потряс хладнокровное расстрел массы людей Брейвиком, которого осудили не как помешанного, а как человека совершившего данное преступление в полном сознании, более того, этот человек был обрадован вынесенным вердиктом. Думается, что там было немало родственников потерпевших, которые жаждали крови Брейвика, но закон есть закон и он получил наказание согласно приговора суда.

Эти события показывают насколько меняется мир, и насколько часто повторяются события, которые требуют внимательного исследования, для их профилактики и предупреждения в будущем.

Кровная месть в той или иной степени сохранялась у разных народов на протяжении многих веков и с формированием и усилением судебного аппарата медленно сходила на нет, ибо все реже и реже индивид брал в свои руки правосудие. Кроме указанного были разные и разнообразные причины сохранения или наоборот ликвидации кровной мести.

В завершении данной статьи хочется, обратит внимание на еще один атрибут процесса регулирования кровной мести.

Как известно месть логически заканчивалась перемирием и кроме указанных были разные примирительные процедуры, даже, иной раз, оригинальные способы и обряды примирения. В обряд примирения включались практически все и проходил он прилюдно, иногда наиболее интересный и значимый вариант удостаивался памятного знака или даже памятника. В Северной Осетии –Алании есть интересный памятник о котором говорится в статье «Достопримечательности Куртатинского ущелья» на сайте http://otpusk21.ru/russia/kurtatinskoe-ushhele-i-tropa-chudes

«…На противоположной скале есть своего рода памятник меч, воткнутый в скалу, который называется «Меч кровников», о котором существует своя

легенда. Я уже дословно не помню, и пересказать точно не смогу, да и обманывать не хочется. Но помню ее главную суть.

Горец спас на этом месте своего кровного врага, когда тот попал в опасную ситуацию. И в знак благодарности кровный враг простил горца, и они примирились, воткнув в скалу меч вражды.

Символично и этот сюжет говорит о том, что любая месть рано или поздно заканчивается и этот древнейший институт все реже и реже будет востребован, приобретая статус объекта научного исследования, а башни как замечательный объект для туристического маршрута.

Резюмирую вышеизложенное отметим, что кровная месть, долгое время, сохраняясь, и, помимо главных участников, включала так же также разнообразные атрибуты, применяемые и (или) используемые в процессе реализации или регулирования кровной мести. Сохранившиеся с древнейших времён пословицы, поговорки, притчи, статьи судебников в большой степени указывали на пагубность продолжения мести. При этом Правитель, ограничивая месть, демонстрировал свою власть и одновременно пополнял казну, ведь в разных ситуациях был предусмотрен штраф в пользу правителя. Более того правитель, выступал гарантом обряда примирения кровников.

Общество стремилось предупредить и ограничить месть, принимая активное участие во всех процедурах, независимо в феодальном владении или сельском обществе.

Список литературы

1. Адаты Кавказа как местная форма обычного, традиционного права. Вчера. Сегодня. Завтра? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://wap.forumkavkaza.forum24.ru/?1-9-0-00000002-000-20-0
2. *Алимжан К.* Вопросы теории обычного права. Алма-Аты: Изд. центр. обществ. фонда «Интерлигал», 2003.
3. *Бабич И.Л.* Право и жизнь в адыгском обществе. Москва, 2004.
4. Башня кровника [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (Пха-г1ала) http://ic.pics.livejournal.com/osmiev/41714202/373733/373733_original.jpg
5. *Гаглоев Х.Д.* Из истории судопроизводства у осетин // Известия Югоосетинского НИИ АН Грузинской ССР. Вып.13. Цхинвали, 1964.
6. Гидатлинские адаты. М., 1957.
7. История государства и права Дагестана. Хрестоматия. ИПЦ ДГУ. С. 49.
8. Кошпелі казак когамындагынегізгікукыктыкугым-тусініктер мен кагида-принциптер // КР FM-ЕА хабарлары. Когамдыкгылымдарсериясы. 1996. № 14.
9. Кровная месть и каменные мельницы: калининградец побывал в самой загадочной стране Европы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://klops.ru/news/obschestvo/134777-krovnaya-mest-i-kamennye-melnitsy-kaliningradets-pobyval-v-samoy-zagadochnoy-strane-evropy
10. *Кузнецов А.А.* Внизу – Сванетия. 1971.
11. *Ли Н.К.* Пословицы в процессуальном праве казахов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http: // e-history.kz/ru/books/library/view/732
12. *Майк Донкин.* Би-би-си, Албания-Понедельник, 6 мая 2002 г., 02:42 GMT 06:42 МСК. Кровная месть в албанских горах. Марк Эмур: «Я должен быть готов»
13. Мидаграбинские водопады. Продолжение. Кахтисар. Девичья гора. Башня кровника [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pantone347.livejournal.com/36090.html
14. *Омаров А.С.* Судебник Гидатлинского «вольного» общества. УЗ ИИЯЛИ. Т. XI.
15. *Рагулин В.* Башня кровника [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dervishv.livejournal.com/460786.html
16. Родовые и боевые башни Северного Кавказа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.alaniatv.com/bashni-severnogo-kavkaza.html
17. *Супатаев М.А.* Обычное право в молодых государствах Восточной Африки. М.: АДКЮН, 1976.
18. *Супатаев М.А.* Правовой обычай как источник права в развивающихся странах // Источники права. М., 1985.
19. *Хашаев Х.О.* Кодекс законов Умма-хана Аварского. М., 1948.
20. *Эдиева Ф.Д.* Социальный дуализм обычая кровной мести карачаевцев в XIX в. // Из истории Карачаево-Черкесии. Вып.7. Черкесск, 1974.
21. Эринии — богини мщения, обитательницы Аида [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mythology.sgu.ru/mythology/ant/linc_glossariy/erinii.htm

Reference list

1. The adats of the Caucasus as a local form of customary, traditional law. Yesterday. Today. Tomorrow? [Electronic resource]. – Access mode: http://wap.forumkavkaza.forum24.ru/?1-9-0-00000002-000-20-0
2. *Alimzhan K.* The issues of theory of customary law. Alma-Ata: Publishing office of the Public Fund "Interlegal", 2003.
3. *Babich I.* Law and life in the Adyghe society. Moscow, 2004.
4. Tower of blood enemy [Electronic resource]. – Access mode: http://ic.pics.livejournal.com/osmiev/41714202/373733/373733_original.jpg

5. *Glagolev Kh.* From the history of the legal procedure of the Ossetians // Proceedings of the South Ossetia Research Institute of the Academy of Sciences of the Georgian SSR. Vol.13. Tskhinvali, 1964.
6. Gidatlinskie adats. M., 1957.
7. History of state and law of the Dagestan Republic. Reading book. Publishing office of the Dagestan State University. P. 49.
8. Кошпелі казак когамындагынегізгікукыктыкугым-тусініктер мен кагида-принциптер // КР FM-EA хабарлары. Когамдыкгылымдарсериясы. 1996. № 14. In the Kazakh language.
9. Vendetta and stone mill: Kaliningrad resident has visited the most mysterious country of Europe [Electronic resource]. – Access mode: https://klops.ru/news/obschestvo/134777-krovnaya-mest-i-kamennye-melnitsy-kaliningradets-pobyval-v-samoy-zagadochnoy-strane-evropy
10. *Kuznetsov A.* At bottom – Svanetia. 1971.
11. *Li N.* Proverbs in the procedural law of the Kazakhs [Electronic resource]. – Access mode: http: // e-history.kz/ru/books/library/view/732
12. *Mike Donkin*. Bi-Bi-Si, Albania-Monday, 6th of May, 2002. 02:42 GMT 06:42 MCK. Vendetta in the Albanian mountains. Mark Amour: "I should be ready"
13. Midagrabin waterfalls. Continuation. Kakhtisar. Maiden Mountain. Tower of blood enemy [Electronic resource]. – Access mode: http://pantone347.livejournal.com/36090.html
14. *Omarov A.* Law code of the Gidatlinskiy "free" society. UZ IIYALI. Vol. XI.
15. *Ragulin V.* Tower of blood enemy [Electronic resource]. – Access mode: http://dervishv.livejournal.com/460786.html
16. Tribal and military towers of the North Caucasus [Electronic resource]. – Access mode: http://www.alaniatv.com/bashni-severnogo-kavkaza.html
17. *Supataev M.* Customary law in the young East African States. M.: ADKYUN, 1976.
18. *Supataev M.* Legal custom as a source of law in developing countries // Istochniki Prava. M., 1985.
19. *Khashaev Kh.* The code of laws of the Umma Khan Avar. M., 1948.
20. *Edieva F.* The social dualism of the custom of vendetta of Karachays in nineteenth century // History of Karachay-Cherkessia. Vol.7. Cherkessk, 1974.
21. The Erinyes – the goddess of vengeance, the dwellers of Hades [Electronic resource]. – Access mode: http://mythology.sgu.ru/mythology/ant/linc_glossariy/erinii.htm

УДК 330.3

Салихов Б.В.,
доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры теории регионоведения Московского государственного лингвистического университета, профессор кафедры менеджмента и маркетинга Московского университета им. С.Ю.Витте, главный научный сотрудник Лаборатории анализа процессов стандартизации и управления качеством отечественной продукции Института проблем рынка РАН

Салихова И.С.,
доктор экономических наук, профессор кафедры бухгалтерского учета, налогообложения и таможенного дела Московского университета им. С.Ю. Витте

Олигова М.Б.,
аспирант Российской международной академии туризма

КАЧЕСТВО ОЖИДАНИЯ И ДОВЕРИЯ КАК ФОРМ ПРОЯВЛЕНИЯ НЕЯВНОГО ЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

В статье осуществляется краткий анализ системы неявного знания как современного междисциплинарного феномена; исследуется когнитивная онтология таких важнейших форм проявления системы неявного знания как ожидания и доверие; на примере инфляционных ожиданий демонстрируется растущая значимость системы неявного знания в обеспечении макроэкономической стабильности. Методологическим базисом исследования является системная парадигма, определяющая ключевую роль междисциплинарного подхода к анализу неявного знания. Научная новизна полученных результатов заключается в выявлении когнитивной природы таких важнейших экономических переменных, как ожидания и доверие. Значение полученных результатов состоит в обосновании необходимости качественного обновления экономической идеологии, обеспечивающей создание ментальных моделей и ценностных смыслов, нацеливающих экономических агентов на поиск интеллектуальной ренты. Положения статьи следует использовать для развития методологических и научно-практических основ поведенческой экономики и экономики неявных знаний.
Ключевые слова: неявное знание, когнитивные компетенции, ожидания, доверие, поведенческая экономика

Salikhov B.,
Doctor of Economics, Professor, Professor of Chair of Theory of Region Studies of the Moscow State Linguistic University, Professor of Chair of Management and Marketing of the Moscow Witte University, Chief Researcher Fellow of Laboratory for Analysis of Standardization Processes and Quality Management of Domestic Output of the Institute of Market Problems of the Russian Academy of Sciences

Salikhova I.,
Doctor of Economics, Professor of Chair of Accounting, Taxation and Customs Affair of the Moscow Witte University

Oligova M.,
Postgraduate student of the Russian International Academy for Tourism

EXPECTATION QUALITY AND CONFIDENCE AS MANIFESTATION FORMS OF THE IMPLICIT KNOWLEDGE IN THE MODERN BEHAVIORAL ECONOMICS

In this article there is a brief analysis of the implicit knowledge system as a modern multidisciplinary phenomenon; the article examines a cognitive ontology of such most important forms of the implicit knowledge manifestation system as the expectation and the confidence; the increasing importance of the implicit knowledge system in providing microeconomic stability is demonstrated on the example of inflation expectations. The methodological basis of studies is the system paradigm, which is determining the key role of multidisciplinary approach to the analysis of the implicit knowledge. The scientific innovation of the obtained results is the identification of the cognitive nature of such most important economic variables as the expectations and the confidence. The significance of the obtained results consists in the statement of need for a qualitative renovation of economic ideology, which is providing the creation of mental models and value meanings, targeting economic agents in search of intellectual rent. The article provisions should be used for the development of methodological and scientific-practical foundations of behavioral economics and the implicit knowledge economics.
Keywords: implicit knowledge, cognitive competencies, expectations, confidence, behavioral economics

Необходимость превращения человека из средства в цель и условие социально-экономического развития актуализирует переход из научно-практической парадигмы «профессиональные знания – хозяйственные решения», – к качественно новой дихотомии: «система всех качественных свойств субъекта – хозяйственные решения». Другими словами, на поведение потребителей и производителей оказывает влияние уже не столько динамика относительных цен, сколько растущий перечень других, именно неэкономических (социокультурных, социологических, психологических, национально-этнических, даже естественно-физических и других) условий и факторов хозяйственного развития [1-4]. В связи с этим, особый интерес представляют работы, анализирующие такие дихотомии, как «экономика и счастье», «экономика и достойная жизнь личности или домохозяйства», «экономика и духовно-нравственный капитал», «экономика и справедливость» и многое другое. Названные психологические, ментально-смысловые условия и факторы, а также упомянутые выше рациональные ожидания и многие другие, системные психические и социальные явления и формы, влияющие на воспроизводственный цикл, есть не что иное, как различные проявления неявного знания субъекта [5-10].

Например, ментальная модель, характеризующая восприимчивость личности или корпоративного сообщества к масштабным инновациям, есть не что иное, как функция знания-убеждения субъекта об экзистенциальной важности и значимости инновационных форм хозяйствования. Рациональные ожидания, в свою очередь, есть результат «сгустка» неявного знания в форме релевантной компетенции о том, как следует всесторонне и адекватно анализировать социально-экономическую действительность. Сформированная экономически агентом система доверительных отношений представляет собой функцию его неявного знания о том, как налаживать и воспроизводить честные и транспарентные отношения между различными собственниками факторов производства. Эти неявные знания формируются и развиваются в ходе самой человеческой жизни, являясь системным результатом всех «входящих» потоков энергии человеческих взаимодействий. На основе существующих представлений о системе неявного знания, рассмотрим качество и созидательную роль таких его критически важных для современной поведенческой экономики форм, каковыми являются неявные знания о том, как воссоздавать систему адекватных ожиданий и доверительных отношений.

Социально-экономическое значение феномена ожидания связано с желанием хозяйственного агента обрести способность быстро исследовать и эффективно использовать «систему среды», изменение которой характеризуется вероятностью возникновения множества рисков [11]. Без учета ожиданий не обходится ни одно сколько-нибудь серьезное решение на любом уровне хозяйственных отношений. Но всякое ожидание есть проявление специфического неявного знания, выражающего понимание (осознание) причинно-следственной связи между расчетом на наступление какого-либо события в будущем и логикой релевантных решений в настоящем. Например, если в будущем ожидается (обосновывается опытом, предполагается логически и/или интуитивно) улучшение инвестиционного климата, то инвесторы уже сегодня могут планировать свою кредитную политику и осуществлять патентный поиск. Компетенция просчитывать варианты развития событий с учетом всего набора соответствующих «векторных сил» и есть неявное, неартикулированное знание субъекта, который в результате всех внутренних «за» и «против», способен принять верное (доходное, прибыльное) экономическое решение.

В рамках неоклассической парадигмы исследователь вполне может ограничиться пониманием функциональной роли таких известных видов ожиданий, как статические, адаптивные и рациональные ожидания. В рамках парадигмы поведенческой экономики такого понимания недостаточно; здесь осуществляется поиск объяснения и интерпретации компетенций, определяющих качество сформированных ожиданий. При этом, качество рациональности (точности, адекватности) ожиданий есть функция качества его уникальных аналитических компетенций, которые, в свою очередь, есть функция всего набора его психологических познавательных процессов, определенных схем восприятия мира экономических явлений, ценностных ориентиров и способности к смыслопроизводству, элементов творчески-трудового опыта и множества других обстоятельств, которые и формируют уникальность и, следовательно, непередаваемость такого неявного знания.

Очевидно, что ожидание есть специфическая функция неявного знания о том, как многопланово изучать «систему среды» с целью принятия релевантных управленческих решений. Неявное знание, производящее определенную форму ожидания, естественным образом включает интуицию, представляющую собой метод решения творческих задач путем одномоментного подсознательного умозаключения, основанного на богатом воображении и жизненном опыте, способности к эмпатии, профессиональном чутье и проницательности. При этом отсутствие либо недостаточность практического опыта, а также невысокий уровень качества сформированных психических процессов и свойств, формируют у экономического агента лишь такой уровень неявного знания, который позволит, в лучшем случае, рассчитывать на

прогнозные решения в русле, в лучшем случае, адаптивных ожиданий. Понятно, что потенциал создания добавленной стоимости, как функции таких ожиданий, существенно ниже, чем в ситуации, например, рациональных ожиданий, в которых заключено высокое аналитическое качество соответствующего неявного знания.

Наряду с интуицией, высокий динамизм экономической среды требует от экономических агентов неявного знания, характеризуемого высокой скоростью инновационного, системного мышления, предполагающего наличие компетенции быстро проникать в сущность происходящих событий, анализировать формирующиеся причинно-следственные связи, умение «видеть главное», адекватно отражать социально-экономическую действительность и принимать релевантные хозяйственные решения. Если интуиция предполагает формирование одномоментного подсознательного умозаключения, то компетенция инновационного мышления характеризуется вполне осознанными решениями, основанными на реальных фактах социально-экономической действительности. При этом высокоразвитая компетенция инновационного, системного мышления является «сознательным» основанием для формирования такой «подсознательной» компетенции, каковой является творчески-трудовая интуиции [12].

Отметим также необходимость формирования и развития такого неявного знания-убеждения, как творческая смелость в единстве с умением «работать с будущим», способность постоянно моделировать наиболее вероятные ситуации, которые могут возникнуть под воздействием различных условий и факторов. Умение «заглянуть за экономический горизонт» формируется интенсивным множеством разрешаемых противоречий, насыщенным опытом творчески-трудовой деятельности экономического агента. Формировать релевантную модель ожидаемого будущего возможно лишь в том случае, если экономический агент обладает неявным знанием и, соответственно, способностью к достойной «встрече» с трудной ситуацией, а также компетенцией высокого качества любого ситуационного социально-экономического анализа.

Таким образом, качество неявного знания, характеризуемого интуицией, творческим мышлением, умением «заглянуть в будущее», является основанием и способностью формировать соответствующее качество ожиданий. Эти ожидания могут быть спонтанные, если отмеченные знания и компетенции имеют невысокий уровень развития; статичные, если субъектом используются только привычные мыслительные алгоритмы; адаптивные ожидания возникают при использовании креативного мышления и умения «работать с будущим»; рациональные ожидания есть функция всего набора неявных знаний и компетенций высокого качества и, особенно, творческой интуиции. Логическая связь «системы среды», ожидания как специфического проявления неявного знания, а также составляющих его элементов показана в таблице. 1.

Таким образом, чем выше способность обработать текущую информацию, использовать собственный опыт и ранее полученные навыки и умения в области понимания текущих и предстоящих изменений, тем выше уровень и качество ожидания как поведенческого бытия релевантного неявного зна-

Таблица 1.

Когнитивная характеристика ожидания как функции неявного знания

Элементы неявного знания как когнитивная основа ожидания	Ожидание как бытие неявного знания и соответствующей компетенции	Различия в качестве влияния видов ожидания на добавленную стоимость
1. Уровень и качество интуиции как неявного знания	Ожидание есть функция, проявление неявного знания о том, как «понимать и работать с будущим»; данное неявное знание выражает причинно-следственную связь между будущим и настоящим (предполагаемые, или ожидаемые события в будущем позволяют корректировать решения и действия в настоящем)	1. Спонтанное влияние (спонтанное ожидание как функция *плохого* понимания будущего); может иметь место отрицательная добавленная стоимость 2. Статичное влияние (статичное ожидание как функция *привычного* понимания будущего); доходность может сократиться либо остаться на прежнем уровне 3. Адаптивное (адаптивное ожидание как функция *предугаданного* понимания будущего); добавленная стоимость может сохраниться на прежнем уровне либо возрасти 4. Рациональное влияние (рациональное ожидание как функция *активно сформированного* будущего); доходность и добавленная стоимость гарантированно возрастают
2. Качество и скорость системного, инновационного мышления		
3. Способность «работать с будущим», «конструировать будущие события»		
4. Способность «достойной встречи» с трудными ситуациями		
5. Способность и смелость влиять и изменять «систему среды»		
6. Умение быстрого поиска актуальной информации и способность ее грамотно обработать		

ния. При этом заслуживает внимания не реактивная, а проактивная позиция экономического агента; суть этой проактивности заключается в том, чтобы оказать конкретное воздействие на «систему среды», добиваясь внешних будущих изменений в своих интересах. Это может происходить в форме предложений по изменению общего или местного институционального капитала; в форме поиска выгодного государственного заказа или новой клиентской базы, гарантирующей спрос продукции агента на соответствующих рынках; путем своевременного акционирования и осуществления «точечных» инвестиционных программ, а также посредством удачных сделок в форме, например, фьючерсов и опционов, с партнерами, что является превентивной профилактикой от угроз, связанных с «вымыванием» рыночного потенциала отрасли или региона и т.д. В таблице 2, на примере неявного знания о том, как произвести инфляционные ожидания, показана роль качества этого знания в создании различных видов этих ожиданий и, следовательно, в производстве добавленной стоимости и обеспечении экономического роста.

Известно, что отечественная практика антиинфляционного регулирования пользуется, в основном, системой неявного знания, воспроизводящего, в лучшем случае, адаптивные инфляционные ожидания [13]. Недоступным пока остается уровень качества неявного знания, обеспечивающего воспроизводство рациональных инфляционных ожиданий. Очевидно, что такой уровень качества неявного знания не создается «на занятиях по экономике»; он формируется с учетом всего набора личностных и социальных условий и факторов самообразования и всестороннего развития экономического агента.

Сегодня исследователи все чаще говорят о возрастании роли доверия в создании добавленной стоимости [14-15]. Доверие представляет собой специфический результат когнитивного производства, основанного на неявном знании о том, как воссоздавать честные (доверительные) отношения между экономическими агентами. Онтологией возрастания роли доверия в условиях интеллектуализации экономики является растущая потребность в формировании и развитии устойчивых «коалиций для инноваций», без чего невозможно обеспечить творческую атмосферу и релевантный мотивационный капитал. При этом само доверие есть результат когнитивного производства, где интегральным фактором является эндогенный интеллектуальный капитал когнитивного производителя [16-18].

Производство доверия предполагает наличие неявного знания и компетенции о том, как осуществлять человеческие взаимодействия с целью выявления «родственных душ» (сотрудников, партнеров по бизнесу и др.), всецело разделяющих ценности общения и доверительных отношений в интересах созидания и развития. Данное неявное знание в обыденной ситуации трактуется как умение «наладить контакт с сотрудниками», способность «ладить с людьми», «быть открытым к разговору» и т.д. Неявное знание, проявляющееся в компетенции, характеризуемой как «способность к высокоэффективной работе с людьми», предполагает не только наличие опыта творчески-трудового общения, но и определенного набора психологических свойств и черт характера. Данная способность является результатом постоянной демонстрации высокой духовности, открытости, естественного бескорыстия и непредвзятости в общении с сотрудниками.

Здесь же следует отметить, что умение формировать «коалицию для инноваций» на любом уровне хозяйственной деятельности должно сопровождаться не менее актуальной системой неявного знания и соответствующей компетенцией, характеризующей способность вдохновлять, мотивировать сотрудников к высокоэффективной творчески-трудовой деятельности. Очевидно, что такой способностью обладают далеко не все формальные руководители экономических организаций, поскольку мотивировать может не тот, кто демонстрирует «авторитет власти», а тот, кто реализует «власть авторитета». Поэтому «власть авторитета» также должна рассматриваться как специфическая форма проявления неявного знания субъекта. Власть авторитета здесь понимается как добровольное признание окружающими уникальных, именно властных, побуждающих к определенному добровольному действию, достоинств и способностей, свойств, характеристик и преимуществ некоего субъекта (личности, корпоративного сообщества, нации в целом).

Доверие всегда есть функция сложнейшей системы знания субъекта (невежество не может быть основанием для выстраивания доверительных отношений) и, следовательно, результат действенности его специфического неявного знания о том, как осуществлять непрерывное саморазвитие. Данное знание есть сложный комплекс множества внешних и внутренних процессов, которые имеют глубоко субъективную характеристику [19-20]. Неявное знание и компетенция о том, как самостоятельно образовывать и формировать самого себя относится к разряду когнитивных компетенций и непосредственно связаны с характеристикой психических свойств субъекта. Ключевым фактором формирования таких компетенций является правильно найденная интеллектуальная экологическая ниша субъекта, то есть обнаружение той сферы творчески-трудовой деятельности, где данный субъект в состоянии проявить себя наилучшим образом [21-22].

Кроме того, доверие есть функция неявного знания данного субъекта о том, как создавать пози-

Таблица 2.

Виды инфляционных ожиданий как функция релевантного неявного знания

	Качество неявного знания		
Аналитические (когнитивные) параметры	**Аналитические компетенции уровня статических инфляционных ожиданий (низкое качество)**	**Аналитические компетенции уровня адаптивных инфляционных ожиданий (среднее качество)**	**Аналитические компетенции уровня рациональных инфляционных ожиданий (высокое качество)**
Глубина понимания сущности инфляции	Знание об инфляции как сугубо монетарном явлении современного денежного рынка	Знание об инфляции как преимущественно монетарном явлении современного денежного рынка	Знание об инфляции как системном воспроизводственном (монетарном и немонетарном) явлении современного денежного рынка
Методология подхода к проблеме инфляции	Знание о монетарной парадигме исследования, в центре которой – воздействие на динамику денежной массы в экономике	Знание о монетарной как ключевой и немонетарной как дополнительной парадигме исследования	Знание о системной парадигме исследования инфляции, где учитывается весь набор условий, факторов и причин инфляции
Понимание основных причин инфляции	Эклектичное знание о причинах инфляции, где ключевую роль играют монетарные и, связанные с ними дисбалансы	Эклектичное знание о причинах инфляции, часто отождествляемых с условиями и факторами ее возникновения	Четкое и понятное знание условий, факторов и причин инфляции, а также форм и способов их взаимосвязи
Знание специфики механизма «психологической инфляции»	Поверхностное знание специфики психологического механизма инфляционных ожиданий	Определенный учет «психологического фактора» при исследовании современной инфляции	Понимание ключевой роли психологического детерминанта при анализе механизма инфляционных ожиданий
Источник знаний и компетенций	Знания и компетенции формируются под воздействием содержания и качества отчетов и прогнозов денежных властей государства, а также учета предыдущего опыта	Знания и компетенции формируются под воздействием отчетов денежных властей государства, собственных наблюдений и предыдущего опыта	Знания и компетенции формируются под воздействием глубокого собственного анализа макроэкономической ситуации и динамики определяющих ее факторов
Особенности экономического поведения и качество антиинфляционной профилактики	Использование стандартных, ранее использованных схем и моделей восприятия и осмысления инфляции при решении задач ее монетарного «таргетирования»	Использование новых адаптивных схем и моделей восприятия и осмысления инфляции с приоритетом задач ее монетарного «таргетирования» и частичных немонетарных мерах ее профилактики	Формирование новых схем и моделей восприятия и осмысления инфляции как системного фактора макроэкономической нестабильности, требующей релевантную систему и логику антиинфляционных мер
Когнитивная природа неявного «инфляционного» знания	Источником познания является ортодоксальная монетарная теория инфляции с учетом соответствующего опыта	Источником познания является гетеродоксная экономическая теория инфляции с учетом соответствующего опыта	Источником познания является междисциплинарная теория инфляции как сложного, системного феномена, а также опыт ее профилактики
Характеристика возможности «проявления» неявного знания	Неявное знание субъекта познания может быть формализовано практически в полном объеме	Неявное знание субъекта познания может быть формализовано в значительной степени	Неявное знание является результатом сложной синергии междисциплинарных потоков и поэтому не может быть формализовано
Прикладное значение неявного знания для антиинфляционной профилактики	Резонно надеяться на устранение лишь негативных последствий инфляции, без ликвидации условий и ее причин	Есть возможность лишь несколько адаптировать «систему среды» и «систему процесса» к текущей инфляции	Формируется реальный шанс обуздания и управления инфляцией на основе выявления ее глубинных причин и факторов
Отношение к риску и неопределенности	Знание учитывает риски, но не минимизирует; неопределенность при этом может возрасти	Знание стремится минимизировать риски; неопределенность при этом может снизиться	Знание обеспечивает почти безрисковую деятельность при существенной минимизации и уровня неопределенности
Влияние на добавленную стоимость и экономическую устойчивость	В лучшем случае добавленная стоимость и экономическая устойчивость останутся неизменными	Возможен рост добавленной стоимости и укрепление экономической устойчивости	Гарантирован рост добавленной стоимости и создание нового качества экономической устойчивости

тивную деловую репутацию и положительный имидж. Такое знание интегрирует в себе положительную экономическую историю экономического агента, весь набор его психологических особенностей и социокультурных ценностей, опыт испытанного ранее успеха в конкретном виде созидательной деятельности, высокий уровень делового взаимодействия. Сюда же следует причислить точное знание форм и способов инвестиций в деловую репутацию как важнейший интеллектуальный актив и системный источник создания добавленной стоимости. Общая когнитивная характеристика доверия показана в таблице 3.

Итак, в когнитивном смысле, доверие есть продукт неявного знания и соответствующей компетенции, характеризующей способность экономического агента определять собственную степень уверенности и/или убежденности в честности и ожидаемой предсказуемости решений и действий некоего субъекта. Доверие как функция знания есть ситуация, когда доверитель может сказать, что он знает о том, как поведет себя некий агент, поскольку уверен и/или убежден в его порядочности. Очевидно, что такая уверенность в действиях контрагента всегда основывается на богатом опыте соответствующих взаимодействий, глубоком знании психологии, умении четко анализировать собственный и чужой опыт человеческих взаимодействий, а также базируется на системе собственных ментальных моделей и ценностных смыслов.

Таким образом, в собственно экономическом смысле, в современной релевантной литературе и в самой хозяйственной практике необходимо позиционировать и институционализировать *экономику неявного знания* как онтологический уровень экономики как таковой. Для развития экономики неявного знания, необходимо инвестировать соответствующие

Таблица 3.

Когнитивная конструкция доверия как специфического продукта неявного знания и релевантных компетенций

Элементы системы неявного знания и компетенций, производящих доверие	Трактовка доверия как функции системы неявного знания и специфической компетенции	Качество влияния доверия на «систему субъекта» и добавленную стоимость
1. Способность к высокоэффективному поиску единомышленников («родственных душ») для формирования «коалиций для инноваций»	Доверие есть функция неявного знания (продукт специфического когнитивного производства), выражающего причинно-следственную связь между верой и/или убежденностью некоего субъекта в честности кого-либо и релевантной логикой принятия соответствующих экономических и иных решений	1. Полное отсутствие доверия и доверительных отношений («двустороннее недоверие»), что минимизирует добавленную стоимость (элементы системы неявного знания не развиты) 2. Неполное доверие и неустойчивые доверительные отношения, что не позволяет быть уверенным в росте прибыли (элементы системы неявного знания развиты очень слабо) 3. Полное, но одностороннее доверие, что также не формирует уверенности в росте добавленной стоимости (элементы системы неявного знания развиты недостаточно) 4. Полное двустороннее доверие, что в целом обеспечивает увеличение прибыли и экономический рост (элементы системы неявного знания развиты хорошо) 5. Полное и «всеобщее» доверие (межличностное, межфирменное, институциональное и т.д.), всецело гарантирующее устойчивое увеличение добавленной стоимости, перманентный экономический рост и интеллектуальную безопасность (элементы системы неявного знания развиты отлично)
2. Умение работать с людьми, на основе обнаружения их интеллектуальных экологических ниш (призваний к определенному виду деятельности)		
3. Ментальная и смысловая априорная установка на честность и порядочность людей (контрагентов, сотрудников)		
4. Способность «делиться ответственностью», чтобы обеспечить возможность сотрудникам «поверить в себя» и приобрести уверенность в своих силах		
5. Ментальная модель и наличие ценностной установки на непрерывное и опережающее самообразование по принципу «превзойди самого себя»		
6. Точное знание мобилизующей и стимулирующей мощи «власти авторитета» и умелое использование этой власти		
7. Умение «производить» положительный имидж и деловую репутацию как «магниты» для новых креативных сотрудников и субъектов деловых взаимодействий		

факторы в общее развитие неявного знания экономических агентов всех уровней с целью последующего проявления этого знания в таких созидательных феноменах, как рациональные ожидания, высокий уровень доверия и деловой репутации и др. Кроме того, классу интеллектуалов следует всерьез озаботиться вопросами воссоздания в нашей стране созидательной идеологии, обеспечивающей расширенное воспроизводство ценностным смыслов, релевантных поиску не природной, а интеллектуальной ренты.

Список литературы

1. Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями / Под ред. Б.З.Мильнера.М.: ИНФРА-М, 2010. 624 с.
2. *Салихов Б.В., Нейматова Б.А.* Фабрика звезд для предпринимателей: интеллектуальное предпринимательство в сфере производства корпоративных знаний // Креативная экономика. 2009. № 1. С. 55-66.
3. *Бычкова О.* Экономическая ценность институтов культуры: оценка эффективности в публичной политике // Вопросы экономики. 2016. № 6. С. 116-131.
4. *Норт Дуглас.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
5. *Спасенников В.В.* Экономическая психология. М.: ПЕР СЭ, 2003. 448 с.
6. *Борисова Е., Кулькова А.* Культура, имена и экономическое развитие // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 81-107.
7. *Румянцева Е.Е.* Экономика счастья. М.: ИНФРА-М, 2010. 96 с.
8. *Салихова И.С., Салихов Б.В.* Достойная жизнь человека как основа инновационного развития современной экономики // Инновации и инвестиции. 2010. № 3. С. 37-49.
9. *Юнг К.Г.* Об энергетике души / Пер. с нем. В. Бакусева. М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2010. 297 с.
10. *Полани М.* Личностное знание. М.: Книга по требованию, 2013. 342 с.
11. *Гейтс Б.* Бизнес со скоростью мысли. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 241 с.
12. *Цаплин В.С.* Разумное, но не мыслящее. М.: Крафт+, 2009. 352 с.
13. *Глазьев С.* О таргетировании инфляции // Вопросы экономики. 2015. № 9. С. 124-136 и др.
14. *Розинская Н., Розинский И.* Национальный проект «Доверие» // Вопросы экономики. 2015. № 12. С. 138-147.
15. *Сасаки М., Латов Ю., Ромашкина Г., Давыденко В.* Доверие в современной России (компаративистский подход к «социальным добродетелям») // Вопросы экономики. 2010. № 2. С. 83-103.
16. *Маслоу А.* Мотивация и личность. 3-е изд. / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2010.
17. *Ольсевич Ю.* Психологические аспекты современного экономического кризиса // Вопросы экономики. 2009. № 3. С. 39-54.
18. Основы экономической теории человеческого капитала: Методологические и институциональные аспекты: Монография / Под ред. чл-корр. академии наук Татарстана Ф.Г. Хамидуллина. Казань: Изд-во «ФЭН» АН РТ, 2007. 258 с.
19. *Салихова И.С.* Управление качеством интеллектуального капитала самообучающейся организации в экономике знаний: Монография / И.С. Салихова. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2015. 147 с.
20. *Сенге П.* Пятая дисциплина. Искусство и практика самообучающейся организации. М.: Олимп-Бизнес, 1999. 384 с.
21. *Ильин Е.П.* Психология творчества, креативности, одаренности. СПб.: Питер, 2012. 448 с.
22. *Раквиашвили А.* Нейробиология и новые возможности экспериментальной экономики // Вопросы экономики. 2015. № 12. С. 124-138.

Reference list

1. The innovative development: Economics, intellectual resources, knowledge management. / Under the editorship of B. Mil'ner. M.: INFRA-M, 2010. 624 p.
2. *Salikhov B., Neymatova B.* Fame Factory for entrepreneurs: The intellectual entrepreneurship in the production of corporate knowledge // Creative Economics. 2009. №. 1. P. 55-66.
3. *Bychkova O.* The economic value of cultural institutions: Evaluation of the effectiveness of public policy // Economic Issues. 2016. № 6. P. 116-131.
4. *North Douglas.* Institutions, Institutional Change and Economic Performance. M.: Publishing House Fund of Economic Book "Nachala", 1997. 180 p.
5. Spasennikov V. Economic Psychology. M.: PER SE, 2003. 448 p.
6. *Borisova E., Kul'kova A.* Culture, names and economic growth // Economic Issues. 2016. № 1. P 81-107.
7. Rumyantseva E. Economics of happiness. M.:, INFRA-M, 2010. 96 p.
8. *Salikhova I., Salikhov B.* Decent human life as the basis for innovation development of the contemporary economics. // Innovations and Investments. 2010. № 3. P 37–49.
9. *Yung K.* About energy of the soul / Translation form German by B. Bakusev. M.: Akademicheskiy Proekt; Foundation "Peace", 2010. 297 p.

10. *Polanyi M.* Personal knowledge. M.: Book on Demand, 2013. 342 p.
11. *Gates Bill.* Business with the Speed of Thought. M.: Eksmo-Press, 2001. 241 p.
12. *Tsaplin V.* Reasonable, but not thinking. M.: Kraft Plus, 2009. 352 p.
13. *Glaz'yev S.* About inflation targeting // Economic Issues. 2015. № 9. P. 124-136 and etc.
14. *Rozinskaya N., Rozinskiy I.* The National Project "Confidence" // Economic Issues. 2015. № 12. P. 138-147.
15. *Sasaki M., Latov Yu., Romashkina G., Davydenko V.* The confidence in the contemporary Russia (comparative approach to "social goodness") // Economic Issues. 2010. № 2. P. 83-103.
16. *Maslow A.* Motivation and Personality. 3rd Edition / Translation from English. SBR.: Piter, 2010.
17. *Ol'sevich Yu.* Psychological aspects of the current economic crisis // Economic Issues. 2009. № 3. P. 39-54.
18. The foundations of economic theory of human capital: Methodological and institutional aspects: Monograph / Under the editorship of the corresponding member of the Tatarstan Academy of Sciences F. Khamidullin. Kazan': Publishing House "FEN", A.S. R.T., 2007. 258 p.
19. *Salikhova I.* Quality management by intellectual capital of the self-learning organization in the knowledge economy: Monograph / I. Salikhova. M.: Publishing - Trading Corporation "Dashkov and C°", 2015. 147 p.
20. *Senge P.* The fifth discipline. The art and practice of the self-learning organization. M.: Olimp-Business, 1999. 384 p.
21. Il'in E. The psychology of creativeness, creativity, talent. SBR.: Piter , 2012. 448 p.
22. *Rakviashvili A.* Neurobiology and new possibilities of experimental economics // Economic Issues. 2015. № 12. P. 124-138.

УДК 338.001.36

Сафиуллин М.Р.,
доктор экономических наук, профессор, проректор по вопросам экономического и стратегического развития Казанского федерального университета

Ельшин Л.А.,
кандидат экономических наук, директор Центра стратегических оценок и прогнозов, старший научный сотрудник Института управления, экономики и финансов Казанского федерального университета

Галявов А.А.,
аспирант Казанского федерального университета

ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-КОНЪЮНКТУРНЫХ ПОТЕНЦИАЛОВ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ

В современной российской действительности на первый план выходят вопросы оценки перспектив и механизмов развития и размещения производительных сил с учетом имеющихся региональных особенностей. С одной стороны, решение данного вопроса может лежать в плоскости оптимизации ресурсных и инфраструктурных региональных потенциалов, с другой стороны – решение поставленного вопроса должно учитывать все многообразие факторов, определяющих инновационно-модернизационное развитие производительных сил. Таким образом, изучение концепции противоречия между развитием производительных сил и все более устарелыми производственными отношениями должно формироваться через выявление механизмов, формирующих экономический, социальный и институциональный потенциалы территориальных систем.

Ключевые слова: экономическая привлекательность региона, производительные силы, институционально-конъюнктурный потенциал, кластерный анализ, регионы ПФО

Safiullin M.,
Doctor of Economics, Professor, Vice -Rector on Issues of Economic and Strategic Development of Kazan Federal University

El'shin L.,
PhD in Economics, Director of the Center for Strategic Assessments and Forecasts, Senior Researcher of the Institute of Management, Economics and Finance of Kazan Federal University

Galyavov A.,
Postgraduate student of Kazan Federal University

ECONOMIC-MATHEMATICAL METHODS OF ASSESSING THE INSTITUTIONAL -TACTICAL CAPACITIES OF ORGANIZATIONAL-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGIONAL PRODUCTIVE FORCES

In the current Russian reality the issues of prospects assessment, development mechanisms and productive forces location subject to existing regional features have become to the foreground. On the one hand, the solution of this issue may lie in a plane of resource and infrastructural regional potentials optimization, the solution of raised the issue must take into account all variety of factors, which are determining the innovation-modernization development of the productive forces, on the other hand. Consequently, the examining of contradiction conception between the productive forces development and the increasing outdated production relations should be formed through mechanisms' identification, which is forming the economic, social and institutional strengths of territorial systems.

Keywords: economic attractiveness of region, productive forces, institutional-tactical capacity, cluster analysis, regions of Volga Federal District

На сегодняшний момент времени не сформирована единая методологическая база изучения и диагностики социально-экономической привлекательности регионов, учитывающей все многообразие групп факторов, определяющих ее потенциал. В этих условиях крайне важным представляется разработка научно-методической базы, отвечающей требованиям ее практической реализуемости, а также комплексностью и согласованностью ее принципов и подходов среди взглядов представителей экономической мысли различных научных школ и направлений.

Разработка и научное обоснование системы факторов, участвующих в моделировании потенциала развития региональных производительных сил, является крайне важной задачей. При этом представляется совершенно очевидным, что ее решение возможно лишь на базе использования междисциплинарного подхода, учитывающего результаты существующих исследований в области экономики, менеджмента, социологии, математики, теории вероятности и т.п.

Исходя из представленных рассуждений и допущений совокупность факторов, оказывающих влияние на индекс потенциала развития производительных сил региона ($I_{пр}$) по направлениям воздействия представлена на рисунке 1. При этом следует заметить, что представленный набор факторов, участвующих в моделировании социально-экономической привлекательности региона с точки зрения размещения и развития на его территории производительных сил, не является эталонным. Несмотря на то, что использующиеся подходы при его формировании, основывались на концепциях и взглядах, представляющих различные научные направления в региональной экономике (неоклассические модели, теории кумулятивного роста, теории полюсов, современная отечественная школа изучения организации и развития региональной экономики). Главной задачей,

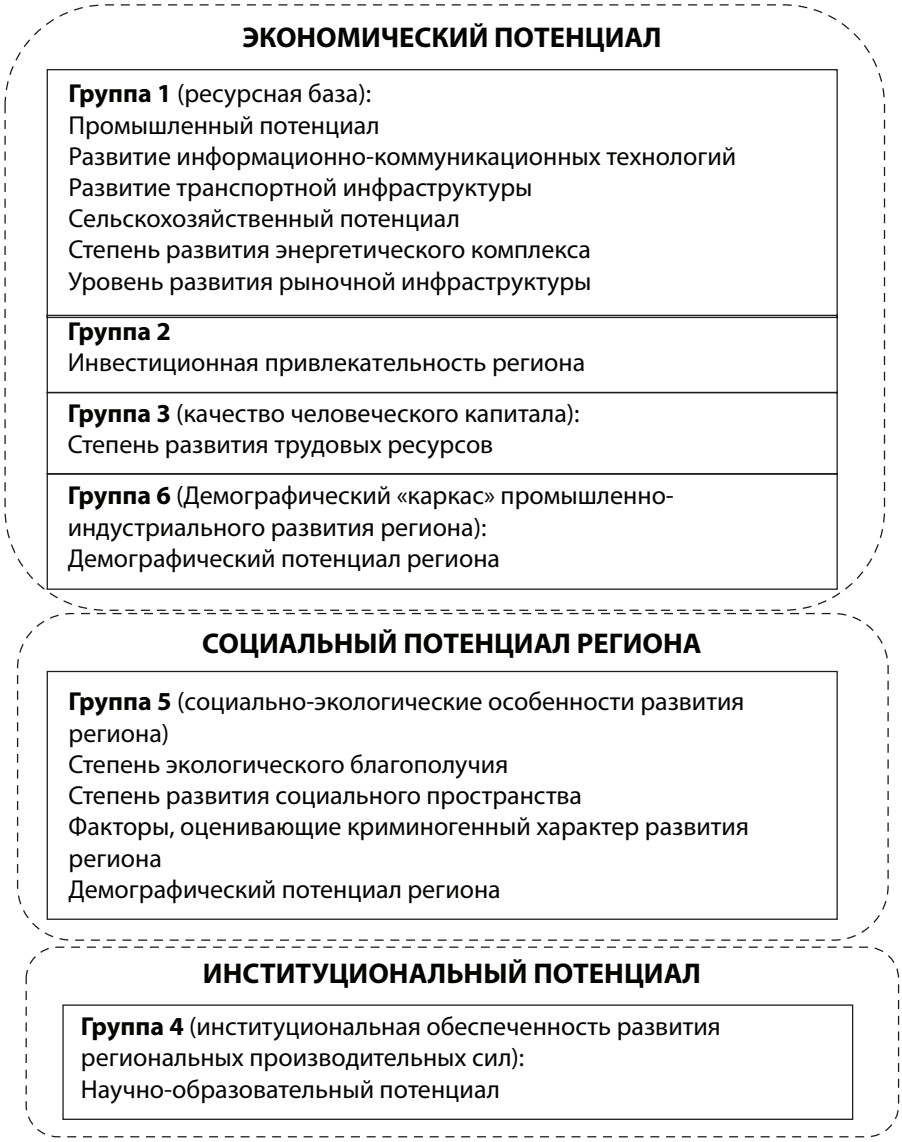


Рис. 1. Совокупность факторов, оказывающих влияние на $I_{пр}$ по направлениям воздействия

поставленной в рамках решения вопросов определения $I_{пр}$ в контексте изучаемого объекта исследования, являлось апробация экономико-математического инструментария, направленного на верификацию разработанной концепции.

Все используемые для определения значения интегрального индекса $I_{пр}$ определяются на основе сугубо количественных показателей, отражаемых в системе государственного статистического учета.

Для определения значений индексов, оценивающих потенциал развития региональных производительных сил, использовался широко известный в статистическом анализе метод балльно-рейтинговых оценок [4]. В его основе заложен следующий принцип: по каждому изучаемому и оцениваемому показателю строится шкала диапазона в разрезе всех рассматриваемых регионов (в нашем случае их 14, что соответствует числу регионов Приволжского федерального округа). Далее построенный диапазон разбивается на равные отрезки, к примеру, как это будет осуществлено далее в настоящем исследовании, на 10 равных интервалов, каждый из которых принимает соответствующие значения от 1 до 10. Для определения итогового значения оцениваемого показателя применительно к конкретному региону присваивается соответствующие баллы. Сумма всех полученных баллов, оценивающих конкретную систему показателей составляют бально-рейтинговую оценку фактора. В свою очередь «взвешанная» сумма баллов по всем факторам, входящих в состав индекса $I_{пр}$ и определяют в соответствии с 10-балльной градуировочной шкалой «индекс социально-экономической привлекательности региона». В целях более четкой оценки отдельных аспектов положения дел в регионе могут составляться индексы по отдельным группам или наборам показателей.

Для расчета $I_{пр}$ необходимо выделить из общей численности составляющих укрупненные компоненты, которые по своей сути являются субиндексами. Согласно общепринятой методологии исчисления обобщенных, или сводных, индексов, если рассчитываемый индикатор включает в себя более одного показателя, то он складывается из суммы промежуточных показателей, умноженных на вес:

$$I_{пр} = \sum_{j=1}^{m} R_{ij} K_{ij} , \qquad (1)$$

где $I_{пр}$ – значение k-й компоненты в i-м году,

R_{ij} – значение j-ого показателя в i-м году,

K_{ij} – весовой коэффициент j-ого показателя.

Главное условие, которое должно обязательно выполняться – это равенство суммы весовых коэффициентов единице.

Выбор индикаторов и входящих в них показателей, применяемых в расчете интегрального индекса $I_{пр}$ может изменяться как во времени, так и по приоритетам деятельности.

В нашем исследовании состав сводных индикаторов определен представленной выше логикой выбора и включения в модель факторов, имеющих под собой различную институционально-конъюнктурную основу, но имеющих решающее воздействие на формирование потенциалов развития региональных производительных сил.

Итак, по результатам проведенных рассуждений и обоснований были определены три основные группы факторов, оказывающих воздействие на генерацию динамического ряда $I_{пр}$.

Первая группа включила в себя факторы, характеризующие изменения экономического потенциала территории и сформировала субиндекс экономического (ресурсно-инфраструктурного) развития (I1).

Вторая группа факторов сформировала так называемый субиндекс социального потенциала (I2).

Третья группа факторов ориентирована на определение сводного индекса качества институционального развития региональной системы и включает в себя набор соответствующих показателей, к которым можно отнести показатели, оценивающие уровень научно-образовательного развития (I3).

Реализация предложенного методического подхода определения индекса $I_{пр}$ включает в себя выбор, обоснование и апробацию методологии определения весовых коэффициентов субиндексов.

При получении обобщенных статистических индикаторов всегда возникает потребность в выборе соответствующего метода определения значений весовых коэффициентов (Kij). Существует несколько базовых подходов к решению проблемы корректного взвешивания индикаторов – составляющих сводного индекса. Так, значительная часть исследований в этой области предполагает ранжирование составляющих компонент по степени важности, определяемой путем экспертных оценок, получаемых по обучающимся выборкам. Однако необходимо учитывать, что данный подход сопряжен с рядом возможных проблем, связанных, в первую очередь, с принципами отбора экспертных сообществ (единиц), методологией оценки достоверности полученных оценок и т.п.

Также значения весовых коэффициентов могут быть определены путем решения задачи математического программирования, предполагающей максимизацию критерия линейной свертки при условии равенства суммы весовых коэффициентов единице [5].

Также выбор весовых коэффициентов может осуществляться на основе корреляционного и факторного анализа, позволяющего оценить тесноту связи между конкретным индикатором, являющегося обязательным элементом итогового индекса, и индексом промышленного производства, выбранным в

качестве эталонного. Данный методологический подход считается в достаточной степени простым и достоверным.

Наиболее методологически «продвинутым» методом определения весовых коэффициентов является таксономический метод. Он основан на определении расстояний между точками многомерного пространства, размерность которого определяется количеством участвующих в модели факторов. Расстояния между факторами определяются по формуле:

$$a_{rs} = \frac{1}{m}\sum_{i=1}^{m}\left|b_{ir} - b_{is}\right|, \quad r,s = \overline{1,n} \qquad (2)$$

где a_{rs} – расстояние между факторами r и s.

Конечный вид матрицы расстояний между факторами будет иметь следующий вид:

$$\begin{bmatrix} 0 & a_{12} & \dots & a_{1n} \\ a_{21} & 0 & & a_{2n} \\ \dots & & 0 & \dots \\ a_{n1} & \dots & & 0 \end{bmatrix}. \qquad (3)$$

После определения значений матрицы расстояний рассчитывается так называемое критическое расстояние, характеризующее максимальное расстояние между двумя факторами:

$$a_{крит} = \max_{r}\min_{s} a_{rs} \qquad (4)$$

Далее для каждого признака находят сумму всех расстояний, не превышающих критического расстояния:

$$p_j = \sum_{s=1}^{m} a_{js}, \quad для\ a_{js} \le a_{крит} \qquad (5)$$

Тогда весовые коэффициенты рассчитываются по формуле:

$$w_j = \frac{p_j}{\sum_j p_j} \qquad (6)$$

Заключительный этап моделирования, предполагает определение интегральных значений индексов $I_{пр}$ на основе сложения взвешенных значений рассчитанных субиндексов.

В формульном виде расчет индекса $I_{пр}$ выглядит следующим образом:

$$I_i = W_1 \times I1 + W_2 \times I2 + W_3 \times I3, \qquad (7)$$

где Ii – значение $I_{пр}$;

i – значение периода (год в нашем случае);

I1(i) – значение субиндекса экономического развития в i-м году;

I2(i) – значение субиндекса социального развития в i-м году;

I3(i) – значение субиндекса институционального развития в i-м году.

W1, W2, W3 – весовые коэффициенты соответствующих субиндексов.

Разработанный интегральный индекс оценки региональных потенциалов развития позволяет в достаточной степени корректно осуществлять ранжирование регионов по уровню привлекательности и перспективности размещения и развития соответствующих производительных сил.

Результаты расчетов для регионов ПФО за период 2005 – 2014гг. представлены в таблице 1.

В таблице представлены окончательные расчеты полученных значений интегральных индексов, определяющих потенциал развития региона с позиции размещения и развития на их территориях производительных сил. Вместе с тем заложенный в методологический аппарат исследования, инструментарий, обеспечивающий реализацию факторного анализа, позволяет выявлять «вклад» каждого субиндекса в траекторию индекса социально-экономической привлекательности региона.

В соответствии с представленными в таблицах 2 – 4 данными о количественных оценках, соответствующих субиндексов, формирующих динамические ряды региональных индексов Iпр, можно наблюдать некоторую разобщенность трендов и направлений их развития.

Наибольшим потенциалом инновационно-модернизационного развития региональных производительных сил в Приволжском федеральном округе обладают Республика Татарстан, Самарская область, Нижегородская область, Пермский край и Республика Башкортостан. Индекс институционального развития для рассматриваемой группы регионов принимает наивысшие оценки, тем самым определяя значительный задел в сфере научно-образовательного потенциала, а также ускоренных технологических сдвигов. Действительно сложно представить смену технологических укладов без развития и внедрения в реальный сектор экономики новых технологий, запускающих механизмы генерации продуктовых, процессных и технологических инноваций. Условия формирования новых технологических укладов создаются в процессе реализации соответствующих заделов в научно-исследовательских открытиях и конструктивных разработках. По мере того как имеющиеся технологические возможности наращивания капитала исчерпываются в силу снижения их отдачи в виде маржинальных по-

Таблица 1.

Значения интегрального индекса (в порядке убывания) социально-экономической привлекательности регионов Приволжского федерального округа (индекс $I_{пр}$)

Регионы	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Республика Татарстан	46,3	48,0	54,6	57,7	57,7	58,5	59,0	61,7	62,9	63,9
Самарская область	43,9	59,3	62,5	63,9	60,6	57,9	61,1	61,4	62,0	60,5
Нижегородская область	41,7	45,4	46,9	50,3	50,9	50,7	52,3	53,7	55,8	57,5
Пермский край	36,6	49,6	52,4	54,9	54,4	55,8	53,5	54,7	56,6	56,7
Республика Башкортостан	41,9	41,5	46,6	47,6	47,6	48,6	46,2	47,1	48,4	50,5
Саратовская область	39,6	40,6	41,8	42,9	44,9	45,5	44,7	44,4	45,4	45,1
Кировская область	29,0	37,7	39,2	40,5	40,6	38,1	41,3	40,8	41,3	41,9
Республика Мордовия	31,4	32,9	34,0	35,8	37,0	36,6	36,7	36,8	37,1	37,4
Чувашская Республика	32,7	31,7	35,7	36,6	36,2	37,3	37,4	37,2	37,4	37,4
Пензенская область	30,6	30,0	33,0	34,4	36,0	38,0	36,2	37,5	37,0	37,1
Оренбургская область	26,2	28,4	31,0	32,8	32,9	32,3	32,3	31,8	33,2	33,5
Удмуртская Республика	28,1	30,3	32,1	31,9	33,2	32,2	32,3	32,2	32,8	32,7
Ульяновская область	22,6	23,3	25,7	28,9	28,8	28,4	28,5	29,2	29,7	29,8
Республика Марий Эл	19,3	21,5	19,9	19,1	20,6	23,5	22,5	23,0	23,6	24,1

Таблица 2.

Значения и динамика прироста региональных субиндексов $I_{пр}$, определяющих ресурсно-инфраструктурный потенциал регионов за период с 2005 по 2014 гг.

Регионы	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	Прирост 2014 г. к 2005 г., %
Республика Татарстан	44,8	47,2	57,6	65,6	67,0	66,9	67,8	70,6	73,9	72,6	62,1
Самарская область	47,3	54,9	60,6	67,0	61,3	60,8	63,6	63,2	63,1	62,5	32,3
Нижегородская область	34,9	44,8	45,6	52,9	54,2	55,2	53,2	54,0	54,7	54,5	56,1
Пермский край	31,9	35,2	42,2	50,2	49,7	54,0	49,1	51,1	51,5	51,7	62,1
Республика Башкортостан	35,5	39,5	45,0	51,3	50,5	50,5	49,4	50,0	51,4	51,5	45,0
Саратовская область	36,0	38,3	42,5	47,0	46,9	47,8	45,7	45,5	47,6	47,8	33,0
Оренбургская область	27,4	29,2	34,1	37,0	40,5	41,4	38,6	38,0	39,6	39,5	44,2
Республика Марий Эл	21,1	22,4	25,2	28,1	29,2	28,6	31,8	33,6	35,3	37,0	75,5
Удмуртская Республика	25,5	27,9	29,6	32,4	34,3	35,1	33,5	32,8	34,3	33,6	31,8
Пензенская область	20,8	22,1	27,0	28,2	31,6	35,2	32,4	34,1	33,1	33,2	59,8
Ульяновская область	22,3	23,8	27,6	33,2	33,6	32,8	30,9	32,3	33,0	32,5	45,9
Чувашская Республика	23,1	23,4	27,4	29,4	30,3	31,9	30,7	30,5	30,7	30,6	32,4
Кировская область	19,6	21,3	23,1	27,1	28,8	29,4	27,2	26,8	27,1	27,5	40,2
Республика Мордовия	18,1	18,0	20,9	24,9	27,0	27,4	27,2	26,6	27,6	27,3	51,2

Таблица 3.

Значения и динамика прироста региональных индексов $I_{пр}$, формирующих социальный потенциал развития и размещения производительных сил за период с 2005 по 2014 гг.

Регион	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	Прирост 2014 г. к 2005 г., %
Республика Мордовия	61,7	64,0	64,3	65,1	65,8	65,3	65,1	65,8	65,4	66,4	7,6
Пермский край	33,9	61,7	64,4	63,4	63,8	64,2	61,5	60,6	64,1	64,9	91,4
Самарская область	41,7	67,8	69,1	67,5	65,4	60,1	64,2	65,1	66,7	64,0	53,6
Кировская область	42,2	59,6	60,6	60,2	59,6	54,2	62,4	61,5	62,4	63,4	50,3

Саратовская область	56,0	56,8	55,9	55,0	62,1	62,6	62,7	62,3	63,6	62,5	11,7
Удмуртская Республика	59,7	60,6	61,6	59,8	62,6	55,9	58,5	59,0	58,9	59,6	-0,2
Республика Татарстан	52,7	49,8	56,1	53,8	55,5	54,2	52,2	56,3	54,0	57,6	9,2
Чувашская Республика	51,6	51,5	54,5	56,8	54,4	54,9	56,7	56,2	56,5	56,6	9,6
Пензенская область	56,8	52,5	53,4	55,4	55,5	55,7	54,6	56,0	56,3	56,3	-0,9
Ульяновская область	46,7	46,4	44,6	48,1	46,4	47,0	47,9	47,3	46,6	46,6	-0,1
Республика Башкортостан	49,1	41,8	45,1	39,5	41,0	41,2	41,1	44,0	40,9	44,6	-9,1
Оренбургская область	46,3	46,1	44,9	43,6	42,0	39,4	40,8	38,1	42,4	44,5	-3,8
Республика Марий Эл	44,3	48,6	40,8	33,0	38,6	48,5	40,9	40,6	40,3	40,0	-9,6
Нижегородская область	46,8	44,9	41,6	41,7	36,1	31,1	34,8	34,3	36,8	39,0	-16,6

Таблица 4.

Значения и динамика прироста, региональных субиндексов $I_{пр}$, определяющих институциональный потенциал развития инновационно-модернизационных производительных сил за период с 2005 по 2014 гг.

Регион	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	Прирост 2014 г. к 2005 г., %
Нижегородская область	44,7	46,2	51,2	53,2	57,1	58,9	62,5	65,5	68,5	71,6	60,2
Республика Татарстан	43,3	47,7	50,4	52,1	49,6	52,8	54,8	56,3	57,9	59,5	37,3
Пермский край	52,2	52,0	46,2	45,5	43,1	40,7	44,5	48,9	50,2	48,6	-6,9
Республика Башкортостан	48,7	44,1	49,0	44,5	45,2	47,6	43,0	44,0	46,0	48,0	-1,3
Самарская область	41,2	43,1	45,4	40,8	41,1	40,7	41,9	42,1	41,2	40,9	-0,7
Оренбургская область	19,4	22,8	24,2	25,6	22,8	21,1	23,6	23,9	24,2	24,5	25,8
Саратовская область	26,9	26,7	26,8	26,3	25,4	25,7	25,3	25,0	24,7	24,4	-9,4
Удмуртская Республика	16,8	19,3	21,5	18,7	18,9	18,3	19,3	19,4	19,4	19,5	16,0
Ульяновская область	10,8	11,1	13,9	14,5	14,6	14,1	15,9	16,7	17,5	18,3	70,1
Чувашская Республика	18,0	13,2	19,1	15,7	16,3	17,6	17,1	17,2	17,3	17,4	-3,0
Кировская область	12,2	12,2	14,5	14,2	12,9	11,5	12,7	12,7	12,6	12,6	2,9
Пензенская область	11,5	11,5	12,5	12,9	11,0	11,2	11,5	11,4	11,4	11,3	-1,8
Республика Мордовия	6,8	9,3	9,1	8,9	9,4	7,9	9,1	9,3	9,4	9,6	40,6
Республика Марий Эл	3,7	5,3	3,9	4,3	3,7	5,4	4,8	4,9	5,0	5,1	38,7

казателей эффективности, указанные условия получают мощный импульс реализации, что находит свое выражение в виде технологических сдвигов в процессе эволюционирования экономических систем.

С точки зрения ресурсно-инфраструктурного потенциала, выраженного в абсолютных фактических оценках, определяющего эффективность развития региональных производительных сил, состав лидеров имеет тот же перечень, что и был определен в рамках проведенного анализа эффективности развития производительных сил с позиции высокого уровня институционального потенциала регионов. Вместе с тем обращает на себя внимание то, что ряд регионов, из рассматриваемого перечня, несмотря на высокий уровень абсолютных значений, демонстрирует достаточно низкий уровень динамики субиндекса I_1. Это Самарская область и Республика Башкортостан. По всей видимости, данные регионы, обладающие очень высокими значениями индекса социально-экономической привлекательности, начинают демонстрировать исчерпание факторов экономического роста. То есть, для рассматриваемых регионов начинает формироваться угроза снижения их конкурентоспособности в средне- и долгосрочной перспективах. Таким образом, достигнутый в последние годы в данных регионах высокий уровень производственной и организационной базы начинает ограничиваться в связи с исчерпанием маржинальной эффективности ресурсной базы и недостаточным количеством реализации на территориях рассматриваемых регионов новых, инновационных, конкурентоспособных инвестиционных проектов, обеспечивающих формирование и развитие прорывных направлений экономического роста.

Представленные аналитические данные свидетельствуют о наличии дисбаланса в социальном, экономическом и институциональном развитии абсолютно всех регионов. В Приволжском федеральном

округе нет ни одного региона, характеризующегося максимальными оценками всех трех рассматриваемых потенциалов. Также как и не наблюдается регионов, с высокой динамикой роста в разрезе всех трех рассчитанных динамических рядов субиндексов, определяющих интегральные показатели социально-экономической привлекательности.

В целом же для Приволжского федерального округа за анализируемый десятилетний период (2005-2014 гг.) характерен опережающий тренд развития ресурсно-инфраструктурного потенциала относительно социального и институционального (рисунок 2).

Связано это, по всей видимости, с тем, что глубокий экономический спад РФ в предшествующий период времени привел к значительному снижению показателей загрузки производственных и ресурсных мощностей, что, на фоне положительных конъюнктурных факторов внешней и внутренней среды 2005-2014 гг., привело к наполнению освободившихся ресурсно-производственных ниш и, соответственно, к росту экстенсивных производственных факторов.

Однако уже с 2012 года национальная экономика стала активно проявлять признаки структурного кризиса, в результате как внешних факторов (существенное замедление темпов роста мировой экономики), так и внутренних – «перегрев» денежно-кредитной системы, недостаточные темпы трансформации структуры экономики в пользу высокотехнологичных производств, опережающий рост средних издержек производства в условиях существенного за последние 10 лет роста реальной заработной платы и др. Влияние рассмотренных кризисов вкупе с обострившейся в 2014 году геополитической обстановкой, введеных против РФ отраслевых санкций (в первую очередь в финансовой сфере), резкого падения цен на нефть – важнейшего источника доходов российского бюджета будет формировать новый тип экономического развития, основанный на институциональных преобразованиях. В связи с чем в последующие пять лет ожидается корректировка трендов роста субиндексов (I1, I2, I3), оценивающих потенциалы развития регионов в случае реализации адаптационной государственной политики, основанной на модернизации и реформировании институтов развития. В связи с этим дальнейший рост интегральных значений показателей $I_{пр}$ регионов будет во многом формироваться динамикой роста институциональных факторов, обеспечивающих инновационно-модернизационные процессы в экономике и способствующие технологическим сдвигам, соответствующим новому шестому технологическому укладу [7].

Крайне познавательной формой анализа является оценка значений весовых коэффициентов при субиндексах, определяющих траекторию и динамику региональных индексов социально-экономической привлекательности. Реализация данного вида работы позволяет сформировать представление и понимание относительного того, какие факторы и в какой степени формируют базовые основы сдвигов региональных индексов $I_{пр}$. В обобщенном виде, в рамках исследуемого периода времени, результаты подобного анализа представлены в таблице 5.

В целях определения однородных групп регионов по уровню их качественных характеристик потенциалов развития был использован метод кластерного анализа, результаты которого представлены ниже. В качестве признаков кластеризации выбраны значе-

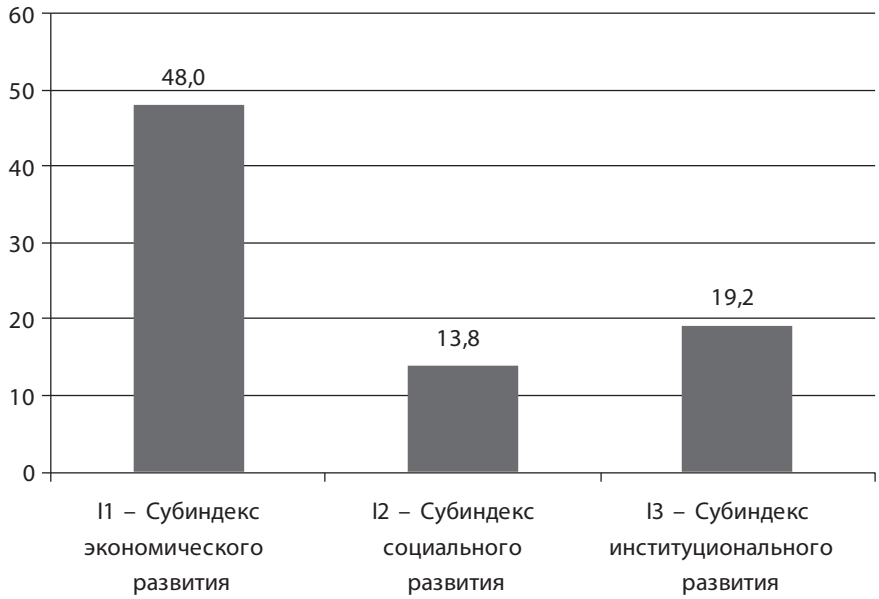


Рис. 2. Средние значения темпов прироста социального, институционального и экономического потенциалов регионов Приволжского федерального округа, в % за период с 2005 по 2014 гг.

Таблица 5.

Значения весовых коэффициентов субиндексов интегрального индекса $I_{пр}$

Регион	I1 – Субиндекс экономического развития	I2 – Субиндекс социального развития	I3 – Субиндекс институционального развития
Республика Татарстан	0,33	0,21	0,46
Республика Башкортостан	0,34	0,26	0,40
Нижегородская область	0,35	0,25	0,40
Самарская область	0,39	0,25	0,36
Саратовская область	0,35	0,33	0,32
Пермский край	0,39	0,29	0,32
Республика Мордовия	0,30	0,45	0,25
Ульяновская область	0,42	0,33	0,25
Чувашская Республика	0,31	0,44	0,25
Оренбургская область	0,44	0,35	0,21
Удмуртская Республика	0,44	0,38	0,18
Кировская область	0,29	0,48	0,23
Республика Марий Эл	0,25	0,49	0,26
Пензенская область	0,54	0,31	0,15

ния весовых коэффициентов изучаемых региональных потенциалов (таблицы 6-7).

Проведенный анализ, учитывающий качественные параметры развития социально-экономической привлекательности регионов ПФО на основе оценки весовых коэффициентов субиндексов выявил три укрупненные группы регионов:

Кластер 1. Регионы, обладающие высоким уровнем ресурсной базы, сочетающейся с высоким уровнем институциональной базы, способствующей ускоренному развитию экономики на базе прогрессивных производительных сил. Преобладающий тип развития регионов первого кластера – интенсивный.

Кластер 2. Регионы, вошедшие в данный кластер характеризуются низким уровнем ресурсно-инфраструктурной базы, и не достаточным потенциалом влияния на динамику индекса СЭП институциональных факторов, способствующих инновационно-модернизационным преобразованиям в экономике. Однако регионы рассматриваемой группы обладают наивысшим потенциалом развития производительных сил с позиции благоприятствования социальной базы.

Таблица 6.

Основные характеристики кластеризации рынков

Факторы	Характеристики кластерной принадлежности		
	1	2	3
Ресурсный экономический потенциал	Высокий уровень ресурсной базы (значение весового коэффициента субиндекса (I1) экономического развития выше среднего)	Низкий уровень ресурсной базы (значение весового коэффициента субиндекса (I1) экономического развития самое низкое)	Высокий уровень ресурсной базы (значение весового коэффициента субиндекса (I1) экономического развития принимает максимальные значения)
Социальный потенциал развития региональных производительных сил (экология, преступность, степень развития социального пространства)	Значение весового коэффициента субиндекса I2 ниже среднего	Значение весового коэффициента субиндекса I2 принимает максимальное значение	Значение весового коэффициента субиндекса I2 сопоставимо со значениями, характерными лоя Кластера 1
Институциональный потенциал ускоренного развития производительных сил	Высокий уровень (Значение весового коэффициента субиндекса I3 наивысшее)	Средний уровень (Значение весового коэффициента субиндекса I3 оценивается как недостаточное для ускоренного развития)	Низкий уровень (Значение весового коэффициента субиндекса I3 минимальное)

Таблица 7.

Принадлежность к кластерам

Регион	Кластер
Республика Татарстан	1
Республика Башкортостан	1
Нижегородская область	1
Самарская область	1
Саратовская область	1
Пермский край	1
Республика Мордовия	2
Ульяновская область	3
Чувашская Республика	2
Оренбургская область	3
Удмуртская Республика	3
Кировская область	2
Республика Мари Эл	2
Пензенская область	3

Кластер 3. Регионы, характеризующиеся наименьшим потенциалом институционального развития, способствующего технологическим инновационным сдвигам. При этом социально-экономическая привлекательность регионов данной группы определяется высоким уровнем ресурсно-инфраструктурной базы. Преобладающий тип развития регионов кластера – экстенсивный.

Таким образом, измерение укрупненных субиндексов развития социального, институционального и экономического потенциалов формирует представление об основных составляющих, определяющих тренды потенциалов развития региональных производительных сил. Это, в свою очередь, может и должно ложиться в систему обоснования приоритетов регионального развития на средне- и долгосрочную перспективы. Вместе с тем, анализ и оценка подобных индикаторов, недостаточны для обоснования основных направлений в сфере развития и размещения производительных сил. Необходимы дополнения, раскрывающие особенности целой совокупности факторов, влияющих на рассматриваемые процессы.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-06-00062.

Список литературы

1. *Анкудинов А.Б., Лебедев О.В.* Анализ социальных последствий замедления экономического развития страны вследствие действия макроэкономических факторов (по отраслям экономики) // Экономический вестник Республики Татарстан. 2012. №4. С. 111.
2. *Викторов П.П.* Развитие региональных и отраслевых хозяйственных систем в неравновесной экономике. Вопросы теории и методологии: Дисс. канд. эконом. наук. г. Казань. 2003г.
3. *Глазьев С.Ю., Харитонов В.В.* Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике. М., Тровант, 2009.
4. *Кундакчян Р.М.* Влияние эколого-экономических факторов на качество жизни. 2007. 125 с.
5. Инновационно-модернизационные волны в социально-экономическом развитии: технологические уклады, макроэкономические генерации, взгляд в будущее. Книга 1. Текстильная, металлургическая, нефтеперерабатывающая, нефтехимическая промышленность, электроэнергетика, военное машиностроение / по ред. Ю. В. Матвеева, Г. В. Семенова. Самара: ООО «Издательство Ас Гард», 2013. 458 с.
6. *Сафиуллин М.Р., Ельшин Л.А., Шакирова А.И.* Оценка экологического благополучия территорий как инструмент моделирования размещения производительных сил в регионе (на примере Республики Татарстан) // Экономический вестник Республики Татарстан. 2012. №4. С. 111.
7. *Сафиуллин М.Р., Ельшин Л.А., Шакирова А.И.* Позиционирование регионов на основе сводного индекса социально-экономической привлекательности и выявление стратегических точек дальнейшего роста // Экономический вестник Республики Татарстан. 2013г. №2. С. 5 -11.
8. *Сафиуллин М. Р., Семенов Г.В., Ельшин Л.А., Мингазова Ю.Г., Шакирова А.И.* Комплексная оценка привлекательности размещения производительных сил в регионах Приволжского федерального округа. 2012. 354 с.

Reference list

1. *Ankudinov A., Lebedev O.* An analysis of the social consequences of the slowdown of economic development due to macroeconomic factors (economic sectors) // Economic Bulletin of the Republic of Tatarstan. 2012. №. 4. P. 111.
2. *Viktorov P.* The development of regional and sector wide economic systems in non-equilibrium economy. Theory and methodology: Synopsis of PhD in Economics. Kazan. 2003.
3. *Glaz'ev S., Kharitonov V.* Nanotechnologies as a key factor of a new technological mode in the economy. M. Trovant, 2009.
4. *Kundakchan R.* Influence of ecological-economic factors on quality of life. 2007. 125 p.
5. Innovation-modernization waves in the socio-economic development: Technological structures, macroeconomic generating, look into the future. Book 1. Textile, metallurgy, petrochemical industry, power industry, military engineering / Under the editorship of Yu. Matveev, G. Semenov. Samara: O.C. "Izdatel'stvo As Gard", 2013. 458 p.
6. *Safiullin M., El'shin L., Shakirova A.* Evaluation of the ecological well–being in the territories as a tool for modeling the distribution of productive forces in the region (on the example Republic of Tatarstan) // Economic Bulletin of the Republic of Tatarstan. 2012. №. 4. P. 111.
7. *Safiullin M., El'shin L., Shakirova A.* The positioning of the regions on the basis of the summary index of the socio-economic attractiveness and identifying strategic locations for continued growth // Economic Bulletin of the Republic of Tatarstan. 2013. №. 2. P. 5 -11.
8. *Safiullin M., Semenov G., El'shin L., Mingazova Yu., Shakirova A.* The comprehensive assessment of productive forces attractiveness in the regions of the Volga Federal district. 2012. 354 p.

УДК 332.1

Данилина Е.И.,
доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления Московского института государственного управления и права

Чеботарев В.Е.,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики, бухгалтерского учета и аудита Московского института государственного управления и права

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В РАЗРЕЗЕ РАЗВИТИЯ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Обеспечение конкурентоспособности и финансовой устойчивости топливно-энергетического комплекса, повышение энергоэффективности отраслей экономики является одним из приоритетных направлений муниципальной политики.

В данной статье предпринята попытка анализа энергоэффективности экономики на уровне муниципальных образований. Автором сформированы критерии и представлена методика экспресс-анализа, основанная на рейтинговой оценке экономико-энергетического потенциала отдельной территории. Данная методика апробирована при анализе муниципальных экономик одного из энергокритичных регионов РФ – Липецкой области.

Проведенное исследование позволило выявить основные направления повышение эффективностью управления экономикой муниципального образования. Полученные результаты могут быть использованы в управлении муниципальными образованиями различных регионов, особенно если наблюдается схожесть с Липецкой областью по основным группам критериев.

Ключевые слова: энергетический потенциал, экономика муниципальных образований, энергоэффективность, метод экспресс-анализа

Danilina E.,
Doctor of Economics, Professor, Head of Chair of State and Municipal Management of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Chebotarev V.,
PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of Chair of Economics, Accounting and Audit of the Moscow Institute of Public Administration and Law

EFFICIENCY IMPROVEMENT OF ECONOMIC MANAGEMENT OF MUNICIPALITIES IN THE TERMS OF FUEL-ENERGY COMPLEX DEVELOPMENT

Ensuring the competitiveness and financial strength of the fuel-energy complex, energy efficiency improvement of economic sectors is one of the municipal policy priorities.

This article attempts to analyze the energy efficiency of the economy at the level of municipalities. The article author is developed criteria and presented the express-analysis methodology, which is founding on the rating estimation of economic-energy potential of selected territory. This methodology has been tested in the analysis of municipal economies of one of the energo-critical Russian regions as the Lipetsk region.

The conducted research allowed identifying the key directions by efficiency improvement of economic management of the municipality. The obtained results can be used in the management of municipalities in different regions, especially if there is the similarity for main groups of criteria to the Lipetsk region.

Keywords: energy potential, economy of municipalities, energy efficiency, express-analysis methodology

В условиях экономического спада Российской Федерации и продолжающегося секвестра бюджетов всех уровней, одним из важных вопросов является эффективное расходование бюджетных средств на уровне муниципальных образований.

Существенный резерв экономии финансовых ресурсов и сокращения бюджетных расходов, направляемых на оплату энергетических ресурсов, заложен в реализации мероприятий по снижению энергоемкости отраслей муниципальной экономики. В то же время в настоящее время энергоемкость отраслей экономики РФ достаточно высока не только по сравнению со странами с развитой рыночной экономикой, но и в сравнении с развивающимися странами БРИКС [1].

Одной из наиболее актуальных проблем социально-экономического развития регионов является выработка и реализация эффективной политики энергообеспечения и энергосбережения. Развитие экономики и улучшение качества жизни населения требуют развитие энергетики с учетом современных организационных, технологических, технических основ. Актуальность повышения эффективности потребления энергоресурсов обусловлена непрерывным ростом цен и возрастающими расходами на энергопотребление в жилищно-коммунальном и бюджетном секторе муниципальной экономики.

Сложившаяся ситуация в области энергосбережения показывает, что из-за отсутствия четко определенных практических механизмов проведения энергосберегающей политики на уровне муниципальных образований основные принципы энергосберегающей политики РФ, определенные на законодательном уровне, реализуются не в полном объеме. Зачастую энергосбережение рассматривается как некий самостоятельный аспект территории непривязанный к основным программам развития муниципального образования или региона. Однако, энергосбережение является составной частью, а часто базовым элементом развития муниципального образования в целом.

Негативными последствиями роста стоимости топливно-энергетических ресурсов (ТЭР) являются снижение рентабельности и конкурентоспособности предприятий муниципального образования, снижение эффективности муниципального управления, обусловленное увеличением доли издержек на оплату ТЭР и коммунальных услуг и ухудшение качества жизни населения.

Создание условий для перевода экономики и бюджетной сферы муниципального образования на энергосберегающий путь развития является первоочередной задачей региональных и муниципальных органов власти.

Целью данной статьи является разработка мер, направленных на повышение энергоэффективности муниципальной экономики.

Для достижения поставленной цели автором последовательно решается ряд задач, а именно:

• Представлена методика экспресс-оценки энергоэффективности экономики муниципальных образований;

• Проведен анализ эффективности использования энергоресурсов в муниципальных образованиях;

• Определены основные направления муниципальной энергетической политики;

• Предложен ряд мероприятий, направленных на снижение энергоемкости экономики муниципального образования.

Оценка эффективности экономических систем вообще и энергоэфективности в частности – процесс, как правило, системный и многофакторный [2]. Сравнение эффективности энергоиспользования в экономиках разных регионов и муниципальных образований только по одному показателю энергоемкости валового регионального продукта явно недостаточно по целому ряду объективных и субъективных причин.

К объективным факторам можно отнести существенные различия регионов по технологической энергоемкости экономики, по соотношению потребляемой электроэнергии и тепла. К субъективным факторам относятся недостаток исходных статистических данных, существенные различия в методиках расчета вторичных энергетических потоков и балансов, сложности с полным учетом потребляемого количества тепловой энергии и т.д.

Существенная диверсификация региональных особенностей и условий, методическая несогласованность в определении энергопотребления и энергоемкости обуславливают необходимость разработки комплекса критериев для выработки управленческих решений [3].

Для достижения поставленной цели в работе используется авторская методика экспресс-оценки энергоэффективности экономики муниципальных образований. Для формирования параметров анализа энергоэффективности муниципальных экономик предлагается применить балльную оценку, в соответствии с которой каждому рейтингу присуждается определенное количество баллов: чем меньше значение ранга, тем лучше показатели энергоэффективности экономики территории, и, соответственно, больший балл.

В качестве критериев, позволяющих объективно оценить эффективность экономико-энергетического потенциала отдельной территории,выступают:

1) I1 – Энергоемкость муниципального продукта.

В настоящее время такой показатель как «валовый муниципальный продукт» (ВМП) не формируется статистическими органами и единой методики его расчета не существует. Поэтому для расчета энергоэффективности муниципального продукта были при-

няты показатели «Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами» и «Продано товаров несобственного производства», формируемые статистическими органами в разрезе муниципальных образований и косвенно характеризующий объем производства продукции на отдельной территории.

2) I2 – Энергоемкость муниципального бюджета. Рассчитывается как отношение затрат на коммунальные услуги к общей величине бюджетных расходов муниципального образования. Источниками информации для расчета данного показателя являются отчеты муниципальных образований об исполнении муниципальных бюджетов, публикуемые в открытом доступе на официальных сайтах МО.

3) I3 – Удельная величина потребления электрической энергии в многоквартирных домах, кВт. ч на 1 проживающего;

4) I4 – Удельная величина потребления тепловой энергии в многоквартирных домах, Гкал на 1 кв. метр общей площади;

5) I5 – Удельная величина потребления электрической энергии муниципальными бюджетными учреждениями, кВт. ч на 1 человека населения;

6) I6 – Удельная величина потребления тепловой энергии муниципальными бюджетными учреждениями, Гкал на 1 кв. метр общей площади

Итоговое значение формируется путем суммирования баллов по каждому критерию с учетом его значимости по формуле:

$$V_p = \Sigma pi \times wi \quad (1)$$

Где V_p – интегральный показатель энергоэффективности муниципального образования региона;

Pi – количество баллов по каждому выделенному критерию i.

wi – удельный вес значимости фактора i в энергетическом секторе муниципальной экономики.

Предлагаемая методика экспресс-оценки энергоэффективности муниципальных экономик может иметь практическую значимость для энергокритичных регионов, к числу которых относится Липецкая область.

Информационной базой для расчета показателей выступают статистические показатели регионального отделения Службы Федеральной статистики по Липецкой области, отчетная информация исполнительных органов власти региона, а также бюджетная и финансовая отчетность органов местного самоуправления муниципальных районов Липецкой области.

Липецкая область относится к промышленно развитым регионам РФ: более 40% ВРП формируется многоотраслевым промышленным комплексом. Основную долю в структуре промышленного производства занимают металлургическая отрасль, пищевая промышленность и машиностроение. Согласно данным Росстата, по итогам 2013 года Липецкая область находилась в числе наиболее энергоемких регионов РФ [4]. На его территории действует крупнейший в России металлургический комбинат, с 2006 года здесь развиваются Особые экономические зоны промышленно-производственного, агропромышленного, туристско-рекреационного и технико-внедренческого типов. Такая специфика определяет особую значимость стоящих задач по повышению энергоэффективности региона.

В расчете на рубль валового регионального продукта (ВРП) потребление топливно-энергетических ресурсов составляет 0,0527 кг условного топлива, что почти в 3,3 раза выше среднероссийского показателя (табл. 1).

В то же время в регионе отмечен тренд снижения энергоемкости ВРП на фоне роста привлечения внебюджетных инвестиций и реализации энергосервисных контрактов [1]. Снижение энергоемкости ВРП Липецкой области за 8 лет (в 2007 году – 108,5 т.у.т./млн руб., в 2015 году – 80,27 т.у.т./млн руб.) в ценах 2007 г. составило 26% и свидетельствует о проводимой на предприятиях области политике по энергосбережению и повышению энергетической эффективности [6].

Таблица 1.

Энергоемкость ВРП регионов РФ, кг.у.т. / 10 тыс. рублей

Регион	Энергоемкость
Вологодская область	591,20
Кемеровская область	572,17
Липецкая область	527,38
Республика Хакасия	483,16
Чеченская Республика	425,15
Челябинская область	424,71
Республика Тыва	371,91
Иркутская область	339,52
Республика Бурятия	331,19

Пермский край	303,40
Рязанская область	282,61
Карачаево-Черкесская Республика	279,60
Оренбургская область	266,22
Тульская область	258,08
Ленинградская область	255,98
Курская область	252,76
Самарская область	250,51
Республика Карелия	250,32
Алтайский край	247,61
Пензенская область	243,40
Ивановская область	238,43
Мурманская область	235,80
Свердловская область	235,23
Нижегородская область	233,85
Республика Мордовия	232,78
Брянская область	231,41
Красноярский край	230,13
Орловская область	229,70
Курганская область	228,54
Амурская область	227,78
Волгоградская область	224,29
Кировская область	223,85
Ханты-Мансийский автономный округ	215,45
Саратовская область	213,90
Ярославская область	213,32
Тверская область	210,64
Республика Башкортостан	208,73
Владимирская область	207,18
Республика Коми	206,10
Ставропольский край	205,13
Смоленская область	204,06
Республика Марий Эл	199,32
Забайкальский край	197,49
Омская область	194,91
Ульяновская область	194,45
Удмуртская Республика	187,52
Архангельская область	187,13
Астраханская область	186,10
Чукотский авт.округ	182,34
Чувашская Республика	179,21
Новгородская область	178,97
Белгородская область	178,13
Псковская область	175,96
Костромская область	174,81
Республика Северная Осетия-Алания	174,11
Приморский край	172,66
Еврейская автономная область	167,56
Кабардино-Балкарская Республика	167,14
Тюменская область	165,28

Ростовская область	161,47
Республика Ингушетия	158,79
Краснодарский край	158,21
Республика Алтай	156,75
Тамбовская область	155,15
Камчатский край	155,11
Хабаровский край	153,75
Республика Татарстан	153,68
Республика Адыгея	149,86
Воронежская область	142,47
Республика Дагестан	140,80
Республика Калмыкия	139,97
Новосибирская область	135,73
Магаданская область	135,39
Калужская область	133,34
Томская область	130,12
Московская область	127,50
Республика Саха (Якутия)	112,33
Ямало-Ненецкий автономный округ	107,01
Калининградская область	105,27
г. Санкт-Петербург	74,67
Сахалинская область	56,02
г. Москва	28,63

С 2009 года в регионе неуклонно возрастает электропотребление (рисунок 1): за 7 лет данный показатель увеличился почти на 30% и по итогам 2015 года составил 12254,59 млн кВт/ч.

При общем потреблении 12254,6 млн кВт/ч, выработка электроэнергии по итогам 2015 года составила 5331,8 млн кВт/ч. Т.е. на территории области производится всего 43,51% общего объема электроэнергии. Недостающие энергоресурсы приобретаются на оптовом рынке в смежных областях.

Электроэнергетический комплекс Липецкой области включает 212 линий электропередачи класса напряжения 110-500 кВ и 113 трансформаторных подстанций класса напряжения 110-500 кВ. Общая мощность распределительных устройств составляет 15251,5 МВА [7].

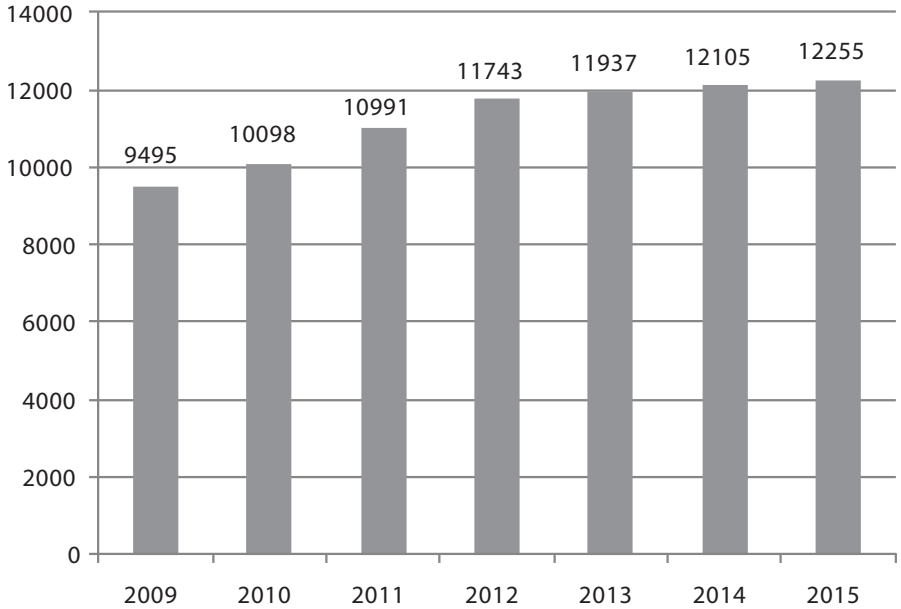


Рис. 1. Динамика объемов электропотребления в Липецкой области за 2009-2015 гг., млн кВт/ч

Оперативно-диспетчерское управление объектами электроэнергетики осуществляет филиал ОАО «СО ЕЭС» Липецкое РДУ. На территории региона действует:

• 3 электросетевых компании – Филиал ПАО «ФСК ЕЭС» – Верхне-Донское ПМЭС»; филиал ПАО «МРСК Центра» – Липецкэнерго»; филиал ОАО «РЖД» «ЮВЖД» Елецкая дистанция электроснабжения;

• 1 генерирующая компания – филиал ПАО «Квадра» – «Восточная генерация», в состав которой входят Липецкая, Елецкая и Данковская ТЭЦ;

• 10 энергосбытовых компаний-субъектов оптового рынка;

• 8 станций промышленных предприятий.

Самыми крупными потребителями электроэнергии являются предприятия промышленности, на их долю приходится более 64% условного топлива (рисунок 2).

Крупнейшим промышленным потребителем электроэнергии в регионе является Новолипецкий металлургический комбинат (ОАО НЛМК): на его долю приходится 55,76% общего потребления электроэнергии в области. ОАО «НЛМК» имеет собственные мощности по генерации электроэнергии: уровень самообеспеченности предприятия электроэнергией в 2014 году составил 54% [8].

Выработка тепловой энергии в области осуществляется на 1 755 источниках тепла суммарной установленной мощностью 7 387 Гкал/час. Общая протяженность тепловых и паровых сетей в Липецкой области составляет 2 305 км в двухтрубном исчислении, из которых свыше 95% приходится на городскую местность.

Производство тепловой энергии в 2015 году составило 10,1 млн Гкал. Потери тепловой энергии на территории Липецкой области составили 10,2%, что существенно ниже среднероссийского (15,7%) и среднеокружного (11,7%) показателей.

В соответствии с требованиями действующего законодательства на территории Липецкой области с 2014 года действует государственная программа «Энергоэффективность и развитие энергетики в Липецкой области». Согласно данной программе предприятиями бюджетной сферы, промышленного комплекса, сферы ЖКХ региона активно реализуются энергосберегающие мероприятия. На уровне муниципальных образований разработаны и реализуются аналогичные программы энергосбережения, направленные на развитие энергосбережения и повышение энергетической эффективности территорий.

Общий объем финансирования энергосберегающих мероприятий в рамках подпрограммы «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности» в минувшем году за счет всех источников составил 963,3 миллиона рублей (в том числе: областной бюджет – 114,7 млн руб., местные бюджеты – 4 млн руб., внебюджетные источники (средства инвесторов) – 844,6 млн руб.).

Следует отметить, что на фоне ряда реализуемых практических проектов в области энергоэффективности региональными и муниципальными властями уделяется недостаточное внимание к ключевым направлениям госполитики, в частности региональные отраслевые программы не содержат показатели энергоэффективности, поддерживающие механизмы практически не применяются.

Для успешной реализации энергетической политики и снижения энергоемкости экономики региона необходимо предпринимать адекватные управленческие действия по выполнению поставленных задач органами исполнительной власти на муниципальном уровне.

Региональные органы власти Липецкой области должны иметь объективную информацию о результативности реализации программ энергосбережения в разрезе муниципальных образований,

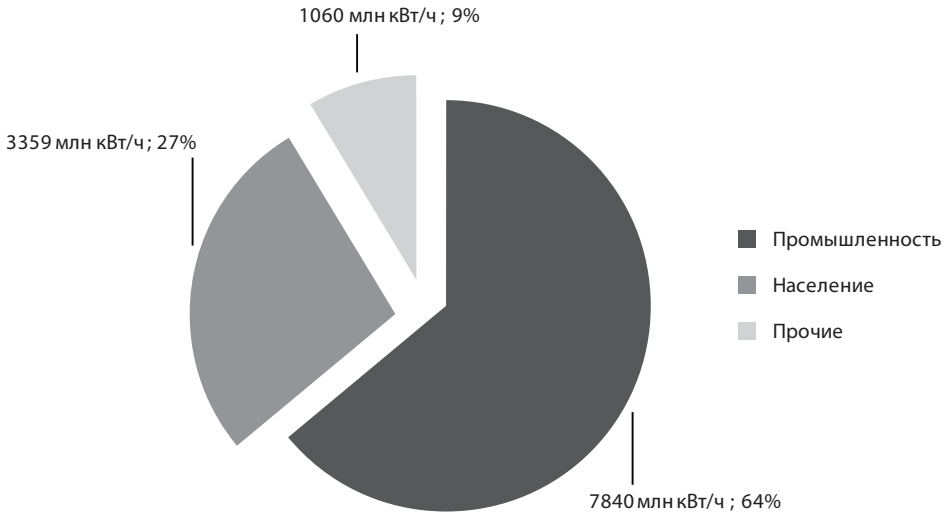


Рис. 2. Структура электропотребления на территории Липецкой области в 2015 году

оценивать адекватность управленческих действий и степень достижения задач, поставленных в муниципальных программах повышения энергоэффективности экономики.

С целью реализации энергетической политики Липецкой области и снижения энергоемкости экономики региона была проведена оценка уровня эффективности использования энергоресурсов на уровне отдельных муниципальных образований. Сравнительный анализ энергоэффективности муниципальных экономик позволит объективно оценить перспективы развития и потенциал энергетического комплекса Липецкой области, обеспечить эффективность бюджетных расходов.

Из-за отсутствия необходимых статистических данных за 2015 год, оценка эффективности муниципальных образований осуществлялась по данным 2014 года.

Для расчета показателя I1 – «Энергоемкость муниципального продукта» данные по фактическому потреблению тепловой и электрической энергии приведены к единой единице измерения – кВт/ч с помощью коэффициента пересчета 1 Гкал = 1163 кВт/ч [9].

Расчет энергоемкости муниципального продукта (МП) муниципальных образований Липецкого региона представлен в таблице 2.

По результатам расчетов был сформирован рейтинг муниципальных образований, в соответствии с которым каждому муниципальному образованию присвоен соответствующий балл (таблица 3).

В таблице 4 представлен расчет показателя I2 «Энергоемкость муниципального бюджета».

Как показали результаты расчетов, энергоемкость местных бюджетов Липецкой области имеет достаточно существенный разброс среди муниципальных образований. Свыше 3% доли затрат на коммунальные услуги в бюджетах 4 муниципальных образований.

В таблице 5 представлены данные по удельной величине потребления тепло- и электроэнергии в муниципальных образованиях Липецкой области.

Таблица 2.

Расчет энергоемкости МП муниципальных образований Липецкого региона

Муниципальное образование	Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства), тысяча рублей	Продано товаров несобственного производства (без субъектов малого предпринимательства), тысяча рублей	Потребление электроэнергии, млн КВт/ч	Потребление тепло		I 1 –Энергоемкость муниципального продукта, КВт/ч/руб
				тыс. Гкал	млн Квт/ч	
Воловский	1269508,5	400255	181,3	51,4	59,7	0,14
Грязинский	17753359,3	5874738	381,4	321,9	374,3	0,03
Данковский	4202792,1	1478760,9	312,6	140,4	163,3	0,08
Добринский	12306228,6	2259502,4	344,0	277,3	322,6	0,05
Добровский	731098,2	744738	242,1	61,6	71,7	0,21
Долгоруковский	1260546,3	521974	234,2	85,6	99,6	0,19
Елецкий	4244624,5	292064	305,8	390,3	454,0	0,17
Задонский	3246051,2	3248103,8	221,0	171,2	199,1	0,06
Измалковский	875721,4	895681,3	282,8	0,0	0,0	0,16
Краснинский	2085898,2	1028393	152,5	68,5	79,6	0,07
Лебедянский	26746216,7	2210505,3	415,1	332,1	386,3	0,03
Лев-Толстовский	8846366,2	11660140	252,6	75,3	87,6	0,02
Липецкий	22327872,5	7112133	627,0	291,0	338,5	0,03
Становлянский	1506524,8	998987	413,8	157,5	183,2	0,24
Тербунский	4497734,9	1735352	265,0	126,7	147,3	0,07
Усманский	3319215,9	3021024	439,7	116,4	135,4	0,09
Хлевенский	1585424,4	2411673	213,8	78,8	91,6	0,08
Чаплыгинский	3310005	2692174	327,7	130,1	151,3	0,08
г. Елец	22113047,3	9793916,1	1217,6	1403,9	1632,7	0,09
г. Липецк	409591320,6	154978127,9	5275,1	5796,9	6741,8	0,02

Таблица 3.

Рейтинг МО Липецкой области по показателю «Энергоемкость муниципального продукта»

Муниципальное образование	I1 –Энергоемкость МП, КВт/ч/руб.	Рейтинг	Балл
Лев-Толстовский	0,02	1	13
г. Липецк	0,02	1	13
Грязинский	0,03	2	12
Лебедянский	0,03	2	12
Липецкий	0,03	2	12
Добринский	0,05	3	11
Задонский	0,06	4	10
Краснинский	0,07	5	9
Тербунский	0,07	5	9
Данковский	0,08	6	8
Хлевенский	0,08	6	8
Чаплыгинский	0,08	6	8
Усманский	0,09	7	7
г. Елец	0,09	7	7
Воловский	0,14	8	6
Измалковский	0,16	9	5
Елецкий	0,17	10	4
Долгоруковский	0,19	11	3
Добровский	0,21	12	2
Становлянский	0,24	13	1

Таблица 4.

Расчет энергоемкости местных бюджетов МО Липецкой области

Муниципальные районы	Расходы МБ, тыс. руб.	Расходы на коммунальные услуги, тыс. руб.	Показатель энергоемкости бюджета, %	Ранг	Балл
Воловский	289 877,00	483,59	0,17%	1	18
Грязинский	832118,2	1803,8	0,22%	2	17
Данковский	485764,7	2 219,02	0,46%	6	13
Добринский	774237,99	23982,2	3,10%	15	4
Добровский	365 086,20	4 774,16	1,31%	11	8
Долгоруковский	332905	3257,22	0,98%	9	10
Елецкий	549419	5039,2	0,92%	8	11
Задонский	426718	6678,6	1,57%	13	6
Измалковский	361178	5316,43	1,47%	12	7
Краснинский	320 645,28	3 669,22	1,14%	10	9
Лебедянский	641748,1	11994,95	1,87%	14	5
Лев-Толстовский	376495	3464,7	0,92%	8	10
Липецкий	593107	3959,01	0,67%	7	12
Становлянский	358978	1645,41	0,46%	6	13
Тербунский	416607	1873,3	0,45%	5	14
Усманский	612381	2517,16	0,41%	4	15
Хлевенский	334252	13667	4,09%	17	2
Чаплыгинский	531828	1575,1	0,30%	3	16
г. Липецк	8509241	404027,6	4,75%	18	1
г. Елец	1610525,1	63402,3	3,94%	16	3

Таблица 5.

Удельные показатели потребления тепло- и электроэнергии в муниципальных образованиях Липецкой области [10].

	I3 – удельная величина потребления энергетических ресурсов в многоквартирных домах: электрическая энергия кВт/ч на 1 проживающего	I4 – удельная величина потребления энергетических ресурсов в многоквартирных домах: тепловая энергия Гкал на 1 кв. метр общей площади	I5 – удельная величина потребления энергетических ресурсов муниципальными бюджетными учреждениями: электрическая энергия	I6 – удельная величина потребления энергетических ресурсов муниципальными бюджетными учреждениями: тепловая энергия
Воловский район	467	0	62,34	0,14
Грязинский район	396,4	0,24	27,2	0,155
Данковский район	577,1	0,272	44,25	0,17
Добринский район	494	0,26	51,86	0,162
Добровский район	706,8	0,21	55,07	0,16
Долгоруковский р-н	577,2	0	67,1	0,18
Елецкий р-н	444,2	0,26	51,13	0,19
Задонский р-н	728	0,2	33,74	0,16
Измалковский	385	0	75,2	0
Краснинский	499,5	0,19	67,98	0,19
Лебедянский	619,7	0,24	52,36	0,19
Лев-Толстовский	530	0	80,5	0,12
Липецкий	630	0,18	66,52	0,19
Становлянский	400,9	0,17	121,8	0,78
Тербунский	411,2	0,299	64,27	0,188
Усманский	577	0,2	67,5	0,15
Хлевенский	448	0	58,8	0,201
Чаплыгинский	611	0,15	58,28	0,17
г. Елец	620	0,18	63,2	0,15
г. Липецк	967,6	0,209	38,52	0,16

Результаты ранжирования муниципальных образований Липецкой области по уровню потребления энергетических ресурсов представлены в таблице 6.

Весовые коэффициенты критериев энергоэффективности муниципальных образований были определены экспертным путем и имеют следующие значения:

I1 – 0.2; I2 – 0.2; I3 – 0.15; I4 – 0.15; I5 – 0.15; I6 – 0.15

Расчет комплексного показателя энергоэффективности муниципальных образований Липецкой области представлен в таблице 7.

Рейтинг муниципальных образований Липецкой области по энергоэффективности экономики наглядно показан на рисунке 3.

Проведенное исследование позволило выявить муниципальные образования, имеющие достаточно высокий экономико-энергетический потенциал, а так же наиболее слабые с точки значения энергоэффективности муниципальные экономики.

Региональным органам власти совместно с органами местного управления необходимо в первоочередном порядке подготовить и предпринять ряд мер по снижению энергоемкости данных территорий.

В целом полученный рейтинг показал, что более качественные результаты имеют муниципальные образования, в которых более активно обновляются основные фонды и реализуются программы энергосбережения.

К основным проблемам энергосбережения, сдерживающим реализацию экономико-энергетического потенциала региона можно отнести следующие:

• Ухудшение технического состояния объектов энергетической инфраструктуры;

• Возрастающим дефицитом резервных генерирующих мощностей и сетей тепло- и электроснабжения;

• Недостаточный уровень мотивации потребителей к энергосбережению;

• Низкая степень вовлечения в хозяйственный оборот местных, возобновляемых и нетрадиционных топливно-энергетических ресурсов.

Таблица 6.

Результаты ранжирования муниципальных образований Липецкой области по уровню потребления энергетических ресурсов

Муниципальные образования	I3		I4		I5		I6	
	Ранг	Балл	Ранг	Балл	Ранг	Балл	Ранг	Балл
Воловский район	7	14	1	16	11	10	3	18
Грязинский район	2	19	11	6	1	20	6	15
Данковский район	12	9	15	2	4	17	11	10
Добринский район	8	13	13	4	6	15	10	11
Добровский район	18	3	10	7	8	13	7	14
Долгоруковский р-н	13	8	1	16	15	6	13	8
Елецкий р-н	5	16	14	3	5	16	15	6
Задонский р-н	19	2	7	10	2	19	8	13
Измалковский	1	20	1	16	18	3	1	20
Краснинский	9	12	6	11	17	4	16	5
Лебедянский	15	6	12	5	7	14	17	4
Лев-Толстовский	10	11	1	16	19	2	2	19
Липецкий	17	4	4	13	14	7	18	3
Становлянский	3	18	3	14	20	1	20	1
Тербунский	4	17	16	1	13	8	14	7
Усманский	11	10	8	9	16	5	4	17
Хлевенский	6	15	1	16	10	11	19	2
Чаплыгинский	14	7	2	15	9	12	12	9
г. Елец	16	5	5	12	12	9	5	16
г. Липецк	20	1	9	8	3	18	9	12

Таблица 7.

Расчет комплексного показателя энергоэффективности муниципальных экономик Липецкой области

Муниципальное образоване	Взвешенное значение						Комплексный показатель энергоэффективности Vp
Воловский	1,2	3,6	2,1	2,4	1,5	2,7	13,5
Грязинский	2,4	3,4	2,85	0,9	3	2,25	14,8
Данковский	1,6	2,6	1,35	0,3	2,55	1,5	9,9
Добринский	2,2	0,8	1,95	0,6	2,25	1,65	9,45
Добровский	0,4	1,6	0,45	1,05	1,95	2,1	7,55
Долгоруковский	0,6	2	1,2	2,4	0,9	1,2	8,3
Елецкий	0,8	2,2	2,4	0,45	2,4	0,9	9,15
Задонский	2	1,2	0,3	1,5	2,85	1,95	9,8
Измалковский	1	1,4	3	2,4	0,45	3	11,25
Краснинский	1,8	1,8	1,8	1,65	0,6	0,75	8,4
Лебедянский	2,4	1	0,9	0,75	2,1	0,6	7,75
Лев-Толстовский	2,6	2	1,65	2,4	0,3	2,85	11,8
Липецкий	2,4	2,4	0,6	1,95	1,05	0,45	8,85
Становлянский	0,2	2,6	2,7	2,1	0,15	0,15	7,9
Тербунский	1,8	2,8	2,55	0,15	1,2	1,05	9,55
Усманский	1,4	3	1,5	1,35	0,75	2,55	10,55
Хлевенский	1,6	0,4	2,25	2,4	1,65	0,3	8,6
Чаплыгинский	1,6	3,2	1,05	2,25	1,8	1,35	11,25
г. Елец	1,4	0,2	0,75	1,8	1,35	2,4	7,9
г. Липецк	2,6	0,6	0,15	1,2	2,7	1,8	9,05

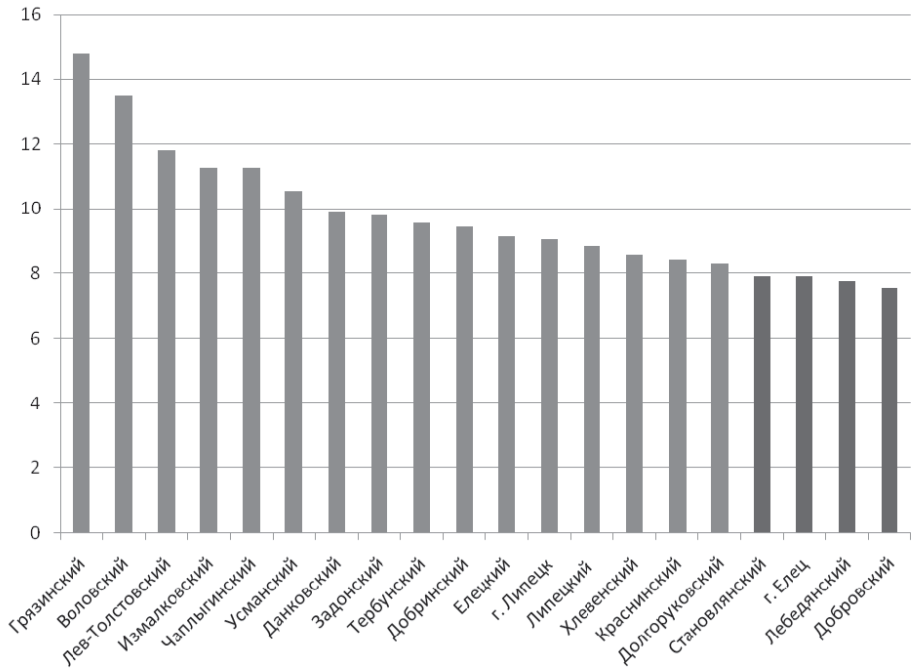


Рис. 3. Рейтинг энергоэффективности муниципальных экономик Липецкой области

В то же время следует отметить, что практически все без исключения муниципальные образования области имеют значительный экономико-энергетический потенциал. При условии реализации ключевых направлений региональной энергетической политики, включая модернизацию системы управления энергетическим комплексом и внедрения механизма энергетических деклараций бюджетного сектора, возможно значительное повышение показателей энергоэффективности региона.

В качестве основных направлений региональной политики, направленной на снижение энергоемкости экономики Липецкой области можно выделить следующие:

1) Внедрение энергетических деклараций в бюджетном секторе экономики.

С принятием Федерального закона от 28.12.2013 № 399-ФЗ [11] был отменен обязательный порядок проведения энергоаудита и осуществлен переход на упрощенную форму предоставления ключевой информации в сфере в бюджетном секторе. Повторное энергетическое обследование заменено предоставлением энергетической декларации, в которой содержится информация не только об энергопотреблении, но и о качестве зданий, данные о капитальном ремонте и потраченных на его проведение средствах, применяемом оборудовании, эффективности бюджетных средств, направленных на содержание имущества.

2) Внедрение системы энергосервисных контрактов

Как показало исследование, одной из сдерживающих проблем энергоэффективности экономики в Липецкой области является ухудшение технического состояния объектов жилищно-коммунальной сферы практически во всех муниципальных образованиях региона. Для устойчивого развития экономики региона в целом, поддержания энергетических и коммунальных систем в рабочем состоянии требуются финансовые ресурсы.

В условиях ограниченности доступных бюджетных средств для осуществления мероприятий по модернизации и обновлению основных фондов. Одним из перспективных и экономически обоснованным инструментов повышения энергоэффективности и достижения реальной экономии бюджетных средств за счет энергосбережения является система энергосервисных контрактов.

Энергосервис представляет собой бизнес-модель, при которой инвестиции, необходимые сегодня для реализации энергоэффективных решений, покрываются экономией энергоресурсов в будущем при одновременном хеджировании рисков.

Энергосервисный контракт имеет несколько явных преимуществ, по сравнению с другими формами договоров, направленных на достижение экономии энергоносителей. Прежде всего, это отсутствие финансовых вложений со стороны заказчика, а так же обязательств по кредитам [12].

Следует отметить и тот факт, что параметры экономии, заложенные в энергосервисный контракт, основаны на данных объективного энергетического обследования и точном технико-экономическом обосновании, а вовсе не на рекламных буклетах, декларирующих технические характеристики того или иного оборудования. Одним из главных преимуществ

является сама схема возврата инвестиций. Возврат средств инвестора, за счет реально достигнутой экономии, гарантирует заинтересованность энергосервисной компании в достижении максимального эффекта от внедрения, а так же, максимальной надежности предлагаемых технических решений.

3) Вовлечение в хозяйственный оборот возобновляемых и нетрадиционных топливно-энергетических ресурсов.

Липецкая область имеет потенциально необходимые возможности для создания интегрированного энергетического комплекса для производства тепловой и электрической энергии для решения социальных проблем населения.

Активная модернизация, внедрение инновационных технологий, переход к возобновляемым источникам энергии являются основой становления новой политики в сфере энергосбережения, как колоссального источника снижения потребления энергоресурсов, энергоэффективности и рационального их использования.

К перспективным направлениям развития энергетического комплекса региона, позволяющим сократить энергозависимость Липецкой области, можно отнести мероприятия по развитию малой распределительной энергетики (дизельные и газотурбинные электростанции), ветроэнергетикт, малая гидроэнергетики, солнечной, приливной, геотермальной энергетики, биоэнергетики.

4) Формирование сознания путем популяризации и пропаганды энергосбережения и повышения энергетической эффективности у потребителей

Один из важнейших аспектов рационального потребления энергоресурсов и повышения энергетической эффективности – необходимость изменения менталитета потребителей ресурсов и формирование энергоэффективного мышления в обществе. Поэтому необходима пропаганда энергосбережения, как на профессиональном, так и на бытовом уровне. Это создает у населения мотивацию бережного отношения к энергетическим ресурсам и воде.

С целью информационной и технической координации реализации региональной и муниципальных программ энергосбережения на территории Липецкой области предлагается рассмотреть возможность создания отдельной структуры, к основным задачам которой следует отнести: осуществление информационно-консультационной политики по вопросам энергосбережения, стимулирование применения энергосберегающих технологий и оказание содействия в реализации энергосберегающих проектов. Создаваемая структура должна сформировать позитивный имидж энергосбережения и бережную культуру потребления энергетических ресурсов и воды, а также вести работу по привлечению внебюджетных средств в модернизацию объектов бюджетной сферы и объектов топливно-энергетического комплекса Липецкой области.

Данная структура может стать инвестиционной площадкой для заключения энергосервисных контрактов и привлечения внебюджетных средств в модернизацию государственных учреждений и объектов топливно-энергетического комплекса и ЖКХ Липецкой области.

5) Создание экономически благоприятной среды для привлечения частных инвестиций в энергетический комплекс экономики региона

Создание благоприятных условий для привлечения инвестиций и развития бизнеса – одна из основных задач региональных и местных органов власти Липецкой области. Основными мерами по достижению этой цели являются создание административной среды и подготовка необходимой инфраструктуры для инвестиций, формирование комфортных тарифных условий и финансовых механизмов привлечения и поддержки инвестиций, налоговое стимулирование инвестиций, подготовка профессиональных кадров для обеспечения инвестиционного процесса.

Сегодня экономия энергоресурсов – важнейшая составляющая экономики региона, муниципальных образований и промышленных предприятий. От эффективности решения этих вопросов зависит комфорт, уровень жизни людей на определенной территории.

Энергосбережение и энергоэффективность уже несколько лет являются приоритетными задачами государственной политики, а сложившаяся непростая экономическая ситуация в последнее время «подстегивает» не только руководителей предприятий и организаций, местные органы власти, но и простых жителей задуматься об энергосбережении более серьезно.

Представленная в данной работе методика имеет практическую значимость по оценке энергоэффективности муниципальных образований в рамках отдельного региона.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод, что, несмотря на энергозависимость региона, муниципальные образования Липецкого региона имеют значительный экономико-энергетический потенциал.

С целью повышения показателей энергоэффективности региона, необходимо реализовать ряд мероприятий, такие, как внедрение энергетических деклараций в бюджетном секторе экономики региона, активное развитие энергосервисных контрактов, создание условий для развития возобновляемых и нетрадиционных видов топливно-энергетических ресурсов, популяризация энергосбережения у потребителей энергоресурсов, включая население; создание экономически благоприятной среды для привлечения частных инвестиций в энергетический комплекс экономики региона.

Список литературы

1. Минэнерго России. Государственный доклад о состоянии энергосбережения и повышении энергетической эффективности в Российской Федерации в 2014 году. Москва, 2015. [Электронный ресурс] Режим доступа http://minenergo.gov.ru/sites/default/files/texts/444/61309/Gosdoklad_EiPEE_-_2014.pdf
2. *Гашо Е.Г.* Повышение энергоэффективности и региональное развитие: промышленный аспект // Региональная энергетика и энергосбережение. 2015. № 1. С. 86-88.
3. *Данилов Н.И., Добродей В.В., Бикбулатов С.Р.* Материалы научно-исследовательской работы «Сравнительный анализ рейтинга энергоэффективности муниципальных образований Свердловской области за 2008 и 2009 годы» / Министерство энергетики и жилищно-коммунального хозяйства Свердловской области; ГБУ СО «Институт энергосбережения». Екатеринбург, 2010. 92 с.
4. Федеральная служба государственной статистики РФ. Эффективность экономики России. – Официальный сайт Росстата [Электронный ресурс] Режим доступа http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/efficiency/#5. Официальный портал Администрации Липецкой области. http://admlip.ru/
6. Схема и программа развития электроэнергетики Липецкой области на 2016-2020 годы. Официальный сайт Управления энергетики и тарифов Липецкой области. Режим доступа http://www.energy48.ru/investment/electric_power
7. Энергетическая эффективность НЛМК. Официальный портал Новолипецкого металлургического комбината. [Электронный ресурс] Режим доступа http://lipetsk.nlmk.ru/production/energy-management
8. *Крышов С.И., Залесская Е.И.* Методика определения показателей энергопотребления жилых домов по платежным документам. Строительный эксперт [Электронный ресурс] Режим доступа http://ardexpert.ru/article/3999
9. Федеральная служба государственной статистики по Липецкой области. База данных показателей муниципальных образований. Липецкстат [Электронный ресурс] Режим доступа http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst42/DBInet.cgi
10. Федеральный закон от 28.12.2013 № 399-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об энергосбережении и повышении энергетической эффективности».
11. Петров И.В. Энергосервисный контракт – возможности для бюджетной сферы // Руководитель бюджетной организации. 2013. № 7. С. 51-60.

Reference list

1. The Russian Ministry of Energy. 2014 State Report on the Situation of Energy Conservation and Energy Efficiency in the Russian Federation. Moscow, 2015. Official portal of the Ministry of Energy of the Russian Federation. [Electronic resource] Access mode http://minenergo.gov.ru/sites/default/files/texts/444/61309/Gosdoklad_EiPEE_-_2014.pdf
2. *Gasho E.* Energy efficiency and regional development: industrial aspect // Regional Energy and Energy Efficiency. 2015. №. 1. P. 86-88.
3. *Danilov N., Dobrodey V., Bikbulatov S.* Proceedings of the scientific-research work "Comparative analysis of the energy efficiency rating of municipal formations of the Sverdlovsk region for the years 2008 and 2009" // Ministry of Energy and Housing - Communal Services of the Sverdlovsk region; SBI SR "Institute of Energy Saving". Ekaterinburg, 2010. 92 p.
4. Federal State Statistics Service of the Russian Federation. The efficiency of the Russian economy. – The official website of Rosstat [Electronic resource] Access mode http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/efficiency/#
5. Official portal of the Administration of the Lipetsk region. http://admlip.ru/
6. The scheme and program of development of electric power industry of the Lipetsk region until 2016-2020. Official website of the Department of Energy and Tariffs of the Lipetsk region. Access mode http://www.energy48.ru/investment/electric_power
7. Energy efficiency NLSC. Official website of Novolipetsk Steel Company. [Electronic resource] Access mode http://lipetsk.nlmk.ru/production/energy-management
8. *Kryshov S., Zalesskaya E.* The methodology of indicators definition of energy consumption of houses on payment documents. Building expert [Electronic resource] Access mode http://ardexpert.ru/article/3999
9. Federal State Statistics Service in the Lipetsk region. The database of municipalities' indicators. Lipetskstat [Electronic resource] Access mode http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst42/DBInet.cgi
10. Federal law dated 28.12.2013 №. 399-FL "On amendments to the Federal law "On energy saving and energy efficiency improvement".
11. Petrov I. Energy service contract opportunities for the public sector // Head of Budget Organization. 2013. №. 7. P. 51-60.

УДК 33

Хадикова Э.К.,
кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и анализа
Горьковского аграрного университета

Булацева Ф.А.,
кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической безопасности, финансов и аудита
Горьковского аграрного университета

Сидакова М.М.,
кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры бухгалтерского учета и анализа
Горьковского аграрного университета

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ФАКТОР КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ АПК

В статье рассматривается соответствующие социально-экономические и экологические условия развития региональных предприятий АПК, их способность обеспечивать продовольствием Российскую Федерацию. Система стратегия стабильности и роста должна реализовываться не за счет многих традиционных параметров, а по совершенно новой парадигме. Необходимо осуществление экономической реконструкции производства и преодоление значительных разрывов в уровнях благосостояния населения. В статье дана обобщённая характеристика инновационного потенциала региона. Автор делает вывод, что этап оживления производства в перерабатывающих и инфраструктурных отраслях АПК связан с комплексной структурой перестройки технологий, внедрений инновации, развитие систем коммуникаций, перелив капиталов и рабочей силы в аграрный сектор.
Ключевые слова: экономические условия, инновационный потенциал, капитал, аграрный сектор

Khadikova E.,
PhD in Economics, Associate Professor of Chair of Accounting and Analysis of the Gorky Agricultural University

Bulatseva F.,
PhD in Economics, Associate Professor of Chair of Economic Security, Finance and Audit
of the Gorky Agricultural University

Sidakova M.,
PhD in Economics, Senior Lecture of Chair of Accounting and Analysis of the Gorky Agricultural University

INNOVATION STRENGTH AS A FACTOR OF ENTERPRISES COMPETITIVENESS OF AGRO – INDUSTRIAL COMPLEX

This article discussed appropriate socio-economic and environmental conditions of agro-industrial complex regional enterprises development as well as their capacity to provide foodstuff for the Russian Federation. The system strategy of stability and growth should be implemented without sacrificing of the most traditional preferences, and in a completely new paradigm. It is necessary to implement economic reconstruction and overcoming considerable gaps at levels of wellbeing of the population. This article gives a generalized description of the innovation strength of a region. The article author concludes that the stage of output recovery is associated with the complex structure of the technologies restructuring in processing and infrastructure branches of agro-industrial complex, the innovations implementation, the systems development of communications, the capitals flow and workforce in the agricultural complex.
Keywords: economic conditions, innovation strength, capital, agricultural sector

Исследование условий существования и развития предприятий АПК подтверждает, что социально-экономический, экологический потенциал села, региональных предприятий АПК все более разрушается и ускоренно удаляется от состояния равновесия, что естественно затрудняет успешное решение проблем продовольственной безопасности и взаимодействия региональных рынков продовольствия.

Рыночные и естественные изменения и природные регуляторы уже неспособны вернуть производственную сферу предприятий АПК и сельских регионов в целом в состояние равновесия.

В этой связи следует согласиться с О.А. Ломовцевой, считающей, что "понятие устойчивого развития не тождественно экономически стабильному или экологобезопасному". Оно объединяет в единую социоприродохозяйственную систему экологические, технологические, экономические, понятийно-правовые, социокультурные процессы. В такой системе стратегия стабильности и роста должна реализовываться не за счет многих традиционных параметров, а по совершенно новой парадигме необходимо осуществление экономической реконструкции производства и преодоление значительных разрывов в уровнях благосостояния населения. Это – этап оживления производства в перерабатывающих и инфраструктурных отраслях, комплексной структурой перестройки технологий, внедрений инновации, развитие систем коммуникаций, перелив капиталов и рабочей силы в аграрный сектор [2].

Развитие экономики во многом обусловлено достижениями научно-технического прогресса и уровнем инновационного потенциала экономической системы.

Инновационный потенциал представляет собой способность различных отраслей народного хозяйства производить наукоемкую продукцию, отвечающую требованиям мирового рынка. Инновационный потенциал включает в себя научные, проектные и конструкторские разработки, мощности экспериментальных услуг, связанные с подготовкой нового производства, инструмент и оснастку для проведения наукоемких операций, средства технологического контроля и т.д. [1]. при этом инновационный потенциал основывается на определенной базе, состоящей из определяющих его факторов, – пластах инновационного потенциала.

Инновационный потенциал экономики напрямую зависит от научного, ресурсно-материального, производственно-технологического и экономического потенциала экономической системы. Главными субъектами, влияющими на инновационный потенциал, выступают инноваторы, инвесторы, государство и общество. Их роль заключается в обеспечении взаимодействия между составляющими инновационного потенциала, они выступают в качестве связующих звеньев.

Главными факторами, оставляющими разрушительную для предприятий АПК и конкурентоспособности сельских регионов к которым относится и Республика Северная-Осетия Алания, являются:

1. Прогрессирующее развитие на селе социально-негативных процессов, связанных с резким снижением доступности услуг в основных отраслях социальной инфраструктуры, дальнейшей деформацией сельских товаропроизводителей. Исследование показало, что в современных условиях проявилась устойчивая социально-негативная тенденция сокращения численности действующих объектов сельской социальной инфраструктуры, особенно в горных районах республики.

2. Резкое ухудшение параметров, условий формирования и поддержки здоровья сельского населения. Проведенные опросы показывают, что своим здоровьем удовлетворены только 30% опрошенных сельчан, а здоровьем членов семьи – менее 20% респондентов. Относительно высоким статусом здоровья характеризуются около 10% сельских семей. Это очень тревожный вывод.

3. Снижение социальной эффективности сельского двора, всей мелкогрупповой организации сельского хозяйства, развитие процессов натурализации личного подсобного хозяйства, резкое сокращение возможностей крестьянских хозяйств не позволило им стать базой формирования конкурентоспособности фермерских хозяйств.

Опубликованные исследования по республике Северная Осетия показали, что своими продуктами обеспечены не более 30% опрошенных сельчан, а доля владельцев ЛПХ, находящихся на полном продовольственном самообеспечении, составляла около 20%. По данным бюджетных исследований совокупность обследованных сельских домохозяйств 15% от их общего числа имеют устойчивую товарную направленность.

4. Обвальный рост сельской безработицы, снижение трудовой мотивации, ослабление стимулов к труду. Кроме того усиление имущественной дифференциации сельского населения на слои с существенно различными уровнями доходов и жизни.

Ситуация последних лет свидетельствует об исчерпании адсорбционного потенциала латентных форм безработицы и необходимости изменения стратегической направленности реформирования структуры занятости в АПК.

Наблюдается торможение развития профессионально-квалификационной структуры работающих в системе АПК. Обостряется проблема высвобождения, переподготовки и трудоустройства работников, которые лишь частично могут быть заняты в прежней профессии и квалификации. Сокращается численность рабочих кадров массовых профессий, снижается уровень классности рабочих. Среди механизаторов в возрасте до 35 лет число окончивших ГПТУ; СПТУ и курсы за последние десять лет (2006 – 2016гг) снизилось с 30% до 20%.

5. Деформация жизненных перспектив сельской молодежи в результате аграрной реформы привела к тому, что значительная часть сетки рабочих специальностей и высококвалифицированных профессий оказывается, как правило, невостребованной.

6. Ускорение деградации земельных ресурсов из-за нарушения экологически обоснованных норм нагрузки на гектар сельскохозяйственных угодий. Это в первую очередь относится к землям отгонного животноводства в северной равнинной части республики (терско-кумская равнина). Несмотря на значительное снижение абсолютной антропогенной нагрузки на природные ресурсы, удельная природоемкость производства увеличивается, что усиливает локальные деградационные процессы.

Решение коренных проблем реформирования экономики регионов РФ зависит от того, насколько региональный интегральный показатель конкурентоспособности и эффективности развития сможет заинтересовать всю систему производства и управления, предпринимательские структуры, бизнес-структуры, каждого работника, трудовые коллективы во всех сферах, комплексах, отраслях экономики региона и прежде всего в основных первичных хозяйственных звеньях в максимальном выявлении резервов экономического роста производства и его развития, его качественном структурном совершенствовании, резервов снижения затратности, роста товарооборота и снижения издержек обращения, трансакционных затрат, ключевых резервов существенного повышения эффективности хозяйствования управления и финансового оздоровления экономики региона, таящих в кардинальной экономической реформе. Эти резервы определяются не только степенью вовлечения в процесс экономического и политического реформирования производственных предприятий и организаций, предпринимательских структур региона, но и качеством интеграции их усилий.

Как показывает анализ, существующая система управления в регионах, во-первых, весьма слабо учитывает внутрипроизводственные резервы предприятий региона, во-вторых, возможный эффект совместной деятельности производственных и предпринимательских структур различных отраслей, размещенных в одном регионе, по существу не учитываются. Это противодействует использованию преимуществ общественного разделения труда, преимуществ комплексного развития производственных сил отдельных регионов, а, следовательно, и страны в целом.

По нашему мнению, выживание региональных предприятий АПК и самого села в настоящее время всецело определяется возможностью и умением создавать эффективные механизмы и регуляторы своего дальнейшего функционирования и развития с сильными элементами личностного, группового, государственного самоограничения и самоорганизации.

В этой связи могут быть предложены следующие элементы будущей стратегии управления конкурентоспособностью и устойчивым развитием предприятий АПК:

1. В соответствии с дополнительными мерами по реализации приоритетного проекта Государственной программы Республики Северная Осетия-Алания «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» на 2014-2020 активизировать усилия по разработке проектов технических регламентов: «О требованиях к биологической безопасности продукции и сырья животного происхождения» необходимо разработать и реализовать концепцию государственной поддержки развития крупных агропромышленных структур холдингового типа, занимающихся производством сельскохозяйственного сырья, переработкой и торговлей на основе современных инновационных технологий.

2. Региональные модели социального развития местного самоуправления на основе инвестиционных проектов, сочетающих интересы потребителей социальных услуг посредством регулирования рыночных форм социального обслуживания сельского населения включать на рыночной основе в широкое программно-целевое стратегическое планирование, основным приоритетом которого должны стать жилищное строительство и коммунальное хозяйство, поддержка ЛПХ, газификация, социальная защита населения.

3. Активизация политики сельской занятости за счет усиления регионального подхода и обеспечения: учета регионального своеобразия рынков при разработке программ занятости; сбалансированности экономических и социальных преобразований на уровне региона; предотвращение опасности расширения неформального сектора и усиление криминализации занятости. Кроме того необходимо сформировать в сельских районах образовательный комплекс обеспечивающий непрерывное профессиональное обучение кадров и переобучение высвобождаемых работников для отраслей и сфер приоритетного развития.

4. В модели устойчивого развития предприятий АПК параметры здоровья должны приобрести значение системообразующего показателя, роль целевого ориентира и интегрального критерия. Необходимо перейти к практическому моделированию условий воспроизводства здоровья, направлений развития сельского здравоохранения в тесной увязке со стратегическими конструкциями преобразования системы АПК.

5. В методологию формирования и использования фондов полноценного обустройства села предлагается включить:

– выделение базовых сфер социальной инфраструктуры для отдельных регионов;

– определение реальных потребностей в инвестициях;

– определение оптимальных пропорций финансирования базовых сфер, включая межрегиональные фонды, целевые программы.

6. Активизация инвестиционного процесса и селективная поддержка спроса на рабочую силу в приоритетных отраслях сельских регионов, региональных АПК, технологическое обновление традиционных рабочих мест, расширение вложений в трудоемкие отрасли занятости (жилищное, дорожное строительство, газификацию и др.), развитие агросервиса и сферы технических услуг на селе. Прогнозирование масштабов фактической безработицы на селе на основе модели рациональной занятости.

7. Организация рынка экологических услуг в регионах с повышенной нагрузкой на среду. Усиление государственного регулирования природопользования в направлении обеспечении экологической чистоты производимых пищевых продуктов и продовольственного сырья и снижения степени воздействия процессов агропромышленного производства на состояние окружающей природной среды.

8. Создание экономических условий для мобилизации факторов конкурентоспособности на основе принятия мер государственного регулирования и проведения обоснованной протекционистской политики использование доли государства в акциях предприятий АПК для их объединения в производственные и производственно-торговые компании, выпускающие продукцию под единым торговым знаком, проводящие единую рекламную политику, единую стратегию повышения качества продукции и расширения ее ассортимента, политику активной разработки и внедрения инновации.

В настоящее время конкурентоспособность регионов становится проблемой национальной безопасности. В этой связи мы считаем, что необходимо управлять не только и столько конкурентоспособностью продукции, услуг или предприятия, но управлять конкурентоспособностью региона, региональных производственно-экономических и социально-экономических систем [8].

Анализ показывает: ныне экономические региональные отношения построены на затратном механизме, на ценовом факторе, в ряде случаев на бюджетном иждивенчестве. Так, например, по Республике Северная-Осетия дотационность регионального бюджета составляет около 90%. Подобный метод вообще неприемлем для организации высокоэффективной региональной деятельности и, в частности, как основы самофинансирования экономического и социального развития региона [3; 4].

Являясь направляющим вектором конкурентоспособности, инновации воздействует на все отрасли национальной экономики, способствуя росту производительности труда, снижению затрат, устранению потерь и повышению эффективности производства. Появляясь в одной отрасли, в одном регионе, инновации распространяют свое благотворное влияние повсеместно [6; 7].

В этой связи определенный интерес будет представлять предложенные и обоснованные нами мероприятия по повышению инновационного потенциала как региона, так и страны в целом.

Основные мероприятия, предлагаемые в качестве комплексной программы повышения инновационного потенциала могут быть объединены по пяти основным направлениям.

1. Создание эффективной комплексной законодательной базы в области инновационной деятельности:

– разработка и принятие закона об инновационной деятельности, содержащего однозначное толкование основных инновационных терминов: «инновация», «инновационная деятельность», «малое инновационное предприятие», «технологическая инновация» и др.;

– законодательное закрепление за высшими учебными заведениями права выступать в качестве учредителей малых наукоемких бизнес-структур, а также разрешение вузам брать кредиты на коммерциализацию научных исследований;

– ежегодный анализ всех составляющих инновационного потенциала государства, выпуск детального иллюстрированного отчета, отслеживающего тенденции, проблемы и возможности инновационного развития РФ по отраслям и регионам с комментариями экспертов из различных областей знаний и выявлением сильных и слабых сторон экономической системы по определяющим факторам;

– выработка государственных приоритетов в развитии науки. При этом определяющими должны стать уже имеющийся научно-технический задел и перспективность направления;

– стимулирование экспорта технологической продукции за рубеж и одновременное стимулирование внутреннего спроса на результаты исследований и разработок.

2. Привлечение частного капитала к участию в исследованиях и разработках:

– активное задействование малых предприятий для выполнения работ и оказания услуг в качестве субподрядчиков к национальным инновационным проектам, осуществляемым крупнейшими предприятиями страны;

– обеспечение государственных гарантий по погашению банковских кредитов, направляемых на развитие инновационной деятельности;

– приобщение крупнейших российских предприятий в области высоких технологий, прежде всего информационных, к развитию сети аутсоринга.

3. Увеличение финансирования НИОКР:

– направление части средств стабилизационного фонда РФ на обновление основных фондов наукоемкости предприятий;

– стимулирование государственных и частных фондов (в том числе накопительной части пенсион-

ных фондов) к вложению части средств в малые наукоемкие предприятия с помощью налоговых льгот;

– обеспечение ускоренной амортизации высокотехнологического оборудования российского производства всем предприятиям вне зависимости от отраслевой принадлежности;

-планомерное ежегодное увеличение расходов бюджета на научные исследования и разработки на 10% с целью их скорейшего доведения до 3% ВВП;

– налоговое стимулирование внедрения энергосберегающих и экономически безопасных технологий.

4. Создание и всестороннее развитие объектов инновационной инфраструктуры:

– учреждение единой инновационной информационно-консультационной службы с ответвлениями во всех регионах РФ и оказание всесторонней поддержки [5];

– создание крупных современных центров науки и образования для обобщения высокого, но разрозненного научного потенциала страны, обеспечение взаимодействия между отдельными отраслевыми научными центрами;

– развитие кластеров на базе инновационных и технологических предприятий;

– поддержка профессиональных ассоциаций и объединений как среды обмена опытом и информацией;

– формирование бирж инноваций, торгов ценными бумагами инновационных фирм, упрощение процедуры покупки акций инновационных компаний.

5. Удержание и привлечение квалифицированных специалистов в науку и исследования:

– создание эффективной программы переселения и депортации бывших соотечественников и граждан союзных государств, занятых научно-исследовательской работой;

– разработка на базе высших учебных заведений программы подготовки управленцев в области инновационной деятельности, кадров для венчурного бизнеса;

– повышение уровня оплаты труда в науке и образовании хотя бы до среднероссийского значения, создание эффективной системы поощрения научных работников, внесших значительный вклад в исследования и разработки в каком-либо направлении.

Список литературы

1. *Амбарцумян А.Л., Стерликов Ф.Ф.* 1000 терминов рыночной экономики. М: Крон-пресс.2013. С.302.
2. *Ломовцева О.А.* Планирование и прогнозирование региональной социоприродоохранной системы. Волгоград: ВГУ, 1998.
3. *Джамай Е.В., Зинченко А.С.* Управление затратами предприятия машиностроения в современных финансовых условиях // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. 2015. № 7. С. 110-113.
4. *Джамай Е.В., Зинченко А.С., Сазонов А.А.* Методический подход к управлению ресурсами предприятия на основе балансового анализа // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. 2015. № 21. С. 228-232.
5. *Джамай Е.В., Зинченко А.С., Юдин М.В.* К вопросу о комплексной информационной поддержке научно-производственной деятельности предприятия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2016. № 1. С. 41-46.
6. *Зинченко А.С., Арсеньева Н.В., Трегубова О.И.* Организация управления инновационным развитием отечественного промышленного предприятия // Политика, экономика и социальная сфера: проблемы взаимодействия. 2016. № 5. С. 78-84.
7. *Зинченко А.С., Сазонов А.А., Орлова О.В.* Инновационное развитие экономики России на основе государственно-частного партнёрства // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2016. № 21. С. 33-37.
8. *Хадикова Э.К.* Методология управления инновационным развитием агропромышленных предприятий // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 5 (54). С. 301-303.

Reference list

1. *Ambartsumyan A., Sterlikov F.* 1000 market economy terms. M: Kron-press.2013. P. 302.
2. *Lomovtseva O.* Planning and forecasting of regional socio-environmental system. Volgograd: VSU, 1998.
3. *Dzhamay E., Zinchenko A.* Cost management of an engineering enterprise in the contemporary financial conditions // Socio-Economic Science and Humanities Research. 2015. №. 7. P. 110-113.
4. *Dzamay E., Zinchenko A., Sazonov A.* The methodological approach to human resource management based on balance sheet analysis // New Word in Science and Practice: Hypotheses and Testing of Research Results. 2015. №. 21. P. 228-232.
5. *Dzhamay E., Zinchenko A., Yudin M.* Revisiting the integrated information support of scientific – industrial activity of the enterprise // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Economics. 2016. №. 1. P. 41-46.
6. *Zinchenko A., Arsen'eva N., Tregubova O.* The management organization of innovation development of the Russian industrial enterprises // Policy, Economics and Social Sphere: Interaction Issues. 2016. №. 5. P. 78-84.

7. *Zinchenko A., Sazonov A., Orlova O.* The innovation development of the Russian economy, based on public-private partnerships // State and Municipal Management in the twenty first century: Theory, Methodology, Practice. 2016. №. 21. P. 33-37.
8. *Khadikova E.* Methodology of innovation development management of agricultural enterprises // World of Science, Culture, Education. 2015. №. 5 (54). P. 301-303.

УДК 334

Бразевич Д.С.,
кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных наук Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики

Герасимова А.Ю,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных наук Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики

Заварицкая О.В.,
ассистент кафедры социальных и гуманитарных наук Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики

Толстикова И.И.,
заведующий кафедрой социальных и гуманитарных наук Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики

ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЙ «ОРГАНИЗАЦИЯ» И «СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ»

Будучи введен А. Смитом, термин «организация» получил распространение в различных сферах науки. Несмотря на некоторое различие в значениях, в течение 19 века он стал константным в пределах отдельных наук. В ходе развития были сформулированы три парадигмы формирования теории организации: организация как целевая группа, организация как экосистема, организация как совокупность правил. Наиболее подробная классификация моделей организаций была предложена А.И.Пригожиным, который выделил 11 типов моделей. В современном мире роль социальной организации сильно возрастает, что заставляет нас признать актуальность работ классиков и обратиться к их тщательному изучению.

Ключевые слова: организация, социальная организация, организация как целевая группа, организация как экосистема, организация как совокупность правил, экономическая организация, политическая организация, производственная организация, регулятивная организация, интегративная организация, организация как трудовой процесс, организация-машина, организация-община, социотехническая модель организации, организация как система, организация-организм, бюрократическая модель организации, естественная организация, организация как дело, организация как система конструктов

Brazevich D.,
PhD in Sociology, Associate Professor of Chair of Social Sciences and Humanities of Saint Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics

Gerasimova A.,
PhD in Pedagogy, Associate Professor of Chair of Social Sciences and Humanities of Saint Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics

Zavaritskaya O.,
Teaching Assistant of Chair of Social Sciences and Humanities of Saint Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics

Tolstikova I.,
Head of Chair of Social Sciences and Humanities of Saint Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics

THE FORMATION OF «ORGANIZATION" AND " SOCIAL ORGANIZATION» CONCEPTS

Being introduced by A. Smith, the term «Organization» was widely spread in diverse fields of science. During 19th century this term became a constant within the limits of separate sciences, despite some difference in the values. In the course of development there were formulated the following three paradigms of organization theory formation: the organization as a task force; the organization as an ecosystem; the organization as a set of rules. The most detailed classification of organizations models was proposed by A. Prigozhin, who has identified 11 types of models. In the contemporary world the role of social organization is greatly increasing, focusing us to acknowledge the relevance of works of classics and to turn to their careful consideration.

Keywords: organization, social organization, organization as task force, organization as ecosystem, organization as set of rules, economic organization, political organization, industrial organization, regulative organization, integrative organization, organization as workflow, organization -to- machine, organization-to- community, socio-technical model of organization, organization as system, organization-to-entity, bureaucratic model of organization, natural organization, organization as business, organization as constructs system

Понятие «организация» впервые было обозначено в работах А. Смита и имело характерную экономическую окраску. Впоследствии множество известных научных деятелей обращалось к этому понятию, пытаясь рассмотреть его с разных сторон. По мере формирования современного мировоззрения термин «организация» трансформировался с учетом мировоззрения ученого, который его рассматривал. Стоит отметить, что при высоком уровне институциональности понятие «организация» имело четкие обусловленные историческим периодом виды, разделяясь, в основном, на основные сферы деятельности человека и общества (производственные, экономические, социальные и политические). В этот период данный термин был константным в своем значении и многие ученые, оперируя им в своих работах, не рассматривали его отдельно. Впоследствии с возникновением эффекта «стирания границ» между науками организации рассматриваются, классифицируются и систематизируются по видам и моделям. В настоящее время существует целый ряд классификаций и множество моделей их функционирования. Несомненный интерес представляет рассмотрение терминов «организация» и «социальная организация», их историческое становление как основополагающих понятий социологической науки.

В современных условиях понятие «организация» опирается на общепринятые принципы гуманизма, любая современная организация является открытой системой, то есть совокупностью разнородных и взаимосвязанных между собой компонентов, связанных с внешней средой. В современных организациях прослеживается четкая взаимосвязь этико-морального функционирования и целеполагания, их деятельность можно охарактеризовать высоким уровнем неопределенности и нестабильности, которые являются признаком и условием их развития.

Современная организация – это своеобразный гибрид накопленного человечеством опыта, сочетание различных разработанных ранее моделей функционирования организаций. В современных организациях для повышения эффективности производства руководство может пойти на практически любые уступки и поступиться собственными правами, предоставив сотрудникам свободу действий, не зацикливаясь на рабочем процессе и внутриорганизационной дисциплине. Таким образом, современную организацию можно охарактеризовать как с точки зрения классиков, так и с повседневного обывательского взгляда, какой-то хаотичной субстанцией, которая имеет свой жизненный цикл и, в зависимости от своего внутреннего состояния, может применять различные «лекарства» – модели для восстановления своего «здоровья». Рассматривая подобный образ современной организации, можно выявить его положительные стороны: гуманизированность, гибкость структуры, практически полное отсутствие жесткой иерархии (исключение составляют бюрократические аппараты государственных ведомств, уклад которых отчасти не изменился со времен М.Вебера, который и выдвинул бюрократическую модель организаций), высокая устойчивость к воздействиям извне (обусловлена открытой системой) и т.д.

К недостаткам можно отнести: спонтанность (обусловлена высоким уровнем субъективизма, связана со слишком высоким уровнем решаемых задач, которые предоставляются среднему сотруднику), снижение качества выпускаемой продукции в гонке за повышением прибыли, хаотичность (вызвана сменой моделей организации, выступает как нейтральная сторона, но вызывает неопределенность и неуверенность «в завтрашнем дне»), отсутствие четкой структуры организации.

Рассматривая современную организацию, мы все чаще встречаем преобладание гуманности по отношению к сотрудникам и снижение внимания к техногенности и ультраприбыли (тем не менее, прибыль продолжает так же расти). В соответствии с этим на передний план из всех видов организаций выходит социальная организация, которая рассматривается в трех ипостасях:

1) как часть чего-то более крупного, элемент системы, определенная структура;

2) как вид деятельности – процесс, связанный с целенаправленным воздействием на объект через соответствующие функциональные элементы системы;

3) как отдельная независимая институциональность.

Рассмотрение процесса становления понятий «организация» и «социальная организация» необходимо дополнить анализом трудов ученых, которые занимались вопросом формирования терминов. Целесообразно рассмотрение трех исторических парадигм формирования организационной теории: «Организация как целевая группа», «Организация – это экосистема» и «Организация как совокупность правил» [1].

Первой исторической парадигмой является «Организация как целевая группа». Эта трактовка сформировалась в теории менеджмента и социологии в конце XIX – начале XX вв. Основы данного подхода были заложены М.Вебером в теории «идеальной бюрократии». Данной теории придерживались Ф.У.Тейлор, А.Файоль, Л.Гьюлик, Л.Урвик, Дж.Муни, Л.Рейли и др. В их обобщенной трактовке организация – это группа людей, объединенных единой целью: выпускать продукцию, оказывать услуги, выполнять определенные функции в обществе. Таким образом, организация выступает как инструмент (средство для достижения цели) получения обществом необходимых ему благ. Понимание организации как инструмента для достижения цели получило название инструментального понимания. Инструментальное понимание позволяет рационализировать организационную деятельность (заключить в четкие жесткие границы). В свою очередь основной целью деятельности таких организаций является получение максимальной прибыли.

Анализируя поведение индивида и общества, М.Вебер выдвинул теорию господства, на основе которой сформировал свою знаменитую бюрократическую модель организации. По М.Веберу эффективность организации обеспечивается через стандарты деятельности. Преимущества достигаются за счет точности, однозначности, жесткой субординации и т.д. Все обязанности распределяются в зависимости от степени компетентности, именно на этом принципе строится иерархия организации [2].

Второй исторической парадигмой является теория «Организация – это экосистема». Данная парадигма является противоположной теории «Организация как целевая группа».

Этот подход был основан представителями школы человеческих отношений, среди всех представителей этой школы наиболее полно рассматривали данное понимание организации Ф.Селзник и Ч.Барнард. Их организация – это живая система, которая имеет свой жизненный цикл (рождение, рост, зрелость и смерть), цели которой служат удовлетворению ее некоторых жизненных потребностей.

Эта парадигма получила поддержку в связи с невозможностью объяснить при помощи теории «Организация как целевая группа» многие спонтанные организационные процессы. В этом подходе принижаются роль и значение формальных связей и процесса достижения цели. На первые места выходят потребности как организации в целом, так и потребности индивида. Данная парадигма явилась следствием развития в Европе того времени принципов гуманизма и субъективизма, основами которых является принцип «человек-индивид», а не «человек-общество», который преобладал в механистических и индустриальных концепциях.

Наибольшее развитие данная концепция получила в Японии, где теория модифицировалась и является основой деятельности любой организации страны.

Третьей исторической парадигмой является теория «Организация как совокупность правил» или неоинституциональное определение организации. Согласно этой парадигме организация – это совокупность правил поведения, противоположная по своим основным принципам рынку как иному регулятору социально-экономических процессов. В этой теории организация представляется как модель упорядочивания элементов на основе наиболее рациональных принципов. Основой парадигмы является противопоставление организации и рынка.

Рассмотренные парадигмы представляют собой основу понимания организации как понятия и процесса. Они являются основополагающими принципами при формировании различных моделей и составлении классификаций организаций.

Э.Дюркгеймом понятие «социальная организация» рассматривалось в трех аспектах: экономическом, политическом и социальном [3]. Он оперировал понятием «организации» как вспомогательным и разъяснительным элементом, при помощи которого показывал и разбирал различные исторические общества (их уклад, быт, структуру, взаимоотношения и т.д.). Рассматривая социальную, политическую и экономическую организации общества, Э.Дюркгейм анализировал роль и значимость отдельных социальных факторов, отмечал важность организационной структуры в этапах развития общества от низшего уровня устройства (орда) к высшему (государственность) [4].

П.А. Сорокин в своих работах придерживался такой же позиции, что и Э.Дюркгейм и использовал понятие «социальная организация» исключительно как константу. П.А. Сорокин в своих работах подчеркивал важность понимания социальной организации общества, разделяя это понятие на две индифферентные крайности: нормального и состояния дезорганизации. По П.А. Сорокину «социальная организация» – это своеобразные периоды общественной стабильности, соответственно социальная дезорганизация – это периоды нестабильности: войны, революции, кризисы и т.д. Таким образом, П.А. Сорокин подчеркивал важность состояния социальной организации общества и определял «социальную мобильность» как процесс, происходящий в определенной социальной организации и, в зависимости от состояния последней, обладающий определенно окрашенным периодом («нормальным» или социальной дезорганизации) [5].

По Т.Парсонсу классификация организаций включает в себя четыре вида: производственные, регулятивные, интегративные и социальные организации [6].

Производственные организации – основная задача и функция подобных организаций – это производство вещей и продуктов, потребляемых членами общества.

Регулятивные (политические) организации – обеспечивают формирование и достижение общественных целей, «отвечают» за формирование и реализацию властных отношений. Примером подобных организаций могут служить политические партии, прополитические общественные организации (молодежные «крылья» политических партий), также в эту группу можно отнести большинство государственных и муниципальных управленческих организаций.

Интегративные организации – выполняют функции улаживания конфликтов, мотивирования членов общества, согласования целей и деятельности отдельных социальных групп и общностей. Примерами могут служить такие структуры, как суд и прокуратура, отчасти – средства массовой информации, некоторые из государственно-муниципальных образований.

Социальная организация – последняя, но не менее важная группа, которая, если рассматривать ее работу, выполняет функцию передачи и сбережения информации. Она обеспечивает социальную преемственность, сохранение традиций, отвечает за передачу социального опыта. Примерами выступают церковь, образовательные организации, музеи, редакции, издательства и многие другие организации.

Одним из ведущих представителей российской социологии организаций является А.И.Пригожин. Он выделяет следующие модели: «организация – трудовой процесс», «организация – машина», «организация – община», «социотехническая модель организации», «организация – это система», «организация – это организм», «бюрократическая модель организации», «естественная организация», «политическая модель», «организация есть дело» и «организация как система конструкторов». Рассмотрим более подробно каждую из моделей [7].

Модель «организация – трудовой процесс». Наиболее ранний подход к организационной системе разработан Ф.Тейлором. Первоосновой организации Ф.Тейлор считал блок «человек-труд». Данный блок можно рассмотреть с точки зрения процесса декомпозиции процесса труда, то есть в этом блоке процесс труда разбивается на множество простых элементов с целью оптимизации труда исполнителя. По Ф.Тейлору, функции управления отделялись от трудовой деятельности и выполнялись отдельным лицом. Исторически данная модель известна как тейлоризм. Главной ее особенностью можно считать расписание поведения работника по рационализированной схеме и определение работника как определенной части производства.

Модель «организация – машина» выдвинули А.Файоль и Л.Урвик. Данную модель можно рассматривать как логическое продолжение развития идей модели «организация – трудовой процесс». Основные идеи данной модели обусловлены временем ее появления, а именно периодом культа техники и повсеместным развитием индустриализации и механизации. «Организация – машина» отождествляла все процессы, проходящие на производстве, как и сам завод или предприятие, с машиной. Работники, по мнению авторов этой модели, являлись своего рода частями или механизмами машины производства. Данной модели характерна жесткая многоуровневая административная иерархия. Сама организация выступает в виде инструмента для решения определенных задач.

Модель «организация – община», разработанная Э.Мэйо и Ф.Ротлисбергером, является исторически и логически ответом на предшествующие модели тейлоризма и «организация – машина», выступая как их противоположность. Главной особенностью данной модели можно выделить проявление элементов гуманизма и появление нового подхода к работнику с выделением его личности и определением важности его проблем. Эта модель впервые обращает внимание на важность общения и взаимодействия людей на производстве, рассматривая важность межличностных отношений внутри предприятия, авторы данной модели разработали концепцию «человеческих отношений». Основой данной концепции является определение мотивов сотрудников с целью повышения производительности на производстве. Особенностями этой модели также являются: формальная структура организации, выявление мнения сотрудников и учет эмоциональной стороны сотрудника.

«Социотехническая модель организации» была разработана и предложена представителями Тавистоксой школы. Она является своего рода синтезом предыдущих моделей «организация – община» и «организация – машина». Представители данной модели выявили зависимость функционирования рабочих групп от технологии производства. В связи с этим в дальнейшем технологию начали проектировать под социальную природу рабочих групп. В рамках данной модели рассматриваются негативные стороны конвейера (как основы модели «организация – машина»): психологическая (высокая монотонность труда) и социальная (принудительный ритм). Анализируя работу конвейера, авторы модели предложили совместить элементы машинной и общинной моделей. Таким образом, работники в отведенное время сами планируют распределение времени и операций между собой, выбирают бригадира или делегируют возможность выбора руководству предприятия. В связи с этим у сотрудников появляется эффект определения собственной значимости в процессе производства, в свою очередь предприятие получает высокий уровень производительности.

Модель «организация – это система», предложенная Дж.Марчем и Г.Саймоном, сформировалась в послевоенное время. В это время появились концепции разделения многомерности организации на различные подсистемы как единого целого. Основным ее принципом стало согласие с основными организационными подсистемами: технической, административной, неформальной, экономической. Данная модель также не отрицала и не запрещала возможности появления новых систем на предприятии, преследуя цель повышения производительности и прибыли, принимая любые новшества. Согласно этой модели важным способом поддержания контроля является системный анализ и построение организации с учетом ее формализации и неформальных последствий внутригрупповых отношений.

Модель «организация – это организм». Ее представителями являются Б.Гамаюнов, О.Гринева. Согласно этой модели организация имеет голову (руководство), руки (работников), сердце (инновационный отдел) и нервную систему (информационные потоки). В соответствии с этим все процессы, проходящие в организации, также выглядят совершенно естественно: голова руководит руками, она же получает и шлет информацию, сердце в свою очередь обогащает ее инновациями. Подобной организации присущи свой характер, смена настроений, жизненных планов, она обладает эффектом развития (от рождения до старения). В дальнейшем появилось понятие «живой системы», что подчеркивает схожесть социальных организаций с живым миром.

Бюрократическая модель организации была предложена М.Вебером, который начал строительство бюрократической концепции социума и рационализации поведения человека в организациях. Модель была построена в связи с иррациональностью поведения человека в совершаемых поступках и отношениях. Эффективность организации обеспечивается через стандарты деятельности. Преимущества достигаются за счет точности, однозначности, жесткой субординации и т.д. Все обязанности распределяются в зависимости от степени компетентности, именно на этом принципе строится иерархия организации.

Модель «естественной организации» была предложена Т.Парсонсом, ее последователями также являлись Р.Мертон, А.Этциони. Данная модель рассматривает функционирование организации как объективный самосовершенствующийся процесс, в котором присутствует субъективное начало, но не является преобладающим. По естественной модели стоит выделить, что организованность – это состояние системы, позволяющее ей самонастраиваться при проявлениях воздействия извне и изнутри. Также стоит отметить, что цель не является основополагающим элементом, и отклонение от цели не является ошибкой или просчетом. Такой подход избегает взгляда на организацию с позиции управления и видит ее как специфическое социальное явление, которое развивается по своим закономерностям. В свою очередь известна часть закономерностей, что приводит к возникновению многочисленных непредвиденных ситуаций.

«Политическая» модель впервые была введена М.Крозье. Основа данной модели в том, что классовая концепция устройства общества переносится на организацию. В центре жизнедеятельности организации оказывается взаимодействие личных и групповых интересов. В свою очередь интересы разделяются по статусным признакам и по иерархическим уровням. По мнению М.Крозье, отношения руководства -подчиненных можно сравнить с взаимоотношениями «бюрократии и народа». Политическая модель выделила согласование интересов как важный инструмент в развитии организации. Она показала, что конфликты в организациях возникают из-за нарушения баланса этих интересов, а переговоры есть средство его восстановления. «Политическую» модель также называют «конфликтной» моделью, основа которой заключается в столкновении противодействующих друг другу противоположных институций. Данная модель дает максимальную адаптацию организации к внешней среде.

Модель «организация есть дело» разработана Г.С.Альтшулером. Эта модель была введена для создания технических систем, ее подход к организации можно назвать логистическим. В соответствии с этой моделью организация вновь выступает как процесс, но не труда отдельного работника или подразделения, а как всеобщая цепь взаимодействий. Деятельностью организации выступает система взаимосвязанных процессов функционирования производства (начиная с начальных этапов производства и заканчивая поставкой товара клиенту).

Модель «организация как система конструкторов», разработанная С.П.Никаноровым, рассматривает процесс перестройки и конструирования структуры организации. Данный процесс также является описанием «конструкции организации», то есть определяет как «должно быть», подобно тому, как чертежи и технические условия описывают изделие. Процесс построения такой модели является процессом «конструирования организации».

Современное общество уже не берет во внимание такие единицы измерения, как дни или часы, потому что с конца XX – начала XXI вв. современный человек живет по минутам, а общество и производство по секундам. Эти перемены ведут к поиску новых форм взаимодействия, увеличения производительности труда на предприятиях и организациях. Рассматриваются все возможные варианты улучшения производственных процессов. Именно в это время роль

организации и социальной организации выходит на первый план. Рассматривая различные трактовки терминов, необходимо отметить, что определения классиков социологии актуальны и сегодня. Их понимание терминов доказывает исключительность и фундаментальность понятий «организация» и «социальная организация». Организация сегодня – это гибкая иерархическая система взаимодействий разнородных элементов, направленная на достижение поставленных целей с использованием различных методов и средств. Соответственно социальная организация – это система взаимоотношений внутри организации, направленная на решение внутриорганизационных процессов, основной единицей которой является индивид.

Список литературы

1. Барков С.А. Социология организаций. М., 2004. 288 с.
2. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл..Ю.Н.Давыдова; предисл. П.П.Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
3. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., сост., послесл. и примеч. А.Б.Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с
4. Дюркгейм Э. Метод социологии // Западноевропейская социология XIX – начала XX веков. М., 1996. С.256-309.
5. Информационный портал «Питирим Сорокин»: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: pitirimsorokin.org.
6. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000. 880 с.
7. Пригожин А.И. Современная социология организаций. М., 1995. 296 с.
8. Пригожин А.И. Методы развития организаций. М.: МЦФЭР, 2003. 863 с.

Reference list

1. Barkov S. Sociology of organizations. M., 2004. 288 p.
2. Weber M. Selected Works: Translation from German / Compilation, general edition and afterword by Yu. Davydova; foreword by P. Gaydenko. M.: Progress, 1990. 808 p.
3. Durkheim E. Sociology. Its Subject, Method, Purpose / Translation from French, compilation, afterword and remark by A. Gofman. M.: Kanon, 1995. 352 p.
4. Durkheim E. Method in Sociology // Western European Sociology of XIX – early XX centuries. M., 1996. P. 256-309.
5. “Pitirim Sorokin” information portal: [Electronic resource]. – Access mode: pitirimsorokin.org.
6. Parsons T. The Structure of Social Action. M.: Akademicheskiy proekt, 2000. 880 p, P.8.
7. Prigozhin A. Modern sociology of organizations. M., 1995. 296 p.; P.9.
8. Prigozhin A. The methods of development organizations. M.: MTSFER, 2003. 863 p.

УДК 338.2

Ковтунович М.Г.,
кандидат педагогических наук, профессор кафедры организационной и экономической психологии, декан факультета Государственного и муниципального управления Московского городского психолого-педагогического университета

Левина Е.В.,
кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, социальной работы и молодежной политики Института международно-гуманитарных связей

О НОВОМ ПОДХОДЕ К КЛАССИФИКАЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

В статье рассматривается классификация управленческих решений, в основании которой лежит ориентация лица, принимающего решения (ЛПР) на достижение цели и (или) решение поставленной задачи; на группу (коллектив) и (или) социально-психологический климат в команде. Выделено и описано пять типов управленческих решений: командно-административное или авторитарное; консенсусное решение или компромиссное решение; решение путем «Нерешения» или игнорирование решения (проблемы); уход или уклонение от решения. Предложены методики, позволяющие определить те или иные индивидуальные предпочтения лица, принимающего решения, или сильные и слабые стороны коллектива, которым соответствует тип принимаемого управленческого решения.
Ключевые слова: управленческое решение, уровень контроля, эмоциональное восприятие

Kovtunovich M.,
PhD in Pedagogy, Professor of Chair of Organizational Psychology and Economic Psychology, Dean of the Faculty of Public and Municipal Management of the Moscow City Psychological-Pedagogical University

Levina E.,
PhD in Sociology, Associate Professor of Chair of Sociology, Social Work and Youth Policy of the Institute of International-Humanitarian Relations

ON A NEW APPROACH TO MANAGERIAL DECISIONS CLASSIFICATION

The article deals managerial decisions classification, based on the attitude of a decision-maker (DM) to goal achievement and (or) decision of the task; to the group (staff) and (or) social-psychological climate in the team. There are identified and described the following five types of managerial decisions: the command-administrative or authoritarian; the consensus decision or compromise decision; decision by "Unsolved" or ignoring the decision (problem); withdrawal or avoidance of decision. In the article the proposed methodologies are allowed to determine any given individual preferences of a decision-maker, or strengths and weakness of the staff, which are corresponding to a type of taken managerial decision.
Keywords: managerial decision, control level, emotional perception

Сегодня становится все более очевидным, что в условиях быстроменяющегося современного мира человек вынужден постоянно находиться в ситуации выбора и непрерывно адаптироваться к нестабильным экономическим, политическим, социальным и экологическим условиям. Одновременно развиваются информационные технологии, позволяющие человеку усовершенствовать возможности поиска наибольшего количества альтернатив выхода из сложных и неопределенных ситуаций и обуславливающие многообразие технологий и методов принятия решений.

Все эти факторы являются психологическими условиями становления нового мышления и затрагивают мотивационно-ценностную сферу руководителей, ответственных за успешное развитие вверенных им организаций, а также способствуют изменению организационных процессов, и в особенности, процесса принятия решений.

В данной ситуации становятся актуальными исследования процесса принятия управленческих решений, как составляющей системы функционирования организации и взаимодействия в ней. Также важную роль приобретают особенности ценностей и ценностных ориентаций руководителей в структуре управленческих процессов.

Профессиональная деятельность любого руководителя связана с выполнением управленческих

функций. Одной из ключевых функций является разработка и реализация управленческих решений, от качества и оперативности которых зависит эффективность деятельности организации.

М. Мескон *определяет* управленческую деятельность через функцию принятия решения, отмечая, что «суть управления состоит в воздействии на организацию и изменении ее структуры в целях принятия решений» [1].

Д. Мерсер отмечает, что «...принятие решения – это интегральная часть любого управления... более, чем что-либо другое, отличающее менеджера от неменеджера» [4].

Управленческим называется *решение*, принятое в социальной системе и направленное на: стратегическое планирование; управление управленческой деятельностью; управление человеческими ресурсами; управление производственной и обслуживающей деятельностью; формирование системы управления компании (методология, структура, процесс, механизм); управленческое консультирование; коммуникации с внешней средой.

Каждое управленческое решение затрагивает *экономические, организационные, социальные, правовые и технологические* интересы организации, которые выражают соответствующие сущности управленческих решений.

Исходя из вышесказанного, Э.А. Смирнов дает следующее определение:

«*Управленческое решение* – это творческое, волевое действие субъекта управления на основе знания объективных законов функционирования управляемой системы и анализа информации о ее функционировании, состоящее в выборе цели, программы и способов деятельности коллектива по разрешению проблемы или изменению цели».

Таким образом, суть деятельности руководителя заключается в обязанности принимать решения и брать на себя бремя ответственности за них. Считается, что худшее в профессиональной деятельности управленца – это не плохое решение, а отсутствие решения, а сумма реализованных решений характеризует управленческий опыт руководителя [5].

Проблеме принятия решений посвящено значительное количество научных трудов зарубежных и отечественных ученых. Процессы принятия решений исследуются в рамках экономики, политологии, психологии, менеджмента и социологии (А.А. Дегтярев, Н.Л.Карданская, Т.В. Корнилова, Д.А. Леонтьев, Д.Канеман, А. Тверски, Г. Саймон и др.). В большинстве из них главное внимание уделяется изучению содержания, моделей, этапов разработки и реализации, видов, специфики и методов принятия решений (Б.Г. Литвак, В.Б. Ременников, Э.А. Смирнов, Р.А. Фатхутдинов, В. С. Юкаева, Ю.В. Вертакова, А.В. Карпов и др.). Описаны также и классификации принимаемых управленческих решений.

Мы предлагаем универсальный подход к классификации управленческих решений, который берет в основу два параметра:

1. Ориентация лица, принимающего решения (ЛПР) на достижение цели и (или) решение поставленной задачи;

2. Ориентация ЛПР на группу (коллектив), а также социально-психологический климат в команде.

Исходя из предложенных оснований, можно выделить следующие типы управленческих решений [2, с. 427–428; 3]:

– *Командно-административное или авторитарное решение*, принимаемое ЛПР единолично (подобное решение имеет место в тех случаях, когда, во-первых, лидер проявляет нежелание «делиться» информацией, которая, как известно, является серьезным фактором, влияющем на статус, авторитет индивида или группы, а, во-вторых, коллективное обсуждение проблем даже в конструктивном «режиме» чревато разногласиями, спорами, конфликтами и может потребовать длительного времени. В подобной ситуации ЛПР максимально нацелен на достижение цели).

– *Консенсусное (интегративное) решение* (наиболее конструктивный тип управленческого решения, который разрабатывает и принимает команда, члены которой считают данное решение своим, что имеет непосредственное воздействие на реализацию принятого решения). Экспертная оценка.

– *Компромиссное решение* (данное решение основывается на стремлении иметь хоть что-то, чем совсем ничего, каждый готов пойти на уступки, чтобы реализовать свои цели хотя бы частично, основным недостатком подобного типа решения является некоторая неудовлетворенность членов команды принятым решением).

– *Решение путем «Нерешения» или игнорирование проблемы* (Негативное восприятия этапов развития ситуации может распространятся и на восприятие самой ситуации в целом. А поэтому подобное восприятие какого-либо отдельного элемента в процессе принятия решения может рассматриваться как помеха на пути достижения цели. Поэтому признание возникшей (а порой и конфликтной) ситуации расценивают как неудачу и считают, что проще его проигнорировать и что таким образом проблема решится сама. Подобное отношение может привести к тому, что конфликт примет скрытую форму, а потом разгорится в более остром виде, что негативно повлияет на его регулирование и разрешение).

– *Уход или уклонение от решения или передача решения на усмотрение группы* (в данном случае речь идет о демократическом принятии управленческого решения, в основе решения лежит мнение большин-

ства, индивид принимает позицию большинства. В отличие от консенсусного решения, в рамках которого принимается экспертное решение, а все члены команды являются экспертами (высококвалифицированными специалистами) данный вид решения основан на мнении большинства, в состав которого могут входить и рядовые специалисты).

Схематично данную типологию можно отобразить следующим образом (см. рисунок 1):

1. *Командно-административное, авторитарное решение* – max контроль (стремление к авторитаризму), min эмоциональное восприятие;

2. *Консенсусное решение* – идеальный уровень контроля (демократия), идеальное или max эмоциональное восприятие (необходимая дистанция по отношению к другим членам коллектива);

3. *Компромиссное решение* – идеальный или min уровень контроля (демократия), идеальное эмоциональное восприятие (необходимая дистанция по отношению к другим членам коллектива);

4. Р*ешение путем «Нерешения» или игнорирование решения (проблемы)* – min включенность, min уровень контроля min эмоциональное восприятие (избегание межличностного взаимодействия);

5. *Уход или уклонение от решения* – идеальная включенность, идеальный или min уровень контроля (демократия), идеальное или max эмоциональное восприятие.

Для определения индивидуальных предпочтений в выборе того или иного типа управленческого решения мы предлагаем тестовую методику, которая поможет членам команды выявить свои личностные особенности в процессе разработки и принятия группового управленческого решения. Тест предполагает рассмотрение тридцати пар ситуаций и выбор наиболее подходящей для индивида, наиболее точно описывающей его поведение. В каждой паре ситуаций респонденту следует выбрать наиболее подходящую и приемлемую стратегию поведения, за выбранную ситуацию индивиду присуждается балл, баллы в свою очередь распределяются между типами решений.

Предложенный подход к классификации управленческих решений мы считаем универсальным, поскольку он затрагивает основные параметры, влияющие на поведение индивида во время работы в команде (ориентация на достижение цели и ориентация на группу (коллектив)), а также включает в себя многие другие уже разработанные типологии.

Одновременно с предложенным подходом можно использовать и широко известный подход к выбору стратегий поведения в конфликте Томаса-Килменна, а также тестовую методику Крейгана-Райта, представленную двумя профессорами Университета Иллинойса (США), Джоном Крейганом и Дэвидом Райтом. (John F. Cragan & David W. Wright). Данная методика предназначена для идентификации индивидуальных предпочтений членов команды в выборе роли в малой группе. Первоначально тест определения ролей в группе был разработан Габриэлем Васкесом (Gabriel Vasquez) в 1991 году, но не был опубликован. Позднее Дж. Крейган и Д. Райт предложили данный тест в своей работе «Коммуникации в малой группе», поэтому в дальнейшем мы будем именовать его как тест Крейгана–Райта. В качестве основных ролей авторы методики предлагают следующие: фоомальный лидер, неформальный лидер, разряжающий обстановку, информатор, критик [6, с. 195–197].

В настоящее время проводятся эксперименты и исследования для подтверждения корреляции методик, указанных выше (табл.).

Предложенные методики помогают не только определить те или иные индивидуальные предпочте-

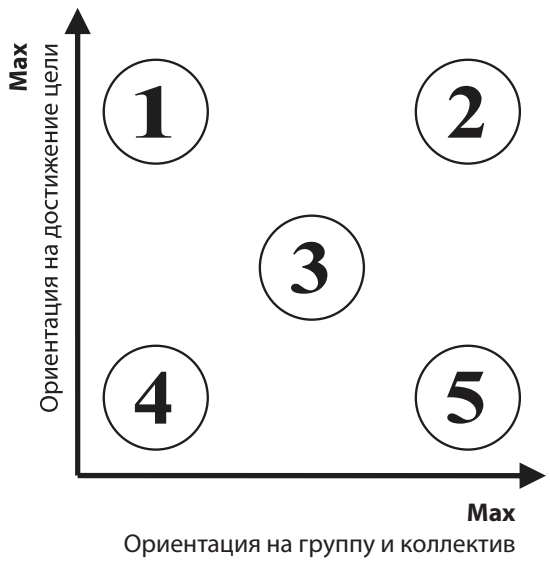


Рис. 1. Типы управленческих решений: универсальная классификация

Таблица

Соотношение тестовых методик

Методика Томаса-Килменна	Group role type indicator	Типология управленческих решений
Конфронтация	Формальный лидер (Task Leader):	Командно-административное, авторитарное решение
Сотрудничество	Неформальный лидер (Social-Emotional Leader)	Консенсусное интегративное решение
Компромисс	Информатор (Information Provider)	Компромиссное решение
Избегание	Критик (Central Negative)	Решение путем «НЕрешения», игнорирование решения (проблемы)
Приспособление	Снимающий напряжение (Tension Releaser)	Уход или уклонение от решения, передача решения группе

ния, но и служат практическим инструментарием, позволяющим выделить сильные и слабые стороны члена коллектива, а впоследствии разработать программу совершенствования и пополнения знаний и навыков. Членам команды следует обладать навыками принятия всех типов управленческих решений (знаниями об индивидуальных предпочтениях в выборе стратегии поведения в конфликте и распределения ролей в малой группе), идеальным значением для членов группы является распределение от 5 до 7, если же индивид получает меньше 5 баллов или больше 7, то следует обратить внимание на недостаток знаний, умений и навыков (в случае, когда оценки не достигают 5-балльного рубежа) и (или) на переоценку или «переигрывание» в случае превышение 8-балльного показателя. В любом из случаев предполагается возможное коррекционное воздействие на членов коллектива в отдельности или на группу в целом. Так, например, если индивид набирает меньше 5 баллов по типу административного управленческого решения, то ему необходимо пройти курс повышения квалификации, ориентированный на изучение теоретических основ принятия решения, а если индивид не достигает 5 баллов по консенсусному решению, ему следует развивать свой эмоциональный интеллект и так далее.

Список литературы

1. *Карпов А.В.* Психология менеджмента: Учебное пособие. М.: Гардарики, 2005.
2. *Левина Е.В.* Особенности фасилитации внутригрупповой работы в условиях социально-ориентированного управления // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 5(52). С. 422-433.
3. *Левина Е.В.* Комплексная методика принятия групповых решений и распределения ролей в группе // Принятие решений в системе образования: Сборник научных трудов / Под общ. ред. С.В. Ивановой. М.: ФГНУ Институт теории и истории педагогики РАО, АНОО Издательский Центр ИЭТ, 2014. С. 112-126.
4. *Мерсер Д.* ИБМ: управление самой преуспевающей корпорацией мира. М., 1991.
5. *Смирнов Э.А.* Разработка управленческих решений: Учебник для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002.
6. *Cragan J.F., Kasch C.R., & Wright D.W.* Communicating in Small Groups: Theory, Process, Skills (7th Ed.). Boston: Wadsworth Cengage Learning, 2009. P. 300.

Reference list

1. *Karpov A.* Management Psychology. Textbook. M.: Gardariki, 2005.
2. *Levina E.* Features of facilitation intra-group work under conditions of socio-oriented management // Topical Issues of Humanitarian and Natural Sciences. 2013. №. 5(52). P. 422-433.
3. *Levina E.* The complex methodology of making group decisions and roles distribution in a group // Decision-making in education system: Collection of scientific papers / Under the general editorship of S. Ivanova. M.: FSSI the Institute of Theory and History of Pedagogy RAS, ANO Publishing Center of Institute of Effectual Technologies, 2014. P. 112-126.
4. *Mercer D.* I.B.M.: How the World's Most Successful Corporation is Managed. M., 1991.
5. *Smirnov E.* Development of managerial decisions: Textbook for higher education institutions. M.: YUNITI-DANA, 2002.
6. *Cragan J.F., Kasch C.R., & Wright D.W.* Communicating in Small Groups: Theory, Process, Skills (7th Ed.). Boston: Wadsworth Cengage Learning, 2009. P. 300.

УДК 159.9.072

Володарская Е.А.,
доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник центра истории организации науки и науковедения Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

Мещерякова Ю.С.,
аспирантка Московского института психоанализа

Козьяков Р.В.,
кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной клинической психологии и инклюзивного образования факультета психологии Российского государственного социального университета

МОТИВАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ ВОИНСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ СОВРЕМЕННОГО ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО

Статья посвящена психологической проблеме дисциплинированности как индивидуально-психологического качества военнослужащего. Рассматриваются подходы к анализу этой темы в военной, общей, социальной психологии. Описывается структура и содержание понятия дисциплинированности. Уделяется внимание мотивационной составляющей военной дисциплины. Представлены результаты опроса солдат Вооруженных сил РФ по поводу их отношения к службе в армии.
Ключевые слова: военная дисциплина, дисциплинированность, образ военной службы, мотивация

Volodarskaya E.,
Doctor of Psychology, Leading Researcher of the Center for the History of Organization of Science and Science Studies of Institute for the History of the Natural Science and Technology named after S. Vavilov of the Russian Academy of Sciences

Meshcheryakova Yu.,
Postgraduate student of the Moscow Institute of Psychoanalysis

Koz'yakov R.,
PhD in Psychology, Associate Professor of Chair of Special Clinical Psychology and Inclusive Education of the Faculty of Psychology of the Russian State Social University

MOTIVATIONAL FACTORS OF MILITARY DISCIPLINE OF A MODERN MILITARY SERVICEMAN

The present article is concerned with the psychological issue of discipline state as individually-psychological quality of a military serviceman. There are discussed approaches to the analysis of this topic in Military Psychology, General Psychology and Social Psychology. In the article the structure and content of the conception of discipline state are described. The article author pays attention to motivational component of the military discipline. Survey findings of solders of the Armed Forces of the Russian Federation about their attitude to army service are presented in the article.
Keywords: military discipline, discipline state, image of military service, motivation

Становление личности военнослужащего происходит в определенном социальном окружении, социальных группах, транслирующих ему соответствующий социальный опыт, систему ценностей и норм. Формирование и проявление личности происходит в различных социальных ситуациях, понимание которых дает возможность личности реализовать свой потенциал, быть эффективной. Уникальность, неповторимость личности – это целостность ее характеристик. В условиях значительных социальных изменений устойчивое постоянство личностных проявлений может снижать продуктивность ее социального поведения. Важным становится изменчивость, динамизм личности, открытость новому.

Служба в Вооруженных силах представляет собой этап процесса социализации, направленный на формирование определенных индивидуально-личностных качеств, навыков деятельности, морально-этических признаков, коммуникативных умений, представлений о себе военнослужащего.

Процесс социализации включает в себя, во-первых, адаптацию, отражающую приспособление и взаимодействие личности с социальной средой, включающее в себя адекватное самоощущение и восприятие окружающей действительности, отношение к себе и окружающей действительности [6, с. 298–300]. Во-вторых, это индивидуализация, связанная с критическим отношением к социальным нормам и поведению, желанием выделиться и противопоставить себя окружению [3]. В-третьих, социализация проходит этап интеграции, отражающей желание субъекта «пронести через себя» транслируемый социальный багаж, найти свое место в обществе, реализовать свою социальную сущность [4, с. 152–158].

Институтами социализации военнослужащего выступают те воинские коллективы, в которых солдат входит в новое для него социальное окружение, усваивает воспитательные и образовательные нормы и правила поведения, самоутверждается и проявляет собственную индивидуальность. Усвоение правил и норм поведения осуществляется через психологические механизмы наблюдения, социального научения, а также положительного или отрицательного подкрепления.

Воинская дисциплина есть неотъемлемая составная часть боевого потенциала Вооруженных сил страны. Состояние воинской дисциплины в войсках во многом зависит от дисциплинированности личного состава армии и флота, а также от таких факторов, влияющих на нее, как нравственно-духовная культура солдата. Дисциплинированность военнослужащего отражает, с одной стороны, усвоенную норму соответствующего социального окружения, а с другой – индивидуально-личностную характеристику, способствующую повышению эффективности субъектов данного вида деятельности как отдельного военнослужащего, так и военного подразделения, армии в целом.

Отечественная психология на протяжении нескольких столетий занимается вопросами военной дисциплины. Можно говорить о том, что теория военной психологии развивалась практикующими военнослужащими, труды носили эмпирический характер, содержали множество практических советов, однако не дифференцировали военно-тактические, юридические, исторические, педагогические, социологические и многие другие аспекты феномена дисциплины.

Стоит отметить, что изучение феномена дисциплинированности военнослужащих проводилось не только с точки зрения социальной психологии, но и психологии управления, психологии личности (В.Г. Афанасьев, И.П. Волков, А.В. Воробьев, К. Павлица, Б.Ф. Поршнев, В.Е. Солдатов, Ю.П. Степкин и др.).

В настоящее время в общей, социальной, военной психологии и психологии управления насчитывается не более сотни научных работ по проблеме укрепления трудовой и воинской дисциплины в военных организациях и войсковых частях. Это исследования А.В. Барабанщикова, В.И. Вдовюка, В.Г. Демина, М.И. Дьяченко, В.Т. Доценко, В.П. Дворецкого, Р.В. Козьякова [5, 9], А.И. Китова, В.Д. Кулакова, Г.Д. Лукова, В.П. Лазарева, И.В. Лебедева, В.В. Майорова, Е.А. Орлова [8], Е.А. Петрова [14], П.И. Сергеюка, В.А. Соколова, Е.Ю. Стрижова, Я.Я. Юрченко и других авторов.

Постепенно психологические основы дисциплины были обособленны в отдельную область изучения. К настоящему времени сложилось представление о психологических основах дисциплины как о «специфическом комплексе личностных и межличностных структур и процессов психической регуляции, которые обеспечивают нормативное поведение военнослужащих в полном объеме» [12, с. 39].

Значение дисциплины в современной армии трудно переоценить. Развитие науки и техники выводит искусство ведения военных действий на новый уровень. Солдатам необходимо находиться в состоянии постоянной боевой готовности, поскольку современная техника позволяет вести военные действия с невероятной быстротой, требует значительных как физических, так и умственных усилий. В такой ситуации армия может функционировать только при условии жесткой регламентации деятельности, четкой субординации, строгого следования военной дисциплине и беспрекословному выполнению приказов командира. Каждый воин должен активно развивать профессиональные умения и навыки.

Содержание воинского воспитания определено Конституцией РФ, военной присягой и воинскими уставами. В частности, Конституция РФ определяет, что «защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации», который несет военную службу в соответствии с федеральным законом. Военная присяга обязывает каждого военнослужащего «достойно выполнять воинский долг, мужественно защищать свободу, независимость и конституционный строй России, народ и Отечество» [7].

Воинские уставы в значительной степени регламентируют воинскую деятельность, определяют права, обязанности и ответственность каждого военнослужащего. Согласно Уставу Вооруженных сил РФ «Воинская дисциплина есть строгое и точное соблюдение всеми военнослужащими порядка и правил, установленных законами Российской Федерации, общевоинскими уставами Вооруженных Сил Российской Федерации и приказами командиров (начальников)» [1, с. 4].

В психологии дисциплинированность понимается как качество личности, включающее в себя привычку к дисциплине, выдержанность, внутреннюю организованность, ответственность, готовность под-

чиняться собственным целям (самодисциплина) и общественным установлениям.

Дисциплинированность может быть определена как качество личности, которое обеспечивает целеустремленное, устойчивое и организованное в строгом соответствии с нравственно-уставными нормами поведение, основанное на глубоком осознании их общественной, служебной и личностной значимости, их безусловном принятии и поддержке [13, с. 80–85].

В дисциплинированности можно выделить две стороны: внешнюю и внутреннюю. Без сомнения, ведущую роль играет внутренняя, личностно-психологическая сторона, поскольку требования, приказы без их принятия самими военнослужащими не могут стать регуляторами поведения. Исследования свидетельствуют о том, что внешнее требование без смысловой идентификации, без положительного осмысления и включения в иерархию личностных ценностей не преобразуется в мотивы дисциплинированного поведения. Поэтому формировать дисциплинированность – значит, в первую очередь, развивать у военнослужащих мотивы дисциплинированного, уставного поведения, поскольку, как утверждал С.Л. Рубинштейн, «все внешние воздействия связаны со своим психическим эффектом опосредованно через личность, преломляются через внутренние условия человека» [10, с. 118].

Формирование мотива дисциплинированного поведения – это усиление побуждения следовать модели поведения, зафиксированной в общевоинских уставах. Но так как эта модель не воспроизводит поведение во всех его деталях, а отражает лишь наиболее существенные черты, военнослужащий сам создает для себя мысленную модель поведения. Эта модель субъективна: она соответствует реальным условиям, в которых проходит его работа, а также ранее сформировавшимся у него представлениям.

Внешними показателями дисциплинированности воина является количество нарушений дисциплины, совершаемых им сознательно, в соответствии с его представлениями о границах допустимого поведения. Пределы границ допустимого поведения определяются каждым военнослужащим самостоятельно.

Важным психологическим параметром проявления дисциплинированности как индивидуально-психологического качества личности военнослужащего выступает мотивация следования воинской дисциплине. Выделены такие группы мотивов несения воинской службы, как широкие социальные мотивы (любовь к Родине, ненависть к врагу, чувство воинского долга и т.п.); коллективно-групповые мотивы (товарищество, взаимовыручка, страх быть подвергнутым групповому презрению); индивидуально-личностные мотивы (стремление отличиться, получить награду, испытать свои возможности, заработать денег и др.) [2].

Следование дисциплине как субъективной социальной норме продуктивной самореализации военнослужащего опосредовано выражением нравственно-правовой надежности воина.

Проблема мотивации воинской деятельности конкретизирована в выделении уровней дисциплинированности военнослужащего [11]. Показано, что высокий уровень дисциплинированности связан с преобладанием социально значимых мотивов поведения и высоким развитием знаний, умений и навыков. Речь идет о сознательной дисциплинированности. Для солдат со средним уровнем дисциплинированности характерны мотивы подражания сослуживцам и командиру. Устойчивость их поведения значительно ниже, они подвержены психологическому давлению со стороны недисциплинированных военнослужащих.

У тех, кто имеет низкий уровень дисциплинированности, основными мотивами поведения являются боязнь наказаний и стремление к достижению льгот за соблюдение требований уставов.

Особенностями современных социальных условий, в которых проходит социализация военнослужащего, являются быстрота и радикальность социальных изменений, рассогласованность темпа и направлений социальных трансформаций в разных сферах жизнедеятельности общества. Это не может не сказаться на содержании социально-перцептивных характеристик военнослужащих. Цель исследования состояла в выявлении особенностей восприятия солдатами воинской службы и необходимости соблюдения воинской дисциплины.

В качестве методического средства использован метод анкетного опроса, блоки которого были направлены на изучение мотивов несения воинской службы, выполнения приказов командного состава. Также нас интересовал вопрос о том, каким образом военнослужащий объясняет причину нарушения дисциплины, чему или кому приписывает ответственность за ее нарушение. Важными компонентами опроса стало описание особенностей социальных представлений современных российских солдат о чувстве долга, воинском уставе.

Всего в опросе приняли участие 100 солдат – призывников срочной службы (средний возраст от 18 до 23 лет). В большинстве случаев это были военнослужащие со средним и средне-специальным образованием, проживающие в разных областях, сельской местности и г. Москве или Санкт-Петербурге. Поэтому можно говорить о валидности полученных данных и о возможности выявить общие тенденции в морально-нравственных характеристиках современных солдат.

Результаты анализа показывают, что более половины опрошенных при ответе на вопрос о причинах того, что пошел служить, а не уклонился от воинской службы, ориентировались на внешние детерминанты, такие как «все служат, и я служу», «побоялся уголовного преследования», «не хватило денег и знакомств». Другими словами, речь идет о внешне мотивированной деятельности военнослужащего, что не может не снижать привлекательность этой профессии. Внутренние мотивы выбора профессии военного («это семейная традиция», «это обязанность каждого мужчины») были характерны лишь для незначительного числа опрошенных. Около 50% считают воинскую службу нетрудной и с честью и достоинством переносят ее тяготы и лишения.

Важная информация относительно восприятия военной службы содержалась в ответах на вопрос: «Почему вы выполняете свои обязанности?». Отсутствие рефлексии, анализа проявилось в предпочтении таких вариантов ответов, как «в армии так принято», «не хочу быть хуже сослуживцев», «все так делают», «не желаю получить взыскание». Подобное представление разделяют 32% принявших участие в опросе.

Соответственно, такое пренебрежительное отношение к службе в ряде случаев влекло за собой разного рода нарушения дисциплины, начиная с мелких проступков и заканчивая строгим выговором, 11% призывников нарушали дисциплину, причем только 5% из них испытывали после этого угрызения совести, 4% из них обдумывали свое поведение и совершали проступки не преднамеренно, около 46% шли на нарушения умышленно, оправдывая себя вредными привычками гражданской жизни, 2% не задумывались о случившемся вообще. Не может не волновать и тот факт, что 7% считают требования уставов бессмысленными, нормы морали и этики устаревшими, замечания командиров придирками, не способны воспринимать критику со стороны старших по званию и сослуживцев.

Конечно, не могут не насторожить такие мысли современной молодежи, как «понятия чести и долга устарели», «эти понятия не приносят выгоды», «никто не соблюдает правила, почему должен я?». Обращая внимание на ответы солдат в анкетах, мы заметили, что формирование патриотизма и нравственных качеств определяется опытом детства и ближайшим социальным окружением солдата. Об этом можно судить по людям, которые вызывают уважение у участников опроса и которых приводят в качестве примера для подражания. В основном это близкие родственники, старшие по званию военнослужащие, командиры части.

Таким образом, формирование позитивного имиджа армии в целом, воинской службы, необходимости соблюдения правил воинской дисциплины в частности является важным направлением как военной психологии, так и других прикладных областей психологической науки (социальной, юридической, политической психологии).

Следует выделить возможные критерии воспитания патриотических чувств у молодежи, способствующих конструированию облика современного военнослужащего.

Первым критерием может быть нравственность, нравственная надежность, духовное состояние военнослужащих. Показателями, составляющими этот критерий, являются долг, честь, честность, совесть.

Второй возможный критерий – это отношение к своему Отечеству. Основные компоненты этого критерия: патриотизм, верность и любовь к своему Отечеству, уважение к истории народа, государства и армии, общая культура личности.

Третьим критерием может выступать совокупность индивидуально-личностных качеств военного, а именно: скромность, адекватная самооценка, взыскательность, честолюбие, самоконтроль, саморазвитие и самообразование, соизмерение своих действий и поступков с морально-нравственными устоями общества.

Четвертый критерий – отношение к военной службе, что может проявляться в верности воинскому долгу, профессионализме командного состава всех уровней.

В качестве пятого критерия может быть предложено отношение к воинскому коллективу и другим людям, включающее в себя благородство, доброту, порядочность, следование боевым традициям, непримиримость к нарушениям устава.

На основании того, что дисциплинированность представляет собой личностное качество военнослужащего, можно говорить о необходимости расширения представления о психологической структуре этого феномена за счет включения в него наряду с системой компетенций (профессиональных, индивидуально-психологических, морально-нравственных) и мотивации служения также параметра отношения к службе в армии, конкретизируемого в имидже военной службы.

Список литературы

1. Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Российской Федерации. Утвержден Указом Президента Российской Федерации от 10.11.2007 № 1495. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72806/c401b0ba6064c7e607a9ea1b9aeb05e4d7e20fdf/.

2. *Дьяченко М.И.* Психологический анализ боевой деятельности советских воинов. – М.: ВПА, 1972. – 224 с.
3. *Заварзина О.О., Козьяков Р.В., Коро Н.Р., Орлова Е., Рышлякова Н.В.* Психофизиология профессиональной деятельности: учебник и практикум для прикладного бакалавриата. – М., 2015. – 548 с.
4. *Козьяков Р.В.* Психологические особенности межличностных отношений сотрудников вневедомственной охраны // Межличностный контакт: теория, методология и практика внедрения в правоохранительной сфере: сборник научных трудов. РГСУ, 2015.
5. *Козьяков Р.В.* Развитие коммуникативной компетентности у будущих учителей в системе непрерывного педагогического образования: автореф. …канд. психол. наук. – М., 2004. – 23 с.
6. *Малахова С.А., Козьяков Р.В.* Самоэффективность личности как средство для преодоления сложных жизненных ситуаций общения // От истоков к современности. 130 лет организации психологического общества при Московском университете: сборник материалов юбилейной конференции: в 5 томах / Отв. ред. Богоявленская Д.Б., 2015.
7. О воинской обязанности и военной службе: Федеральный закон РФ от 11.02.1993 53-ФЗ. [Электронный ресурс] – Режим доступа: recrut.mil.ru/career/conscription/oath.htm.
8. *Орлова Е.А., Козьяков Р.В., Рышлякова Н.В.* Патопсихология. – М.: Юрайт. – 378 с.
9. Психическое здоровье личности: учебно-методический комплекс дисциплины для студентов всех форм обучения по направлению подготовки «Психология» (бакалавр) / Составитель Козьяков Р.В. – М.: ООО «Директмедиа Паблишинг», 2013. – 96 с.
10. *Рубинштейн С.Л.* Принципы и пути развития психологии. – М.: Педагогика, 1959. – 400 с.
11. *Стрижов Е.Ю.* Психологические условия повышения эффективности деятельности командиров подразделений по формированию дисциплинированности у курсантов вузов: дис…. канд. психол. наук – М., 1987.
12. *Утлик Э.П.* Психология личности. – М.: Академия, 2008. – 320 с.
13. *Koziyakov R., Kutyanova I., Shekaturova O., Kozyakov R.* Factors of stable remission for people with chemical addictions // Вестник Московского института государственного управления и права. –2014. – № 8.
14. *Petrova H., Zavarzina O., Kytianova I., Kozyakov R.* Social and personal factors of stable remission for people with drug addictions // Psychology in Russia: State of the Art. – 2015. – Т. 8. – № 4.

Reference list

1. Disciplinary Regulation of the Armed Forces of the Russian Federation. Approved by the Decree of the President of the Russian Federation from 10.11.2007 № 1495. [Electronic resource] – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72806/c401b0ba6064c7e607a9ea1b9aeb05e4d7e20fdf/
2. *D'yachenko M.* Psychological analysis of the combat activity of the Soviet soldiers. – M.: MPA, 1972. 224 p.
3. *Zavarzina O., Koz'yakov R., Koro N., Orlova E., Ryshlyakova N.* Psychophysiology of professional activity: Textbook and practicum for applied Bachelor degree course. M., 2015. 548 p.
4. *Koz'yakov R.* Psychological peculiarities of interpersonal relationship of officers of private security // Interpersonal contact: Theory, methodology and practice of implementation in law enforcement: Collection of proceedings. RSSU, 2015.
5. *Koz'yakov R.* The development of communicative competence of the intended lecturers in system of continuous pedagogical education: Synopsis of a thesis of PhD in Psychology. M., 2004. 23 p.
6. *Malakhova S., Koz'yakov R.* Self-efficacy of the personality as a means to overcome difficult life situations of communication // From the beginnings to the present. The 130th anniversary of set-up of the Psychological Society under Moscow University: Proceedings of the anniversary conference: In 5 volumes / Executive editor Bogoyavlenskaya D., 2015.
7. On military duty and military service: The Federal Law of the Russian Federation 11.02.1993 53-FL. [Electronic resource] – Access mode: recrut.mil.ru/career/conscription/oath.htm.
8. *Orlova E., Koz'yakov R., Ryshlyakova N.* Pathopsychology. M.: Yurayt. 378 p.
9. Mental health of the personality: Educational-methodical complex of courses of study for students of all modes of attendance on the direction of preparation "Psychology" (Bachelor) // Author Koz'yakov R. M.: LLC «Directmedia Publishing», 2013. 96 p.
10. *Rubinshteyn S.* The principles and ways of development of Psychology. M.: Pedagogy, 1959. 400 p.
11. *Strizhov E.* Psychological conditions of improving efficiency of activity of unit commanders on the formation of discipline state of cadets of higher education institutions: Thesis of PhD in Psychology. M., 1987.
12. *Utlik E.* Personality Psychology. M.: Akademiya, 2008. 320 p.
13. *Koz'yakov R., Kutyanova I., Shekaturova O., Koz'yakov R.* Factors of stable remission for people with chemical addictions // Bulletin of the Moscow Institute of Public Administration and Law.2014. № 8.
14. *Petrova N., Zavarzina O., Kutyanova I., Koz'yakov R.* Social and personal factors of stable remission for people with drug addictions // Psychology in Russia: State of the Art. 2015. Vol. 8. № 4.

УДК 378

Ивлев А.Н.,
соискатель Дагестанского государственного педагогического университета,
начальник группы кадров воинской части № 6499

Алипханова Ф.Н.,
доктор педагогических наук, профессор Дагестанского государственного педагогического университета

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ОФИЦЕРОВ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

В статье разработана модель формирования управленческой компетентности офицеров внутренних войск МВД России, которая состоит из следующих блоков: целевой, интегративный, технологический, мониторинговый и результативный. Выявлены требования со стороны работодателя и ФГОС к выпускнику высшего военного учебного заведения для реализации функций командира подразделения. Сделан вывод, что разработка данной модели станет не только инструментом повышения уровня качественной профессиональной готовности офицеров внутренних войск МВД, но и позволит сориентироваться на создание нового типа командира, нацеленного на овладение новейшей системой управления с применением инновационных технологий и методов, обеспечит создание условий для развития креативности и вариативности военного образования, а также способности активизировать профессиональные инициативы курсантов.

Ключевые слова: модель, моделирование, управленческая компетентность, офицер внутренних войск

Ivlev A.,
Degree seeking student of the Dagestan State Pedagogical University, Head of Personnel Section
of the Military Unit № 6499

Alipkhanova F.,
Doctor of Pedagogy, Professor of the Dagestan State Pedagogical University

THE FORMATION MODEL OF MANAGERIAL COMPETENCE OF OFFICERS OF THE RUSSIAN INTERIOR MINISTRY TROOPS

This article develops the formation model of managerial competence of officers of the Russian Interior Ministry troops, which is consisting of the following clusters: the objective, the integrative, the technological, the monitoring and the effective. There are identified requirements to the graduate of a military higher education institution by the employer and the Federal State Educational Standard to implement the functions of a unit commander officer. It is concluded that the development of this model will become not only a tool for raising the level of competent professional readiness of officers of the Russian Interior Ministry troops, but it will find their way to a new type of commander, aimed at mastering the newest control system with make use of innovative technologies and practices that will ensure the creation of conditions for encouraging creativity and variability of military education as well as the ability to activate the professional initiatives of cadets.

Keywords: model, modeling, managerial competence, officer of Interior Ministry troops

Разработка модели является не только инструментом повышения уровня качественной профессиональной готовности офицеров внутренних войск МВД, но и ориентирует на создание нового типа командира внутренних войск МВД России, который нацелен на овладение новейшей системой управления с применением инновационных технологий и методов, создает условия для творчества, креативности и вариативности военного образования, способен активизировать профессиональные инициативы курсантов. В то же время модель процесса формирования управленческой компетенции офицеров внутренних войск, является методологической основой интеграции воспитательного и образовательного процессов в вузе, дает возможность синтезировать новое качество управленческой подготовки офицеров, что в итоге будет способствовать повышению конкурентоспособности будущего командира подразделения.

Метод моделирования позволяет через сконструированную модель составить представление о

полезности и эффективности какого-либо процесса или явления. В нашем случае – это процесс формирования управленческой компетенции офицеров внутренних войск МВД России для реализации штабных функций командира подразделения. Значит, созданная модель позволит осуществить изучение всей структуры, механизмов и субъектов процесса обучения и воспитания курсантов, а также структур учебного материала и практических заданий в рамках военного вуза. Близко к нашему исследованию понимание модели, данное М.В. Клариным, который определяет ее как некий план действий педагога, основанный на последовательности актов. Наряду с этим, к важным характеристикам модели М.В. Кларин относит характер и последовательность этапов обучения, характеристику ожидаемых результатов обучения.

Модель должна предполагать педагогическую систему, отражающую и духовную и материальную стороны, включает в себя совокупность блоков или модулей, проектирующих или воспроизводящих желаемый объект. Модель, на наш взгляд, должна также включать взаимодействие и взаимообусловленность ее отдельных модулей на разных уровнях управленческого аппарата учреждения, созданная модель позволит осуществить изучение всей структуры, механизмов и субъектов процесса обучения и воспитания курсантов, а также структур учебного материала и практических заданий в рамках военного вуза.

Модель процесса формирования управленческой компетенции будущих офицеров внутренних войск МВД есть совокупность взаимосвязанных модулей образовательно-воспитательного процесса, которые направлены на то, что бы создавать, реализовывать и развивать профессионально-личностные качества будущего командира подразделения, обеспечивающую поэтапность становления специалиста внутренних войск в работе с личным составом, усвоение им основных управленческих компетенций.

К основным блокам модели относятся: целевой, интегративный, технологический, мониторинговый, результативный (Рис. 1).

1. Требования ФГОС к выпускнику высшего военного учебного заведения для реализации функций командира подразделения.

Главной особенностью военно-профессиональной деятельности является то, что служебно-боевые задачи исполняются в мирное время. Поэтому управленческие компетенции, личностные качества командира подразделения выступают на первый план. Управленческая компетентность – это не только воля и решительность командира, его организаторские способности, но и умение подчинять и подчиняться, высокий личный авторитет, умение создавать и поддерживать здоровый моральный климат в коллективе, исполнительность и дисциплинированность, – это не полный перечень требований ФГОС, выдвигаемых перед офицерским составом внутренних войск МВД России. Эффективность и оперативность управленческой деятельности командиров подразделения обусловлены уровнем их управленческой компетентности. Управленческая компетентность, являясь важным структурным элементом профессиональной компетентности офицера, обеспечивает эффективность работы штаба и служебно-боевой деятельности командира, а также непосредственно влияет на качество воспитания и обучения курсантов, на их дисциплине, эффективности командной работы подразделения.

2. Требования к качеству профессиональной подготовки командира подразделения. Основой территориальной целостности иподдержания правопорядка в государстве для любого цивилизованного общества является хорошо организованные, оснащенные силовые структуры. Российская Федерация не стала исключением и такой силовой структурой внутри страны являются внутренние войска МВД России, фундаментом которых выступают профессионально подготовленные разносторонне образованные офицерские кадры. В связи с этим, перед военными вузами стоят задачи повышения качества профессиональной готовности будущих командиров подразделений, от которых зависит обороноспособность государства.

Одной из главных задач повышения качества профессиональной готовности – формирование высокого уровня управленческой компетентности командира, способного к постоянному организационному проектированию и внедрению инновационных организационных элементов, структур, инновационных техник, технологий, форм и видов управления, которые приведут к повышению эффективности деятельности служб внутренних войск МВД России, предполагаетумение офицера внутренних войск оптимально и эффективно пользоваться техническими средствами управления подразделением. А именно:

– умение использовать технические средства для сбора информации, ее обработки и доведения информации до подчиненных,

– навыки применения средств информатизации и ИТ в решении задач боевой и штабной деятельности.

Современные требования, выдвинутые к командирам подразделений, указывают на необходимость формирования у них информационной культуры, ввиду того, что информатизация всех сторон деятельности офицеров внутренних войск МВД России в реализации штабных функций командира подразделения усиливается с каждым днем. Способность грамотно вести документацию – умение в соответствии с поставленными задачами и их решением вовремя оформлять и вести документацию подразделения, работать с литературными источниками, работу с до-

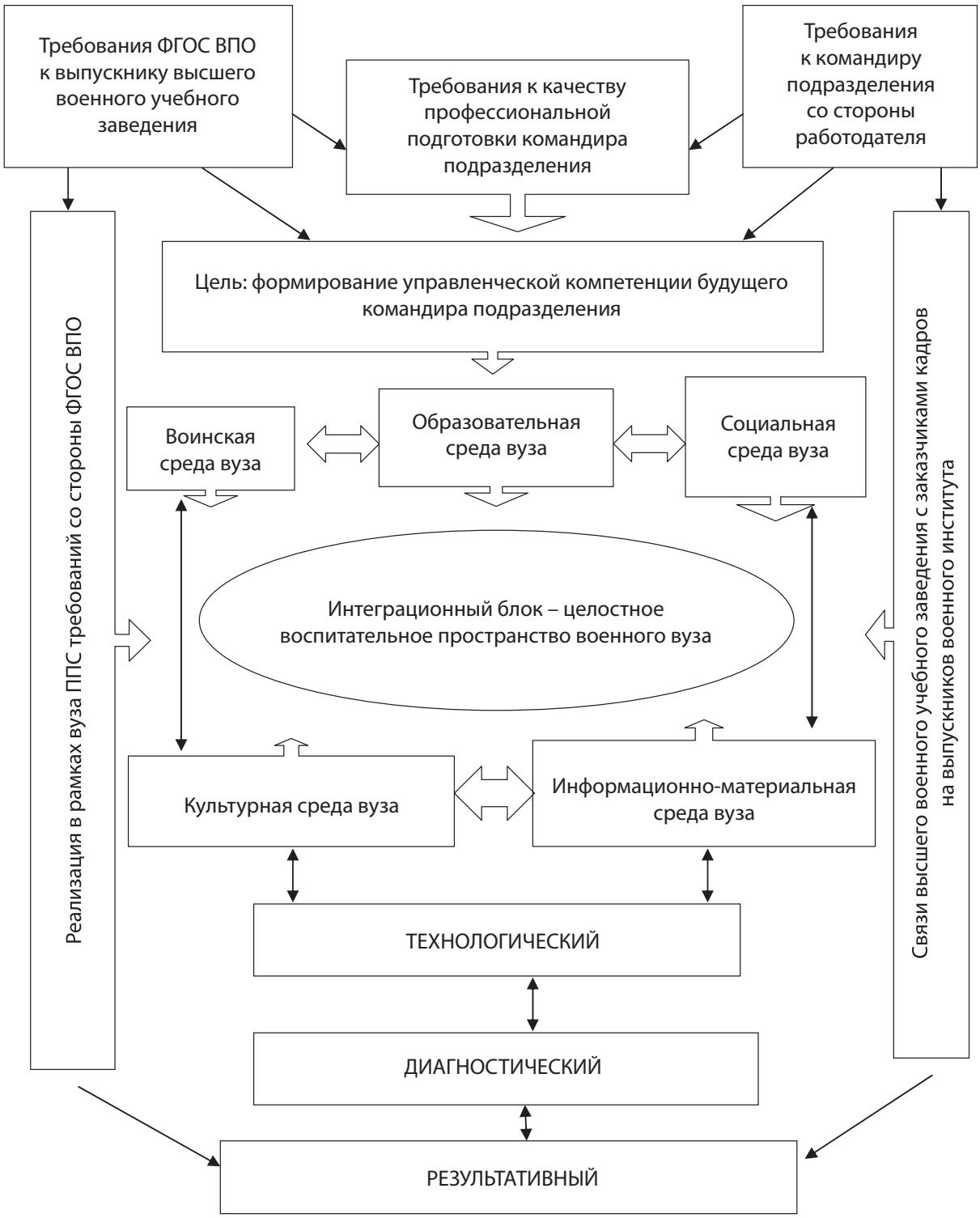


Рис. 1. Модель процесса формирования управленческой компетенции будущих офицеров внутренних войск МВД России

кументами, умение получать, фиксировать и обрабатывать информацию с помощью современных информационных средств, анализировать, обобщать и ее хранить, а также вести картотеку.

3. Требования к командиру подразделения внутренних войск со стороны работодателя. После окончания военного института внутренних войск выпускник может устроиться служить по контракту офицером во внутренние войска МВД России.

В современных условиях к командиру подразделения внутренних войск работодатель предъявляет особые условия, поскольку возросла роль внутренних войск в связи с общей террористической угрозой. «Концепция развития системы управления внутрен-

них войск Министерства внутренних дел Российской Федерации на период до 2025 года» ориентирует на создание нового типа командира внутренних войск МВД России, который нацелен на овладение новейшей системой управления».

Командир подразделения внутренних войск формирует у себя потребность и готовность решать новые образовательно-воспитательные задачи с применением инновационных технологий и методов, создает условия для творчества, креативности и вариативности военного образования, способен активизировать профессиональные инициативы личного состава. Сегодня, согласно Указу Президента РФ, выпускники военных институтов должны быть готовы к организации и управлению режимно-комендантской службы подразделением внутренних войск, выполняющим задачи в условиях вооруженного конфликта.

Данное обстоятельство предъявляет повышенные требования к управленческой и организаторской компетентности офицеров в рамках задержания и уничтожения лидеров бандформирований и бандгрупп; охране общественного порядка и поддержании общественной безопасности в административных районах, охране важных государственных объектов в пунктах временной дислокации, особенно в военных комендатурах.

В связи с этим, как показывает практика служебно-боевой деятельности внутренних войск в Северокавказском регионе, в Чечне, появились изменения, касающиеся организации боевой службы в районах со сложной оперативно-служебной обстановкой, что привело к появлению нового понятия – *режимно-комендантская служба в населенном пункте*. Сложность современной обстановки и выполнение служебно-боевых задач требует от современного командира подразделения сформированной управленческой компетентности, а именно *аналитико-целевых качеств*:

– умение ставить четкие цели и планировать собственную деятельность по выполнению поставленной задачи, согласно логически построенной схеме самим офицером;

– уметь самостоятельно ставить цели, анализировать реальную обстановку, оперативно адаптироваться к изменяющимся социокультурным и политическим условиям;

– умение ставить цели через знания и владение технологиями по организации времени и его рационального использования, а также через овладение механизмами самоменеджмента, через выбор правильной стратегии эффективного выполнения служебно-боевых задач.

Командир подразделения обязан: эффективно руководить боевой подготовкой подчиненных, определять ее направленность, исходя из обстановки, прогноза ее развития и выполняемых задач; учить личный состав выполнению стоящих перед ними задач, проводить занятия и тренировки; лично проводить занятия и не менее одного раза в месяц контрольные занятия, положив в основу оценки выполнение нормативов; принимать меры по предотвращению гибели и травматизма личного состава, устанавливать необходимые требования безопасности и т.д.

4. Целевой блок или целеполагание предполагает четкую постановку целей и планирование деятельности по выполнению поставленной задачи, согласно логически построенной схеме.

Выпускник в рамках разработанной модели должен уметь самостоятельно ставить цели, анализировать реальную обстановку, оперативно адаптироваться к изменяющимся социокультурным и политическим условиям; уметь ставить цели через знания и владение технологиями по организации времени и его рационального использования, а также через овладение механизмами самоменеджмента, через выбор правильной стратегии эффективного выполнения служебно-боевых задач; способность офицера анализировать и оценивать с позиций уставных норм и правил поведения как каждого военнослужащего в отдельности, а также жизнедеятельность подразделения, экипажа, расчета в целом; умение осуществлять систематический анализ состояния безопасности военной службы в подчиненных подразделениях, умение подводить итоги работы по ее обеспечению, обобщению и распространение передового опыта работы должностных лиц и комиссий по безопасности военной службы.

5. Интеграционный блок. Данный блок предполагает интеграцию усилий всех субъектов и объектов воспитательной системы военного института внутренних войск по созданию единого, целостного воспитательского пространства, объединения различных сфер среды в единый воспитательный потенциал и использование его в целях формирования и развития у будущего офицера управленческой компетентности.

Единое, целостное воспитательное пространство военного вуза представляет синтез разных сред (военная среда, социальная среда, культурная среда, информационная среда), характеризующееся активной, целенаправленной, совместной деятельностью всех субъектов и объектов вуза по реализации основной идеи, целей и задач воспитательной системы, повышение ее эффективности в интересах качественной профессиональной готовности, и как будущего командира подразделения, эффективного формирования у него управленческой компетентности.

*6. Технологический блок.*Технологическое сопровождение, получило опытно-экспериментальную проверку через ее внедрение на базе федерального госу-

дарственного казенного военного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Новосибирский военный институт внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России».

К таким разработкам можно отнести:

– программа факультатива «Управление военным подразделением как наука и искусство: теория и практика», рассчитанный на 20 часов;

– аналитические викторины «Кто же преступник?», анализ улик, версий «Штурмфогель без свастики», «Атомная крепость», «Батальон крови», «Брестский квартет»,«Бронированные жилеты», «В августе сорок четвертого... », «Визит в абвер» и др.;

– аналитическая методика «Учимся думать, сопоставлять факты, делать выводы»;

– технология «Незаконченного предложения» Сакса и Леви по примеру «А что было бы, если…?».;

– решение и самостоятельное создание кроссвордов на военную тематику;

– Беседа-презентация «*Выпускники – герои России*», Новосибирский военный институт внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России;

– *Методика* Л.Зайверта «Самоменеджмент командира»;

– Управление личным временем (В. Карпичев). Искусство управление самим собой (Л.Ф. Никулин).

– Управление в горизонтальных структурах (В.М. Колпаков);

– Программа «Электронныекниги» («FBReader», «ICE Book Reader Professional») идр.

Разработанный комплекс прикладных материалов обеспечил эффективное формирование у курсантов управленческой компетентности как способности самостоятельно ставить цели, анализировать реальную обстановку, оперативно адаптироваться к изменяющимся социокультурным и политическим условиям; быть ответственным при принятии решений в процессе командования личным составом в условиях ведения боевых действий и в мирное время; эффективно коммуницировать с подчиненными, начальством, другими государственными исполнительными органами власти и общественностью; эффективно пользоваться техническими средствами управления подразделением, использовать технические средства для сбора информации, ее обработки и доведения информации до подчиненных, навыки применения средств информатизации и ИТ в решении профессиональных задач.

7. Диагностический блок. Для определения первоначального уровня сформированности у курсантов *аналитико-целевого компонента* управленческой компетентности необходимо использованиеразличных методик диагностики целеполагания и аналитической способности личности, *нравственного поведения и ответственности,* уровня личности социальной коммуникации и т.д.

8. *Результативный блок.* С помощью эффективных методик значительно повышается качественный уровень управленческой компетентности курсанта, будущего командира подразделения.

Итак, разработка модели формирования управленческой компетентности офицеров внутренних войск МВД России для реализации функций командира подразделения станет не только инструментом повышения уровня качественной профессиональной готовности офицеров внутренних войск МВД, но и позволит сориентироваться на создание нового типа командира, который нацелен на овладение новейшей системой управления с применением инновационных технологий и методов, обеспечит создание условий для творчества курсантов, развития их креативности и вариативности военного образования, способности активизировать профессиональные инициативы курсантов. В то же время, модельпроцесса формирования управленческой компетенции офицеров внутренних войскявляется базовой методологической основой интеграции воспитательного и образовательного процессов в военном вузе представила возможность синтезировать новое качество управленческой подготовки будущих офицеров, что в итоге определило качественное повышение конкурентоспособности будущего командира подразделения.

Список литературы

1. *Алиева Р.Р.* Модель формирования организационной культуры будущего учителя в процессе профессиональной подготовки. // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 4 (41). С. 117-119.

2. *Алипханова Ф.Н., Алиева Р.Р.* Структурные компоненты, критерии и показатели сформированности организационной культуры // Вестник Северо-осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. Владикавказ, 2014. №1. С. 113-117.

3. *Алипханова Ф.Н., Гамзаева М.В.* Модель процесса формирования способности у будущих учителей к педагогическому самоменеджменту // Вестник Северо-Осетинского государственного университета. Общественные науки. Владикавказ, СОГУ. 2011. №2. С.80-86

4. *Гусев Р. А.* Педагогические условия формирования профессионализма управленческой деятельности офицеров внутренних войск МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009. №4.

5. *Юматов В.А.* Профессиональная подготовка курсантов вузов внутренних войск МВД России к служебно-боевой деятельности в подразделениях специального назначения: автореф. дис. …канд. пед. наук. Санкт-Петербург, 2012. 23 с.

Reference list

1. *Alieva R.* The formation model of organizational culture of an intended teacher in a process of professional training // World of Science, Culture, Education. 2013. № 4(41). P. 117–119.
2. *Alipkhanova F., Alieva R.* Structural components, criteria and indicators of the organizational culture formation // Bulletin of the North-Ossetia State University named after K. Khetagurov. Vladikavkaz, 2014. №. 1. P. 113-117.
3. *Alipkhanova F., Gamzaeva M.* The formation process model of intended teachers abilities to pedagogical self-management // Bulletin of the North Ossetia State University. Social Sciences. Vladikavkaz, the North Ossetia State University. 2011. №. 2. P. 80-86.
4. *Gusev R.* Pedagogical conditions of the professionalism formation of managerial activities of officers of the Russian Interior Ministry troops // Bulletin of the Saint Petersburg University of the Russian Interior Ministry. 2009. №4.
5. *Yumatov V.* Cadets' professional training of military higher education institutions of the Russian Interior Ministry troops to service – fighting activities in the Special Task Units: Synopsis of a thesis of PhD in Pedagogy. Saint Petersburg, 2012. 23 p.

УДК 159.9.07

Ахмедханов А.М.,
кандидат психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии Дагестанского государственного университета

Ахмедханова Р.А.,
кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии Дагестанского государственного университета

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

В статье обсуждаются результаты экспериментального исследования психологических особенностей межличностного общения в юношеском возрасте.
Межличностные отношения уже много времени находятся в центре внимания общественных и гуманитарных наук, что дает возможность для более детального изучения их социальных основ и особенностей развития.
Общение – это информационное и предметное взаимодействие, в процессе которого проявляются и формируются межличностные отношения. Юношеский возраст – это пора достижений, стремительного накапливания знаний, умений, становления нравственности, обращение к своему внутреннему миру, обретение новой социальной позиции.
Ключевые слова: общение, межличностные отношения, юношеский возраст, особенности возраста, личность

Akhmedkhanov A.,
PhD in Psychology, Professor, Head of Chair of the General Psychology and Social Psychology of the Dagestan State University

Akhmedkhanova R.,
PhD in Psychology, Associate Professor of Chair of the General Psychology and Social Psychology of the Dagestan State University

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF INTERPERSONAL COMMUNICATION IN ADOLESCENT AGE

The article discusses the results of experimental research of psychological features of interpersonal communication in adolescent age.
Being a long time interpersonal relationships are the focus of humanities and liberal arts that is giving the opportunity for more detailed study their social foundations and development features.
Communication is the information and substantive interaction, which is manifested and shaped by interpersonal relationships. Adolescent age is a time of achievements, the rapid accumulation of knowledge, the skills, the formation of morality, the appeal to insider private world and the acquiring new social attitude.
Keywords: communication, interpersonal relationships, adolescent age, age features, personality

Общение и установление отношений с окружающими является необходимым фактором функционирования личности в социуме. Стремление к общению также является базовой потребностью индивида.

Межличностное общение юношей всегда привлекало внимание множества ученых, исследования были направлены на изучение путей и способов установления отношений, выявление структуры общения, а также выявление особенностей коммуникации людей разных возрастов. Проблему взаимоотношений, общения в юношеских группах рассматривали многие ученые: Ольшанский Ю.В., Прихожан А.М., Бим-Бад Б.М., Драгунова Т.В., Эльконин Д.Б., Столяренко Л.Д., Кон И.С., Ефимкина Р.П. и др.

Общение – это информационное и предметное взаимодействие, в процессе которого проявляются и формируются межличностные отношения. Межличностные отношения уже много времени находятся в центре внимания общественных и гуманитарных наук, что дает возможность для более детального изу-

чения их социальных основ и особенностей развития. Завершение подросткового возраста подразумевает вхождение человека во взрослую жизнь, где начинается рост его самостоятельности, ответственности за свои поступки, одновременно с этим происходит отделение личности от родителей и перенос его внимания на сверстников. Данный период характеризуется развитием самосознания и потребности в интимности. Общение в этот период эмоционально окрашено, чувства, возникающие у юношей, отличаются яркостью и импульсивностью. Без общения у человека не получает своего развития ни одна психическая функция, невозможно формирование личности в целом.

Все выше указанные особенности и проблемы требуют своего изучения, и правильного понимания, особенно в современном нестабильном мире, и это обусловливает актуальность выбранной темы работы. С целью изучить особенности межличностного взаимодействия в юношеском возрасте нами было предпринято эмпирическое исследование.

Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что психодинамические свойства индивида оказывают влияние на контроль-руководство социальным окружением.

Для получения эмпирических данных нами было исследовано 83 учащихся в возрасте от 17 до 20 лет. Респондентами являются студенты 2-го курса социального факультета Дагестанского Государственного Университета.

Для проведения исследования нами были использованы следующие методики: опросник межличностных отношений Шютц В.; экспресс диагностика характерологических особенностей личности Айзенк Г.; характерологические особенности личности Гекс; диагностика межличностных отношений (Я-реальный) Лири Т., Лефорж Г., Сазек Р. Статистическая обработка полученных данных осуществлялась программой STATISTIKA. Применялся корреляционный анализ по Пирсону.

Студент свои личностные особенности проявляет в коллективе студенческой группы. Здесь он устанавливает контакты со сверстниками на основе совместной деятельности, происходит деление на группы по общности интересов, создается климат психологической совместимости, доброжелательности, дисциплинированности и т.д. отношения строятся по принципу симпатий антипатий. Исключительно важное значение имеет общение студентов при выполнении ими коллективных учебных заданий. В процессе совместной деятельности, как отмечает Б.В.Ломов, развиваются специфические явления, такие, как содействие, соревнование, сочувствие, совозбуждение и т.д. [6, с.112].

Различия положений юношей в группах является критерием их дифференциации. Статус юноши в учебной группе определяется его успеваемостью. Но также можно говорить о том, что успеваемость не сама по себе является показателем его положения в группе, а личностные качества, определяющие его отношение к учебной деятельности, формируют статус юноши. В студенческом коллективе также пользуются успехом юноши с разносторонними интересами, принципиальные, обладающие нравственными качествами и придерживающиеся нравственных ценностей. Соответственно слабая успеваемость или неуспеваемость вообще является одним из показателей низкого статуса.

Общество не способно к существованию без общения. Общение является средством становления индивида, а также способствует его развитию во всех сферах его жизнедеятельности. Соответственно общение служит условием существования, как общественных отношений, так и межличностных. По-видимому, это и дало возможность Сент- Экзюпери нарисовать поэтический образ общения как «единственной роскоши, которая есть у человека». [1, С. 88]. Иногда деятельность и общение рассматриваются не как параллельно существующие взаимосвязанные процессы, а как две стороны социального бытия человека, его образа жизни. [7, С. 130]. Другие рассматривают общение как часть деятельности, считают, что общение входит в ее структуру. Соответственно деятельность является средой существования общения. [10, С. 289]

«Большой психологический словарь» дает следующее определение общению – «сложный и многогранный процесс, который выступает одновременно и как информационный процесс, и как процесс взаимодействия индивидов, и как процесс их сопереживания и взаимопонимания» [9; с. 388].

Глухов В.П. отмечает, что предметом общения может быть все, что есть вокруг человека, новое и неизведанное, все, что касается или беспокоит, темы, которые следуют обсуждать с целью правильной интерпретации ситуации и, на основе которых, можно выстроить план своих действий, понять свои убеждения, определить принципы и т.д. [5; с. 141].

При определенных ситуациях, считает Ахвердова О.А., тот или иной характер взаимоотношений может превосходить все остальные с такой силой, что замораживает все другие стороны отношений, которые иногда могли иметь место в отношениях с данным человеком. [3; с. 93].

Данный феномен объясняется следующей причиной. Каждый имеет определенную систему ценностей. Некоторые ценности для индивида являются более значимыми, чем другие. Выбор ценностей определяется теми материальными и духовными потребностями, которыми руководствуется индивид. Соответственно, когда критерии, по которым оцени-

вается партнер, совпадают с ценностями индивида, у последнего создается положительное впечатление о партнере.

Социальная среда определяет становление человека как личности, отсюда следует, что особенности протекания взаимоотношений определенный среды предопределяет соответствующий стиль общения. Следует иметь ввиду, что в пределах одной этнической общности, представители разных социальных групп могут иметь отличия в стиле ведения общения. (Гиппнрейтер Ю.Б., Романов В.Я.) [4; с. 227].

Юношеский возраст является возрастом выраженных социальных потребностей. Стремление к общению, желание утвердиться в обществе обнаруживается при установлении контакта с другим. Основная проблема, связанная с взаимодействием, это поиск в человеке тех особенностей, которые близки, схожи с собственным Я. Такого человека можно и не найти среди множества знакомых. Встреча с таким человеком помогает понять смысл бытия. Общение с близким другом способствует пониманию того, кем Я являюсь в действительности. Психологически важно то, что дружба дарит силу для строительства собственной целостности, которая порождает и силу своего Я и других людей от возможного воздействия [10; с. 267]. Для наглядного представления данных нами был проведен корреляционный анализ по Пирсону и были выявлены средние показатели, значимые на уровне $p< 0,01$ или $p=0,01$.

Анализ полученных данных позволил нам определить связь индивидуально психологических свойств с особенностями межличностных отношений.

Как свидетельствуют результаты анализа, чем выше показатели шкалы экстраверсия тем более высокие показатели наблюдается по шкале включение. Экстравертированная личность комфортно чувствует себя среди людей, сложно переносит одиночество, стремится к общению с большим количеством людей, что подтверждается результатами математического анализа ($r=0,52$). Психические процессы такой личности направлены на внешний мир, она предпочитает совместную деятельность. Такая личность относится к сангвиническому типу ($r=0,51$), как правило, миролюбив, активен, открыт к переменам. Она характеризуется энергичностью, работоспособностью, любит находиться в центре внимания. Также при высоких показателях экстраверсии наблюдается высокие баллы по шкале контроль. Предполагается наличие у такой личности качеств руководителя ($r=0,55$). Ей присущи такие качества как самостоятельность, ответственность, дисциплинированность. Действия организованы и скоординированы.

Существует обратная связь между качествами руководителя и склонностью ко лжи. Человек, контролирующий свои действия и действия окружающих реже пытается преподнести себя тем, кем, по сути, не является ($r = –0,44$). Пытаясь организовать общую деятельность, при этом, возлагая на себя ответственность за выполнение определенных задач, личность полностью посвящает себя делу, вкладывает все свои силы. Такая деятельность приносит удовольствие личности, обладающей страстно-эмоциональным типом характера ($r = 0,44$). Страстно-эмоциональный тип личности характеризуется стремлением быть принятым среди своего окружения, обостренно чувство принадлежности к группе. Чем больше в человеке выражены свойства страстно эмоционального типа, тем большую ценность для него представляют эмоционально теплые отношения с окружающими. ($r = 0,36$).

Щедро-холерический тип личности также обладает такими качествами как ответственность, надежность ($r = 0,40$).

Исходя из результатов, личность, обладающая в большей степени свойствами нервного типа, характеризуется высокими показателями по шкале включение ($r = 0,42$), то есть испытывает потребность быть

Таблица 1.

	L Айзенк	**Ex**	**N**	**СЭ Гекс**	**ЩХ**	**СЧ**	**НТ**	**ФТ**	**СТ**	**Ап**	**Ам**
Щютс Ie	-0,10	**0,52**	0,24	0,19	0,10	-0,15	0,14	0,20	**0,51**	-0,11	0,29
Lw	-0,11	0,28	0,15	**0,36**	0,32	-0,00	**0,42**	0,17	**0,40**	0,04	0,26
Ce	**-0,44**	**0,55**	0,35	**0,44**	**0,40**	0,17	**0,53**	0,06	**0,39**	0,14	0,21
Cw	0,12	-0,00	0,21	-0,06	0,07	0,00	-0,00	0,11	0,17	0,03	0,28
Ae	0,32	0,17	-0,01	0,04	0,12	-0,18	-0,10	0,29	0,16	-0,17	0,13
Aw	-0,16	-0,12	0,33	-0,03	0,21	0,30	0,15	-0,09	0,07	0,16	0,28
I	-0,11	**0,45**	0,20	0,33	0,29	-0,10	**0,36**	0,22	**0,51**	-0,00	0,30
C	-0,33	**0,47**	**0,42**	**0,36**	**0,45**	0,18	**0,46**	0,16	**0,47**	0,18	**0,36**
A	0,11	0,07	0,19	-0,04	0,19	0,05	-0,02	0,15	0,13	0,00	0,25
E	-0,22	**0,64**	0,29	**0,38**	0,37	-0,02	0,34	0,24	**0,54**	-0,05	0,28
W	-0,07	0,17	0,29	0,23	0,35	0,07	0,32	0,12	**0,38**	0,10	**0,38**

принятым группой, в которую он входит, а также высокими показателями по шкале контроль (r = 0,53), что подразумевает ответственный подход к определенной деятельностий.

Корреляционный анализ демонстрирует связь особенностей сангвинического типа со шкалами Ie, Iw, Ce, что означает стремление такой личности к принадлежности определенной группе (r = 0,51), где он сможет удовлетворить свои потребности в поиске новых знакомых и общения с ними (r = 0,40); также такой индивид склонен занимать ведущие позиции в группе.

В таблице 2 приведены корреляционные значения трех методик. По вертикали представлены шкалы методики «Диагностика межличностных отношений Я-реальный» Т. Лири, а по горизонтали – методики «Эксперсс диагностика характерологических особенностей Г. Айзенка» и «характерологические особенности Гекса».

На основе данных мы можем говорить о том, что чем больше индивид обладает характеристиками властно-лидирующего типа личности, тем менее он склонен давать ложную информацию о себе. (r = 0,39), при этом индивид, предпочитающий доминировать в отношениях, обладающий признаками лидера и стремящийся руководить, обладает свойствами экстраверта. Любит находиться в компании, направлен на совместное обсуждение проблем, переносит свои интересы на внешний мир (r = 0,55). Кроме того, можно утверждать, что лидерские качества присущи страстно-эмоциональному типу характера. Осуществляя контроль над внешними объектами, человек тщательно прорабатывает план действий, постоянно вносит изменения в свои действия. Заинтересовавшись чем-либо, такая личность полностью отдается выбранному делу (r = 0,47). Нервному (r = 0,42) и сангвиническому (r = 0,55) типам также свойственны особенности властно-лидирующей личности. Нервный тип нетерпим к критике, проявляет амбиции. Сангвинический тип проявляет качества руководителя, уверенность в себе, умение быть хорошим советчиком. При нормальных условиях характеризуется энергичностью, авторитетностью. Особенности сентиментально чувственного, флегматического, апатического и аморфного типов не сочетаются с качествами властно-лидирующей личности.

Независимо-доминирующий тип обладает особенностями страстно-эмоционального (r = 0,56), сангвинического (r = 0,49)и щедро-холерического (r = 0,38) типов. То есть ему свойственна увлеченность каким-либо занятием, эмоциональность, экспрессивность в действиях, а также раздражительность, возбудимость, эгоцентричность. Такая личность независима от мнения окружающих, способна конкурировать, имеет свою позицию, отличную от других.

Обнаружена корреляционная связь шкалы нейротизм с прямолинейно-агрессивным (r = 0,41), недоверчиво скептическим (r = 0,50) и зависимо послушным типами (r = 0,47). Это предполагает, что индивид с эмоциональной неустойчивостью обладает такими особенностями как эгоцентричность, самодовольство, независимость, а также он характеризуется несдержанностью, вспыльчивостью и ригидностью. Но в связи с неустойчивостью нервно-психических процессов такое поведение может сменяться на проявление конформности, мягкости и податливости.

Сентиментально чувственный тип коррелирует с недоверчиво скептическом типом (r = 0,50). Такая связь обнаруживается в сочетании ранимости, чувствительности, малообщительности, недоверчивости с подозрительностью и отчужденностью.

У апатического типа также обнаружена связь с недоверчиво скептическим типом (r = 0, 53). Она проявляется в упрямстве, стремлении к уединению, сомнительности и расчетливости.

В таблице 2 представлена корреляция аморфного типа с зависимо послушным типом (r = 0,49). Характерно внушаемость, навязчивость, зависимость от окружающих. В отношение проявляет мягкость и постоянно нуждается в советах и помощи.

Наше исследование было направлено на изучение межличностного общения в юношеском возрасте с различными индивидуально психологическими особенностями. Для выявления индивидуальных различий, обусловливающих лидерские качества, были использованы методики, шкалы которых позво-

Таблица 2.

	L Айзенк	**Ex**	**N**	**СЭ Гекс**	**ЩХ**	**СЧ**	**НТ**	**ФТ**	**СТ**	**Ап**	**Ам**
Лири I	**-0,39**	**0,55**	0,15	**0,47**	0,22	0,06	**0,42**	0,04	**0,55**	-0,04	-0,11
II	-0,31	0,31	0,23	**0,56**	**0,38**	0,23	0,51	0,08	**0,49**	0,13	0,06
III	-0,24	0,12	**0,41**	0,28	0,05	0,24	**0,37**	-0,09	0,18	0,25	0,28
IV	-0,29	0,02	**0,50**	0,27	0,29	**0,50**	**0,59**	0,01	0,31	**0,53**	0,35
V	0,29	-0,15	0,30	-0,28	-0,11	0,07	-0,09	-0,05	-0,02	0,12	0,35
VI	0,15	-0,06	**0,47**	-0,10	-0,06	0,00	0,02	-0,19	0,08	0,04	**0,49**
VII	0,15	0,32	0,26	-0,05	0,03	-0,13	-0,11	0,17	**0,39**	-0,09	0,22
VIII	0,23	0,09	0,34	0,00	0,13	0,18	-0,02	0,07	0,27	-0,01	0,31

ляют понять тип личности и особенности его поведения, проявляющихся в межличностных отношениях.

Анализ полученных данных позволил нам сделать следующие выводы:

1. Личность, отличающаяся высокими значениями по шкале экстраверсии, характеризуется ориентацией своих интересов на внешний мир, склонна к стремлению к постоянному общению.

2. Сангвинический и страстно-эмоциональный типы темперамента взаимосвязаны со стремлением индивида к принадлежности определенной группе, в которой удовлетворяется его потребность в общении.

3. Чем более выражены у личности лидерские качества, тем в меньшей степени она заботится о создании социально-желаемый образа, менее склонна к искажению информации о себе.

4. Представители властно-лидирующего типа характеризуются лидерскими качествами и высоким уровнем экстравертированности.

5. Выявлены статистически значимые взаимосвязи между страстно-эмоциональным, нервным, сангвиническим типами темперамента и властно-лидирующим типом отношений.

Однако необходимо отметить, что способность индивида к руководству зависит также от внешних условий развития его внутренних предпосылок. Таким образом, гипотеза о влиянии психодинамических свойств индивида на контроль-руководство социальным окружением подтверждена.

Список литературы

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология / Г.М. Андреева. М.: Аспект Пресс, 2008. 363 с.
2. *Андриенко Е.В.* Социальная психология: Учебное пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / под ред. В.А. Сластенина. М.: Издательский центр «Академия», 2000. 264 с.
3. *Ахвердова О.А.* Дифференциальная психология: теоретические и прикладные аспекты исследования интегральной индивидуальности: Учебное пособие / О.А. Ахвердова, Н.Н. Волоскова, Т.В. Белых. СПб.: Речь, 2004.168 с.
4. *Гиппнрейтер Ю.Б., Романова В.Я.* Психология индивидуальных различий. М.: ЧеРо, 2000. 776 с.
5. *Глухов В.П.* Основы психолингвистики: Учебное пособие для студентов педвузов / В.П. Глухов. М.: АСТ; Астрель, 2005. 351 с.
6. *Ломов Б.Ф.* Общение как проблема общей психологии // Методологические проблемы социальной психологии. М.: Прогресс, 1975. 395 с.
7. *Ломов Б.Ф.* Общение как проблема общей психологии // Общение и социальная регуляция поведения индивида // Психологические проблемы социальной регуляции поведения / Б.Ф. Ломов. М., 1976. 475 с.
8. *Мерлин В.С.* Очерк интегрального исследования индивидуальности / В.С. Мерлин. М.: Наука, 2006. 256 с.
9. *Мещеряков В., Зинченко В.* Большой психологический словарь /. СПб.: Нева, 2004. 672 с.
10. *Немов Р.С.* Психология. В 3 кн. М., 2003, Кн.1. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://dedovkgu.narod.ru/bib/nemov1.htm (дата обращения 12.03.2016).
11. *Петрунек В.П.* Нелегкий шаг к юности. М.: Просвещение, 1984. 160 с.

Reference list

1. *Andreeva G.* Social psychology / G. Andreeva. M.: Aspect Press, 2008. 363 p.
2. *Andrienko E.* Social Psychology: Textbook for students of higher education institutions / Under the editorship of V. Slastenin. M.: Publishing Center "Akademiya", 2000. 264 p.
3. *Akhverdova O.* Differential Psychology: Theoretical and applied aspects of the researching integral individuality: Textbook / O. Akhverdova, N. Voloskova, T. Belykh. SBR.: Rech', 2004.168 p.
4. *Gippnreyter Yu., Romanova V.* The psychology of individual differences. M.: CheRo, 2000. 776 p.
5. *Glukhov V.* Fundamentals of psycholinguistics: textbook for students of pedagogical higher education institutions / V. Glukhov. M.: AST; Astrel', 2005. 351 p.
6. *Lomov B.* Communication as an issue of the General Psychology // Methodological issues of social psychology. M.: Progress, 1975. 395 p.
7. *Lomov B.* Communication as a problem of the General Psychology // Contact and the social regulation of individual behavior // Psychological issues of social regulation of behavior / B. Lomov. M., 1976. 475 p.
8. *Merlin V.* The integral research essay of individuality / V. Merlin. M.: Nauka, 2006. 256 p.
9. *Meshcheryakov V., Zinchenko V.* Big psychological dictionary /. SBR.: Neva, 2004. 672 p.
10. *Nemov R.* Psychology. In 3 books. M., 2003, Book1. [Electronic resource] Access mode: http://dedovkgu.narod.ru/bib/nemov1.htm (date of access: 12.03.2016).
11. *Petrunek V.* A difficult step for youth. M.: Prosveshchenie, 1984. 160 p.

УДК 378.1

Корытова М.А.,
кандидат физико-математических наук, доцент кафедры математического анализа и методики преподавания математики Института естественных и точных наук Южно-Уральского государственного университета

Шунайлова С.А.,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры математического анализа и методики преподавания математики Института естественных и точных наук Южно-Уральского государственного университета

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ МЕНЕДЖЕРОВ

В статье рассматривается экономико-математическая компетентность как один из параметров успешности профессиональной деятельности менеджеров. Дается определение «экономико-математической компетентности» в аспекте подготовки будущих менеджеров как интегративная, интеллектуально и личностно обусловленная характеристика личности менеджера, отражающая его способность применять экономические знания и математические методы при решении управленческих задач и повышении их эффективности. Выявлены серьезные ограничения для успешной, качественной экономико-математической подготовки будущих менеджеров. Сформулированы педагогических условия, которые необходимо выполнить для успешного формирования экономико-математической компетентности будущих управленцев.
Ключевые слова: экономико-математическая компетентность, решение управленческих задач, педагогические условия

Korytova M.,
PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor of Chair of Mathematical Analysis and Methods of Teaching Mathematics of the Institute of Natural and Exact Sciences of the South-Ural State University

Shunaylova S.,
PhD in Pedagogy, Associate Professor of Chair of Mathematical Analysis and Methods of Teaching Mathematics of the Institute of Natural and Exact Sciences of the South-Ural State University

PEDAGOGICAL CONDITIONS OF ECONOMIC-MATHEMATICAL COMPETENCE FORMATION OF INTENDED MANAGERS

The article deals the economic-mathematical competence as one of the success parameters of professional work of managers. It identifies "economic-mathematical competence" in the aspect of intended managers training as an integrative, intellectual and personal associated characteristic of manager personality, which is reflecting its ability to apply economic knowledge and mathematical methods to decide managerial tasks and to improve their performance. There are major limitations for successful, qualitative economic-mathematical training of intended managers. The pedagogical conditions as may be necessary met for the successful economic-mathematical competence formation of intended managers are formulated in the article.
Keywords: economic-mathematical competence, managerial tasks decision, pedagogical conditions

Анализируя современные тенденции в системе профессионального образования в области управления, а также состояния самой управленческой практики, мы установили, что высокий уровень экономико-математической компетентности менеджеров, является одним из параметров их успешности и будущего карьерного роста.

Управленческую деятельность относят к сложным социально-психологическим явлениям. В ней ярко проявляются такие качества личности воля и целеустремленность. При этом менеджеру присущи такие действия как: анализ состояния организации, подготовка и принятие управленческих решений, осуществление контроля за их исполнением. Они невозможны без мыслительных и волевых операций, направленных на достижение поставленной цели.

В Федеральном государственном стандарте подготовки магистров по направлению «Государственное и муниципальное управление», например, есть такая профессиональная компетентность, необходимая

для осуществления *административно-технологической деятельности: «владение современными методами диагностики, анализа и решения социально-экономических проблем, а также методами принятия решений и их реализации на практике (ПК-5)»* [4].

Вводя понятие «экономико-математическая компетентность», мы ни в коей мере не входим в противоречие со стандартом, мы лишь более широко и глубоко пытаемся ее осознать. Ведь что такое «экономико-математическая компетентность» в аспекте подготовки будущих менеджеров. Мы определяем ее как интегративную, интеллектуально и личностно обусловленную характеристику личности менеджера, которая отражает его способность применять экономические знания и математические методы при решении управленческих задач и повышении их эффективности. Специалист, обладающий данной компетентностью, обладает не только экономическими и математическими знаниями и умениями, но, самое главное, интеллектуальными способностями и такими качествами личности, как желание и волю применить экономические и математические знания в практике управленческой деятельности, то есть мотивационно-ценностными и волевыми качествами.

Рассматривая узко-специализированные компетенции менеджера как составляющие его профессиональной компетенции, необходимо отметить, что данные специальные компетенции, в том числе экономико-математические, формируются специальными знаниями и практическим опытом их применения. Еще одним важным аспектом является их эффективное применение в профессиональной деятельности. Однако понятие профессиональной компетенции в целом значительно шире, в него входят также этические нормы, правила, ценности и убеждения личности [1].

Если мы говорим о компетенциях как о сформированных инструментах того или иного вида деятельности, то *компетентность – это уже свойство личности интегрировать и применять выработанные компетенции в своей практической деятельности.*

Поэтому профессиональная компетентность неотделима от личностных качеств самого специалиста-профессионала. Так как для него компетентность означает не только способность, но и готовность решать профессиональные задачи, поставленные перед ним [1].

В этой связи интересны работы Ковтунович М.Г., которая включает в условия компетентности на теоретическом уровне развитие когнитивных структур профессиональных знаний, их системность и интегрированность, которые обуславливают зрелость и применимость профессиональных знаний, а с другой стороны, практический уровень компетентности связывает с другими личностными особенностями, опосредуя их стилем саморегуляции: «… знания могут быть оценены через развитие системы когнитивных структур данной области знаний, особенности мышления будут комплексно выражаться в профессиональных компетенциях, которые во многом зависят от системы когнитивных структур и стиля саморегуляции» [1, с. 104]. Далее Ковтунович М.Г указывает, что «сочетание этих двух факторов будет являться залогом эффективности будущих решений и карьерного успеха менеджера» [1, с. 104]

Кроме того, основываясь на работах Т.А. Корниловой, которая рассматривает принятие решений как «произвольный выбор при осознанной возможности иных альтернатив и иных критериев» [3], мы можем говорить о необходимости создания адекватных экономико-математических моделей, для создания которых необходима конкретизация факторов, определяющих исходные данные для принятия решений. Процесс же моделирования является не только способом непосредственно учебной деятельности в области экономики и математики, но и одним из основных методов научной деятельности. В частности, авторы одного интересного исследования по математическому моделированию принятия управленческих решений, делают вывод о том, что «для снижения неопределенности лицу, принимающему решения (руководителю), необходимо увеличивать полноту представления о вероятностях возможных исходов. Для этого ему нужно учитывать все возможные факторы... Данные показатели можно выразить количественно, и, соответственно, есть возможность их смоделировать» [2]. Этот вывод в полной мере относится к экономико-математическим моделям.

Однако существуют серьезные ограничения для успешной, качественной экономико-математической подготовки будущих менеджеров. Это, *во-первых*, значительное снижение уровня математической подготовки абитуриентов; *во-вторых*, выпускники школ испытывают некоторую неопределенность в своей будущей профессиональной деятельности, в большинстве случаев, случайный выбор направлений подготовки при поступлении в ВУЗ; и, наконец, *в-третьих*, отсутствие у преподавателей экономических дисциплин в ВУЗах специального педагогического образования или хотя бы дополнительного педагогического и психологического образования.

Таким образом, можно констатировать, что состояние подготовки менеджеров в высшей школе вообще и формирование экономико-математических компетенций (на основе которых формируется экономико-математическая компетентность) в частности, не соответствует требованиям современного экономического состояния общества и запросам на новые управленческие кадры.

Мы провели экспериментальное исследование состояния проблемы на базе Южно-Уральского государственного университета. В исследовании приняло участие 428 студента, 43 преподавателя и 22 ра-

ботающих менеджера. Исследование проводилось посредством психолого-педагогического диагностического инструментария: тестирования, анкетирования, группового и индивидуального интервью, групповой дискуссии, самооценки и самоанализа студентов, и пришли к следующим выводам [5]:

1. Преподаватели экономических дисциплин не всегда применяют математические знания студентов для разбора экономических ситуаций, тем более не применяют математические модели для построения экономических прогнозов; преподаватели математических дисциплин, в свою очередь, разбирая математические задачи на экономическом материале, не обращают внимание студентов на экономический смысл получаемых математических моделей.

2. Как следствие, студенты разделяют экономические и математические знания, отдавая приоритет получению теоретических экономических знаний, так как не понимают и не представляют возможностей математических расчетов и математических моделей в будущей управленческой деятельности.

3. Большинство менеджеров-практиков (в том числе студенты заочной формы обучения), понимая необходимость математических знаний для своей профессии, считают, что математическая подготовка в вузах зачастую является довольно слабой, особенно для студентов-заочников, а преподаватели уделяют недостаточное внимание к развитию у студентов экономико-математических способностей и не уделяют должного внимания ценностно-целевому компоненту применения экономико-математических методов при разработке управленческих решений.

Основываясь на этих выводах, мы сформулировали три педагогических условия, которые необходимо выполнить для успешного формирования экономико-математической компетентности будущих управленцев.

Первым условием должен стать мотивационный аспект, необходимо не только научить студентов, но и показать им значимость применения экономико-математических методов, которые можно использовать при анализе, проектировании и принятии управленческого решения. При этом у студентов должна сложиться потребность в освоении прикладных экономико-математических знаниях, в том числе экономико-математическом моделировании.

Второе условие – методическое – здесь мы ставим акцент на разработке учебно-методических материалов в виде практических заданий по математике и экономике, разработанных на основе межпредметных связей и интеграции естественнонаучных, общепрофессиональных и специальных дисциплин.

Третьим условием является освоение студентами опыта работы в проектных командах, целью которых будет являться оценка экономической, социальной и психологической эффективности проектов, стартапов и т.п.

Последнее педагогическое условие очень важно, так как тесно связано со спецификой деятельности менеджера по принятию управленческих решений. Такая деятельность всегда связана с работой в команде, а также направлена на необходимость постоянно оценивать последствия принятых решений.

Список литературы

1. *Ковтунович М.Г.* Осознанная саморегуляция как показатель когнитивного развития и профессиональной компетентности будущих менеджеров // Съвременното образование: стратегии, направления, ценности / Сборник научни трудове. Отговорен редактор доц. д-р Румяна Танкова. Българска, Пловдив: Университетско издателство «Паисий Хилендарски», 2012. – С. 103 – 114.
2. *Ковтунович М.Г., Колпаков В.Ф., Куванов В.В.* Поддержка принятия управленческих решений с помощью математического моделирования [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2012. №1. URL: http://psyedu.ru/journal/2012/1/2653.phtml (дата обращения: 15.06.2016)
3. *Корнилова Т.В.* Психология риска и принятия решений. М., 2003.
4. Приказ Минобрнауки России от 26.11.2014 № 1518 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 38.04.04 Государственное и муниципальное управление (уровень магистратуры)» (Зарегистрировано в Минюсте России 22.12.2014 № 35294)
5. http://fgosvo.ru/
6. http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvom/380404.pdf
7. *Шунайлова С.А.* Формирование экономико-математической компетенции будущих менеджеров в ВУЗе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. пед. наук по специальности 13 00 08 теория и методика профессионального образования, Челябинск, 2009.

Reference list

1. *Kovtunovich M.* Realized self-regulation as an indicator of cognitive development and professional competence of intended managers // Modern education: strategies, directions, values / Collection of scientific papers. Executive editor Rumyana Tankova, Associate Professor, Doctor. Bulgaria, Plovdiv. University publishing office “Paisiy Khilendarski”, 2012. P. 103 -114.

2. *Kovtunovich M., Kolpakov V., Kuvanov V.* Endoresement of managerial decisions making through mathematical modeling [Electronic resource] // Psychological science and education psyedu.ru. 2012. №. 1. URL: http://psyedu.ru/journal/2012/1/2653.phtml (date of access: 15.06.2016)
3. Kornilova T. Psychology of risk and decision making. M., 2003.
4. Ministry of Education and Science Instruction from 26.11.2014 №. 1518 "About the approval of Federal State Educational Standard of higher education in the line of training 38.04.04 "State and Municipal Management (Master's level)" (Registered in the Russian Ministry of Justice № 22.12.2014 35294)
5. http://fgosvo.ru/
6. http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvom/380404.pdf
7. *Shunaylova S.* The economic-mathematical competence formation of intended managers in a higher education institution. Synopsis of a thesis on competition of a scientific degree PhD in Pedagogy majoring in 13 00 08 "Theory and methodology of professional education", Chelyabinsk, 2009.

УДК 159.9:316.6(045)

Беленкова Л.Ю.,
кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии
Мордовского государственного педагогического института им. М.Е. Евсевьева

РАЗВИТИЕ МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА КАК УСЛОВИЕ ИХ УСПЕШНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ

В статье отражена проблема развития мотивационной сферы студентов педагогического вуза (мотиваций аффилиации, достижения, самоактуализации и ценностных ориентаций личности), представлены результаты опытно-экспериментальной работы, апробации тренинга развития профессиональной мотивации студентов педагогического вуза в процессе изучения дисциплин социально-психологической направленности, способствующего их успешному профессиональному становлению.

Ключевые слова: мотивация, аффилиация, достижение, самоактуализация, ценностные ориентации, студенты, вуз, тренинг развития профессиональной мотивации, профессиональное становление

Belenkova L.,
PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of Chair of Psychology of the Mordovian State Pedagogical Institute named after M. Evsev'ev

THE DEVELOPMENT OF MOTIVATIONAL SPHERE OF STUDENTS OF A PEDAGOGICAL HIGHER EDUCATION INSTITUTION AS A CONDITION OF THEIR EFFECTIVE PROFESSIONAL GROWTH

This article reflects the issue of development of motivational sphere of students of a pedagogical higher education institution (motivations of affiliation, advance, self-actualization and valuable orientations of the personality); the paper also presents the results of a pilot-experimental work, the testing training of development of professional motivation of students of a pedagogical higher education institution in the process of study of disciplines of social-psychological focus, which is contributing to their effective professional growth.

Keywords: motivation, affiliation, advance, self-actualization, valuable orientations, students, higher education institution, training of development of professional motivation, professional growth

В последнее десятилетие в связи с изменениями в жизни общества усилился интерес российских психологов и педагогов к изучению социальных мотивов поведения, поскольку резко возросла роль осмысленной ориентировки человека в окружающей социальной среде, в людях, в социальной мотивации их поведения. В этой связи особенно ощущается необходимость поиска возможностей для развития позитивных мотивов социального поведения, таких как мотивы аффилиации, достижения успеха, самоактуализации и ценностной ориентации личности. В связи с этим в условиях модернизации высшего образования на современном этапе особый интерес предполагает поиск новых подходов в обучении студентов – будущих педагогов-психологов. Педагог-психолог – это профессия особого рода, которая предъявляет человеку определенные психологические требования, предполагает наличие особого склада личности. Подготовка педагогов-психологов должна отличаться определенной спецификой и соответствовать уникальности предмета их деятельности – личности человека, а также средствам воздействия на нее и социальное окружение.

Важнейшей предпосылкой психологической готовности студентов к профессиональной деятельности педагога-психолога является формирование мотивационной сферы личности, которая призвана обеспечить их активность в учебном процессе и успешность предстоящей профессиональной деятельности. Несмотря на существование большого количества концепций и исследований, рассматривающих отдельные уровни, аспекты, механизмы мотивации (В.Г. Асеев [1], Н.А. Бакшаева [2], Л.И. Божович [3], В.К. Вилюнас [4], Е.П. Ильин [5], А.Н. Леонтьев [7], В.С. Мерлин [9] и др.),

в результатах исследований отсутствует ориентация на обеспечение мотивационной готовности личности к выполнению профессиональной деятельности. Поскольку мотивационная готовность человека является необходимым компонентом профессиональной успешности, особое значение приобретает ее психологическое измерение и изучение возможностей ее развития в процессе подготовки будущих педагогов-психологов в педагогическом вузе.

В своем исследовании мы исходили из положения о полимотивации деятельности (В.К. Вилюнас [4], Ж. Пиаже [15], В.И. Ковалев [6], А.Н. Леонтьев [7], П. Фресс [15], Х. Хекхаузен [16]).

Интересным нам представляется положение Л.Н. Лесохиной о том, что педагогическая деятельность включает в себя «базовые» мотивы и «сопутствующие». «Базовые мотивы» соотносятся с целью этой деятельности, «сопутствующие» мотивы обусловливают социальную престижность и гуманистическую направленность профессии, связаны с возможностью собственного творческого развития; взятые сами по себе они не свидетельствуют в полной мере о высокой степени вовлеченности в профессиональную педагогическую деятельность, а учитываются только в контексте с базовой мотивацией [8].

Практика работы со студентами показала, что сложность развития мотиваций в вузе объясняется, с одной стороны, тем, что студенты побуждаются к учению и овладению профессиональными навыками педагога-психолога целым комплексом мотивов.

На наш взгляд, все сказанное выше позволяет представить структуру мотивации профессиональной деятельности педагога-психолога как иерархию, состоящую из «базового» мотива – альтруизма, «сопутствующих» – мотива аффилиации, достижения, мотива самоактуализации и ценностной ориентации личности.

Мотив самоактуализации как подструктура мотивации психолого-педагогической деятельности обусловлен важнейшей функцией педагога-психолога – развитием у ребенка способностей к актуализации его личных ресурсов с целью самоопределения, самоактуализации и социально-психологической адаптации. Реализация этой функции педагогом-психологом невозможна, если он сам не обладает этой способностью, не осознает необходимости изменения, преобразования своего внутреннего мира и поиска новых возможностей самоосуществления в труде.

Следующая подструктура мотивации психолого-педагогической деятельности – мотив аффилиации – обусловлена спецификой деятельности педагога-психолога, составной частью профессионального мастерства которого является умение организовать интимно-личностное общение, устанавливать доверительный межличностный контакт (на близкой психологической дистанции). Общение в контексте психолого-педагогической деятельности предстает как творческий поиск, связанный с непрерывным процессом самопознания, самоисследования, творческого восприятия партнера, совместной ситуации. Без выраженного мотива аффилиации подготовить студентов к осуществлению гуманистически ориентированного общения очень трудно или практически невозможно.

Включение ценностей в структуру мотивации психолого-педагогической деятельности обусловлено положением, что ценности относятся к широкому классу мотивационных явлений. Они выступают в преобразованном виде как мотивы деятельности и поведения, ибо ориентация человека в мире и стремление к достижению определенных целей строго соотносится с ценностями, вошедшими в личностную структуру.

Таким образом, мотивация профессиональной деятельности педагога-психолога включает четыре подструктуры, которые следует рассматривать не как статические, а развивающиеся, изменяющиеся в процессе жизнедеятельности образования. С одной стороны, все перечисленные подструктуры тесно связаны между собой, взаимопроникают друг в друга, а с другой – имеют определенную автономность. Конечно, мотивация психолого-педагогической деятельности не исчерпывается перечисленными мотивами и может включать в себя и некоторые другие. Мы выделили лишь ведущие мотивы, от уровня развития которых зависит успешность профессиональной деятельности педагога-психолога. В своей совокупности они образуют единую внутренне согласованную систему. Подобное понимание структуры мотивации деятельности педагога-психолога ставит вопрос о необходимости поиска адекватного данным представлениям подхода к поиску путей изучения структуры мотивации и управления ее перестройкой.

Мы предположили, что развитие мотивации профессиональной деятельности педагогов-психологов может быть обеспечено при изучении студентами дисциплин социально-психологической направленности.

Наш подход основывался на позициях В.А. Якунина, который придает большое значение отдельным учебным дисциплинам в формировании мотивации и считает, что избирательное отношение студентов к учебным предметам может на разных этапах обучения определять доминирование тех или других учебных мотивов в их общей структуре [17]; Б.А. Сосновского, который указывает на особое значение в формировании мотивации к педагогической деятельности учебной дисциплины «Психология», отмечая при этом, что ее статус остается недопустимо низким, не соответствующим ее реальному месту в психологической подготовке будущего педагога-психолога [13].

Анализ научных и сложившихся в вузовской практике подходов к преподаванию дисциплин социально-психологической направленности свидетельствует о том, что в настоящее время пока недостаточно используются психологические механизмы развития мотивации студента. В то же время перед современной высшей школой ставятся задачи обеспечения психологических основ обучения студентов с тем, чтобы у будущего педагога-психолога развивались способности самореализации, самосовершенствования, которые позволят ему проявить себя достаточно подготовленным к различного рода сложным ситуациям во всех сферах жизни. Мы связываем выполнение этих задач с определением психолого-педагогических условий развития у студентов мотиваций аффилиации, достижения, самоактуализации и ценностной ориентации личности в единстве. В нашем исследовании мы исходили из того, что все виды мотивации необходимо рассматривать в единстве, как целостность, составляющую основу становления профессиональной компетентности бакалавра.

Определение таких условий предполагало выяснение психологических механизмов активизации мотивационных состояний студента при использовании психолого-педагогических приемов и средств обучения, а также выявления факторов развития исследуемых мотиваций. Анализ некоторых средств и приемов, накопленных современными теориями и технологиями обучения, позволил установить, что они обладают развивающими мотивацию функциями, но при этом их воздействие на мотивацию аффилиации, достижений, самоактуализации и ценностной ориентации личности неодинаково. В нашей практике использовался комплекс психолого-педагогических средств: методы интерактивного взаимодействия, мультимедийные и другие технические средства, интерактивные методы и формы обучения, приемы аттракции, анализ проблемных ситуаций и упражнения, балльно-рейтинговая система как компонент инфо-вуза, мобильного сервиса для студентов и преподавателей нашего вуза.

Развитие профессиональной мотивации студентов – будущих педагогов-психологов в процессе изучения дисциплин социально-психологической направленности возможно, на наш взгляд, средствами тренинга развития профессиональной мотивации. Поэтому главной целью экспериментальной части исследования явилась проверка эффективности разработанной нами программы тренинговых занятий, направленных на развитие мотиваций аффилиации, достижений, самоактуализации и ценностной ориентации личности у студентов педагогического вуза в процессе изучения дисциплин социально-психологической направленности.

Гипотезой исследования явилось предположение о том, что развитие у студентов мотивации аффилиации, достижений, самоактуализации и ценностной ориентации личности в процессе изучения дисциплин социально-психологической направленности средствами тренинга развития профессиональной мотивации будет способствовать совершенствованию мотивационной сферы студента как условия успешности профессионального становления педагога-психолога.

Задачи эксперимента: 1) проанализировать психолого-педагогическую литературу по проблеме исследования; 2) составить комплекс диагностических средств изучения мотиваций аффилиации, мотивации достижений, мотива самоактуализации и ценностных ориентаций у студентов («Методика выявления установок, направленных на альтруизм-эгоизм» О.Ф. Потемкиной [10]; вопросник самоактуализации Э. Шострома в адаптации А.В. Лазукина [11]; «Опросник для измерения аффилятивной тенденции и чувствительности к отвержению» А. Мехрабиана [12]; «Методика диагностики реальной структуры ценностных ориентаций личности» С.С. Бубнова [14]; для оценки статистической значимости различий между уровнями сформированности мотивации аффилиации, достижения, самоактуализации и ценностных ориентаций у студентов до и после формирующего этапа эксперимента применялся критерий Фишера); 3) спроектировать и реализовать программу тренинга развития профессиональной мотивации; 4) экспериментально проверить эффективность разработанной программы.

Этапы проведения эксперимента:

1) констатирующий этап – диагностика уровней развития исследуемых мотиваций с помощью комплекса диагностических средств;

3) формирующий этап – реализация программы тренинга развития профессиональной мотивации у студентов педагогического вуза в процессе изучения дисциплин социально-психологической направленности;

4) контрольный этап – получение данных об изменениях в мотивационной сфере студентов.

Реализация процесса развития профессиональной мотивации студентов педагогического вуза в процессе изучения дисциплин социально-психологической направленности опиралась на следующие основные психолого-педагогические условия:

– формирование мотивации аффилиации, мотивации достижений, мотивации самоактуализации и ценностной ориентации у студентов в процессе изучения ими психологии должно представлять собой одну из задач профессиональной деятельности преподавателя вуза;

– цели развития вышеназванных видов мотивации должны предусматривать обеспечение у студентов положительных мотивационных состоя-

ний, характеризующихся направленностью на активное взаимодействие в процессе коммуникативной деятельности, а также обеспечение позитивной Я-концепции, ориентирующей на успех;

– развитие мотиваций преподавателем важно осуществлять в единстве с саморазвитием мотиваций студентами за счет включения их в процесс оценивания собственных психических состояний и результатов учебной деятельности;

– развитие мотиваций предполагает использование комплекса психолого-педагогических средств, обладающих соответствующими развивающими возможностями и реализующими закономерности развития мотивации.

Экспериментальная работа в данном исследовании проводилась с целью выявления влияния психолого-педагогических условий на развитие мотивации аффилиации, достижений, самоактуализации и ценностной ориентации у студентов на занятиях дисциплин социально-психологической направленности.

Основная цель психологического обеспечения этих дисциплин состояла в психологической поддержке личности бакалавра – педагога-психолога, направленная на укрепление мотивации, развитие осознания особенностей выбранной профессиональной деятельности, своих личностных свойств и возможных путей профессионального развития.

Программа тренинга развития профессиональной мотивации предполагала решение следующих задач: осознание основных личностных смыслов профессиональной деятельности, соотнесение их со своими представлениями об удовлетворенности профессиональной деятельностью; осмысление личностью иерархии собственных социальных ролей и определения места профессиональной роли в общей жизненной перспективе; осознание и проектирование личной профессиональной цели и цели самоактуализации; осознание особенностей реализации карьерных выборов; формулирование и выбор возможной стратегии профессионализации, личных профессиональных программ.

Эмпирическое исследование проводилось на базе Мордовского государственного педагогического института им. М.Е. Евсевьева на занятиях по дисциплинам «Социальная психология», «Методы активного социально-психологического обучения», «Адаптационный тренинг», «Психологическая помощь лицам, попавшим в экстремальные ситуации», «Психологическое сопровождение лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации» на факультете психологии и дефектологии. В общей сложности в эксперименте приняли участие 110 студентов 1–3 курсов профиля подготовки «Психология образования» и «Психология и педагогика инклюзивного образования».

Результаты опытно-экспериментального исследования отражены в таблицах 1–4.

Данные диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере по методике О.Ф. Потемкиной отражены в таблице 1.

Данные таблицы 1 показывают, что на констатирующем и контрольном этапе эксперимента эгоистическая тенденция выявлена у 23,6% и 11,8% респондентов соответственно, для них характерна забота о собственной пользе, выгоде, они ставят свои интересы выше интересов других; альтруистическая тенденция характерна для 18,2% и 31,8% респондентов соответственно, для них характерно признание необходимости оказания помощи, отказ от удовлетворения личных интересов в пользу другого человека и стремление поступать в соответствии с нормативной позицией; ориентация на процесс характерна для 36,4% и 22,7% респондентов соответственно, они более ориентированы на процесс, менее задумываются над достижением результата, часто опаздывают со сдачей работы, их процессуальная направленность препятствует их результативности; ими больше движет интерес к делу, а для достижения результата требуется много рутинной работы, негативное отношение к которой они не могут преодолеть; ориентация на результат свойственна 21,8 % и 33,7 % респондентам соответственно, они ориентируются на ре-

Таблица 1

Сравнительный анализ внутригрупповых различий показателей социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере по методике О.Ф. Потемкиной до и после формирующего этапа эксперимента с помощью φ-критерия Фишера

Этапы эксперимента	Социально-психологические установки							
	Альтруизм		Эгоизм		Процесс		Результат	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Констатирующий	20	18,2	26	23,6	40	36,4	24	21,8
Контрольный	35	31,8	13	11,8	25	22,7	37	33,7
Величина и значимость φ–критерия	2,351*		2,329**		2,24		1,965	

*Примечание: *1,64-р ≥0,05; **2,31-р ≥0,01.*

зультат, надежны; могут достигать результата в своей деятельности вопреки помехам, неудачам.

Анализ внутригрупповых различий с помощью φ–критерия Фишера по показателям «альтруизм» и «эгоизм» выявил статистически достоверные различия на p≤0,01 уровне значимости, по показателям «процесс» и «результат» на p≤0,05 уровне значимости.

Данные диагностики самоактуализации личности по методике Э. Шострома в адаптации А.В. Лазукина отражены в таблице 2.

Данные таблицы 2 показывают, что на констатирующем и контрольном этапах эксперимента 13,6% и 31,8% респондентов соответственно имеют высокие показатели по шкале ориентации во времени, т.е. это респонденты, способные получать наслаждение

Таблица 2

Сравнительный анализ внутригрупповых различий уровней самоактуализации личности респондентов по методике Э. Шострома в адаптации А.В. Лазукина до и после формирующего этапа эксперимента с помощью φ-критерия Фишера

№ п/п	Показатели самоактуализации	Этапы эксперимента	Уровни самоактуализации личности					
			Высокий		Средний		Низкий	
			абс.	%	абс.	%	абс.	%
1	Ориентация во времени	Констатирующий	15	13,6	70	63,6	25	22,7
		Контрольный	35	31,8	62	56,4	13	11,8
Величина и значимость φ–критерия			3,285*		1,09		2,166*	
2	Ценности	Констатирующий	19	17,3	68	61,8	23	20,9
		Контрольный	35	31,8	68	61,8	7	6,4
Величина и значимость φ–критерия			2,522*		0		3,248**	
3	Взгляд на природу человека	Констатирующий	5	4,5	75	68,2	30	27,3
		Контрольный	24	21,8	69	63,6	17	15,5
Величина и значимость φ–критерия			4,034**		0,853		2,158*	
4	Потребность в познании	Констатирующий	13	11,8	66	60	31	28,2
		Контрольный	29	26,3	62	56,4	19	17,3
Величина и значимость φ–критерия			2,803**		0,541		1,943*	
5	Креативность	Констатирующий	16	14,5	58	52,7	36	32,8
		Контрольный	31	28,2	68	62,6	21	19,2
Величина и значимость φ–критерия			2,514**		1,365		2,314**	
6	Автономность	Констатирующий	29	26,3	80	72,7	11	10
		Контрольный	46	41,9	38	34,5	26	23,6
Величина и значимость φ–критерия			2,425**		5,829**		2,751**	
7	Спонтанность	Констатирующий	31	28,2	45	40,9	34	30,9
		Контрольный	16	14,5	73	66,4	21	19,1
Величина и значимость φ–критерия			2,514**		3,834**		2,032*	
8	Самопонимание	Констатирующий	28	25,5	62	56,4	20	18,2
		Контрольный	45	40,9	55	50	10	9,1
Величина и значимость φ–критерия			2,44**		0,949		1,988*	
9	Аутосимпатия	Констатирующий	11	10	73	66,4	26	23,6
		Контрольный	27	24,5	67	60,9	16	14,6
Величина и значимость φ–критерия			2,907**		0,845		1,735*	
10	Контактность	Констатирующий	33	30	56	50,9	21	19,1
		Контрольный	46	41,8	53	48,2	11	10
Величина и значимость φ–критерия			1,832*		3,189**		1,936*	
11	Гибкость в общении	Констатирующий	34	30,9	62	56,4	14	12,7
		Контрольный	52	47,3	48	43,6	10	9,1
Величина и значимость φ–критерия			2,507**		1,906*		0,86	

*Примечание: *1,64-p ≥0,05; **2,31-p ≥0,01.*

от актуального момента, который не сравнивается его с прошедшими радостями и не обесценивается ожиданием будущих успехов; это респонденты, которые хорошо постигают экзистенциальную ценность жизни «здесь и теперь»; 22,7% и 11,8% респондентов соответственно имеют низкий результат, который свойственен людям, невротически погруженным в переживания прошлого, с завышенным стремлением к достижениям, мнительным и неуверенным в себе.

Рассматривая показатели по шкале ценностей, можно отметить, что 17,3% и 31,8% респондентов соответственно имеют высокий показатель, следовательно, выбор перечисленных ими ценностей (истина, добро, красота, целостность, отсутствие раздвоенности, жизненность, уникальность, совершенство, свершение, справедливость, порядок, простота, легкость без усилия, самодостаточность) определяет стремление к здоровым отношениям с людьми и гармоничному бытию, отсутствие желания манипулировать людьми в своих интересах. Низкие показатели по шкале ценностей имеют 20,9% и 6% респондентов соответственно.

Положительный взгляд на природу человека сформирован у 4,5% 21,8% студентов соответственно; эти респонденты отличаются верой в человека, в могущество его возможностей, что интерпретируется как устойчивая основа для искренних и гармоничных межличностных отношений, симпатия и доверие к человеку, честность, доброжелательность; 30% и 17% респондентов соответственно имеют низкий уровень по шкале представлений о природе человека, т.е. склонны воспринимать природу человека скорее как отрицательную; им не свойственны искренние и гармоничные межличностные отношения, доброжелательные, доверительные отношения с людьми.

Высокий уровень потребности в познании выявлен у 11,8% и 26,3% студентов соответственно; эти респонденты всегда открыты новым впечатлениям, их отличает бескорыстная жажда нового, интерес к объектам, который не связан прямо с удовлетворением каких-либо потребностей; низкую степень выраженности стремления к приобретению знаний об окружающем мире имеют 28,2 % и 17,3% испытуемых соответственно, что свидетельствует о неблагополучии учебной деятельности данных респондентов.

Рассматривая показатели шкалы креативности или стремления к творчеству, можно отметить, что 14,5% и 28,2% испытуемых соответственно характеризуются творческим отношением к жизни, для 32,8% и 19,2% респондентов соответственно выявлено низкое стремление к творчеству.

Рассматривая показатели автономности, являющейся главной мерой психического здоровья личности, ее полноты и целостности, следует отметить, что 26,3% и 41,9% юношей и девушек соответственно имеют высокие показатели, что характеризует их такими чертами, как жизненность, самоподдержка, зрелость, независимость и свобода; 10% и 23,6% респондентов имеют низкий уровень автономности.

Высокий уровень по шкале спонтанности выявлен у 28,2% и 14,5% испытуемых соответственно, они способны спонтанно и непосредственно выражать свои чувства и эмоции, для них характерно естественное поведение, они уверены в себе и доверяют окружающим; для 30,9% и 19,1% испытуемых соответственно характерен низкий уровень спонтанности, что означает неуверенность в себе и недоверие к окружающему миру.

Высокий уровень по шкале самопонимание у 25,5% и 40,9% респондентов соответственно показывает наличие чувствительности, сензитивности испытуемых к своим желаниям и потребностям, они не склонны подстраивать собственные вкусы и оценки под внешние социальные стандарты; низкий уровень, выявленный у 18,2% и 9,1% респондентов соответственно, присущ людям неуверенным, ориентированным на мнение окружающих.

Высокий уровень аутосимпатии, являющейся естественной основой психического здоровья и цельности личности, характерен для 10% и 24,5% участников исследования соответственно, для них характерна осмысливаемая положительная Я-концепция, являющаяся основой устойчивой адекватной самооценки; 23,6% и 14,6% респондентов соответственно имеют низкие показатели аутосимпатии, что характеризует их как людей невротичных, тревожных, неуверенных в себе.

По шкале контактность для 30% и 41,8% испытуемых соответственно характерен высокий уровень общительности, умения устанавливать прочные и доброжелательные отношения с окружающими, склонность к взаимно полезным и приятным контактам с другими людьми; низкий уровень отмечается у 19,1% и 10% испытуемых соответственно, что определяет неспособность быстрого установления глубоких и тесных эмоциально насыщенных контактов с людьми.

Шкала гибкости в общении сопоставляется с наличием или отсутствием социальных шаблонов, способностью к адекватному самовыражению в общении. Высокий уровень показателей у 30,9% и 47,3% респондентов соответственно характеризует их как людей, склонных к аутентичному взаимодействию с окружающими, способных к самораскрытию, для них не характерна склонность прибегать к фальши или манипуляциям; низкий уровень показателя отмечен у 12,7 % и 9,1% респондентов соответственно, характерен для неуверенных в своей привлекательности людей, они сомневаются в том, что интересны собеседнику и общение с ними может приносить удовольствие.

Признавая важность саморазвития, самоактуализации, студенты-психологи после проведения тренинговых занятий стали обладать рядом личностных характеристик, которые позволяют наиболее полно реализовать свои возможности: достаточно высокий уровень доверия, доброе и внимательное отношение к людям, уверенность в себе, склонность собственные вкусы и интересы подчинять потребностям большинства.

Рассматривая результаты проведения теста самоактуализации, можно отметить, что большинство репонентов характеризуется средним уровнем самоактуализации.

Анализ внутригрупповых различий уровней самоактуализации личности респондентов по методике Э. Шострома с помощью φ–критерия Фишера по показателям «высокий уровень» по всем шкалам методики выявлены статистически достоверные различия и по показателю «низкий уровень» по шкалам «ценность, креативность и автономность» на р $\leq$ ≤0,01 уровне значимости, по показателю «низкий уровень» статистически достоверные различия по шкалам «ориентация во времени», «взгляд на природу человека, потребность в познании», «спонтанность», «самопонимание», «аутосимпатия», «контактность» на р≤0,05 уровне значимости.

Данные методики А. Мехрабиана отражены в таблице 3.

Согласно данным таблицы 3 на констатирующем этапе исследования низкий уровень мотива стремления к людям выявлен у 50% респондентов, на контрольном – у 19,1% респондентов, средний уровень этого мотива – у 36,4% респондентов на констатирующем и контрольном этапах соответственно, высокий уровень – у 13,6% и 44,5% респондентов соответственно; на констатирующем этапе исследования низкий уровень мотива боязни быть отвергнутым выявлен у 23,7% респондентов, на контрольном – у 52,7% респондентов, средний уровень – у 34,5% и 39,1% респондентов соответственно, высокий уровень – у 41,8% и 8,2% респондентов соответственно.

Данные тест-опросника для измерения мотивации аффиляции позволяют выделить 4 группы интенсивности проявления мотивов стремления к принятию и страха отвержения. У 41,8% испытуемых выявлено сочетание следующих позиций: высокого уровня развития мотива «боязнь быть отвергнутым» в совокупности с низким уровнем развития мотива «стремление к людям», что характеризует их как активно избегающих контактов с людьми, ищущих одиночества. У 13,6% испытуемых выявлено сочетание следующих позиций: высокого уровня развития мотива «стремление к людям», сочетаемый с высоким уровнем развития мотива «боязнь быть отвергнутым, что характеризуется сильно выраженным внутренним конфликтом между стремлением к людям и их избеганием, который возникает каждый раз, когда ему приходится встречаться с незнакомыми людьми. У 13,6% испытуемых выявлено сочетание следующих позиций: высокого уровня развития мотива «стремление к людям», сочетаемый с низким уровнем развития мотива «боязнь быть отвергнутым», что характеризует их как активно ищущих контактов и общения с людьми, испытывающих в основном только положительные эмоции. У 23,7% испытуемых выявлено сочетание мотивационных тенденций: низкого уровня развития обоих мотивов, что характеризует их как живущих среди людей и общающихся с ними, не испытывающих от этого ни положительных, ни отрицательных эмоций и хорошо чувствующих себя как среди людей, так и без них.

Анализ внутригрупповых различий с помощью φ–критерия Фишера по показателю «низкий уровень» и «высокий уровень» шкалы «стремление к людям»,

Таблица 3

Сравнительный анализ внутригрупповых различий уровней развития аффилятивной тенденции и чувствительности к отвержению у студентов по методике А. Мехрабиана до и после формирующего этапа эксперимента с помощью φ-критерия Фишера

Мотив	Этапы эксперимента	Уровень развития мотива					
		Низкий		Средний		Высокий	
		абс.	%	абс.	%	абс.	%
Стремление к людям	Констатирующий	55	50	40	36,4	15	13,6
	Контрольный	21	19,1	40	36,4	49	44,5
Величина и значимость φ–критерия		4,939 **		0		5,236**	
Боязнь быть отвергнутым	Констатирующий	26	23,7	38	34,5	46	41,8
	Контрольный	58	52,7	43	39,1	9	8,2
Величина и значимость φ–критерия		4,524**		0,705		6,118**	

*Примечание: *1,64-р ≥0,05; **2,31-р ≥0,01.*

«боязнь быть отвергнутым» выявил статистически достоверные различия на p≤0,01 уровне значимости.

Данные диагностики реальной структуры ценностных ориентаций личности по методике С.С. Бубнова представлены в таблице 4.

Данные таблицы 4 свидетельствуют о том, что приоритетными ценностными ориентациями согласно иерархии у респондентов на констатирующем и контрольном этапе эксперимента оказались по показателю «высокий уровень» следующих шкал: «помощь и милосердие к людям» – у 36,4% и 50% респондентов соответственно, «здоровье» – 26,4% и 41,8% студентов соответственно, «любовь» – у 27,3% и 40% респондентов соответственно, «поиск и наслаждение прекрасным» – у 22,7% и 40,9% респондентов соответственно, «социальная активность для достижения по-

Таблица 4

Сравнительный анализ внутригрупповых различий уровней сформированности ценностных ориентаций личности респондентов по методике С.С. Бубнова до и после формирующего этапа эксперимента с помощью φ-критерия Фишера

№ п/п	Ценности	Этапы эксперимента	Уровни сформированности					
			Низкий		Средний		Высокий	
			абс.	%	абс.	%	абс.	%
1	Отдых, приятное времяпрепровождение	Констатирующий	15	13,6	53	48,2	42	38,2
		Контрольный	4	3,6	69	62,7	37	33,7
Величина и значимость φ–критерия			2,766**		2,173*		0,712	
2	Высокое материальное благосостояние	Констатирующий	45	40,9	55	51	10	9,1
		Контрольный	30	27,2	43	39,1	37	33,7
Величина и значимость φ–критерия			2,136*		1,632*		4,628**	
3	Поиск и наслаждение прекрасным	Констатирующий	55	50	30	27,3	25	22,7
		Контрольный	30	27,3	35	31,8	45	40,9
Величина и значимость φ–критерия			3,493**		0,727		2,929**	
4	Помощь и милосердие к другим людям	Констатирующий	36	32,7	34	30,9	40	36,4
		Контрольный	26	23,6	29	26,4	55	50
Величина и значимость φ–критерия			1,498		0,742		2,047*	
5	Любовь	Констатирующий	16	14,5	64	58,2	30	27,3
		Контрольный	8	7,3	59	53,7	44	40
Величина и значимость φ–критерия			1,735*		0,69		1,995*	
6	Познание нового в мире, природе, человеке	Констатирующий	51	46,4	41	37,3	18	16,3
		Контрольный	30	27,3	44	40	36	32,7
Величина и значимость φ–критерия			2,959**		0,408		2,84**	
7	Высокий социальный статус и управление людьми	Констатирующий	23	20,9	65	59,1	22	20
		Контрольный	10	9,1	61	55,5	39	35,4
Величина и значимость φ–критерия								
8	Признание и уважение людей	Констатирующий	19	17,3	49	44,5	42	38,2
		Контрольный	5	4,5	55	50	50	45,5
Величина и значимость φ–критерия			3,189**		0,816		1,098	
9	Социальная активность	Констатирующий	48	43,6	44	40	18	16,4
		Контрольный	28	25,5	40	36,4	42	38,1
Величина и значимость φ–критерия			2,84**		0,549		3,701**	
10	Общение	Констатирующий	23	20,9	73	66,4	14	12,7
		Контрольный	13	11,8	70	63,6	27	24,6
Величина и значимость φ–критерия			1,847*		0,438		2,277**	
11	Здоровье	Констатирующий	31	28,1	50	45,5	29	26,4
		Контрольный	21	19,1	43	39,1	46	41,8
Величина и значимость φ–критерия			1,594		0,964		2,425**	

*Примечание: *1,64-p ≥0,05; **2,31-p ≥0,01.*

зитивных изменений в обществе» – 16,4% и 38,1% респондентов соответственно, показатель «высокое материальное благосостояние» выявлен у 9,1% и 33,7% респондентов соответственно, «познание нового в мире, природе, человеке» – 16,3% и 32,7% респондентов соответственно, «общение» – 12,7% и 24,6% респондентов соответственно. Самыми непопулярными оказались ценности: «отдых, приятное времяпрепровождение» – у 38,2% и 33,7% респондентов соответственно, «признание и уважение людей» – у 38,2% и 45,5% испытуемых соответственно.

Анализ внутригрупповых различий с помощью φ–критерия Фишера по показателю «высокий уровень» шкал «высокое материальное благосостояние», «поиск и наслаждение прекрасным», «познание нового в мире, природе, человеке», «социальная активность и здоровье» выявил статистически достоверные различия на $p \leq 0{,}01$ уровне значимости, шкал «помощь и милосердие к другим людям», «любовь» выявил статистически достоверные различия на $p \leq 0{,}05$ уровне значимости.

Определение статистической значимости различий показателей сформированности мотивационной сферы студентов по всем использованным диагностическим методикам с помощью критерия Фишера подтвердило эффективность проведенной опытно-экспериментальной работы по развитию мотивационной сферы личности у студентов – педагогов-психологов в процессе изучения дисциплин социально-психологической направленности средствами тренинга развития профессиональной мотивации как условия успешности профессионального становления педагога-психолога.

Таким образом, процесс подготовки бакалавров в области профессиональной деятельности педагога-психолога является многоаспектным и трудоемким, поскольку на теоретическом и практическом уровне ему необходимо овладеть способами коммуникации, управления, взаимодействия, диагностирования, прогнозирования, методами и средствами коррекции, реабилитации и защиты личности. Эти основополагающие компоненты профессиональной деятельности, вероятно, и должны определять содержательную сторону подготовки бакалавров педагогов-психологов средствами тренинга развития профессиональной мотивации как условия успешности их профессионального становления.

Список литературы

1. *Асеев В.Г.* Мотивация поведения и формирование личности. – М.: Просвещение, 1976. – 160 с.
2. *Бакшаева Н.А.* Психология мотивации студентов: учебное пособие. – М.: Логос, 2006. – 184 с.
3. *Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. – М.: Просвещение, 1968. – 464 с.
4. *Вилюнаса В.К.* Психологические механизмы мотивации учения. – М.: МГУ, 1990. – 288 с.
5. *Ильин Е.П.* Мотивация и мотивы. – СПб.: Питер, 2000. – 512 с.
6. *Ковалев В.И.* Мотивы поведения и деятельности. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
7. *Леонтьев А.Н.* Потребности, мотивы и эмоции. – М.: МГУ, 1971. – 40 с.
8. *Лесохина Л.Н.* Способы обучения. Содержание и методы образования взрослых. – Л.: НИИООВ, 1998. – 273 с.
9. *Мерлин В.С.* Лекции по психологии мотивов человека: нервно-психическое напряжение // Хрестоматия по психологии: учебное пособие / сост. В.В. Мироненко; ред. А.В. Петровский. – М.: Просвещение, 1977. – С. 298–304.
10. Методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О.Ф. Потемкиной // Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учебное пособие / ред. и сост. Д.Я. Райгородский. – Самара: Смысл, 2001. – С. 641–648.
11. Методика диагностики самоактуализации личности Э. Шострома (в адаптации А.В. Лазукина) // Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / под ред. Н.П. Фетискина, В.В. Козлова, Г.М. Мануйлова. – М.: Институт психотерапии, 2002. – С. 426–433.
12. Методика диагностики мотивов аффилиации А.А. Мехрабиана // Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / под ред. Н.П. Фетискина, В.В. Козлова, Г.М. Мануйлова. – М.: Институт психотерапии, 2002. – С. 95–98.
13. *Сосновский Б.А.* К вопросу о мотивах, смыслообразовании в деятельности студента-заочника // Проблемы совершенствования профессиональной педагогической подготовки педагога в условиях заочного обучения. – М.: Высшее образование, 2008. – С. 32–37.
14. Тест «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» С.С. Бубновой // Практическая психология. Инструментарий / В.Б. Шапарь. – Ростов н/Д: Феникс, 2005. – С. 431–436.
15. *Фресс П.* Оптимум мотивации // Экспериментальная психология / под ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. – М.: Прогресс, 1999. – С. 119–125.
16. *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность: пер. с нем. / под ред. Б.М. Величковского. – М.: Педагогика, 1986. – 144 с.
17. *Якунин В.А.* Психология учебной деятельности студентов. – М.: Логос, 1994. – 156 с.

Reference list

1. *Aseev V.* Motivation of behavior and personality formation. M.: Prosveshchenie, 1976. 160 p.

2. *Bakshaeva N.* Psychology of motivation of students: Textbook. M.: Logos, 2006. 184 p.
3. *Bozhovich L.* The personality and its formation in children's age. M.: Prosveshchenie, 1968. 464 p.
4. *Vilyunasa V.* Psychological mechanisms of motivation of teaching. M.: MSU, 1990. 288 p.
5. *Il'in E.* Motivation and motives. SBR.: Piter, 2000. 512 p.
6. *Kovalev V.* The motives of behavior and activity. M.: Nauka, 1988. 192 p.
7. *Leont'ev A.* Needs, motives and emotions. M.: MSU, 1971. 40 p.
8. *Lesokhina L.* Ways of teaching. The content and methods of adult education. L.: NIIOOV, 1998. 273 p.
9. *Merlin V.* Lectures on Psychology of motives of the human being: Neuro-psychological stress // Reading book on Psychology: Textbook / Author V. Mironenko; Edited by A. Petrovskiy. M.: Prosveshchenie, 1977. P. 298-304.
10. The method of diagnostics of social and psychological affirmations of the personality in the motivational-requirement sphere by O. Potemkina // Practical psychodiagnostics. Methods and tests: Textbook / Editor and complier D. Raigorodskiy. Samara: Smysl, 2001. P. 641-648.
11. The method of diagnostics of self-actualization by E. Shostrom (adapted by A.Lazukin) // Socio-psychological diagnostics of the personality development and minor groups / Under the editorship of N. Fetiskin, V. Kozlov, G. Manuylov. M.: Institute of psychotherapy, 2002. P. 426-433.
12. The method of diagnostics of the motives of affiliation by A. Mehrabian // Socio-psychological diagnostics of the personality development and minor groups / Under the editorship of N. Fetiskin, V. Kozlov, G. Manuylov. M.: Institute of psychotherapy, 2002. P. 95-98.
13. *Sosnovskiy B.* Revisiting the motives, meaning-making in the activity of an external-student // Issues of improvement of professional pedagogical training of a teacher in conditions of distance education. M.: Higher education, 2008. P. 32-37.
14. The Test "Diagnostics of real structure of valuable orientations of the personality" by S. Bubnova // Practical Psychology. Toolkit / V. Shapar'. Rostov –on-Don: Feniks, 2005. P. 431-436.
15. *Fraisse P.* Optimum Motivation // Experimental Psychology / Under the editorship of P. Fraisse, J. Piaget. M.: Progress, 1999. P. 119-125.
16. *Heckhausen H.* Motivation and Activity: Translation from German / Under the editorship of B. Velichkovskiy. M.: Pedagogika, 1986. 144 p.
17. *Yakunin V.* Psychology of teaching activity of students. M.: Logos, 1994. 156 p.

УДК 159.9

Гаджиева Н.М.,
аспирантка Дагестанского государственного педагогического университета,
логопед-дефектолог в детской поликлинике «Целитель» в городе Махачкале

ОСОБЕННОСТИ ВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ПСИХОЛОГОВ КАК ПРОЦЕСС СПЕЦИАЛЬНО ОРГАНИЗОВАННОГО СТАНОВЛЕНИЯ ИХ ЛИЧНОСТИ

В статье рассматриваются особенности вузовской подготовки будущих психологов, а также возможности выработки закономерностей и психологических подходов к повышению качества профессиональной подготовки будущих специалистов. Раскрываются два основных направления разработки вопроса профессиональной подготовки студентов-психологов: общепрофессиональное и специализированное. Выявлен ряд интегральных характеристик личности, направленных на обеспечение становление личности будущего специалиста.
Ключевые слова: становление, развитие, подготовка, самореализация, формирование, психологические знания, профессиональная подготовка

Gadzhieva N.,
Postgraduate student of the Dagestan State Pedagogical University, Speech-Language Pathologist and Speech-Needs Expert in the Child Health Center "Tselitel" in the city of Makhachkala

FEATURES OF ACADEMIC TRAINING OF INTENDED PSYCHOLOGISTS AS THE PROCESS OF SPECIALLY ORGANIZED BECOMING OF THEIR PERSONALITY

The article discusses the features of academic training of intended psychologists as well as the possibility of establishing patterns and psychological approaches to quality improvement of professional training of intended specialists. There are uncovered the following two main directions of improving issue of professional training of students-psychologists: the general professional and the specialized. A number of the personality integral characteristics, aimed at ensuring the personality becoming of an intended specialist are identified in the article.
Keywords: becoming, development, training, self-realization, formation, psychological knowledge, professional training

Вопросы профессиональной подготовки будущих специалистов составляют одну из основных проблем педагогики и такой отрасли психологической науки как педагогическая психология. В разные годы к разработке различных аспектов профессиональной подготовки субъектов обращались А.Г. Асмолов, А.А. Бодалев, В.А. Бодров, А.Л. Журавлев, Ю.М. Забродин, Э. Ф. Зеер, Ю.П. Зинченко, И.Б. Котова, Е.А. Климов, В.Г. Маралов, А.К. Маркова, Т.А. Майборода, А.А. Реан, В.В. Рубцов, Т.И. Чиркова, Д.И. Фельдштейн, Т.Н. Щербакова, В.А. Сластенин, Е.Н. Шиянов и другие исследователи. Их работы позволили образовать предметное поле психологии профессиональной подготовки субъекта трудовой деятельности, накопившее достаточный объем эмпирических материалов, а также теоретических построений, объясняющих и систематизирующих различные данные по соответствующей проблематике.

Востребованность обозначившейся при этом проблемной области обусловлена, с одной стороны, значимостью конечного результата профессиональной подготовки субъектов для эффективного функционирования общественного производства. С другой стороны, качество профессиональной подготовки субъекта составляет основу его достижений в трудовой период жизни, являющийся источником существования и дальнейшего личностного и профессионального развития. Продолжаясь в течение наиболее длительного и продуктивного периода жизни человека, трудовая деятельность во многом определяет материальное, физическое и психологическое благополучие каждого отдельного субъекта. При этом именно высокое качество профессиональной подготовки молодого человека выступает удобной платформой для удовлетворения широкого спектра индивидуальных потребностей материального и духовного содер-

жания, а также построения жизненных планов, обладающих необходимым потенциалом реализации.

Проблема профессиональной подготовки предстает перед нами в качестве социально релевантной, от успешности решения которой зависит материальное и духовное благополучие каждого субъекта, различных групп и всего социума.

Основной идеей разработки проблемного поля психологического знания, образующегося по обозначенному исследовательскому направлению, выступил поиск закономерностей и выработка психологических подходов к повышению качества профессиональной подготовки будущих специалистов. Анализ психологических исследований, выполненных на сегодняшний день по обозначенной проблематике, позволяет выделить два основных этапа ее становления и развития. В качестве основания их выделения выступает цель профессиональной подготовки специалистов, подверженная влиянию, с одной стороны, социально-экономических условий в стране, с другой стороны, ведущим научным тенденциям, утвердившимися в психологии.

Первый из выделяемых нами в отечественной психологии этапов становления и развития предметной области профессиональной подготовки субъекта трудовой деятельности продолжался приблизительно до 80-х годов прошлого столетия. Исследования в данной предметной области ориентировались, в конечном счете, на содействие в повышении производительности труда в различных сферах народного хозяйства, которое было заинтересовано в подготовке молодых кадров, способных занять рабочие места на равных со своими старшими коллегами. Изучение психологических аспектов их эффективности в профессиональной подготовке специалистов и составляло основной пласт проблематики предметной области, относимой нами к психологии профессиональной подготовки субъекта.

Второй этап развития психологических основ профессиональной подготовки субъекта может быть выделен приблизительно с 80-х гг. XX века. Оформление новых подходов к разработке данной проблематики во многом связано с распространением в науке гуманистического подхода (Роджерс К., Маслоу А., Франкл В. и др.), ориентирующего на рассмотрение уникальности и признание человеческого начала в каждом субъекте.

Основным вектором реализации психологической практики определялось содействие человеку в его личностном развитии, продвижении по пути самовыражения и самореализации по индивидуальной траектории безопасности [8;9]. В поле интересов при этом попадали различные аспекты и направления профессиональной подготовки будущих специалистов.

Профессиональная подготовка будущих психологов образует одно из направлений современного предметного поля психологических исследований. Следует признать, что на его оформление повлияла относительная молодость профессии психолога в нашей стране. До недавнего времени профессия психолога оставалась весьма малочисленной во многом в силу того, что подготовка по ней осуществлялась только в Московском и Ленинградском университете. Только с 70-80-х годов XX века происходит постепенное расширение отделений вузов, занимающихся такой практикой.

Качество профессиональной деятельности в сфере психологической практики «замыкается» на личности ее субъекта, переводя объективные условия построения деятельности в разряд менее актуальных. Соответственно, разработка подходов к формированию личности будущего психолога оказалось наиболее приоритетной при решении вопросов профессиональной подготовки рассматриваемой группы специалистов.

Преимуществом изучения особенностей профессиональной подготовки студентов-психологов является освоение им методологии психологической науки и ее терминологического аппарата. Это позволяет психологу-исследователю со своей стороны оптимально организовать исследовательский процесс, а студентам – более точно описывать свои психологические свойства, процессы и состояния, связанные с процессами профессионализации. Немаловажным преимуществом является актуализация у студентов-психологов в рамках вузовской подготовки профессиональной добросовестности, наблюдательности и иных деловых, равно как и личностных (например, рефлексивности) качеств. Их развитие у студентов-психологов может способствовать получению более точной и многогранной информации относительно изучаемых аспектов их профессиональной подготовки.

Процесс организации и проведения исследований относительно особенностей профессиональной подготовки студентов-психологов, вписываясь в общую логику профессиональной подготовки, обладает рядом специфических деталей, отличающих его от соответствующих процессов профессиональной подготовки других групп специалистов.

Сказанное позволяет рассматривать два основных направления разработки вопроса профессиональной подготовки студентов-психологов: общепрофессиональное и специализированное (рис. 1).

Развитие общепрофессионального направления предметного поля психологии профессиональной подготовки будущих психологов основано на результатах исследований в области педагогической психологии, раскрывающих общие психологические факты, закономерности и механизмы реализации

процесса профессиональной подготовки субъекта вне зависимости от сферы, предстоящей для него трудовой деятельности.

В состав данного направления развития научных представлений о психологических особенностях, по сути, универсального процесса профессионализации можно включить несколько составляющих, различающихся по изучаемым аспектам (рис. 2).

Одна из них, согласно нашим представлениям, образуется рассмотрением психологических аспектов общей организации в вузе процесса профессиональной подготовки студентов. Данная составляющая развития общепрофессионального направления профессиональной подготовки будущих психологов включает изучение психологических оснований использования различных методов, средств, форм и приемов построения для них вузовского обучения. В состав данной проблематики включим также интеграционные исследования, ориентированные на выявление в целом психологических факторов совершенствования и, в частности оптимизации, профессиональной подготовки будущих специалистов (Агапов В.С. [1] и др.).

Анализ результатов исследований, относящихся к рассмотренной группе, позволяет в качестве одного из наиболее очевидных для них выводов отметить целесообразность расширения усилий по обеспечению практико-ориентированной стороны профессиональной подготовки будущих специалистов.

Наибольший массив работ в рамках общепрофессионального направления исследований в области подготовки психолога образуется научными изысканиями, характеризующими изменения в личности субъекта профессиональной подготовки. В число ка-

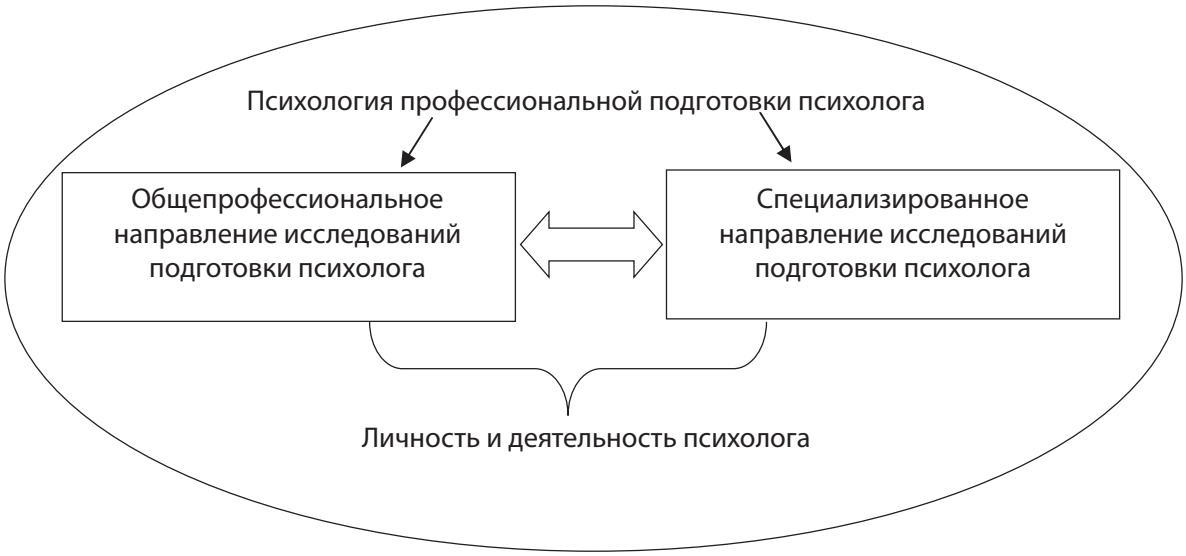


Рис. 1. Структурная модель проблемно-предметного поля исследований особенностей профессиональной подготовки психолога

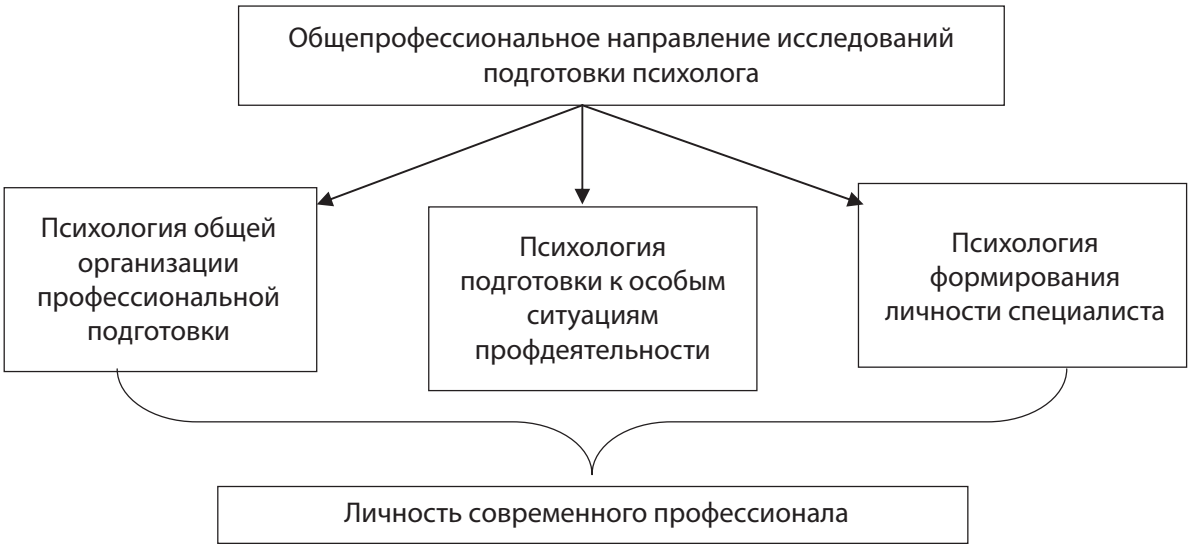


Рис. 2. Элемент структурной модели проблемно-предметного поля исследований особенностей профессиональной подготовки психолога, относящийся к общепрофессиональному направлению

честв, изменяющихся под влиянием профессиональной подготовки и, соответственно, изучаемых в рамках обозначенного направления, были включены те, которые относятся практически ко всем сферам психической организации человека. Так, научной разработке были подвергнуты особенности развития в процессе профессиональной подготовки познавательной, эмоционально-волевой, ценностно-смысловой, коммуникативной сфер личности (Аминов У.К. [3] и др.).

При специализированном направлении получение профессиональной подготовки в независимости от ее профиля и специализации способствует развитию, в первую очередь, качеств, относящихся к познавательной сфере человека, а также ряда деловых и социально-психологических качеств, влияющих на успешность выполнения трудовой деятельности. Кроме того, это период активного развития нравственных и эстетических чувств, развития и стабилизации характерологических особенностей личности.

Множественность векторов развития личности в период студенчества инициировала проведение исследований, сосредотачивающих свое внимание на изучение каких-либо наиболее значимых, с позиции психологов, особенностей субъектов вузовской подготовки. Отметим, что атрибутирование значимости многих качеств будущего специалиста основывается на требованиях заказа, формулируемого социумом на определенном этапе его политического, культурного и экономического развития.

Профессиональная подготовка в вузе способствует множественному развитию качеств личности, содействующих эффективному включению молодых специалистов с трудовую деятельность после завершения обучения. Между тем, получение обширной информации относительно личностных изменений субъекта не облегчает, а даже несколько затрудняет выработку общей практики профессиональной подготовки в вузе. Более результативным в этой связи является изучение некоторых комплексных характеристик, отражающих целый пласт происходящих с субъектом изменений. Исследования в рассматриваемом направлении способствовали выявлению ряда интегральных характеристик личности, направленное воздействие на которые способно обеспечить ускоренное и наиболее полное становление личности будущего специалиста.

Одной из таких характеристик личности, по мнению исследователей, является, в частности, личностный потенциал студента [2]. Под личностным потенциалом как необходимым компонентом профессиональной подготовки будущего специалиста понимается устойчивое во времени и пространстве личностно-деятельностное образование, которое проявляется в различных ситуациях поведенческой активности человека. Согласно высказываемой авторами позиции (Адольф В.А., Журавлева О.П., Леонтьев Д.А.), являясь интегральной характеристикой, личностный потенциал предполагает обладание субъектом такими свойствами и качествами, которые обеспечивают ему целостность личностного развития и способность создавать предметы материальной и духовной культуры. К признакам данной характеристики при этом относят: обладание профессиональной направленностью, сформированное понимание собственных возможностей в разрешении профессиональных задач, обнаружение ценностного отношения к личностным ресурсам, готовность к целенаправленному и самостоятельному овладению компонентами профессиональной деятельности и выбору путей реализации значимой цели [2, С. 23].

К интегральным характеристикам специалиста, интенсивно изучаемым в последние годы в связи с вопросами совершенствования профессиональной подготовки, относятся различные виды компетенций (Зеер Э.Ф., Байденко В.И. и др.) [6; 7]. Под компетенциями, согласно сложившемуся пониманию, подразумевается некоторая совокупность связанных друг с другом качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), которые задаются в отношении определенного круга предметов и процессов в качестве необходимых для осуществления качественно продуктивных действий. В частности, важнейшим компонентом подготовки субъекта к профессиональной деятельности рассматривается формирование социально-личностных компетенций, обладание которой обеспечивает его способность к выполнению всего спектра жизненных функций и осуществление свободного гуманистически ориентированного выбора [4, С. 5].

Специфическим методом профессиональной подготовки психологов в современных исследованиях рассматривается биографический метод (Белобрыкина О.А. [5] и др.), под которым понимается использование данных о жизненном пути и научных свершениях некоторых людей, рассмотренные в контексте конкретных социально-политических и экономических условий. Ресурсность биографического метода в осуществлении профессиональной подготовки психолога исследователи видят в том, что он, концентрируя данные относительно объективных событий и субъективных переживаний личности в разных жизненных контекстах, предоставляет будущему психологу возможность самостоятельного построения умозаключений о характере, направленности, таланте и жизненном опыте личности. Кроме того, на материале жизненного пути профессиональной элиты, студентам открывается возможность лучшего представления вариантов собственного развития, определения перспектив построения собственного жизненного и профессионального пути. Получение

подобного опыта рассматривается в качестве незаменимого для профессионального становления личности психолога.

Как видим из проведенного теоретического обзора, вопросы профессиональной подготовки психолога на сегодняшний день получили достаточно разностороннюю разработку в психологических исследованиях. Весь массив научных изысканий по проблеме может быть разбит на два основных этапа, различающихся подходами к решению задач профессиональной подготовки психологов. Первый этап (советский период) характеризуется ориентацией на подготовку специалиста, способного содействовать в решении задач народного хозяйства страны. Второй этап развития подходов к построению профессиональной подготовки в вузе будущих психологов ориентируется на развитие личности будущего специалиста.

Научные изыскания, выполненные на базе общенаучных и специализированных исследований особенностей вузовской подготовки будущих психологов, позволили построить многоаспектную картину психологических особенностей их профессиональной подготовки. На основе проведенного содержательного анализа обозначенного проблемно-предметного поля исследований мы пришли к выводу о целесообразности понимания под профессиональной подготовкой в вузе будущих психологов целостного процесса специально организованного становления их личности, позволяющего специалистам соответствовать требованиям социального запроса и оказывать эффективное содействие клиентам в решении возникающих перед ними проблем.

Список литературы

1. *Агапов В.С.* Оптимизация профессиональной подготовки психологов в системе высшего образования / В.С. Агапов // Акмеология. 2003. № 3. С. 81-84.
2. *Адольф В.А.* Развитие личностного потенциала студента в процессе профессиональной подготовки / В.А. Адольф, О.П. Журавлева // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 2. С. 21-26.
3. *Аминов У.К.* Личностные аспекты профессиональной подготовки / У.К. Аминов // Международный научный институт Educatio. 2015. № 3-9. С.6-8.
4. *Байденко В.И.* Компетенции в профессиональном образовании (к освоению компетентностного подхода) / В.И. Байденко // Высшее образование в России. 2004. № 11. С. 3-13.
5. *Белобрыкина О.А.* Акмеологический ресурс биографического метода в профессиональной подготовке психолога / О.А. Белобрыкина // Акмеология. Спецвыпуск. 2011. № 3. С. 61-64.
6. *Зеер Э.Ф.* Компетентностный подход к модернизации профессионального образования / Э.Ф. Зеер, Э.Э. Сыманюк // Высшее образование в России. 2005. № 4. С. 23-30.
7. *Князева Т.Н.* Профессиональная подготовка практического психолога: проблемы и варианты решения / Т.Н. Князева, Л.Э. Семенова // Наука и мир. 2014. № 5. Т.3. С. 92-96.
8. *Краснянская Т.М.* Концептуализация принципа безопасности образовательных практик / Т.М. Краснянская, В.Г. Тылец // Журнал министерства народного просвещения. 2015. № 4. С. 180-188.
9. *Малий Д.В.* Профессиональная подготовка психологов образования к созданию психологически безопасной образовательной среды в современной школе / Д.В. Малий // Альманах современной науки и образования. 2013. № 6.

Reference list

1. *Agapov V.* Professional training optimization of psychologists in the higher education system / V. Agapov // Acmeology. 2003. № 3. P. 81-84.
2. *Adol'f V.* Personality capability development of a student in the process of professional training / V. Adol'f, O. Zhuravleva // Siberian Pedagogical Journal. 2012. № 2. P. 21-26.
3. *Aminov U.* Personality aspects of professional training / U. Aminov // The Educatio International Scientific Institute. 2015. № 3-9. P. 6-8.
4. *Baydenko V.* Competencies in professional education (to learning of competence-based approach) / V. Baydenko // Higher Education in Russia. 2004. № 11. P. 3-13.
5. *Belobrykina O.* Acmeological resource of the biographical method in the professional training of a psychologist / O. Belobrykina // Acmeology. Special issue. 2011. №. 3. P. 61-64.
6. *Zejer E.* The competence approach to professional education modernization / E. Zejer, E. Symanyuk // Higher Education in Russia. 2005. №. 4. P. 23-30.
7. *Knyazeva T.* Professional training of the practical psychologist: Issues and solutions / T. Knyazeva, L. Semenova // Science and World. 2014. №. 5. Vol. 3. P. 92-96.
8. *Krasnyanskaya T.* Conceptualization of the safety principle of educational practices / T. Krasnyanskaya, V. Tylets // Journal of the Ministry of National Education. 2015. №. 4. P. 180-188.
9. *Maliy D.* Professional training of educational psychologists to the creation of psychologically safe education environment at the contemporary school / D. Maliy // Almanac of Modern Science and Education. 2013. №. 6.

УДК 37.042

Полешко Р.В.,
аспирантка первого курса кафедры социальной педагогики Московского государственного психолого-педагогического университета

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ЛИЧНОСТНОГО РОСТА ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

В данной статье рассматривается особенности социально-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья.
В статье обосновывается, тот факт, что социально-педагогическое сопровождение детей дошкольного возраста необходимо для успешного включения их в систему школьного образования.
Среди наиболее прогрессивных форм социально-педагогического сопровождения, позволяющих успешно включать дошкольников в систему воспитания и обучения выделены: сопровождение в период адаптации, развитие навыков самоконтроля и коммуникативной культуры, активного межличностного взаимодействия, а также учебной мотивации детей такой категории.
Ключевые слова: инклюзивная культура, инклюзивное образование, комплексная помощь и поддержка ребенка в системе дошкольного образовательного учреждения, мультидисциплинарность, служба сопровождения

Poleshko R.,
Postgraduate student of the first year course of Chair of Social Pedagogy of the Moscow State Psychological-Pedagogical University

PECULIARITIES OF SOCIALLY-PEDAGOGICAL SUPPORT OF PERSONAL GROWTH OF PRESCHOOL CHILDREN WITH DISABILITIES

This article discusses the peculiarities of the socially-pedagogical support of children with disabilities.
There is substantiated the fact that socially-pedagogical support of preschool children is necessary for successful inclusion in the school education system.
There are the following selected among the most advanced forms of socially-pedagogical support, allowing for successful preschoolers inclusion in the system of training and education: the support in adaptation period, the skills development of self-control and the communicative culture, the active interpersonal interaction as well as the children academic motivation of such category.
Keywords: inclusive culture, inclusive education, comprehensive assistance and support of child in preschool educational institution, multidisciplinary, support service

В широком смысле под социальной поддержкой подразумевается совокупность положительных влияний социального окружения на человека и на его интеграцию в систему социальных отношений. В более узком смысле социальная поддержка, – это прямая помощь в трудных жизненных ситуациях. Педагоги дошкольных образовательных учреждений используют оба подхода, поскольку они призваны осуществлять не только воспитание и всестороннее развитие дошкольников, но и с внешней средой. Как правило, социальную поддержку определяют по контрасту с социальной защитой. Существуют разные подходы к выделению критерия принципиального отличия данных понятий. В одном из них подчеркивается принципиальное различие звучания «социальной поддержки» и «социальной защиты». Слово «защита» предполагает продолжительный патронаж государства над личностью, чреватый появлением иждивенческих настроений у населения, находящегося под «защитой». Люди привычно протягивают руку за помощью, часто имея возможность для самостоятельного выхода из трудной жизненной ситуации, но, не имея привычки к этому. Качественно иным в этом смысле выглядит понятие социальной поддержки [5, с. 117].

Социальная поддержка представляет собой совокупность социальных услуг: медико-социальных, социально-экономических, социально-бытовых, социально- психологических, социально-педагогических и иных видов помощи детям с ограниченными возможностями здоровья со стороны дошкольных образовательных организаций.

Социальная поддержка, в отличие от социальной защиты, оказывается дошкольникам с ограниченными возможностями здоровья в случае их адаптации в условиях детского сада.

Отличительным признаком социальной поддержки является ее временный или частичный характер, а также активное участие самого дошкольника в развитии его личности, использование элементов как педагогической, так и психологической поддержки [4, с. 8].

Для дошкольников с ограниченными возможностями здоровья необходимость в социальной поддержка возникает в период адаптации к условиям жизнедеятельности в группе сверстников, а также в таких ситуациях, как: социальная изолированность в группе дошкольников; чувство незащищённости, повышенной тревожности, нередко агрессивности социального одиночеств, отсутствия взаимопонимания в группе дошкольников; потеря каких- либо физических способностей; недостаток родительского взаимопонимания. Развитие системы социальной поддержки позволяет устранять проблемы, возникающие в личностном развитии дошкольников с ограниченными возможностями здоровья.

Представляется обоснованным рассматривать психолого-педагогическое сопровождение как комплексный процесс, затрагивающий все сферы жизнедеятельности ребенка. Когда речь идет об инклюзивном образовании, т. е. необходимости создания такой системы действий, при которой интеграция, объединение в одной группе детей с обычным развитием и детей с особенностями психофизического развития, то, в первую очередь, необходимо говорить о полноценном участии последних в жизни группы.

В условиях инклюзивного образования педагогическое сопровождение организуется и индивидуально и фронтально [6, с. 119].

Деятельность специалистов сопровождения направлена, в том числе, и на подготовку воспитателей для работы как с детьми с ОВЗ, так и с группой их сверстников, включающей ребенка с ОВЗ, формирование социального интереса к этим детям, на корректность участников сопровождения в отношении используемой терминологии. Психолого-педагогическое сопровождение функционирует на всех ступенях образования, благодаря чему и обеспечивается непрерывность процесса сопровождения.

Значимость и продуктивность сопровождения определяется его системностью, вниманием к широкому кругу вопросов. Среди них семья, обустройство образовательной среды, обучение и воспитание, взаимодействие детей, вопросы самопознания и личностной самореализации.

Сопровождение семьи означает не только поддержку семей, имеющих детей с особенностями психофизического развития. Это также и формирование социального интереса к «особым» детям у всех родителей инклюзивной группы. Таким образом, от понимания потребностей «особых» детей на микроуровне (мой сын нуждается в специальной книге, специальном стуле, специальном устройстве двери) можно перейти на макроуровень, когда каждый человек, осуществляя свои профессиональные и общественные функции, будет осознавать необходимость учета подобных потребностей и детей, и взрослых. [1, с.54]

Учеными установлена прямая связь между наличием социально-эмоционального благополучия ребенка в детском коллективе и его успешностью во всех видах деятельности, в том числе и учебной. Технология социально-эмоционального взаимодействия предполагает работу с педагогами, «нормально» развивающимися воспитанниками и их родителями в системе инклюзивного образования, нацеленную на преодоление отрицательных установок, формирование приятия «особых» детей, понимание их особых потребностей. В этих условиях у детей с особенностями психофизического развития формируется социальная компетентность, навыки общения с окружающими, преодолевается социальная изоляция, расширяются возможности произвольного взаимодействия со сверстниками. У тех и других формируется определенная степень социальной зрелости и понимание факта (одного из главных признаков инклюзивного образования), что ребенок с ОВЗ не хуже и не лучше других – он такой же, как все [5, с. 119].

Важный принцип, которым руководствуются специалисты педагогического сопровождения – индивидуальный подход к каждому ребенку и его семье.

Даже если у детей, посещающих инклюзивное образовательное учреждения сходные нарушения, требующие создания похожих условий в образовательной среде, у каждого из них есть различия в особенностях микросреды, стиля воспитания в семье, возможностей для развития, потребностях и мотивах. Поэтому каждый ребенок и его семья требуют индивидуального подхода с учетом всех этих факторов. [2, С.45]

Одним из условий эффективной работы образовательного учреждения в области развития инклюзивной культуры, политики и практики является качественное управление всем процессом включения «особого» ребенка и его семьи в общеобразовательную среду. Перед руководством образовательного учреждения, вступающего на путь инклюзии, встает и другая задача – адаптация всех участников образо-

вательного процесса – родителей, детей, педагогов к меняющимся социальным условиям.

Комплексная помощь и поддержка ребенка в системе дошкольного образовательного учреждения – это обеспечение разнонаправленной психолого-педагогической, медико-социальной поддержки детей и их родителей. Сложный процесс взаимодействия сопровождающих и сопровождаемого, результатом которого является решение и действие, ведущее к прогрессу в развитии сопровождаемого. Субъектом или носителем проблемы развития ребенка является не только он сам (или заболевание), но и его родители и педагоги.

Согласно этой технологии определяются задачи по восстановлению индивидуально-личностного статуса ребенка с ограниченными возможностями здоровья:

1. Социальная и психологическая диагностика.

2. Социальная ориентация.

3. Социально-педагогическая поддержка, помощь (психологические консультации, коррекция семейных установок, мотивов поведения).

4. В теории сопровождения (по Е.И. Казаковой) важным положением выступает утверждение, что носителями проблемы развития ребенка в каждом конкретном случае выступает и сам ребенок, и его родители, и педагоги, и ближайшее его окружение, так называемый «субъектный четырехугольник» [2, с. 215] (рис. 1).

Статистика показывает, что постоянно растет заболеваемость детей дошкольного возраста, что связано с плохим состоянием здоровья беременных женщин, неблагоприятными условиями их труда и быта, падением жизненного уровня населения, ухудшением экологической обстановки. Таким образом, очевидно: необходимо создать службу сопровождения в том числе и в условиях дошкольного образовательного учреждения, направив ее деятельность на более глубокую работу с детьми, имеющими серьезные проблемы в здоровье.[3, с.133]

Служба сопровождения – это объединение специалистов разного профиля, осуществляющих процесс сопровождения.

Данная служба определила основные принципы сопровождения в условиях жизнедеятельности ДОУ:

Рекомендательный характер советов сопровождающего: ведущей идеей сопровождения выступает положение о необходимой самостоятельности ребенка в решении актуальных для его развития проблем, именно поэтому логика сопровождения диктует необходимость отказа от «законодательных» решений, все решения службы сопровождения могут носить только рекомендательный характер.

Ответственность за решение проблемы остается за ребенком, его родителями или лицами их заменяющими, педагогами, ближайшим окружением. На разных стадиях развития проблемы специалисты системы сопровождения могут стремиться дополнить своими советами «неработающие элементы» системы (отсутствие родителей, некомпетентность окружения).

Приоритет интересов сопровождаемого, позиция «на стороне ребенка»: на стороне взрослых – их жизненный опыт, многочисленные возможности независимой самореализации, множество социальных структур и организаций.

На стороне ребенка – только он сам и специалист сопровождения, который призван стремиться решить каждую проблемную ситуацию с максимальной пользой для ребенка.

Непрерывность сопровождения: поддержка может быть прекращена в случае решения проблемы, но в нашем случае это практически невозможно, так как дети находятся под постоянным воздействием факторов риска и должны быть обеспечены непрерывным сопровождением в течение всего периода их становления.

Мультидисциплинарность (комплексный подход) сопровождения: согласованная работа «команды» специалистов, проповедующих единые ценности, включенных в единую организационную модель и владеющих единой системой методов.

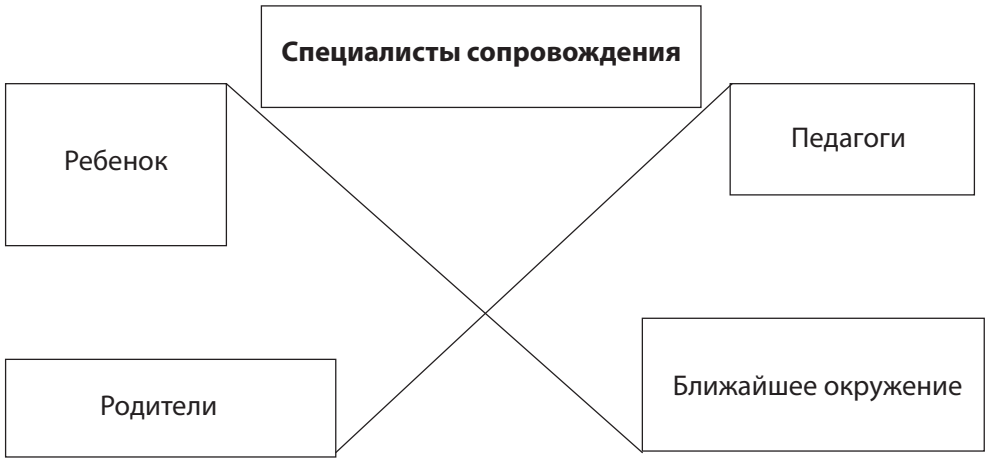


Рис. 1. Система социального сопровождения ребенка с ограниченными возможностями здоровья

Список литературы

1. *Акатов Л.И.* Социальная реабилитация детей с ограниченными возможностями здоровья. Психологические основы: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. 368 с.
2. Воспитание детей-сирот и детей с ограниченными возможностями здоровья: опыт, проблемы, решения // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 14-15 апреля 2011 года. Самара: СФ СПбГУП; изд. «Инсома - Пресс», 2011. 546 с.
3. *Клайн Ф., Фей Д.* Воспитание с любовью и логикой. М.: Вымпел, 2015.
4. *Дэвидсон-Арад Б., Казнельсон Х.* Сравнение оценки качества жизни детей группы риска родителями и социальными работниками // Обзор детских и юношеских служб, 2010. Вып. 32. С. 711-719.
5. *Малинаускас Р.* Корреляции между социальной поддержкой, стрессом и удовлетворенностью жизнью учащихся колледжа, получивших травму / Малинаускас Р. // Личность и социальное поведение. 2010. Вып. 38. №6. С. 741-752.
6. *Кэдьюсон Х., Шефер Ч.* Практикум по игровой психотерапии. С-Петербург: «Питер», 2003. 415с.
7. *Безух С.М., Лебедева С.С.* Психологическое и социальное сопровождение больных детей и детей-инвалидов. С-Петербург: «Речь», 2007, 112 с.
8. *Савенко Ю.С.* Проблемы психологических компенсаторных механизмов и их типологии // Проблемы клиники и патогенеза психических заболеваний. М., 2007. С. 95-112.
9. *Сен Чу П.* Мета-анализ взаимовлияния социальной поддержки и благополучия в детском и юношеском возрасте / Сен Чу П. // Журнал социальной и клинической психологии. Вып. 29, № 6. 2010. С. 624-645.
10. *Ткачева В.В.* Семья ребенка с отклонениями в развитии. М.: Книголюб, 2007.140 с.

Reference list

1. *Akatov L.* Social rehabilitation of children with disabilities. Psychological foundations: Textbook for students of higher education institutions. M.: Humanitarian Publishing Center VLADOS, 2003. 368 p.
2. The training of children-orphans and children with disabilities: experience, problems, solutions // Proceedings of all-Russian scientific-practical conference with international participation 14th -15th of April, 2011. Samara: SB of Saint Petersburg Humanitarian University of Unionists; Publishing House "Insoma-Press", 2011. 546 p.
3. *Foster Cline, Jim Fay.* Parenting with Love and Logic. M.: Vympel, 2015.
4. *Davidson-Arad B., Kaznelson H.* Comparison of Parents' and Social Workers' Assessments of the Quality of Life of Children at Risk. / Bilha Davidson-Arad , Hagith Kaznelson // Children and Youth Services Review. 2010. Vol.32. P. 711-719.
5. *Malinauskas R.* Correlations between social support, stress, and life satisfaction of College students, who got injured / Malinauskas R. // Personality and Social Behavior. 2010. Vol. 38. №. 6. P. 741-752.
6. *Heidi Kaduson, Charles Schaefer.* Play Therapy for Children. Saint Petersburg: «Piter», 2003. 415 p.
7. *Bezukh S., Lebedeva S.* Psychological and social support to sick children and children with disabilities. Saint Petersburg: «Rech'», 2007, 112 p.
8. *Savenko Yu.* Issues of psychological compensatory mechanisms and their typology // Issues of the clinic and pathogenesis of mental diseases. M., 2007. P. 95-112.
9. *Sen Chu P.* A meta-analysis of the interaction of social support and well-being in childhood and youthful age / Sen Chu P. // Journal of Social and Clinical Psychology. Vol. 29, №. 6. 2010. P. 624-645.
10. *Tkacheva V.* The family of a child with developmental disabilities. M.: Bibliophile, 2007.140 p.

УДК 37.013.42

Мищенко И.Е.,
аспирант, Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»

ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ КУРСАНТОВ СРЕДСТВАМИ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Данная статья актуализирует необходимость обращения к проблеме профилактики девиантного поведения средствами культурно-досуговой деятельности на основе противоречий развития социально-культурного пространства военного вуза. Девиантное поведение курсантов представлено как психолого-педагогическое и социально-культурное явление. Раскрывают виды девиантного поведения, к которым относятся: дезадаптивное, аутодеструктивное, делинквентное, аддиктивное, виоляционное. Значимо, что нивеляция видов девиантного поведения курсантов осуществляется за счет осуществления профилактики, которая, опираясь на потенциалы культурно-досуговой деятельности, обеспечивает обращение к морально-этическим ценностям, осуществление диагностики отклоняющегося поведения, разработку системы специальных мероприятий, формирование общественно-значимого мировоззрения и позитивной установки курсантов. Определены этапы профилактической деятельности в военном вузе: диагностика и курирование в адаптационный периода; включение в деятельность досуговых творческих объединений, согласно потребностям и способностям курсантов; проектирование индивидуально-коррекционных карт досуга группам риска, проявляющим признаки девиантного поведения; поэтапное ролевое включение в мероприятия военно-патриотической направленности; активизация социального партнерства с вневузовскими культурными организациями для культурного обогащения, раскрытия и активизации творческого потенциала курсантов. Данные этапы обоснованы с позиции реализации потенциала культурно-досуговой деятельности, направленной на повышение эффективности рассматриваемого процесса.
Ключевые слова: девиантное поведение, профилактика девиантного поведения, культурно-досуговая деятельность

Mishchenko I.,
Postgraduate student of Military Educational-Scientific Center of Air Force «Air Force Academy named after professor N. Zhukovskiy and Yu. Gagarin»

PREVENTION OF DEVIANT BEHAVIOR OF MILITARY UNIVERSITY STUDENTS BY MEANS OF CULTURAL – LEISURE ACTIVITIES

This article makes actual the need to turn to the issue of prevention of deviant behavior by means of cultural - leisure activities on the basis of the development contradictions of the socio-cultural space of a military higher education institution. Deviant behavior of military university students is given as the psychological-pedagogical and the socio-cultural phenomenon. There are defined types of deviant behavior, including the following: disadaptive, autodestructive, delinquent, addictive, violational. Significantly, that decrease types of deviant behavior of military university students is carried out through the implementation of prevention based on the potential of cultural- leisure activities, it provides a reference to the moral - ethical values, the implementation of the diagnosis of deviant behavior, the development of the system of special events, the formation of socially-meaningful outlook and positive attitudes of military university students. There are specified the following stages of preventive activity in a military higher education institution: the diagnosis and supervision of the adaptation period; the inclusion in the leisure activities of creative unions, according to the needs and abilities of military university students; designing individual correctional cards recreation risk groups, showing signs of deviant behavior; the staged role-inclusion in the event of military-patriotic; the activation of social partnership with non-academic cultural organizations for cultural enrichment, opening and activating the creative potential of military university students. These stages are substantiated from the point of realizing the potential of cultural - leisure activities aimed at improving the efficiency of the process.
Keywords: deviant behavior, prevention of deviant behavior, cultural -leisure activities

Проблема проявления девиантного поведения курсантов связана с несоответствием содержательных элементов воспитания и культурно-досуговой деятельности современным требованиям общества и военного дела, а так же социально-культурной замкнутостью самих военных вузов, отсутствием предоставления широких возможностей развития культуры курсантов в досуговой деятельности. В связи с этим в современных педагогических исследования осуществляется поиск средств, имеющих потенциальные возможности обеспечивать эффективную профилактику девиантного поведения курсантов, направленных на развитие системы государственно-патриотического,военно-профессионального,нравственного, правового, эстетического, физического и других видов воспитания курсантов в целом.

Девиантное поведение представляет собой психолого-педагогическое и социально-культурное явление, проявляющееся в отклонении личности от социально-культурных и психолого-профессиональных норм и ценностей, сопровождаемое действиями и поведением, влияющим на нарушения в социализации и самореализации личности.

Каждая возрастная группа, а так же группа, имеющая особенности профессиональной деятельности, гендерного развитии, этнокультурной специфики может проявлять различные виды девиантного поведения.

Не все виды девиантного поведения, представленные в исследованиях, проявляются в курсантской среде. Это обуславливается высокими критериями профессионального отбора курсантов при поступлении в военно-учебные заведения.

Анализ теоретических исследований и практики воспитательной работы в военном вузе позволил выделить следующие виды девиантного поведения курсантов:

– дезадаптивное (постоянная конфликтность, напряженность, замкнутость, слезливость, разочарования и нежелания служить и др. Особенно подвержены проявлению данного вида отклоняющегося поведения курсанты, в чьих семьях нет военнослужащих);

– аутодеструктивное(суицидальные наклонности, членовредительство, а также через деградацию личности, которая проявляется как нежелание обучаться, снижение мотивации, потеря положительных морально-нравственных качеств и т.п.);

– делинквентное (неуставные взаимоотношения, дезертирство, самовольное оставление части, невыполнение приказа и т.д.);

– аддиктивное (курение, компьютерная зависимость (применимо к курсантам, проживающим вне казармы) и в редких случаях алкогольную зависимость);

– виоляционное ((англ. *violation* – нарушение) не уголовно наказуемых нарушений требований общевоинских уставов, к которым относятся нарушение распорядка дня, нарушение формы одежды, курение в неположенном месте, нарушение дисциплины строя, нарушение дисциплины на занятиях, неопрятный внешний вид и т.п.).

Нивеляцияданных видов девиантного поведения курсантов осуществляется за счет организации профилактики в социокультурной среде военного вуза.

В своем исследовании И.А. Герасимова раскрывает профилактику девиантного поведения как комплекс мероприятий, направленных на его предупреждение. В свою очередь система профилактики (предупреждения) девиантного поведения (социальных отклонений) представляет собой упорядоченную целостную совокупность компонентов, взаимодействие и интеграция которых целенаправлены на выявление и устранение причин и условий, формирующих мотивацию отклоняющегося поведения и порождающих девиации [1, с. 31].

Высоким потенциалом в профилактике девиантного поведения курсантов в среде военного вуза обладает культурно-досуговая деятельность, которая представляет собой совокупность педагогических технологий, обеспечивающих превращение культурных ценностей в регулятив социального взаимодействия. Культурно-досуговая деятельность обладает исключительными возможностями самореализации, индивидуализации и социализации личности, оказывает образовательное, воспитательное и социализирующее воздействие на курсантов, проявляющих девиантное поведение.

Поскольку профилактика девиантного поведения курсантов средствами культурно-досуговой деятельности осуществляется в системе высшего военного образования, то в значении общенаучной основы и теоретико-методологической стратегии исследования выступаетсинергетический подход. Синергитический подход ориентирует на саморегуляцию в развитии личности, оптимизацию взаимодействия с окружающей средой через обмен информацией, что способствует адаптации личности.Интегративно-дифференцированный подход в решении исследуемой проблемы представляет собой систему, основанную на интеграции и дифференциации как ведущих принципах реализации профилактической функции культурно-досуговой деятельности как таковой, характеризующуюся комплексностью, синтезом, обобщенностью ее элементов, универсализацией и специализацией содержания, создавая условия для развития способности личности курсантов, устойчивой к проявлениям девиации. Относительно профилактики девиантного поведения курсантов средствами культурно-досуговой деятельности ценностно-деятельностный подход устанавливает взаимосвязи в направлениях культурно-досуговой деятельности

и формируемых ценностных ориентациях на основе определенных исследователями особенностей военного воспитания.

Отсюда, возможность профилактики девиантного поведения курсантов обеспечена реализацией активного этапного включения курсантов в культурно-досуговую деятельность на основе общих тенденций организации воспитательного процесса в военном вузе, при опоре на теоретико-методологическое основание исследования и с учетом видов девиантных проявлений курсантов.

Нами выявлено несколько последовательный, векторных этапов профилактики девиантного поведения, которые проецируют педагогическую систему от цели, определенной диагностическими показателями к результату; от адаптивности и включенности в социокультурное пространство вуза к преобразованию этого пространства; от коллектива к личности и от личности к коллективу; от заимнтересованности к развитию интересов.

Отсюда, первым этапом профилактики девиантного поведения курсантов выступает диагностика и курирование в адаптационный периода.К сожалению, осуществляемы сегодня профотбор не может гарантировать стопроцентное отсутствие девиаций как в настоящем, так и в будущем, сохраняется опасность проявления девиантного поведения курсантов, особенно младших курсов. Совершенствование собственной духовно-нравственной составляющей позволяет курсантам первого курса быстрее и успешнее адаптироваться в коллективе. Процессы адаптации проходят успешнее в группах по интересам, к которым относятся художественные, спортивные, интеллектуальные и другие секции. Это связано с тем, что раскрытие творческого потенциала влияет на самооценку, и, следовательно, снижается уровень тревожности личности, повышается стрессоустойчивость, а значит и нивелируются девиантные характеристики личности.

Второй этап реализуется через включение курсантовв деятельность досуговых творческих объединений, согласно их потребностям и способностям. Клубная деятельность является феноменом социально-педагогической действительности и одной из наиболее значимых сфер жизнедеятельности; может быть действенным инструментом социально-культурного воспитания; участники являются ее субъектами, а также субъектами межличностных и деловых отношений в процессе совместной деятельности [2].

Погружаясь в творческую атмосферу досуговых творческих объединений, курсанты могут реализовать свой творческий потенциал и расширить межличностные связи на основе общих интересов, что в дальнейшем способствует процессу разрыва нежелательных контактов, влияющих на проявления девиантного поведения. Культурное обогащение и восполнение потребности в проведении досуга способно поддерживать истинные нравственные и социально значимые ценности, формировать умение давать здоровую оценку поступкам сослуживцев, осуждая какие-либо деструктивные отклонения, что является воплощением метода опосредованного педагогического воздействия, исходящего со стороны членов творческого объединения.

Следует отметить, что включение в досуговую деятельность основано на добровольных началах, часто избрание данного рода деятельности зависит от активности личности, ее интересов, включенность в общность, а для личности, склонной к девиантному поведению досуговая деятельность требует специализированной коррекции. Отсюда третий этап направлен на проектирование индивидуально-коррекционных карт досуга группам риска, проявляющим признаки девиантного поведения.

Проектирование индивидуально-коррекционных картвозможно осуществлять как в индивидуальной, так и в групповой форме. Индивидуальная в работа требует учета особенностей личности каждого курсанта, с ориентации на успешную его адаптацию и нивеляцию признаков девиантного поведения на основе изучения личности как психологами, так и экспертной группой командного состава, с учетом психолого-педагогических рекомендаций по изменению и коррекции личностных качеств, обуславливающих дезадаптацию курсанта.

При групповом методе проектирования индивидуально-коррекционных карт главным принципом выступает сознательное и целенаправленное использование всей совокупности взаимодействий, возникающих внутри группы между ее участниками. При этом группу составляют в основе своей курсанты не проявляющие признаков девиантного поведения, а корректируемый индивид определяет свою деятельность относительно коллектива. К групповой динамике относятся: цели деятельности, ценности, нормы и правила поведения, их влияние на остальных членов группы; функционально-ролевая структура, сплоченность, привлекательность группы для ее членов; проявления враждебности и антипатии; актуализация прошлых стереотипов поведения во взаимодействии с членами группы; формирование подгрупп, источники влияния на процессы внутригруппового функционирования [5, с. 383-390].

Индивидуально-коррекционные карты досуга содержат рекомендации по посещению досуговых мероприятий, общественных объединений и иного относительно интересов курсантов и необходимости корректирования того или иного проявления девиантного поведения.

Обозначенный этап обеспечивает равноправное включение курсантов в досуговую деятельность и определяет возможности его корректирования.

Четвертый этап связан с поэтапным ролевым включением в мероприятия военно-патриотической направленности.Специалистами в области военной педагогики (В.Е. Уткин и др. [4, с. 305]) акцентируется внимание на военно-патриотическом воспитании как организованной, целенаправленной, систематической деятельности государственных институтов, командиров, органов воспитательных структур, учреждений, общественных организаций, а также отдельных воспитателей по формированию и развитию у личного состава готовности и способности к службе, воспитанию верности боевым и героическим традициям, сознательного и добросовестного выполнения воинского долга в ходе служебно-боевой деятельности.

Культурно-досуговая деятельность на данном этапе призвана обеспечивать формирование позитивных мировоззренческих взглядов и позиций по основным социальным, историческим, нравственным, политическим, военным и другим проблемам; важнейшихдуховно-нравственных, деятельностных качеств курсанта (любовь к Родине, уважение к законности, ответственность за выполнение конституционных обязанностей по защите Отечества и обеспечению безопасности его граждан и др.) [3, с. 55].

На данном этапе на основе исследования В. Н. Забавникова возможно использовать следующие формы работы в процессе гражданско-патриотического воспитания курсантов: экскурсии, исторические вехи, просмотр фильмов, викторины, конференции круглые столы, диспуты, создание видео музея, ролевые игры, защита проектов, конкурсы, спортивные праздники, состязания, комбинированные эстафеты, выставки работ и др. [2].

Ролевое включение позволяет сохранить позиции устойчивого нивелирования девиантного поведения курсантов и актуализировать расширение социокультурного пространства, что обеспечивается следующим этапом профилактики девиантного поведения.

Пятый этап представляет раскрытие векторности через активизацию социального партнерства с вневузовскими культурными организациями для культурного обогащения, раскрытия и активизации творческого потенциала курсантов.

Логически этапы развиваются от позиций диагностики, включения личности, нивелирования негативных формирования, конструирование устойчивых личностных качеств к саморазвитию и самореализации личности курсанта в досуговой среде.

Результатом профилактики девиантного поведения курсантов средствами культурно-досуговой деятельности будет нивелирование компонентов девиантного поведения курсантов.

Список литературы

1. Герасимова И. А. Социально-культурная деятельность в процессе профилактики девиантного поведения детей и молодежи / И. А. Герасимова // Паёмномаифарханг. 2013. № 24. С. 30-34.
2.Забавников В. Н. Педагогический потенциал клубных объединений в героико-патриотическом воспитании курсантов военных вузов: автореф. дис. … канд. пед. наук : 13.00.05 / Забавников Владимир Николаевич; [Место защиты: Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина]. Тамбов, 2012. 24 с.
3. Овчинников О. А. Военно-патриотическое воспитание курсантов в вузах ФСИН России: сущность, значение и основные критерии / О. А. Овчинников // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 1 (30). С. 50-56.
4. Уткин В. Е. Задачи военно-патриотического воспитания курсантов и направления их реализации / В. Е. Уткин // Изв. Рос.гос. пед. ун- та им. А. И. Герцена. 2008. № 11(62). 305 с.
5. Эксакусто Т. В. Обеспечение психологической безопасности личности с учетом развития и коррекции личностных свойств (в системе психологической службы учреждений, организаций, предприятий) / Т. В. Эксакусто // Известия ЮФУ. Технические науки. 2006. № 14 (69). С. 383-390.

Reference list

1. Gerasimova I. Socio-cultural activities in the prevention of deviant behavior of children and youth / I. Gerasimova // Payomnomaifarkhang. 2013. № 24. P. 30-34.
2. Zabavnikov V. Pedagogical potential of club associations in heroic -patriotic education of students in military higher education institutions: Synopsis of a thesis of PhD in Pedagogy: 13.00.05 / Zabavnikov Vladimir Nikolaevich; [place of the thesis defense: The Tambov State University named after G. Derzhavin]. Tambov, 2012. 24 p.
3. Ovchinnikov O. Military-patriotic education of military students in the higher education institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia: Essence, relevance and basic criteria / O. Ovchinnikov // Bulletin of Vladimir Law Institute. 2014. №. 1 (30). P. 50-56.
4. Utkin V. The tasks of military-patriotic education of cadets and directions for their implementation / V. Utkin / Bulletin of the Herzen State Pedagogical University of Russia. 2008. № 11(62). 305 p.
5. Eksakusto T. Provision of psychological security of the personality with regard to the development and correction of personality traits (in the system of psychological service of institutions, organizations, enterprises) / T. Eksakusto / Bulletin of the Southern Federal University. Technical Sciences. 2006. №. 14 (69). P. 383-390.

УДК 37.013

Гаирбеков М.М.,
доцент кафедры физического воспитания Дагестанского государственного университета,
аспирант Университета Российского инновационного образования

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ В ЗДОРОВОМ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ У СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ

В статье рассматриваются категории «образ жизни» и «здоровый образ жизни» учащихся старших классов общеобразовательной школы. Раскрываются параметры здорового образа жизни, включающие гармоничное сочетание биологического и социального в человеке. Содержится анализ критериев здорового образа жизни, а также проблема потребностей в здоровом образе жизни современных авторов. Выявлено, что в старшем школьном возрасте формируются потребности человека в здоровом образе жизни и формируются они на основе интеграции его собственного опыта и присвоенного соответствующего опыта других людей.
Ключевые слова: здоровье, поведение, потребности, образ жизни, режим, деятельность, активность, развитие

Gairbekov M.,
Associate Professor of Chair of Physical Training of the Dagestan State University, Postgraduate student of the Russian University of Innovation Education

THE ANALYSIS OF THE CURRENT NEEDS FOR THE HEALTHY WAY OF LIFE FOR THE SENIOR PUPILS

The article deals the "way of life" and "healthy lifestyle" categories of the senior forms pupils of a general education school. There are provided the parameters of the healthy lifestyle, which are including a harmonic combination of biological and social in a human. The article contains the analysis of the criteria of the healthy lifestyle as well as the issue of needs in the healthy lifestyle of authors' modern life. It was found that the human needs in the healthy lifestyle are formed in the senior school age and they are developing through integrating its own experience and the assigned suitable experience of other individuals.
Keywords: health, behavior, needs, way of life, schedule, activity, activeness, development

Образ жизни понимается в качестве категории, которая отражает наиболее общие и типичные способы материальной и духовной жизнедеятельности людей, взятых в единстве с природными и социальными условиями. Сформировано также понимание образа жизни в качестве интегрального способа бытия индивида во внешнем и внутреннем мире [4].

Комбинации обозначенных характеристик образуют своеобразие образа жизни человека по содержанию, стилю, направленности и т.д. Образ жизни, варьируясь своим содержанием, стилем, темпом, направленностью и прочими особенностями во многом определяет объем перспектив, открывающихся перед человеком, его успешность, удовлетворенность собой и жизнью и т.д. При этом важнейший «вклад» образ жизни, а именно – его стиль и уклад, по Ю.П. Лисицыну, делает в состояние здоровья человека.

Подходы к целостному изучению образа жизни и здоровья были заложены в работах классиков социологии М. Вебера, В. Коккерема, Т. Парсонса, П. Бурдье, показавших, что здоровье занимает значимое место в системе жизненных ценностей человека и общества. При этом здоровье во многом определяется условиями жизнедеятельности человека.

Признание зависимости здоровья от образа жизни привело к формированию понятия «здоровый образ жизни». Именно оно наиболее полно отражает связь между образом жизни человека и его здоровьем.

Понятие «здоровый образ жизни» объединяет все, что способствует выполнению человеком профессиональных, общественных и бытовых функций в оптимальных для здоровья условиях и выражает ориентированность деятельности личности в направлении формирования, сохранения и укрепления как индивидуального, так и общественного здоровья [1].

Следование здоровому образу жизни, к которому призывают не только медики, но и представители различных социальных подразделений, подразумевает отказ от ряда вредных привычек и соблюдение ряда правил, позволяющих более длительный пе-

риод времени сохранять свое здоровье. В трактовке Е.Ю. Амосовой, компонентами здорового образа жизни выступают: отказ от вредных пристрастий (курение, алкоголизм, наркотики); рациональное питание; оптимальный двигательный режим в урочное и внеурочное время; закаливание организма; личная гигиена; психоэмоциональное равновесие.

Определяя понятие «здоровый образ жизни», авторы подразумевают, что его обретение требует определенных усилий со стороны самого человека. Сам человек должен сделать для себя выбор, быть или не быть здоровым, и на основе сделанного выбора выстраивать свою дальнейшую жизнедеятельность. Важность положительного выбора обусловлена тем, что именно поведение человека в отношении к своему здоровью опосредует влияние остальных факторов: при одинаковых экологических, социально-экономических, бытовых и прочих условиях жизни, при одинаковой наследственной предрасположенности люди, чаще всего имеют разное здоровье [11].

На самом же деле, здоровый человек должен ежедневно отслеживать качество своего образа жизни, стараться внести в него как можно больше компонентов, способствующих здоровью.

Как указывает Ю.П. Лисицын, здоровый образ жизни представляет собой деятельность, активность личности, группы людей, общества, использующих материальные и духовные условия и возможности в интересах здоровья, гармонического физического и духовного развития человека [6].

Констатируя то, что здоровый образ жизни представляет собой типичную совокупность форм и способов повседневной и культурной жизнедеятельности личности, объединяющую, авторы [3; 10] подчеркивают, что присущие ей нормы, ценности, смысл регулируемой деятельности укрепляют адаптивные возможности организма и способствуют полному выполнению учебно-трудовых, социальных и биологических функций, а также достижению активного долголетия.

В состав основных параметров здорового образа жизни включают также гармоничное сочетание биологического и социального в человеке, гигиеническое обоснование форм поведения, неспецифические и активные способы адаптации организма и психики человека к неблагоприятным условиям природы и социальной среды [5].

В трактовке М.М. Рыжака [9], здоровый образ жизни включает в себя: заботу о собственном здоровье и сохранении работоспособности; регулярные занятия физической культурой; закаливание; рациональное питание; исключение вредных для здоровья привычек; умение быть коммуникабельным и полезным своим близким.

Содержательный анализ критериев здорового образа жизни показывает, что их перечень основывается на признании относительного единства и согласованности трех уровней жизни человека: социального, психологического, биологического. Тот или иной способ жизнедеятельности может характеризоваться как здоровый лишь в том случае, если эти уровни в развитии отдельного человека взаимно уравновешивают и дополняют друг друга.

Так, Американский ученый K. Cooper, автор монографии «Health and fitness excel-lence», объединил в «золотой круг» (Golden Circle) семь основных критериев здорового образа жизни: умение бороться и противостоять стрессам; соблюдение оптимального двигательного режима; полноценное и рациональное питание; контроль за весом тела; владение собственным телом; значение окружающей обстановки и социальное благополучие [13].

По мнению Г.С. Никифорова, к основным составляющим любого отношения к здоровью относятся когнитивная, эмоциональная и поведенческая [8]. Опираясь на представление о взаимосвязи трех рассмотренных составляющих, можно предположить, что отношения людей- к своему здоровью и здоровому образу жизни будут значительно различаться. Так, стремясь дать наиболее адекватное описание позитивных отношений в искомой сфере, авторы вводят ряд понятий, различающихся по своим оттенкам. Наиболее часто используются следующие понятия: «ответственное отношение к здоровью», «осознанное отношение к здоровью», «ценностное отношение к здоровью». Ответственное отношение к здоровью – это достаточно сложное психическое новообразование. Оно выражается в выполнении субъектом принятых в обществе норм поведения в сфере здоровья, оно, по сути, представляет собой реализацию им внутреннего или внешнего контроля деятельности в этой сфере.

С проблемой содержательного наполнения понятия «здоровый образ жизни» тесно связан вопрос **формирования потребностей** в здоровом образе жизни.

Значительная вариативность разработанных на сегодняшний день моделей здорового поведения делает актуальным поиск параметров, позволяющих оценить успешность его формирования.

Потребность как состояние личности всегда связана с наличием у человека чувства неудовлетворенности, она активизирует организм, стимулирует его поведение, пока соответствующее состояние нужды не будет полностью удовлетворено.

Потребности человека исследуется целым рядом отраслей наук – философией, экономикой, психологией, биологией, социологией. Каждая отрасль знания изучает и объясняет потребности человека сообразно со своими интересами и точками зрения.

Потребность в философском словаре трактуется как состояние, обусловленное неудовлетворенностью требований организма, необходимых для его

нормальной жизнедеятельности, и направленное на устранение этой неудовлетворенности.

Проблемам исследования потребностей немало внимания уделяют и социологи, которые рассматривают потребность как один из факторов социального поведения человека. Анализу подвергается исследование социальных причин формирования потребностей личности и поведения человека в обществе.

Биологи рассматривают потребность как биологическую реакцию на внешние и внутренние стимулы и анализируют их проявления в социальном поведении человека.

В психологической науке потребности рассматриваются через призму ощущения дискомфорта, которое осознается на уровне реакций мозга и нервной системы, возникая от дисбаланса между желаемыми и ожидаемыми состояниями. При возникновении такого дисбаланса человек (организм) стремиться к психологическому равновесию и вынужден проявлять активность в поиске факторов стабилизации дискомфортного состояния, что обусловлено биологической природой человека.

Можно выделить четыре аспекта содержательной трактовки понятия потребностей: как ценности, как системы, как процесса и как результата. Понять и оценить истинную сущность потребностей личности возможно лишь в комплексном восприятии этих аспектных характеристик.

В свою очередь, потребности старших школьников также можно квалифицировать по самым разным критериям, среди которых побуждаемые самыми разнообразными потребностями (внутренними или внешними; осознанными или неосознанными; рациональными или иррациональными; реальными или мнимыми).

Наиболее известную иерархическую модель мотивации, которая внесла существенный вклад в понимание данной проблемы, является пятиуровневая модель мотивации, разработанная Абрахамом Маслоу. В частности, он выделил пять основных уровней потребностей личности: физиологические; потребности в безопасности; потребности в любви, привязанности и принадлежности к определенной социальной группе; потребность в уважении и признании; потребность в самоактуализации, которая представляет собой высший уровень иерархии мотивов. В рамках данной теории, потребности разных уровней имеют между собой сложные и не всегда однозначные соотношения, но основной принцип заключается в том, что удовлетворение потребностей низшего порядка ведет к активизации потребностей более высокого уровня [7].

Проблема потребностей в здоровом образе жизни у большинства ученых, как правило, совпадают. В качестве его компонентов называется обширный перечень достаточно разнородных действий: соблюдение режима труда, отдыха и питания, искоренение вредных привычек, воспитание культуры общения, поведения, регулярные занятия физической культурой, внедрение в жизнь здоровьесберегающего поведения, гармоничное развитие личности и т.д.

На субъектном уровне здоровый образ жизни отражается в виде отношения человека к своему здоровью и его готовности следовать или нет его ограничениям. Отношения к здоровью может быть ответственным безответственным, осознанным / неосознанным, правильным / не правильным и т.д. Однако более целесообразно для организации соответствующего поведения формировать ценностное отношение человека к здоровому образу жизни. Данное психическое образование лежит в основе позитивной активности человека в данной сфере. Это позволяет рассматривать ценностное отношение к здоровью в качестве необходимой основы формирования у человека соответствующего поведения.

Потребности человека в здоровом образе жизни формируются на основе интеграции его собственного опыта и присвоенного соответствующего опыта других людей. Соотношение данных двух составляющих в содержании индивидуальных представлений в разные периоды жизни различно. Можно предположить, что при минимальном собственном опыте преобладающее влияние на жизненные представления школьников оказывает опыт других людей. Уже в старших классах, это приводит к увеличению роли собственного опыта в образовании различных групп индивидуальных представлений. В полной мере обозначенная закономерность применима к формированию потребностей в здоровом образе жизни.

Потребность в самоопределении у старших школьников рассматривается Л.И. Божович в качестве потребности в формировании определенной смысловой системы, в которой слиты представления о мире и о себе самом. Формирование этой смысловой системы подразумевает нахождение ответа на вопрос о смысле своего собственного существования. Соответственно, старшие школьники пытаются ответить на многие бытийные вопросы, среди которых вполне могут найти себе место вопросы, связанные с состоянием своего здоровья и причинами, его обусловившими [2].

Л.И. Божович отмечает еще одну важную особенность старшего подросткового и раннего юношеского возрастов – их устремленность в будущее, тесно связанную с происходящими в этот период процессами самоопределения. В данный возрастной интервал старшие школьники начинают достаточно интенсивно и обширно строить планы на будущее, выбирать сферу своей дальнейшей учебной и профессиональной деятельности, прогнозировать решение различных вопросов частной жизни и т.д.

Отметим, что построение планов на будущее является благодатной почвой для осознания старшим

школьником качества своего образа жизни, оценки его с позиции возможности сохранения и преумножения ресурсов своего здоровья, позволяющего на практике воплотить выстраиваемые жизненные планы.

Старшие школьники стремятся соответствовать основным требованиям времени, быть современными, достичь параметров успешности, задаваемых обществом на определенном витке его развития.

Попадая в круг вызывающих наибольший интерес и переживание, данные проблемы достаточно интенсивно старшими школьниками обсуждаются со сверстниками и взрослыми, которые заслужили их доверие. В результате, формируется круг референтных лиц, способных оказать наибольшее влияние на жизненные представления юношей и девушек по широкому кругу вопросов, в том числе, и связанных с проблематикой здоровья. Именно данное окружение обладает наибольшим ресурсом убеждения старших школьников по различным аспектам выбора и построения ими здорового образа жизни. Соответствующие им представления формируются не только на основе вербальной коммуникации со значимыми субъектами, но и чувственного восприятия старшими школьниками специфики построения окружающими различных моделей здорового образа жизни.

С учетом того, что самосознание в своем развитии проходит несколько этапов, можно отметить, что ранний юношеский возраст проявляется как период интенсивного формирования нового уровня самосознания, связанный с развитием и углублением его качеств на интегративной основе [12]. Специфическими чертами самосознания в старшем школьном возрасте выступают: повышение значимости для формирования Я-концепции системы собственных ценностей и усиление личностного, психологического, динамического аспекта восприятия. Данные черты позволяют оценивать юношеское самосознание в качестве характерного для зрелой личности.

Расширяя собственную активность, старший школьник в значительной мере ориентируется на построение более полной картины своего внутреннего мира, на самопознание. Возникающие в связи с этим эмоции воспринимаются как состояния собственного Я, а не как производные каких-либо внешних событий. К раннему юношескому возрасту личностная рефлексия теряет аффективную окрашенность по отношению к Я человека и проходит на более спокойном эмоциональном фоне. В 15-16 лет рефлексивный анализ касается характера человека, особенностей его общения с окружающими. Подобная ситуация может выступить благодатной почвой для осмысления им особенностей своего здоровья и побуждения к осмыслению значимости здорового образа жизни т.е. потребности.

Потребности старших школьников в различных аспектах действительности, в том числе, и в здоровом образе жизни формируются на основе интеграции его собственного опыта и присвоенного соответствующего опыта других людей.

Список литературы

1. *Амосова Ю.Е.* Формирование ценностей здорового образа жизни у студентов педагогического колледжа в процессе профессиональной подготовки // Вестник государственного педагогического университета / ГОУ ВПО ЧГПУ. Челябинск, № 9. 2009. С. 16-28.
2. *Божович Л.И.* К развитию аффективно-потребностной сферы человека // Проблемы общей, возрастной и педагогической психологии. М.: Педагогика, 1978.
3. *Виленский М.Я.* Физическая культура и здоровый образ жизни: социально-психологические детерминанты формирования здорового образа жизни // Теория и практика физической культуры. 1994. № 7. С. 9.
4. *Долинский Г.К.* К понятийному аппарату валеопсихологии. // Здоровье и образование. Педагогические проблемы валеологии. СПб., 1997.
5. *Лисицын Ю.П., Полунина И.В.* Здоровый образ жизни ребенка. М., 1984.
6. *Лисицын Ю.П.* Слово о здоровье. М., 1986. 192 с.
7. *Маслоу А.* Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Евразия, 1997. 430 с.
8. Психология здоровья: Учебник для ВУЗов. / Под ред. Г.С. Никифорова. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2000. 504 с.
9. *Рыжак М.М.* Физическое воспитание и формирование здорового образа жизни студентов // Теория и практика физической культуры. 1993. № 7.
10. *Степанов А.Д., Изуткин Д.А.* Критерии здорового образа жизни и предпосылки его формирования // Советское здравоохранение. 1981. №5. С.6.
11. *Ушакова Я.В.* Здоровье студентов и факторы его формирования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2007. № 4. С. 197-202.
12. Формирование личности в переходный период от подросткового к юношескому возрасту / Под ред. И.В.Дубровиной. М., 1983.
13. *Cooper R.K.* Health and Fitness Excellence the Scientific Action Plan. 1990.

Reference list

1. *Amosova Yu.* The formation of the healthy lifestyle at students of pedagogical College in the process of professional training // Bulletin of State Pedagogical University / SEI HPE Chelyabinsk State Pedagogical University. Chelyabinsk, № 9. 2009. P. 16-28.

2. *Bozhovich L.* To the development of affective-requirement sphere of a human // Issues of General, age and pedagogical psychology. M.: Pedagogika, 1978.
3. *Vilenskiy M.* The physical culture and healthy lifestyle: Socio-psychological determinants of the healthy lifestyle formation // Theory and Practice of Physical Culture. 1994. №. 7. P. 9.
4. *Dolinskiy G.* To the conceptual apparatus of paleopsychology. // Health and education. Pedagogical issue of valeology. SBR., 1997.
5. *Lisitsyn Yu., Polunina I.* The child healthy lifestyle. M., 1984.
6. *Lisitsyn Yu.* A word about health. M., 1986. 192 p.
7. *Maslow A.* The Farther Reaches of Human Nature. SBR.: Eurasia, 1997. 430 p.
8. Health psychology: Textbook for higher education institutions / Under the editorship G. Nikiforov. SBR.: Publishing office of SPSU, 2000. 504 p.
9. *Ryzhak M.* Physical education and formation of the healthy lifestyle of students // Theory and practice of physical culture. 1993. №. 7.
10. *Stepanov A., Izutkin D.* Criteria of the healthy lifestyle and preconditions of its formation // Soviet Health Care. 1981. №. 5. P.6.
11. *Ushakova Ya.* The students' health and the factors of its formation // Bulletin of Nizhniy Novgorod University named after N. Lobachevskiy. N. Novgorod: Publishing house of NNSU, 2007. №. 4. P. 197-202.
12. The formation of personality during the transition period from adolescent to youthful age / Under the editorship of I. Dubrovina. M., 1983.
13. *Cooper R.K.* Health and Fitness Excellence the Scientific Action Plan. 1990.

Аливердиева М.А.,
старший преподаватель кафедры гражданского процесса Дагестанского государственного университета
e-mail: aliverdieva.muslimat@mail.ru

Aliverdieva M.,
Senior Lecturer of Chair of Civil Procedure of the Dagestan State University

Алиева П.А.,
соискатель кафедры истории государства и права Дагестанского государственного университета
e-mail: tigp@dgunh.ru

Alieva P.,
Degree seeking student of Chair of History of State and Law of the Dagestan State University

Алипханова Ф.Н.,
доктор педагогических наук, профессор Дагестанского государственного педагогического университета
e-mail: Fatima–dgpu@mail.ru

Alipkhanova F.,
Doctor of Pedagogy, Professor of the Dagestan State Pedagogical University

Аль Али Насер Абдель Рахим,
кандидат юридических наук, заведующий кафедрой международного права
Московского института государственного управления и права
e-mail: naseraa@migup.ru

Al Ali Naser Abdel Raheem,
PhD in Law, Head of Chair of International Law of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Андреев Б.В.,
кандидат юридических наук, заведующий отделом проблем правовой статистики Академии
Генеральной прокуратуры Российской Федерации
e-mail: abv@msk.rsnet.ru

Andreev B.,
PhD in Law, Head of the Department of Issues of Legal Statistics of Academy of the Prosecutor General's Office
of the Russian Federation

Ахмедханов А.М.,
кандидат психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии
Дагестанского государственного университета
e-mail: khanova309@yandex.ru

Akhmedkhanov A.,
PhD in Psychology, Professor, Head of Chair of the General Psychology and Social Psychology
of the Dagestan State University

Ахмедханова Р.А.,
кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии
Дагестанского государственного университета
e-mail: khanova309@yandex.ru

Akhmedkhanova R.,
PhD in Psychology, Associate Professor of Chair of the General Psychology and Social Psychology
of the Dagestan State University

Бажанов С.В.,
доктор юридических наук, профессор, академик Петровской академии наук и искусств,
старший советник юстиции, ведущий научный сотрудник отдела проблем
прокурорского надзора и укрепления законности
в сфере экономики НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
e-mail: svb-1956@mail.ru

Bazhanov S.,
Doctor of Law, Professor, Academician of the Petrovskaya Academy of Sciences and Arts, Senior Councelor of Justice,
Leading Researcher of the Department of Issues of Public Prosecutor's Supervision
and Consolidation of Legality in the Matter of Economy of the Research Institute
of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation

Бакаева М.К.,
аспирант Российского государственного социального университета, ассистент кафедры гражданского права и процесса Ингушского государственного университета
e-mail: 0356@mail.ru

Bakaeva M.,
Postgraduate student of the Russian State Social University, Assistant Professor of Chair of Civil Law and Civil Process of the Ingush State University

Беленкова Л.Ю.,
кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии Мордовского государственного педагогического института им. М.Е. Евсевьева
e-mail: psychology@mordgpi.ru

Belenkova L.,
PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of Chair of Psychology of the Mordovian State Pedagogical Institute named after M. Evsev'ev

Бразевич Д.С.,
кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных наук Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики
e-mail: brazevich1986@mail.ru

Brazevich D.,
PhD in Sociology, Associate Professor of Chair of Social Sciences and Humanities of Saint Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics

Булацева Ф.А.,
кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической безопасности, финансов и аудита Горьковского аграрного университета
e-mail: bufatima@list.ru

Bulatseva F.,
PhD in Economics, Associate Professor of Chair of Economic Security, Finance and Audit of the Gorky Agricultural University

Володарская Е.А.,
доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник центра истории организации науки и науковедения Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН
e-mail: eavolod@gmail.com

Volodarskaya E.,
Doctor of Psychology, Leading Researcher of the Center for the History of Organization of Science and Science Studies of Institute for the History of the Natural Science and Technology named after S. Vavilov of the Russian Academy of Sciences

Гаджиева Н.М.,
аспирантка Дагестанского государственного педагогического университета, логопед-дефектолог в детской поликлинике «Целитель» в городе Махачкале
e-mail: khanova309@yandex.ru

Gadzhieva N.,
Postgraduate student of the Dagestan State Pedagogical University, Speech-Language Pathologist and Speech-Needs Expert in the Child Health Center "Tselitel" in the city of Makhachkala

Гаирбеков М.М.,
доцент кафедры физического воспитания Дагестанского государственного университета, аспирант Университета Российского инновационного образования
e-mail: khanova309@yandex.ru

Gairbekov M.,
Associate Professor of Chair of Physical Training of the Dagestan State University, Postgraduate student of the Russian University of Innovation Education

Галявов А.А.,
аспирант Казанского федерального университета
e-mail: Mariya.Prigunova@tatar.ru

Galyavov A.,
Postgraduate student of Kazan Federal University

Герасимова А.Ю,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных наук Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики
e-mail: 4383839@mail.ru

Gerasimova A.,
PhD in Pedagogy, Associate Professor of Chair of Social Sciences and Humanities of Saint Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics

Данилина Е.И.,
доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления Московского института государственного управления и права
e-mail: danilina05@mail.ru

Danilina E.,
Doctor of Economics, Professor, Head of Chair of State and Municipal Management of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Дорская А.А.,
доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена
e-mail: adorskaya@yandex.ru

Dorskaya A.,
PhD in Law, Professor, Head of Chair of International Law of the Herzen State Pedagogical University of Russia

Евдошенко В.В.,
кандидат экономических наук, вр.и.о. начальника кафедры административного права и административной деятельности Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России
e-mail: proffi.2006@mail.ru

Evdoshenko V.,
PhD in Economics, Acting of Head of Chair of Administrative Law and Administrative Activity of the Stavropol Branch of the Krasnodar University of Interior Ministry of the Russian Federation

Елин В.М.,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационной безопасности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
e-mail: velin@hse.ru

Elin V.,
PhD in Pedagogy, Associate Professor of Chair of Information Security of National Research University "Higher School of Economics"

Ельшин Л.А.,
кандидат экономических наук, директор Центра стратегических оценок и прогнозов, старший научный сотрудник Института управления, экономики и финансов Казанского федерального университета
e-mail: Leonid.Elshin@tatar.ru

El'shin L.,
PhD in Economics, Director of the Center for Strategic Assessments and Forecasts, Senior Researcher of the Institute of Management, Economics and Finance of Kazan Federal University

Ефимов А.А.,
кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России
e-mail: proffi.2006@mail.ru

Efimov A.,
PhD in Pedagogy, Senior Lecturer of Chair of Administrative Law and Administrative Activity of the Stavropol Branch of the Krasnodar University of Interior Ministry of the Russian Federation

Заварицкая О.В.,
ассистент кафедры социальных и гуманитарных наук Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики
e-mail: olesia4728@mail.ru

Zavaritskaya O.,
Teaching Assistant of Chair of Social Sciences and Humanities of Saint Petersburg
National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics

Ивлев А.Н.,
соискатель Дагестанского государственного педагогического университета, начальник группы кадров воинской части № 6499
e-mail: finiks99@mail.ru

Ivlev A.,
Degree seeking student of the Dagestan State Pedagogical University, Head of Personnel Section of the Military Unit № 6499

Казаков В.Н.,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственного и административного права
Тульского государственного университета
e-mail: v.shamarov100@mail.ru

Kazakov V.,
Doctor of Law, Professor, Professor of Chair of State and Administrative Law of the Tula State University

Ковтунович М.Г.,
кандидат педагогических наук, профессор кафедры организационной и экономической психологии, декан факультета
Государственного и муниципального управления Московского городского психолого-педагогического университета
e-mail: marinakovt@mail.ru

Kovtunovich M.,
PhD in Pedagogy, Professor of Chair of Organizational Psychology and Economic Psychology, Dean of the Faculty
of Public and Municipal Management of the Moscow City Psychological-Pedagogical University

Козьяков Р.В.,
кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной клинической психологии и инклюзивного образования
факультета психологии Российского государственного социального университета
e-mail: kozyakovroman@yandex.ru

Koz'yakov R.,
PhD in Psychology, Associate Professor of Chair of Special Clinical Psychology and Inclusive Education
of the Faculty of Psychology of the Russian State Social University

Корытова М.А.,
кандидат физико-математических наук, доцент кафедры математического анализа и методики преподавания математики
Института естественных и точных наук Южно-Уральского государственного университета
e-mail: shunailova@susu.ru

Korytova M.,
PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor of Chair of Mathematical Analysis and Methods
of Teaching Mathematics of the Institute of Natural and Exact Sciences of the South-Ural State University

Левина Е.В.,
кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии,
социальной работы и молодежной политики Института международно-гуманитарных связей
e-mail: marinakovt@mail.ru

Levina E.,
PhD in Sociology, Associate Professor of Chair of Sociology, Social Work and Youth Policy
of the Institute of International-Humanitarian Relations

Лобода А.Е.,
адъюнкт Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
e-mail: mosu-apiadovd@mail.ru

Loboda A.,
Adjunct of the Moscow University of Interior Ministry of the Russian Federation named after V. Kikotya

Меркурьев В.В.,
доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом проблем прокурорского надзора
и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений
и противодействия экстремизму НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
e-mail: merkuriev-vui@mail.ru

Merkur'ev V.,
Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Issues of Public Prosecutor's Supervision and Consolidation of Legality in the Matter of Federal Security, Interethnic Relations and Counteracting Extremism of the Research Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation

Мещерякова Ю.С.,
аспирантка Московского института психоанализа
e-mail: julia_1989_01@mail.ru

Meshcheryakova Yu.,
Postgraduate student of the Moscow Institute of Psychoanalysis

Мищенко И.Е.,
аспирант, Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
e-mail: mischenko1991igor@mail.ru

Mishchenko I.,
Postgraduate student of Military Educational-Scientific Center of Air Force «Air Force Academy named after professor N. Zhukovskiy and Yu. Gagarin»

Нэдхер Ахмед Мандил,
кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права юридического колледжа Тикритского университета
e-mail: dr.nadher76@gmail.com

Nadher Ahmed Mandeel,
PhD in Law, Assistant Professor of International Law in College of Law of the Tikrit University

Олигова М.Б.,
аспирант Российской международной академии туризма
e-mail: aspirantura@rmat.ru

Oligova M.,
Postgraduate student of the Russian International Academy for Tourism

Омарова С.И.,
аспирантка кафедры теории и истории государства и права Южного федерального университета
e-mail: isaevna.r@mail.ru

Omarova S.,
Postgraduate student of Chair of Theory and History of State and Law of the Southern Federal University

Перякина М.П.,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России
e-mail: vsimvdup@mail.ru

Peryakina M.,
PhD in Law, Associate Professor of Chair of Criminal Process of the Eastern-Siberian Institute of Interior Ministry of the Russian Federation

Полешко Р.В.,
аспирантка первого курса кафедры социальной педагогики Московского государственного психолого-педагогического университета
e-mail: vas@mail.ru

Poleshko R.,
Postgraduate student of the first year course of Chair of Social Pedagogy of the Moscow State Psychological-Pedagogical University

Радько Т.Н.,
доктор юридических наук, профессор, ректор Московского института государственного управления и права
e-mail: radkotn@migup.ru

Rad'ko T.,
Doctor of Law, Professor, Rector of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Салихов Б.В.,
доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры теории регионоведения Московского государственного лингвистического университета, профессор кафедры менеджмента и маркетинга Московского университета им. С.Ю.Витте, главный научный сотрудник Лаборатории анализа процессов стандартизации и управления качеством отечественной продукции Института проблем рынка РАН
e-mail: mgsusalikhov@yandex.ru

Salikhov B.,
Doctor of Economics, Professor, Professor of Chair of Theory of Region Studies of the Moscow State Linguistic University, Professor of Chair of Management and Marketing of the Moscow Witte University, Chief Researcher Fellow of Laboratory for Analysis of Standardization Processes and Quality Management of Domestic Output of the Institute of Market Problems of the Russian Academy of Sciences

Салихова И.С.,
доктор экономических наук, профессор кафедры бухгалтерского учета, налогообложения и таможенного дела Московского университета им. С.Ю. Витте
e-mail: irinasalikhova@yandex.ru

Salikhova I.,
Doctor of Economics, Professor of Chair of Accounting, Taxation and Customs Affair of the Moscow Witte University

Сафиуллин М.Р.,
доктор экономических наук, профессор, проректор по вопросам экономического и стратегического развития Казанского федерального университета
e-mail: Mariya.Prigunova@tatar.ru

Safiullin M.,
Doctor of Economics, Professor, Vice -Rector on Issues of Economic and Strategic Development of Kazan Federal University

Сидакова М.М.,
кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры бухгалтерского учета и анализа Горьковского аграрного университета
e-mail: elina@yandex.ru

Sidakova M.,
PhD in Economics, Senior Lecture of Chair of Accounting and Analysis of the Gorky Agricultural University

Сылкина С.М.,
кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права факультета международных отношений Казанского национального университета им. аль-Фараби Галыма Мутанова
e-mail: sylkina.sv@mail.ru

Sylkina S.,
PhD in Law, Associate Professor of Chair of International Law of the International Relations Faculty of the Kazan State University named after al-Farabi Galym Mutanov

Тарасов А.М.,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный сотрудник ОВД РФ
e-mail: tarasov.tam@yandex.ru

Tarasov A.,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of the Department of Internal Affairs of the Russian Federation

Толстикова И.И.,
заведующий кафедрой социальных и гуманитарных наук Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики
e-mail: brazevich1986@mail.ru

Tolstikova I.,
Head of Chair of Social Sciences and Humanities of Saint Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics

Трунов Ф.О.,
кандидат политических наук, преподаватель факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова
e-mail: 1trunov@mail.ruu

Trunov F.,
PhD in Political Science, Lecturer of the Faculty of World Politics of Lomonosov Moscow State University

Ульянов М.В.,
научный сотрудник отдела проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений и противодействия экстремизму НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
e-mail: m.ulyanov2@gmail.com

Ul'yanov M.,
Research Fellow of the Department of Issues of Public Prosecutor's Supervision and Consolidation of Legality in the Matter of Federal Security, Interethnic Relations and Counteracting Extremism of the Research Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation

Хадикова Э.К.,
кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и анализа Горьковского аграрного университета
e-mail: elina@yandex.ru

Khadikova E.,
PhD in Economics, Associate Professor of Chair of Accounting and Analysis of the Gorky Agricultural University

Чеботарев В.Е.,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики, бухгалтерского учета и аудита Московского института государственного управления и права
e-mail: v.tchebotarev@mail.ru

Chebotarev V.,
PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of Chair of Economics, Accounting and Audit of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Шамаров В.М.,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Московского института государственного управления и права
e-mail: v.shamarov100@mail.ru

Shamarov V.,
Doctor of Law, Professor, Professor of Chair of State-Legal Disciplines of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Шунайлова С.А.,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры математического анализа и методики преподавания математики Института естественных и точных наук Южно-Уральского государственного университета
e-mail: shunailova@susu.ru

Shunaylova S.,
PhD in Pedagogy, Associate Professor of Chair of Mathematical Analysis and Methods of Teaching Mathematics of the Institute of Natural and Exact Sciences of the South-Ural State University

Щуров Е.А.,
кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России
e-mail: kkvsi@yandex.ru

Shchurov E.,
PhD in Law, Associate Professor, Deputy Head of Chair of Forensic Science of the Krasnodar University of Interior Ministry of the Russian Federation

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Для публикации принимаются авторские материалы – научные (практические) статьи, обзоры (обзорные статьи), рецензии, соответствующие **тематике** журнала. Редакция вправе не принять материал к публикации в случае:

• несоблюдения автором правил оформления рукописи;

• несоответствия материала тематике журнала.

Журнал «Вестник Академии права и управления» является междисциплинарным и охватывает следующие области знания:

• Юридические науки

• Экономические науки

• Педагогические науки

Требования к оформлению статей

В редакцию следует направлять материал на бумажном носителе с личной подписью автора (почтой) и в электронном виде (по электронной почте) на русском языке. Заглавие материала должно быть адекватным его содержанию и по возможности кратким.

• Материал представляется в текстовом редакторе – Microsoft Word (.doc).

• Параметры страницы (формат А4; поля: по 2 см с каждой стороны).

• Шрифт (гарнитура) – Times New Roman или Arial.

• Размер шрифта (кегль) – 14, без уплотнения или разрежения. В таблицах и иллюстрациях допускается уменьшение размера шрифта до 12.

• Абзацный отступ («красная строка») – 1,5 см.

• Межстрочный интервал – одинарный.

• Выравнивание текста – по ширине.

• Автоматическая расстановка переносов.

Статья снабжается пристатейным **списком литературы** (на русском и английском языках), оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5 – 2008 «Библиографическая ссылка».

При необходимости текст статьи может иллюстрироваться рисунками (черно-белыми), таблицами и содержать формулы. Нумерация рисунков, таблиц и формул сквозная и обозначается арабскими цифрами. На все таблицы, рисунки и формулы в тексте обязательно наличие ссылок.

Рисунки (т.е. схемы, карты, снимки, фотографии) должны быть четкими, контрастными. Рисунки вставляются в текст Word в необходимом по смыслу месте с подрисуночными подписями (номер и заголовок рисунка), выровненными по центру. Каждый рисунок должен быть представлен также в виде отдельного графического файла (.jpg; разрешение – не менее 250 dpi (точек)) и/или качественной (пригодной для сканирования) копии.

Обозначения у кривых и на осях графиков должны быть достаточно крупными и разборчивыми.

При оформлении таблиц заголовки и подзаголовки граф указывают в единственном числе, размещают, как правило, параллельно строкам таблицы. При необходимости допускается перпендикулярное расположение заголовков граф. Таблицу в зависимости от ее размера помещают под текстом, в котором впервые дана ссылка на нее, или на следующей странице, а при необходимости в приложении к тексту.

В формулах в качестве символов следует применять буквенные (символьные) обозначения греческого и латинского алфавита – курсивом. Знаки математических действий и символы функций +, - , /, ?, sin, lg, exp и т.п. – прямым шрифтом. Буквенные обозначения и числовые коэффициенты необходимо расшифровывать в тексте или непосредственно после формулы. Размер шрифтов в формулах должен быть таким же, как и в основном тексте (14). Следует избегать использования редактора формул Word (Equation Editor).

Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57].

Ссылки на Интернет – ресурсы и архивные документы помещаются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5 – 2008 «Библиографическая ссылка».

Объем авторского оригинала не должен превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков, включая пробелы) или 30 машинописных страниц формата А4) **.** Редакция оставляет за собой право на сокращение статей большего объема или размещение их в двух номерах.

К рукописи прилагается:

1. Файл со статьей, оформленной надлежащим образом. В наименовании файла должна быть указана фамилия автора или первого из соавторов (например, «Петров.doc»).
2. Аннотация (600 знаков) и ключевые слова на русском и английском языках.
3. Анкета автора по представленной форме.

Форма анкеты автора (пожалуйста, заполняйте без сокращений)

ФИО (на русском и английском языках)	
Место работы (наименование организации на русском и английском языках)	
Должность, с указанием структурного подразделения (на русском и английском языках)	
Ученая степень (на русском и английском языках)	
Ученое звание (на русском и английском языках)	
Адрес электронной почты для контактов	
Адрес для отправки авторского экземпляра (обязательно указать индекс)	
Наименование статьи (на русском и английском языках)	

Подготовленные материалы необходимо отправить по адресу: rio@migup.ru

Редакционная коллегия информирует авторов о принятии их авторских материалов к публикации. Статьи, подготовленные аспирантами, соискателями ученой степени кандидата наук, принимаются к рассмотрению только при наличии письменной рекомендации научного руководителя (заведующего кафедрой). Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Автор отвечает за достоверность сведений, точность цитирования и ссылок на официальные документы и другие источники.

Напоминаем авторам: одно из требований ВАК – включение издания в систему Российского индекса научного цитирования, что сопряжено с размещением представленных материалов статей в открытом доступе в сети Интернет. Направляя материалы в редакцию журнала, автор заведомо соглашается на размещение своих материалов в открытом доступе в сети Интернет.

ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ
№ 3 (44)
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

– М.: НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права», 2016. – 220 с.

Журнал зарегистрирован
в Министерстве Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
СМИ зарегистрировано 28.04.2000 г.
с изменениями 30 апреля 2013 г.; 11 февраля 2015 г.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-60768

Подписано в печать 26.09.2016
Формат 60x84/8. Печать офсетная.
Гарнитура Myriad Pro.
Тираж 5000 экз.
Усл.-печ. л. 25,1

Адрес редакции:
115487, Москва, ул. Садовники, д. 2.
Тел./факс: (499) 271-66-52.
www.migup.ru; e-mail: rio@migup.ru
Подписной индекс – **45012**

Отпечатано в типографии
ООО «Сам Полиграфист»
Заказ № 62730